

Бухтояров Э.А.

**Проявления
иррегулярности в
истории войн и военных
конфликтов.**

(часть I)

16+

Эдуард Анатольевич Бухтояров
Проявления иррегулярности
в истории войн и военных
конфликтов. Часть 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66430298
SelfPub; 2024*

Аннотация

Проект посвящен познанию такого явления в истории военного искусства, как иррегулярная форма организации и применения силы. Природа и смысл военной иррегулярности раскрывается через призму ярких военно-исторических событий, в которых полководцы одерживали блестящие военные победы, а политические лидеры получали максимальную выгоду от военных кампаний, с минимальными затратами, благодаря уходу от канонических правил военного искусства и принятию иррегулярного подхода к организации и применению военной силы. Целью проекта является задание вектора образующего движения в процессе познания теории и практики иррегулярной и гибридной форм организации и применения военной силы. Задачей проекта являются подсветка конкретных исторических примеров, в которых победитель уходил от принятых канонов организации и применения военной силы в пользу «военной

ереси», а также определение степени влияния фактора личности военного лидера на иррегулярный подход к организации и применения военной силы.

Содержание

Теоретический экстракт учителя Суня	15
Четыре мести княгини Ольги	33
Фламандцы (золотые шпоры и годендаги)	43
Ранние славяне (кинетика и пространство, малое и большое в рейдовой кампании)	51
Фламандцы (золотые шпоры и годендаги)	78
Швейцарцы (военный лидер и сила военных знаний)	83
Мильтиад (формирование тактического поля и кинетика фаланги)	128
Сфактерийская операция (гоплиты и пелтасты)	135
Спартанцы (великий рейд)	142
Пунийцы и Римляне (противостояние личности и системы)	160
Вторая Пуническая война (стратегический маятник)	166
Первый период (скрытое и открытое)	167
Второй период (гений полководца)	173
Канны (победа на оперативно-тактическом уровне как промежуточная цель перед достижением конечной стратегической цели)	189
Третий период (упущенная победа)	200
Четвертый период (стратегия не прямых)	242

действий)	
Зама (точка во Второй Пунической войне)	259
Третья Пуническая война (закономерный итог)	289
Большая Игра и Спартак (восстание – контрвосстание)	295
Изменения в политико-социальном измерении (оптиматы и популяры)	296
Изменения в военном измерении (реформа Мария)	299
Гражданский конфликт и Большая Игра (завязка)	302
Начало Большой Игры (Иберия – Италия – Малая Азия)	311
Спартак	314
Митридат	334
Серторий	374
Спартак	382
Итог Большой Игры (практика и теория)	501
Первая Римско-Парфянская война	522
Пять психологических ударов спяхбеда	541
Сурены при Каррах	
Организация парфянского войска	572
Вооружение парфянского войска	574
Практика применения военной силы парфянским войском	576

Теория (гибридность, иррегулярность, асимметрия)	620
Монголы (Великий западный поход)	642
Первая фаза (завоевание нового жизненного пространства)	644
Вторая фаза (покорение Европейской военной школы)	649
Третья фаза (возвращение в новый улус)	684
Итоги Великого рейда	686

Эдуард Бухтояров

Проявления иррегулярности в истории войн и военных конфликтов. Часть 1

Высокомерие убивает раньше вражеского меча.

Древние римляне

Вступление

В период эволюции военной мысли основное внимание в работах военных теоретиков уделялось развитию концепции военного искусства, связанного с формированием и обоснованием принципов так называемой регулярной формы вооруженной борьбы. В основе данной концепции лежит принцип максимальной концентрации сил противоборствующих сторон в границах определенной географической местности, линейность в построении боевых порядков, одно или ряд генеральных сражений, по результатам которых проигравшая сторона принимала или ей навязывалась воля победителя. В рамках упорядочивания формы вооруженной борьбы разрабатывались организационно-штатные структуры армий, боевые порядки построения подразделений в наступательном и оборонительном боях, принципы управления на марше и

во время сражения.

Параллельно с развитием военной мысли осуществлялся процесс видоизменения и улучшения боевых качеств индивидуального оружия, систем коллективного вооружения, средств индивидуальной защиты, малых и больших форм фортификационных сооружений. Естественно, эволюция развития военной мысли, а также развитие средств поражения и защиты обоюдно оказывали друг на друга значительное влияние, что приводило к комплексному развитию всего того, что находилось в рамках системы координат войны как таковой и из чего формировалась общепринятая классическая форма вооруженной борьбы.

Но при внимательном изучении истории военных конфликтов и войн последних столетий четко прослеживается незримое присутствие еще одной формы вооруженной борьбы, которая тесно была связана с непрямыми действиями в рамках военного конфликта. Эта форма вбирала в себя набор методов и способов нестандартного воевания с дальнейшим развитием присущих новой форме зачатков стратегии и тактики, средств передвижения, поражения и защиты, которые в значительной степени отличались от подобного набора инструментов регулярной формы вооруженной борьбы.

Так формировалась система координат малой формы воевания. До недавнего времени малая форма вооруженной борьбы считалась предметом иррегулярности и ее упорно не замечали теоретики и практики классической военной шко-

лы.

Но со временем малая форма воевания становилась все более устойчивым попутчиком классической формы вооруженной борьбы, постепенно увеличивая удельный вес своего влияния на ход военных кампаний – войн и их конечный результат. Находясь в тени иррегулярности, малая форма могла стать как необходимым и эффективным помощником действиям регулярной армии, так и антагонистом регулярности, способной нанести чувствительное и сокрушительное поражение контрагенту с заведомо более мощным конвенциональным военным потенциалом.

Но в своих трактатах военные теоретики упорно не хотели уделять должного внимания той форме вооруженной борьбы, которая выходила за рамки их понимания – общепринятой концепции военной организации, стратегии и тактики применения силы. Все нестандартное в военном искусстве считалось военной ересью, не соответствующей понятию «чести и достоинства». Вместо напрашивающегося обобщенного продвижения концепций регулярности и иррегулярности военные полководцы прошлого, в общей своей массе, предпочитали развивать регулярность, считая достойным для себя и своих «благородных сюзеренов» обосновывать классическую концепцию войны.

Однако анализ военных конфликтов как недавнего прошлого, так и настоящего времени четко показывает, что еретическая форма ведения вооруженной борьбы в процессе

эволюции развития мирового военного искусства и средств поражения в определенных условиях оказывалась намного эффективнее и гуманнее.

Две мировые войны XX века оказали настолько разрушительное влияние на страны и население, которое непосредственно принимало в них участие, что пришло время задуматься о развитии новых форм и методов проведения военной кампании.

Не добавляло оптимизма и создание оружия массового поражения – атомных и водородных бомб, боевых отравляющих веществ, а также выход на новый уровень в средствах доставки зарядов к намеченным целям. Как говорится, никто не хотел принимать участие в следующей войне, вооружившись лишь палками и камнями.

К тому же резкий скачок научно-технического прогресса и внедрение в общественную жизнь быстро развивающихся информационных технологий в разы повысили значение так называемого общественного мнения, которое стало играть значительную роль в деле успешного завершения военной кампании.

Так осознание неизбежности взаимного уничтожения или как минимум полного истощения противоборствующих сторон вместе с возросшим значением гуманитарной составляющей в XX веке стало все больше оказывать влияние на ход развития военной мысли и ее эволюцию.

Вследствие таких глобальных изменений в сфере «вой-

ны и мира», начиная со второй половины XX века, произошла реинкарнация так называемой стратегии непрямых действий, которой все больше стало уделяться внимание как в военной теории, так и в практике. Выход на первый план стратегии непрямых действий требовал разработки соответствующих ей новых форм и методов ведения боевых действий.

Еще недавно считающаяся еретической форма ведения вооруженной борьбы в реальности оказывает минимальное влияние на гражданский сектор во время вооруженного противостояния. В связи с ограниченностью в силах и средствах, вместе с ограничивающим влиянием географического, социально-демографического и культурно-религиозного сегментов окружающей среды конфликта субъекты данной формы должны работать исключительно на принципах избирательности и соразмерности применения силы по отношению к объектам приложения силы.

Следовательно, малая форма вооруженной борьбы оказалась намного эффективнее для воплощения стратегии непрямых действий, чем военная конвенциональность, в свете разрушительной тотальности, которую стала нести в себе стратегия конвенциональной формы ведения войны по отношению к гражданскому сектору сторон конфликта в условиях современного театра военных действий.

Следует особо подчеркнуть, что это утверждение верно, если речь идет о малой форме воевания, не включающей в

себя методы и способы террора по отношению к третьей стороне военного конфликта (гражданскому населению – пассивной стороне конфликта).

Как известно, малая форма ведения вооруженной борьбы имеет два основных пути своего развития. Это классический – революционный путь и террористическое направление развития. Также возможен третий путь, включающий в себя способы и методы двух первых направлений с переходом в ту или иную сторону.

Разнообразные вариации террора, лежащие в основе иррегулярности второго и третьего типа, с проявлением таргетинга по отношению к индивиду или коллективности оказывают свое губительное влияние на региональную социальную среду, что выводит сумму подобных действий за рамки гуманности и ставит малую форму, основанную на терроре, в один ряд с оружием массового поражения.

Итак, если малая форма вооруженной борьбы является лишь составной частью общей иррегулярности, то становится интересным понять, что же такое иррегулярность в военном искусстве и степень ее влияния на общий ход эволюции военной мысли.

Принимая во внимание, что существует классическая военная мысль – школа, которая характеризуется своей общепринятостью в мире, то логичным будет допустить, что существует также одна или несколько теорий применения военной силы, которые не принадлежат полю общепринято-

го классицизма, а, следовательно, имеют собственные характерные особенности с соответствующей им военной организацией, стратегией и тактикой применения силы, развивающиеся в рамках иррегулярности.

Для правильного понимания физической и духовной составляющих иррегулярности следует познать ее природу появления и существования в процессе развития истории военного искусства. Через познание природы иррегулярности с определением ее границ – ореола обитания – определяется возможное ее разделение на виды, их первичные признаки и принципы, на которых строится теория и практика применения методов и способов иррегулярной формы вооруженной борьбы.

Другими словами, если вычленишь случаи нестандартных подходов к ведению вооруженной борьбы из всего массива событий истории мировых войн и военных конфликтов, то появится хорошая возможность правильно определить форму и наполнение (суть) концепции иррегулярного воевания. Параллельно будет отслеживаться также процесс эволюции военной мысли, рождение, вырождение и возрождение различных теорий и практик (школ) военного искусства, их трансформация из состояния жизнеспособности (актуальности) в состояние нежизнеспособности (неактуальности) и обратно. Оценив ход эволюции военного искусства с определением концептуальных эпох и точек их перехода на следующую ступень развития с сопутствующей трассировкой ди-

намики проявлений неконвенциональной тактики ведения боевых действий и ее маркировки, мы сможем понять роль иррегулярной формы вооруженной борьбы, а также оценить степень ее влияния на соответствующие исторические процессы.

Теоретический экстракт учителя Суня

Задолго до рождения так называемой классической школы военного искусства средневековья и нового времени, колыбелью которой будет западноевропейский мир, в период с конца VI века по начало V века до н. э. в древнем Китае военный деятель Сунь-цзы написал знаменитый трактат под названием «Искусство войны».

Главная идея китайского военного теоретика по стратегии действий в проведении военной кампании заключается в разделении всего комплекса мероприятий на две основные части. Первая представляет собой набор подготовительных мероприятий, направленных на достижение благоприятных условий на поле боя, в операционном районе и в регионе в целом перед началом непосредственно прямых действий против сил неприятеля. В

след за первым действием наступает время второй части военной кампании, связанной с проведением атаки на поле боя, генерального сражения и активной фазы военной кампании в целом.

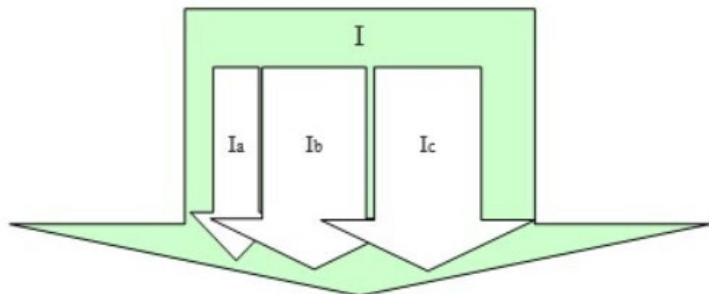
Опираясь на военно-теоретическую мысль, изложенную в труде «Искусство войны», можно развить ее основу в некий теоретический концентрат и перевести его в определенные

схемы, описывающие теорию проведения военной кампании в классическом виде ее понимания.

Первая схема описывает путь ведения военной кампании. Главным принципом ее проведения будет некая последовательность действий, при которой любой военной активности будет предшествовать законченное действие подготовительной фазы. Все мероприятия подготовительной фазы должны быть направлены на создание благоприятных условий и иметь законченный вид перед началом прямой кинетической активности в районе проведения кампании.

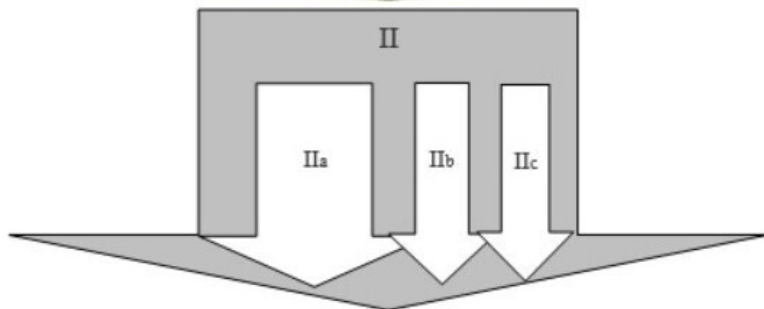
Информационная графика. Вариант классической схемы проведения военной кампании (последовательный метод)

Первый вариант:

объекты воздействия
(«а», «b», «с» сектора)

Результат
подготовительного

объекты воздействия
(«а», «b», «с» сектора)

III
Достижение и фиксация
конечного результат
военной кампании

I – период подготовительных мероприятий;

II – период прямых действий;

III – период фиксации конечного результата военной кампании;

Ia – подготовительные мероприятия военного измерения;

Ib – подготовительные мероприятия политико-социального;

Ic – подготовительные мероприятия психолого-идеологического измерения;

IIa – прямые действия военного измерения;

IIb – прямые действия политико-социального;

IIc – прямые действия психолого-идеологического измерения.

Удельный вес подготовительных мероприятий (I период) каждого из секторов «b» и «с» по отдельности больше удельного веса мероприятий сектора «a». Следовательно, приоритет действий первого периода (подготовительного) принадлежит некинетической активности. Действия сектора «a» не должны идти вне рамок физического смысла некинетической активности; другими словами, «a»-действия не должны навредить процессу достижения оптимального результата в секторах «b» и «с».

Согласно Сунь-цзы, политическая активность должна

быть неразрывно связана с военной. Другими словами, мероприятия указанных двух плоскостей активности должны находиться в тесной корреляции друг с другом и согласованы по месту и времени с целью достижения общего военно-политического результата. Поэтому существует необходимость налаживания эффективного взаимодействия между политическим лидером государства (политическим крылом власти) и военачальником с целью выработки общей стратегии действий в проведении военной кампании.

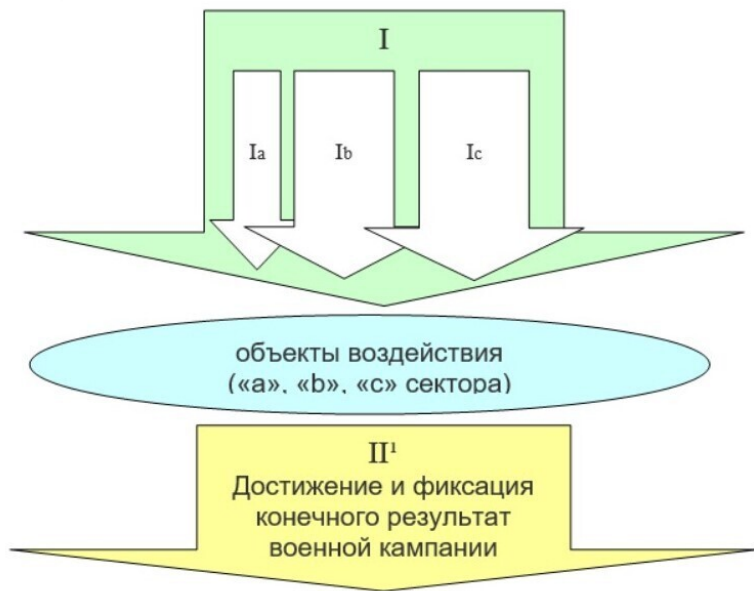
Китайский мыслитель описал теоретическую основу проведения военной кампании, в которой приоритет отдается непрямым действиям, воплощением которых военачальник достигает военных побед с минимальными затратами на прямые боевые столкновения.

Верхом военно-политического искусства, согласно трактату «Искусство войны», считается положение, когда бой, сражение или военная кампания в целом выигрываются, не доходя до прямого боевого столкновения с противником. Другими словами, срабатывает второй вариант классической схемы проведения военной кампании, в котором после успешно проведенных подготовительных мероприятий – непрямым действиям противник отказывается от сопротивления в обороне или намерений атаковать – наступать. Далее ему навязывается своя воля с исключением возможности связывания в кровопролитные и затратные генеральные сражения, исход которых обычно мало предсказуем для проти-

взаимствующих сторон.

Информационная графика. Вариант классической схемы проведения военной кампании (последовательный метод)

Второй вариант:

I – период подготовительных мероприятий;

П¹ – период фиксации конечного результата военной кампании;

Ia – подготовительные мероприятия военного измерения;

Ib – подготовительные мероприятия политико-социального;

Ic – подготовительные мероприятия психолого-идеологического измерения.

Таким образом, первое действие военной кампании можно определить как среду обитания иррегулярного подхода к ведению вооруженной борьбы, которая ограничена рамками стратегии непрямых действий. Здесь характерно использование малых форм вооруженной борьбы как для стороны конфликта, у которой в руках находится военная инициатива, так и для стороны конфликта, которая вынуждена прибегать к контрдействиям, направленным на недопущение получения противной стороной выгод и положительного эффекта от проведения подготовительных мероприятий к активным прямым действиям.

Как становится понятным, успех второго действия – прямых кинетических действий находится в прямой зависимости от успешно проведенных мероприятий первого действия. Следовательно, очень важно в армейской среде уделять внимание стратегии непрямых действий и малой форме вооруженной борьбы и ее коллаборации с регулярной формой вооруженной борьбы на тактическом, оперативном и стратеги-

ческом уровнях.

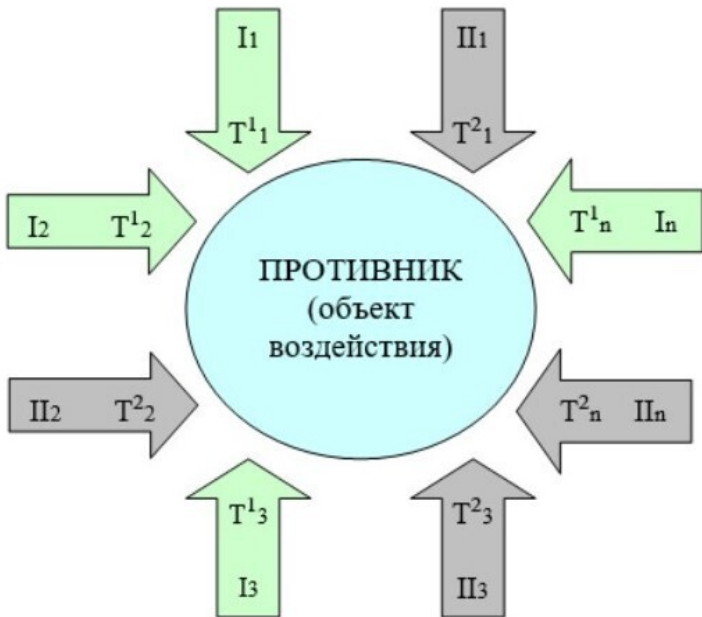
Помимо последовательной – классической схемы перехода от подготовительного этапа к этапу прямых действий, имеет место еще и параллельная схема.

Параллельная схема проведения военной кампании может быть удачно воплощена при условии, что командное звено на трех уровнях и прямые исполнители (штабы и подразделения) имеют высокий уровень индивидуальной и коллективной подготовки вместе с соответствующей будущей кампании военной школой и положительной величиной моральной стойкости в бою солдата и войска в целом.

Также важно, чтобы в осуществлении параллельной схемы подготовительные мероприятия как минимум на один шаг опережали прямые действия, т. е. находились в инициативном положении перед прямыми кинетическими действиями на тактическом, оперативном и стратегических уровнях.

На тактическом уровне параллельная схема будет представлена ниже.

Информационная графика. Вариант параллельной схемы таргетинга (проведения военной кампании (параллельный метод))

$I_1 \dots I_n$ – подготовительные мероприятия;

$II_1 \dots II_n$ – прямые действия;

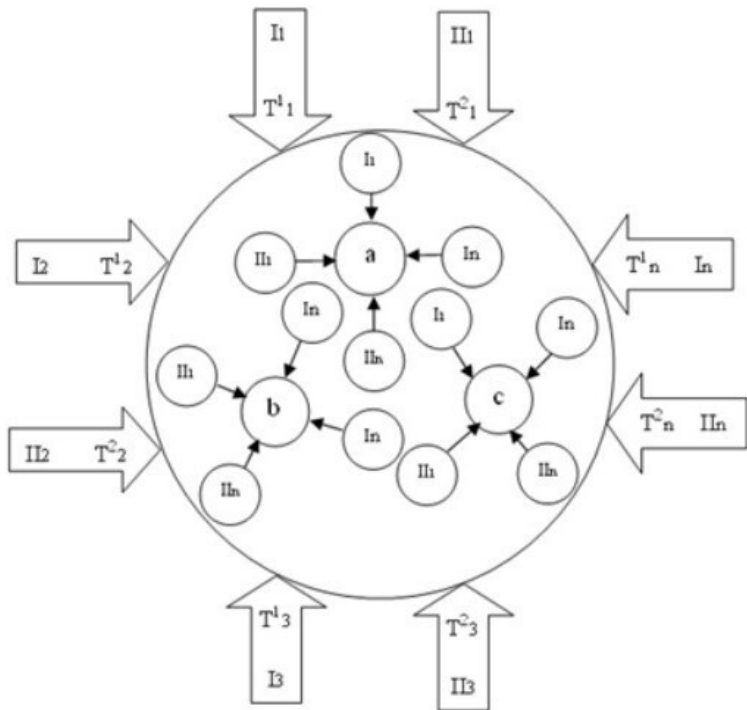
$T_1 \dots T_n$ – временная точка начала таргетинга (воздействия на объект);

$T^1_1 < T^2_1 \leq T^1_2 \leq T^2_2 \dots \leq T^1_n \leq T^2_n$ – временная цепочка инициативности параллельной схемы таргетинга (проведения военной кампании), в которой: $T^1_1, T^1_2 \dots T^1_n$ –

время начала воздействия подготовительных мероприятий;
 $T^2_1, T^2_2 \dots T^2_n$ – время начала мероприятий прямого воздействия.

На следующем, оперативном уровне схема поля таргетинга немного усложнится с учетом внутренних схем тактического уровня и примет нижеследующие очертания и свойства.

Информационная графика. Общее поле оперативного таргетинга

а – объект тактического уровня;
 б – объект тактического уровня;
 с – объект тактического уровня.

Следующее общее поле таргетинга будет описывать еще

более сложную схему стратегического уровня, которая как матрешка будет включать в себя энное количество полей оперативного уровня, в свою очередь включающих в себя энное количество полей тактического уровня.

Объекты таргетинга представляют собой массив целей, находящихся в рамках системных пространств, где объекту «а» принадлежат цели военного измерения, объекту «b» принадлежат цели политико-социального измерения и объекту «с» – цели психолого-идеологического измерения.

Посредством искусного воплощения стратегии не прямых действий противнику, незаметно для него самого, может быть навязана своя воля с исключением возможности ввязывания в кровопролитные и затратные генеральные сражения, исход которых обычно мало предсказуем для противостоящих сторон.

Важным дополнением к небольшому погружению в мир китайской военной мысли является то, что, помимо аспектов военного искусства, мыслитель древнего Китая в своем трактате уделил внимание роли и месту военачальника как личности, значению его лидерских качеств в процессе формирования и воплощения военной стратегии, что в свою очередь очень четко свидетельствует о важности роли и места военачальника как в системе координат классической, иррегулярной или гибридной формы вооруженного противостояния, так и в системе координат стратегии не прямых действий в целом, то ли на стратегическом, оперативном или тактиче-

ском уровнях.

Так, еще до нашей эры в Китае было дано теоретическое обоснование так называемой стратегии непрямых действий. Однако каждая стратегия нуждается в эффективном наборе инструментов, при помощи которых происходило бы успешное воплощение данной стратегии в жизнь.

Для такого типа стратегии как нельзя лучше подходит теория и практика малой войны с высшей формой ее воплощения – гибридной. Но аспектам иррегулярного ведения вооруженной борьбы на протяжении еще многих веков не уделялось должного внимания. Другими словами, стратегия непрямых действий была, а действенный инструмент для ее успешного воплощения с оптимальной затратой сил и средств не был разработан.

С момента написания трактата «Искусство войны» до первых теоретических трудов, посвященных иррегулярной – малой форме воевания, в мировой истории развития военного искусства был пройден длинный путь более чем в два тысячелетия.

В этот исторический период время от времени происходили яркие исторические моменты проявления стратегии непрямых действий с применением нестандартных методов и способов асимметричной формы воевания. Но такие несистемные подходы к ведению военной кампании (боевых действий) были связаны с историческими процессами обретения признаков государственности отдельными народами на

пике своего пассионарного всплеска или отдельными историческими личностями в отдельные исторические эпизоды древнего и нового миров, которые не имели логического продолжения в системном развитии.

Во времена нашей эры военно-дипломатический гений таких личностей наиболее часто проявлялся в случаях:

- становления новых национальных государственных образований (народно-освободительные войны);
- расширения сфер влияния государств через географическую экспансию, осуществляемую отрядами первопроходцев – первооткрывателей новых земель;
- отражения иноземного вторжения.

Все подобные случаи в первую очередь характеризовались асимметричностью действий, в которых сторона конфликта, сформированная по принципу народной самоорганизации и зачастую обладающая меньшим военным потенциалом, опиралась на нестандартность в военной организации, стратегии и тактики ведения боевых действий. Именно в эти короткие исторические эпизоды и происходило рождение основ новых форм и методов вооруженной борьбы.

Новые формы и методы вооруженной борьбы, как правило, не приживались в регулярных армиях устоявшихся государств, в которых классическая военная школа была принята за аксиому, а на соответствующую военную организацию уже были потрачены значительные средства. Все, что не вписывалось в рамки военного классицизма и выпадало из ло-

гики и ментального восприятия военных профессионалов, признавалось военной ересью,

поэтому так называемая еретическая тактика действий, основанная на нестандартных подходах в применении военной силы, вынужденно уходила в тень классической военной школы и продолжала жить в параллельном пространстве.

Но зато в самые безвыходные, с военной точки зрения, ситуации, в которых конвенциональное применение силы объективно не могло принести положительных результатов, очень быстро оживали методы и способы вооруженной борьбы с соответствующей им тактикой действий, до этого не входивших в разряд конвенциональности.

Каждая военная эпоха знаменовалась своими временными всплесками проявления иррегулярности, а самые яркие, мощные проявления, вызвавшие значительные изменения в региональном и континентальном социально-географическом пространстве, приводили к смене военной эпохи, которая на правах победителя закономерно приводила за собой и новую военную школу.

Но в эволюции военного искусства после короткого периода, в котором проявившиеся новые принципы военной организации и применения силы привели к резкому качественному скачку уровня военного искусства, наступал продолжительный период затухания или застоя в эволюции военного искусства. В так называемый период «военного застоя» происходил процесс установления новой военной школы и рас-

пространение ее влияния в социально-географическом пространстве цивилизованного мира.

Одновременно происходило природное формирование новых военных элит, представители которых принимали новую систему координат вооруженной борьбы и, как правило, сразу же принимались за разработку незыблемых констант классики военного искусства, что выводило новорожденную классику в ранг гегемона, с чего и начинался поступательный процесс ее зашоренности.

Данный период характеризовался тем, что все изменения и новшества в теории и практике применения силы стали происходить в рамках оболочки установившейся формы, теории и практики применения силы, которая основывалась на повышении удельного веса войска, т. е. военно-техническая мощь превалировала над оперативным искусством и оптимизацией военной организации.

Хранители военного классицизма ревностно следили за тем, чтобы принципы организации войска и применения силы передавались новым поколениям без должного развития и возможной трансформации в другую форму, что способствовало дальнейшему продолжению вооруженного противостояния в рамках системы координат установившейся канонической военной школы.

Как правило, в процессе развития теории и практики применения силы в соответствии с догмами классической военной школы не отмечалось параллельное сосуществование

и развитие регулярной и иррегулярной форм вооруженной борьбы, исходя из принципов системности (системных подходов), на основе которых могла бы появиться на свет так называемая гибридная форма вооруженной борьбы.

Другими словами, за весь долгий период эволюции мировой военной мысли не было видно проявления системности к применению асимметрии и нестандартности, определения их роли и места в теории и практике военного искусства. Отсутствие интереса со стороны военных элит к теории и практике иррегулярности не способствовало скорому появлению положительной динамики развития военно-теоретической мысли относительно дифференциации форм вооруженной борьбы и их коллаборации в оболочке гибридной формы вооруженной борьбы, которая бы стала являться высшей из форм применения военной силы отличающейся сложностью своей организации и практического воплощения.

Более или менее системный подход к проявлению асимметрии и иррегулярности стал появляться с достижением человечеством такой силы и мощи разрушительных свойств изобретенного им оружия, что уже ни одна из сторон не могла себе гарантировать достижения военной победы без критического для себя уровня истощения сил и средств военного и гражданского секторов.

В ситуации, когда существует определенный паритет в конвенциональных силах между двумя противоборствующими

щими сторонами, и прямая кинетическая активность в рамках военной конвенциональности не гарантирует одной из сторон как максимум чистой военной победы или как минимум военной победы ценой практически полного истощения своих сил и средств, наиболее эффективным является переход в систему координат малой формы вооруженной борьбы, с тем чтобы получить возможность изменить свои стартовые позиции для возобновления конвенционального противостояния или же добиться конечного результата посредством реализации стратегии действий на основе иррегулярности или гибридности, параллельно опираясь на общую военную мощь государства или союзника.

Памятуя о том, что сыр в мышеловке является бесплатным только для второй мышки, и стараясь не допустить ситуации, когда неожиданно всплывшая третья сторона конфликта, незримо находящаяся рядом с ним, не взяла верх сразу над двумя противоборствующими сторонами, независимо от их статуса – победителя или проигравшего, военную кампанию следует вести так, чтобы не допустить победы ценой истощения армии и гражданского сектора своего государства.

Четыре мести княгини Ольги

Одним из ярких примеров проявления стратегии непрямых действий в прошлом является легендарное покорение древлянского племенного союза княгиней Ольгой.

После того как в 945 году Киевский князь Игорь вместе с его малой дружиной были жестоко убиты восставшими древлянами, его жена княгиня Ольга оказалась в очень трудном для себя и всего рода Рюриковичей положении.

Князь древлян по имени Мал на правах победителя получил законное право наследования власти, принадлежавшей князю Игорю, с последующим установлением власти древлян в Киеве вместе с собственностью и семьей князя Игоря включительно.

Как видно, на кону стояла не только судьба всего княжеского рода Рюриковичей, но и судьба всего зарождавшегося Древнерусского государства, главными архитекторами которого были Рюриковичи.

Несмотря на то, что Ольга была женщиной в «мужском царстве» Древней Руси, она не только смогла сохранить за собой власть в Киеве, но и завершила начатое своим мужем дело, сполна отомстив древлянскому князю Малу, и подавила восстание древлян.

Первое, чего смогла добиться Ольга как мать малолетнего Рюриковича – это сохранить расположение киевских воевод

Свенельда и Асмуда вместе с дружиной, а эта задача была не из простых во времена полуавтономных ратных дружин, созданных на наемной основе, расположение которых к тому же сильно зависело от военной удачи их нанимателя.

Далее вдовствующая княгиня начала подготовку к войне против древлян.

В подготовительных мероприятиях Ольга сначала избавила себя и своего сына Святослава от статуса «военного трофея» с последующим унаследованием престола в Киеве древлянским князем Малом как победителем.

За неполный год, прошедший со дня смерти князя Игоря, Ольга нестандартными действиями благодаря знаниям славянских традиций в три хода лишила древлян лучших представителей их знати.

В первый раз лучшие мужи древлян, прибывшие по реке в Киев, чтобы «засватать» княгиню за своего князя, были с «почестями» встречены киевлянами. По приказу Ольги послы были подняты на их ладьях и торжественно отнесены ко дворцу, где их ждала уже заранее приготовленная глубокая яма. Ничего не подозревавшие «сваты» князя Мала, усыпленные великими почестями и ничего не ведавшие о значении ладьи в скандинавских традициях, не успели и глазом моргнуть как ладьи вместе с ними оказались брошенными в глубокую яму, после чего были засыпаны землей.

После первого действия киевская княжна снова пригласила знатных послов князя Мала к себе. Прибывшей знати древ-

Лян снова были оказаны почести на должном уровне. Сначала Ольга предложила гостям сотворить «мовь», т. е. помыться с дороги и уже чистыми и отдохнувшими с дороги предстать перед княгиней. Вся процессия древлян была заперта в бане, где они и нашли свою смерть, когда здание бани было подожжено.

За период так называемого «сватанья» Ольга успела подготовить киевские дружины к новому походу. Помимо подготовительных военных мероприятий, княгине удалось сохранить содеянные два акта мести втайне от древлян.

Теперь вдова выдвинулась к столице древлянского племенного союза городу Искоростень с малой дружиной, объявив древлянам, что идет к ним, чтобы совершить совместную «тризну» по убиенному мужу на месте его погребения. Ничего не подозревавшие древляне согласились с предложением княгини и приняли участие в поминальном пиру. Во время поминок, после того как мужи древлян изрядно выпили, по приказу Ольги все они были умерщвлены.

Так свершилась третья месть вдовствующей княгини убийцам ее мужа, после которой главные силы киевского войска выступили в решающий поход на древлян.

Таким образом своим нестандартным подходом к делу княгиня обеспечила себя местом и необходимым временем, для того чтобы оправиться от удара с последующей подготовкой своей дружины к новой военной кампании против древлянского князя Мала.

Перед активной фазой кампании силы древлян были в значительной мере обезглавлены. Лучшие представители древлянской знати, княжичи, бояре и купцы были уничтожены хитростью, без кровопролитных сражений.

В 946 году после того как были созданы благоприятные условия для наступательных действий Киева, в результате которых древляне были достаточно деморализованы и оказались на невыгодных для себя позициях, княгиня Ольга со своей дружиной приступила к прямому восстановлению контроля над землями древлян.

К началу заключительной фазы военной кампании силы Киева уже находились на территории древлян в полной готовности к восстановлению утраченного контроля над ними. Ничего не подозревавший князь Мал, ожидавший в ранге победителя смирения Киева, к моменту максимальной концентрации сил и средств недавно побежденной стороны попросту прозевал подготовительные мероприятия противника, не предприняв превентивных мер, оказался не готовым к отражению агрессии.

В сложившихся условиях в генеральной битве киевская дружина под руководством воевод Свенельда и Асмуда нанесла войску древлян поражение. Выжившие древляне ретировались с поля боя и заперлись в своих городах на осадном положении. С дроблением сил древлян на разрозненные группы – городские гарнизоны киевская дружина быстро покорила по очереди города древлянского племенного союза и

в конечном итоге осадила столицу Искоростень.

Год осады столицы древлян не принес армии Ольги желаемого результата, горожане продолжали стойко обороняться, уже не надеясь на пощаду. Понимая безвыходность положения и не желая еще дольше затягивать свою военную кампанию, княгиня в очередной раз решила прибегнуть к нестандартным действиям. Видя решимость древлян сражаться до последнего, Ольга через послов передала предложение древлянам заплатить дань, после выплаты которой она примирится и вернет свои войска в Киев. В качестве откупа княгиня запросила от каждого двора всего лишь по три голубя и по три воробья, объяснив выбор малой дани сложившимся бедственным положением горожан и желанием, по обычаю восточных славян, принести птиц в жертву богам. Древляне в четвертый раз купились на хитрость Ольги и, ничего не заподозрив, согласились на такую странную дань.

После получения запрошенной дани Ольга приказала своим воинам привязать к каждой птице трут и с наступлением темноты поджечь его и выпустить птиц на свободу. Сказано – сделано. Ночное небо над Искоростенью озарилось тысячами огней, которые птицы несли к своим гнездам. Подобной зажигательной атакой весь город был подожжен, а его жители в панике стали его покидать. Воины киевской дружины легко пленили беззащитных горожан. В результате часть горожан была убита, еще одна была отдана в рабство, а на оставшихся была наложена тяжелая дань.

Подобной жестокостью Ольга сполна отомстила древлянам за жестокое убийство своего мужа – киевского князя Игоря Рюриковича и его малой дружины.

По итогам военной кампании племенной союз древлян был полностью покорен, а земли, некогда принадлежавшие князю Малу, вошли в состав Древней Руси со столицей в Киеве. Впоследствии события междоусобной борьбы за власть древлянского племенного союза и Киева, произошедшие в первой половине X века на просторах растущего Древнерусского государства, стали известны как четыре мести княгини Ольги.

Как видно, окончательную победу княгине Ольге принесли последовательно воплощенные мероприятия непрямого действия, отличающиеся своей нестандартностью по отношению к общепринятому на то время способу выяснения отношений посредством проведения чистой военной кампании с определением победителя на поле боя (силовой вариант).

Другими словами, победа Киева над Искоростенью была обеспечена в большей степени военно-дипломатическим гением княгини Ольги, а не использованием прямой военной силы с соответствующими издержками.

Возрождение (игры в тактической песочнице)

Время малых частных армий пришло с развалом великой Римской Империи, когда образовавшийся военно-административный вакуум на Европейском континенте начал за-

полняться множеством суверенных княжеств, правители которых вступали в частые междоусобные войны. С окончанием так называемого периода средневековья в Европе военная система, для которой было характерно использование удельных вооруженных формирований для обогащения, вступила в свою заключительную фазу существования.

Далее наступало время покорения феодальной анархии, когда начинался процесс зарождения крупных национальных государств и сопутствующее ему развитие товарно-денежных отношений с формированием регулярных армий. С приходом эпохи Возрождения пришло время появления и дальнейшего развития культуры регулярных воинских формирований на службе у национальных государств.

Революционные изменения, произошедшие в политико-административной системе и экономических отношениях на Европейском континенте в XIV–XV веках, напрямую повлияли на уход старой и рождение новой вооруженной организации.

В первом случае возникновение национальных централизованных государств упраздняло феодальные вольницы с их автономными вооруженными формированиями и требовало появления армий, способных защищать короля и государства от внешних посягательств, а также быть эффективным инструментом в продвижении национальных – государственных интересов во внешней политике.

Упразднение феодального строя привело к экономиче-

скому и политическому укреплению государств и городов. Изменения социального статуса населения стран привело к появлению и росту числа «рабочей силы» на рынке труда. Развитие системы капиталистических отношений вывело на свет новые социальные классы купцов (буржуазия) и городских ремесленников (рабочие), которые благодаря развитию товарно-денежных отношений и накоплению капитала сначала стали надежной опорой для королей в борьбе против феодалов и в построении национальных государств.

Начиная со второй половины XV века, рыцари-феодалы полностью сошли с политической и экономической сцены мировой истории. На смену им пришла королевская власть и городская буржуазия во главе образующихся национальных государств.

Капитализация отношений между буржуазией и королевской властью привела к возможности найма за деньги воинской силы на службу и формирования из наемников регулярных вооруженных формирований.

В это время вооруженные силы на Европейском континенте состояли из подразделений регулярной армии и городской милиции (ополчения). И те и другие вооруженные формирования находились в сильной зависимости от представителей буржуазии, благодаря которым были созданы материальные условия для формирования и содержания обозначенных типов воинских формирований, а также для развития рынка вооружения. В первом случае формирование частей

регулярных армий происходило через союз королевской власти и городской буржуазии, а во втором случае буржуазия напрямую влияла на процесс организации городской милиции. Естественно, что дисциплина в подобной системе воинской повинности напрямую зависела от размера и регулярности выплаты денежного довольствия военнослужащим.

Выход на историческую сцену военных, получавших за свою службу денежное вознаграждение, повлек за собой процесс формирования нового социального класса военных профессионалов. Новый тип военных начальников и командиров стал вводить в повседневную жизнедеятельность военных формирований воинские порядки (регименты) с прописыванием прав и обязанностей военнослужащих в так называемых военных артикулах. Данный свод правил воинской службы явился прообразом будущих воинских уставов, которые стали регламентировать все области жизнедеятельности и боевого применения армии. Начало процессов всесторонней регламентации привело к появлению первых признаков армейской регулярности, проявлявшейся в системах управления (командования), боевой подготовки, всестороннего обеспечения, набора (рекрутирования) и формирования организационно-штатной структуры боевых единиц, стратегии и тактики ведения боевых действий и военных кампаний в целом.

Все революционные изменения в армейской среде устанавливались на фоне начавшегося с Италии в XV веке и

распространившегося по всему Европейскому континенту в XV–XVI веках так называемого Ренессанса – эпохи Возрождения.

В период падения Византийской империи в Европу хлынул поток образованных византийцев, принесших с собой свои библиотеки и произведения искусства, часть из которых была доставлена в средневековую Европу посредством банального мародерства и грабежа ослабевшего Константинополя. Получив возможность доступа к «новым» знаниям и культуре, получаемым из материальных античных источников информации и живых носителей античной культуры, в Европе начался процесс научного и культурного рассвета и формирование соответствующей системы общественно-гуманитарных ценностей.

На фоне общего возросшего интереса к античной культуре эпохи Возрождения (культурного рассвета) в Европе произошла революция военной мысли, повлекшая за собой появление новой военной школы. Новое сословие военных специалистов стало проповедовать возрождение античной идеи в стратегии и тактике, в которых главная роль на полях сражений отводилась пехоте. С этого момента пехота стала решать исход боя, а кавалерия уступила место линейному построению боевого порядка пехотинцев.

Фламандцы (золотые шпоры и годендаги)

Примером одной из первых ярких побед военной силы нового класса над феодальным войском на Западноевропейском театре военных действий можно считать сражение при Куртрэ в 1302 году. В нем войско фламандцев нанесло поражение войску французского короля Филиппа IV, благодаря которому Фландрия отстояла свою независимость.

«Битва золотых шпор» – так по-другому называли битву при Куртрэ – открыла счет побед вооруженных сил родившегося буржуазного класса над военной школой феодального строя.

Против 7,5 тыс. французских всадников вместе с 3–5 тыс. пеших наемников как вспомогательного контингента (всего около 10–12 тыс. человек) фламандцы выставили от 13 до 20 тыс. человек, среди которых только десять человек были рыцарями – военными начальниками в войске Фландрии, остальные были пешими бойцами.

В боевые порядки фламандской пехоты входили лучники и арбалетчики, которые определялись как стрелки. Строй основных сил составляли пикинеры, в рядах которых также находились воины, вооруженные палицами и годендагами. Основной боевой силой французов были конные рыцари с

соответствующим набором вооружения при вспомогательной пехоте.

Военачальники войска Фландрии выстроили своих бойцов в боевые порядки для ведения оборонительного боя. Пехота была построена в фалангу, представлявшую единственную боевую линию протяженностью до одного километра, имея глубину 500–600 метров, впереди фаланги были выстроены стрелки.

Оборонительный характер боевых действий фламандского войска, помимо формы построения боевого порядка, определяла также география местности, в которой была заключена народная дружина Фландрии.

Со всех сторон пехотная фаланга была окаймлена линией естественных водных преград. По фронту строй защищал ручей Гренинген, по внешнему берегу которого была выкопана сеть волчьих ям – ловушек для кавалерии. С тыла боевые порядки защищал изгиб реки Лис, правый фланг находился под прикрытием изгиба реки Лис и соединительного водного канала (Лис – Гренинген), которые кольцом окружали сам город Куртрэ и замок. На левом фланге естественную преграду образовывал стык реки Лис и ручья Гренинген с расположенным на внутренней стороне монастырем.

Таким образом фламандцы приготовились к оборонительному бою, имея возможность маневра внутри ограниченной зоны, обеспечив себе тактическую глубину боевого порядка и выделив силы для резерва и блокировки узкого

выхода из замка на правом фланге, на котором был блокирован небольшой гарнизон противника.

Войска французской армии стояли в изготовке к атаке, впереди была встроена линия арбалетчиков и метальщиков дротиков, за которыми располагался боевой порядок рыцарей. После нескольких дней раздумий генерал-капитан граф д'Артуа дал команду на атаку позиций фламандцев. Так 11 июля 1302 года была начата «Битва золотых шпор».

В завязке битвы арбалетчики и метальщики дротиков французского войска атаковали линию фламандских стрелков, вследствие чего последние были вынуждены отойти за линию ручья и прижаться к своей фаланге. С отступлением стрелков обороняющейся стороны французская пехота приступила к обстрелу строя основной оборонительной линии фламандцев. Теперь пришла очередь совершить свой первый маневр фаланге и выйти из зоны поражения.

С первой ретирадой фламандцев французы приступили ко второму действию битвы. Начало французской атаки, по замыслу графа д'Артуа, должно было начаться с организованного отхода пеших стрелков с передовой линии и атакой основных сил французов на статическую линию обороны фламандцев. Французская конница предварительно должна была пройти сквозь свою пехоту и преодолеть небольшую водную преграду и ямы-ловушки.

Однако с самого начала для французов что-то пошло не так. При выдвижении французских рыцарей и прохождении

их сквозь ряды стрелков была смята своя пехота, что привело в беспорядок строй атакующих рыцарей. Далее, с преодолением рыцарями водной преграды фаланга фламандцев совершила свой второй маневр, двинувшись вперед и контратаковав французов в тот момент, когда их боевой порядок был нарушен.

В завязавшемся сражении по всему фронту напором своей тяжелой кавалерии французам удалось взломать центр оборонительной линии противника и ворваться вглубь оборонительной зоны войска Фландрии. Но здесь французских рыцарей ждал еще один сюрприз в виде построенной тактической глубины обороны и наличия фламандского резерва. Попав внутрь территории обороны фламандцев, французская конница в ограниченном узком пространстве оказалась лимитированной в свободе маневра. К тому же отсутствие кавалерийского резерва, а лучше пехоты как основной силы, для запуска второй волны атаки, которая должна бы была развить успех первого прорыва рыцарей и полностью разрушить оборонительные порядки пехоты фламандцев, не позволило атакующей стороне особо надеяться как минимум на успех атаки.

В свою очередь те десять рыцарей, которые руководили войском Фландрии, хорошо знали свое дело и просчитали ход будущих событий, предварительно позаботившись о создании сил резерва и расположения отряда горожан Ипра у замка.

После того как французские рыцари взломали центр фламандцев и прорвались внутрь их полосы обороны, панцирная кавалерия была немедленно контратакована силами резерва фламандцев. Параллельно отряд горожан Ипра парировал вылазку французского гарнизона из замка, тем самым не допустив в решающий момент оказания помощи прорвавшимся рыцарям.

Вследствие контратаки резерва фламандцев атака французских рыцарей полностью захлебнулась, и силы наступающих полностью были отброшены за линию ручья. Далее войско Фландрии развило свой успех в обороне и приступило к преследованию и уничтожению отступающего французского войска.

В конечном итоге французские рыцари потерпели полное поражение, потеряв более трети своих сил. В качестве главного трофея фламандцам достались около 700 золотых шпор, снятых с убитых рыцарей, из-за чего сражение при Куртрэ и получило свое второе название «Битва золотых шпор».

В политическом отношении победа фламандцев над французами закрепила независимый статус Фландрии от французского короля Филиппа IV, а французские феодалы были вынуждены покинуть Фландрию, сохранив свое присутствие только лишь в нескольких городах ее южной части. Своей военной победой молодой класс промышленников и предпринимателей, опираясь на народные массы горожан и

крестьян, достиг своей политической цели и отстоял свое право на существование. Это было одно из первых проявлений превосходства новой системы товарно-денежных отношений и зарождающихся буржуазно-национальных вооруженных сил над феодальными порядками, феодальной знатью и феодальными вооруженными силами.

Что же стало залогом победы народного войска Фландрии над хорошо вооруженным рыцарским войском французского короля Филиппа IV?

В первую очередь в основе победы фламандцев лежала высокая степень мотивации и дисциплинированность каждого солдата в отдельности, что передалось общей силе сопротивления всего войска Фландрии в целом. Боевой дух фламандцев был обусловлен борьбой народных масс и национальной буржуазии за свою независимость против феодалов и чуждой им королевской власти Франции, а также авторитетом и лидерскими качествами военачальников.

С другой стороны, рыцарь-аристократ представлял собой статусную персону войска французского короля, который воевал по долгу службы для поддержания статуса своего рода и его обогащения. Естественно, что мотивирующий фактор для самоотверженной борьбы и самопожертвования ради своего короля был не самого высокого уровня. Единственное, что больше всего заботило рыцаря-аристократа – это его вотчина. Статусность рыцарского войска не прибавляла в его ряды и дисциплины во время проведения военной кам-

пании.

Таким образом разнородное войско французских рыцарей сильно проигрывало народному войску Фландрии по уровню своей мотивации, побудившей их взяться за оружие, а, следовательно, уступало и по силе духа, воинской дисциплине и степени устойчивости в бою.

Те десять рыцарей на службе у Фландрии возглавляли войско фламандцев и не являлись основной боевой единицей войска. Они хорошо знали и понимали тактику действий войска рыцарей, поэтому и смогли использовать «новаторство» линейной тактики античных времен, наиболее подходившей войску народных масс. Другими словами, они были некими проводниками во внедрении военного искусства в народное войско, организаторами армии с приданием ей соответствующей военной школы.

Поражение французских рыцарей в битве при Куртрэ также было обусловлено военным невежеством французских военачальников, которые ничего не смогли противопоставить «новаторской» стратегии и тактике фламандцев.

В предыдущем веке монгольским войском уже успешно практиковались тактические наработки по вскрытию укрепленных районов и нанесению поражения войску противника, имеющего кратное преимущество в численном эквиваленте, с плотными рядами тактического построения войск на поле боя, не прибегая к грубым и затратным прямым атакам.

Еще более ранними, чем практика монголов успешно

вскрывать оборону противника, имеющего кратное преимущество в живой силе, являются сведения о нестандартном подходе к ведению боевых действий малыми силами войска древних славян против высокоорганизованного войска Византии, имевшего более высокую степень общепринятого военного искусства, что были описаны Прокопием из Кессарии в его труде «Война с готами».

Ранние славяне (кинетика и пространство, малое и большое в рейдовой кампании)

В работе Прокопия была описана военная кампания трехтысячного отряда славян, вторгшегося в пределы Восточной Римской империи и нанесшего целый ряд военных поражений регулярным римским войскам в поле с последующим овладением римскими крепостями.

В 551 году после переправы через реку Гевр (Марица) славяне разделились на два отряда, создав видимость малочисленности своих сил и организовав эффективную разведку и взаимодействие между отрядами, внезапными упреждающими ударами успешно побеждали римские отряды. Римские военачальники, купившись на уловки славян и упиваясь своим военным превосходством, сразу же уступили военную инициативу.

Далее следовала эпопея взятия славянами довольно сильно укрепленной римской крепости Топер, гарнизон которой насчитывал около 15 тыс. человек мужского населения в противовес отряду славян, насчитывающему на момент перехода через реку Гевр в строю около 3 тыс. бойцов.

Именно этот эпизод является показательным в свете раскрытия темы асимметричности действий и иррегулярного

подхода в деле вскрытия оборонительного укрепрайона противника меньшими силами, не прибегая к долговременной, кровопролитной и ресурсно-затратной классической осаде крепости.

Чтобы добавить больше красок в этот рассказ, следует отметить, что через крепость Топер (Топир) проходила стратегически важная для Константинополя Эгнатиева дорога (via Egnatia – римская дорога), которая через Балканы выходила к Адриатическому побережью и являлась важным участком общей дорожной линии, связывающей старую и новую столицы Римской империи.

Итак, в 551 году перед относительно небольшим войском славян, пришедших в район приморской крепости Топер, стояла непосильная задача в контексте прямой осады крепости и ожидающего его противоборства с крупными силами византийского гарнизона на выгодных для него условиях.

Однако славянские воеводы сумели правильно оценить обстановку и приняли решение об изменении тактического фона в свою пользу и уже на выгодных для себя условиях уничтожить военную силу гарнизона крепости Топер.

В первую очередь славянам необходимо было выманить значительную часть легионеров гарнизона за пределы фортификации, далее нарушить боевой порядок сил, предпринявших вылазку, чтобы потом, застав их врасплох, приступить к уничтожению византийцев.

Для начала славяне разделили свои силы на две нерав-

ные части, большая из которых в виде засадного отряда была искусно спрятана в складках сложного рельефа местности на пути возможного направления вылазки, а меньшая часть приступила к демонстрационным действиям у восточных ворот крепости.

Гарнизон крепости, неправильно оценив обстановку и приняв малый отряд славян за их основные силы, предпринял вылазку бóльшими своими силами. Обманный отряд, обратившись в бегство, повлек за собой противника в нужном для себя направлении. Таким образом римские воины, беспечно увлекшись преследованием убегающего противника, полностью расстроили свои боевые порядки вдали от стен крепости, втянулись в район организованной для них засады.

В свою очередь большой засадный отряд, пропустив своего противника вперед, неожиданно для него ударил с тыла, а еще недавно спасавшийся бегством малый отряд славян предпринял неожиданный маневр и с разворота атаковал своих преследователей с фронта. Ловушка была захлопнута.

Так были перебиты основные силы гарнизона римской крепости Топер, а славянам был открыт путь к непосредственному ее штурму.

Второй волной, отсекая лучниками обороняющихся со стен крепости, штурмовые отряды славян с лестницами успешно взобрались на них, после чего римский город пал.

Данный эпизод борьбы диких племен славян против про-

священных ромеев наглядно продемонстрировал превосходство незашоренной военной мысли варваров над академичностью военного искусства Римской империи, имевшего глубокие и устоявшиеся военные традиции.

Более того, дальнейший ход событий на данном театре военных действий показал, что поход трехтысячного отряда славян в пределы Римской империи оказался разведывательно-рейдовой кампанией, что предвосхищала вторжение основных сил славянского войска в следующем 552 году.

В кампании 552 года славянское войско, пользуясь данными разведки и сведениями, полученными от взятых в плен воинов, отказалось от исполнения первоначального плана по взятию города Фессалоники, где их уже ждало большое римское войско под командованием Германа.

Таким образом полководцами славян была проявлена гибкость в проведении военной кампании, и после небольшой оперативной паузы славянское войско перешло на другое оперативное направление и вторглось в пределы Восточной Римской империи. Силы славянских племен были поделены на три части, и, естественно, продвижение проходило по трем направлениям. Не встречая особого сопротивления, были заняты значительные земли Византии, где войско славян успешно перезимовало.

Далее была битва с отборным войском новых римлян у Адрианополя, в которой славяне одержали верх. После успеха под Адрианополем войско славян, потеряв бдительность,

углубилось внутрь Византии, где и было наказано у «Длинных стен» внезапной атакой войск ромеев, оправившихся после поражения под Адрианополем и следовавших вслед за войском вторжения до места следующего сражения. После поражения у стен Константинополя войско славян было вынуждено оставить пределы Византии, отступив обратно за Истр.

В войске древних славян царила необходимая для успешных действий в походе воинская дисциплина и сплоченность в бою, которая обеспечивалась родоплеменной формой организации войска. Во главе войска племени стоял его вождь. Статус его в родовой общине быстро менялся с началом войны, которая способствовала упрочению власти военачальника уже как князя, имевшего свою дружину.

С конца V века начался процесс объединения славянских племен вокруг наиболее сильного и удачливого князя. Органом управления такого общественного объединения было народное вече – собрание племен, во главе которого находились совет старейшин и князь.

В общественном устройстве взаимоотношений славянских племен был один, но очень большой минус, выраженный в наличии межплеменной розни. Маврикий в своем «Стратегиконе» по этому поводу писал:

«Не имея над собою главы, они враждуют друг с другом; так как между ними нет единомыслия, то они не собираются вместе, а если и соберутся, то не приходят к единому

решению, так как никто не хочет уступить другому».

Маврикий отмечал, что по отношению к славянам крайне эффективна стратегия непрямых действий, мероприятия которой в первую очередь направлены на разжигание межплеменной розни, тем самым ослабляя союз славян, вместо прямого военного давления на них.

Нельзя сказать, что данное качество было характерным только для славянских народов, данная «социальная болезнь» присуща всем большим народностям, а также крупным государственным образованиям, поэтому полагать, что славяне в этом плане чем-то отличались от других народов, будет неверно.

Однако ситуацию во взаимоотношениях между племенами славян коренным образом меняло наличие общей внешней угрозы. Как только появлялась опасность, славяне прекращали междоусобицы и объединялись для отражения внешней угрозы или проведения совместного военного похода. Примером тому является военная кампания славян против Византии 551–552 годов, в ходе которой не отмечалась, по прямому или косвенному признаку, несогласованность действий славянских отрядов.

Таким образом факт военной организации войска славян на основе общепринятых для всех родов и общин правилу – традиции также свидетельствует в пользу общей сплоченности войска древних славян и является достаточно сильным коллективным и личностным мотивирующим фактором.

Анализ действий войска славян на северо-западном приграничье Византийской империи в 551–552 годах, кроме фиксации факта пассионарного всплеска, показывает также уровень военной школы ранних славян, которого оказалось достаточно, чтобы указать на тонкие места военного искусства находящейся на пике своего могущества Восточной Римской империи. Военные победы ранних славян оказались столь чувствительными для новых римлян, что противостоянию Византии и славян было уделено отдельное внимание у византийских хроникеров в их исторических трудах, посвященных кампаниям, направленным на возвращение величия великой империи.

В своих работах Прокопий из Кессарии и Маврикий отмечали индивидуальную силу и выучку славянского воина. В историческом труде «Война с готами» Прокопий так описывал качества славянина:

«...привыкли прятаться даже за маленькими камнями или за первым встречным кустом и ловить неприятелей. Это они не раз проделывали у реки Истр».

Византийский император Маврикий на страницах своего «Стратегикона» рассказал о незаурядных способностях воинов славянского племени подолгу скрываться от своих преследователей под водой:

«Мужественно выдерживают они пребывание в воде, так что часто некоторые из числа остающихся дома, будучи застигнуты внезапным нападением, погружаются в пучину».

вод. При этом они держат во рту специально изготовленные большие, выдолбленные внутри камыши, достигающие до поверхности воды, а сами лежат навзничь на дне (реки), дышат с помощью их; и это они могут проделывать в течение многих часов, так что совершенно нельзя догадываться об их (присутствии)».

Такая практика действий, помимо возможности скрываться от неприятеля для сохранения собственной жизни, также позволяла славянским воинам вести разведку и добывать разведывательные сведения, скрытно выжидая своего часа в географических складках местности для того, чтобы взять языка. Естественно, что искусство индивидуальной маскировки рядового воина положительно отражалось и на эффективности коллективной маскировки, что обеспечивало войску славян возможность скрытного маневра и внезапность его действий, в том числе и засадных.

Военная доблесть славянина была обусловлена суровым укладом жизни древнеславянских общин. Из сказаний мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р. Х.) можно четко определить ментальность славян того исторического периода. Воинственный нрав мужчины славянского племени проявлялся в традиции. Согласно ей славянский муж, у которого рождался сын, брал обнаженный меч, клал его перед новорожденным и говорил следующие слова:

«Не оставляю тебе в наследство никакого имущества, а

будешь иметь только то, что приобретешь себе этим мечом».

В обычаях древних славян также существовало правило решать спор между двумя тяжущимися с помощью меча, если обе стороны были недовольны решением суда князя как первичной инстанции в разрешении спора. В таких случаях князь говорил:

«Судитесь мечом; у кого меч острее, тот и победитель».

Тяжущиеся сходились в личном поединке, а окончательную точку в споре ставили крепость и острота клинка, помноженные на силу и ловкость воина. Исходя из приложенных двух обычаев ранних славян, можно говорить о наличии в обществе славян культа силы и мужества – права сильного.

В личном вооружении и средствах защиты древнеславянские воины ничем особо не уступали воинам других народов того времени, кроме как, конечно, имперским ратоборцам Константинополя, чье вооружение и снаряжение, по очевидным причинам, на порядок превосходили образцы и комплекты варварских племен и народов.

Отличительной чертой славянского воина была его облегченного вида нательная защита – кольчужная рубаха, которая выгодно отличалась от ламеллярных и ламинарных доспехов предоставлением первой большей степени свободы действий в бою ее носителю при сохранении необходимого уровня защиты воина. При этом нельзя не отметить удобство и быстроту облачения в кольчужную рубаху, а также относи-

тельно низкую цену ее производства по отношению с образцами других видов доспехов, которые являлись более трудоемкими в производстве и сложными в эксплуатации. В общем кольчуга, как индивидуальное средство защиты, была наиболее распространена среди варварских народов со времен переселения народов вплоть до XIV–XVI веков, когда в военную моду возвратились более дорогие пластинчатые доспехи.

А вот в организации военной силы ранние славяне явно уступали другим или, если говорить по-другому, отличались от уже успевших себя проявить народов и состоявшихся государств. Находясь на более низкой стадии развития военной силы, славянская сила представляла собой некие боевые ватаги – вооруженные группы (отряды), не имеющие четко выработанного правила боевого построения на поле боя. Вернее сказать, регламентация боевого построения была и выражалась она в формировании подобия стены из славянских воинов, которая мало напоминала собой совокупность четко выраженных шеренг и колонн уже известных на то время конфигураций баталий.

Но, судя по результатам боевой работы таких вот ватаг, этот недостаток с лихвой компенсировался высоким уровнем пассионарности – боевым духом как рядовых славянских воинов, так и их архонтов, наряду с отсутствием зашоренности военной мысли, что было обусловлено отсутствием ограничительных регламентов, которые были присущи регу-

лярной военной силе, в вопросе выбора тактики действий.

На то время у славян не отмечалось наличия полноценной кавалерии с ее разделением на легких и тяжелых всадников. Из-за своей дороговизны конница в классическом ее виде характерна лишь для развитых государственных образований или же родоплеменного союза, сумевшего заполучить богатые военные трофеи, позволяющие сформироваться военной знати рода, из которой и выкристаллизовывалась хорошо вооруженная дружина всадников. Наиболее быстро этот процесс шел в границах номадистической среды обитания, где культура всего, что было связано с лошадыю, особенно в военном деле, была на более высоком уровне, чем у оседлых народов.

У ранних же славян кавалерия в чистом виде еще не была развита, поэтому лошади использовались в большей степени для перевозки грузов и как индивидуальное средство передвижения. Сражаться славянские воины того времени предпочитали в пешем строю.

Но несовершенство кавалерии у ранних славян привело к выработке у них хитрой тактики с соответствующими методами и способами ведения вооруженной борьбы. Эта тактика позволяла славянским ватагам побеждать регулярные византийские силы, у которых на то время кавалерия была совершенна, т. е. имела оформленное разделение на легкую и тяжелую ее части, успешный и богатый опыт выполнения боевых задач как в совместной тактической схеме примене-

ния, так и по отдельности.

Казалось бы, парадоксальная вещь: малое и несовершенное побеждает большее и совершенное. Но если поразмыслить, то нет ничего парадоксального. Меньший ресурс в своей пассионарной фазе развития всегда активнее ищет самый оптимальный путь достижения своей цели, находит его, а затем, нисколько не межуясь, использует его на практике. Так, к середине VI века славянские воины сумели выработать стратегию и тактику применения своих сил, которые не предусматривали прямого противостояния с большой регулярной военной силой противника, а предполагали оперирование методами и способами из области того, что сейчас называется малой формой вооруженной борьбы, прикладывая малую силу на слабые точки противника.

И мобильная пехота как нельзя лучше вписывалась в стратегию действий малыми партиями на уязвимых для противника направлениях и точках приложения силы. Именно универсализм мобильности и стойкости летучей пехоты стал тем самым ключиком, который мог закрывать и открывать пространство как перед противником, так и перед собой в любом месте операционного района.

Мобильная пехота пользовалась всеми преимуществами кавалерии в маневре и в то же время в спешенном порядке имела достаточную устойчивость к действиям кавалерии и пехоты противника, сохраняя за собой возможность быстро свернуться и выйти из-под удара. Быстрота, внезапность,

устойчивость и гибкость – вот главные победные качества летучей пехоты.

Наличие у древнеславянского войска мобильной пехоты обуславливало ту успешность исполнения соответствующих тактики и приемов на поле боя, что были связаны с быстрой маневра и резким изменением рисунка боя – быстрого и своевременного перехода от обороны к наступлению и наоборот (выхода из-под удара).

К тому времени история уже знала отдельные и яркие примеры, когда всадники, прибыв на поле боя, спешили в бой в пешем порядке. Но это были единичные экстраординарные и вынужденные случаи, не имеющие никакого отношения к намеренному системному действию.

Наиболее яркие и известные примеры преднамеренного спешивания кавалерии для начала противостояния врагу в пешем порядке произошли сначала во второй половине I века до н. э. во время восстания Спартака, а затем в бытность так называемых Юстиниановых войн в середине VI века нашей эры.

Более подробно эти события ввиду большой их значимости для раскрытия темы будут описаны в последующих главах, пока же вкратце о случаях спешивания кавалерии в бою.

Итак, в январе 71 года до н. э. во время определяющих сражений между силами спартаковцев и римскими легионами произошли два примечательных случая, когда всадники сторон конфликта во время начавшихся сражений были вы-

нуждены спешиться и перейти к рукопашному бою.

Сначала 1 января 71 года до н. э. римский полководец Квинт Аррий в сражении между армиями Спартака и римского проконсула Марка Красса был вынужден лично спешиться вместе со своими трибунами и, взяв в руки щиты, занять место в строю своей пехоты, в боевые порядки которой уперлись превосходящие силы Спартака. Этим героическим для военачальника поступком Аррий показал своим воинам, что намерен сражаться с ними плечом к плечу до последнего, не отделяя своей жизни от жизней рядовых легионеров.

Его поступок еще не являлся осмысленным преобразованием массы всадников в силу пешего порядка, потому и не мог стать прецедентом для того, чтобы подать правильный посыл для начала зарождения особого рода войск – летучей пехоты. Но поступок римского полководца стал эталонным проявлением воинской доблести командира, явившись незабываемым примером для следующих поколений командиров любых уровней в армейской иерархии.

Уже через пять дней после памятного поступка Аррия в финальном сражении восстания раненный в бедро Спартак под напором кавалерии Помпея был вынужден спешиться и принять свой последний бой на ногах. Получив ранение, Спартак демонстративно убил своего боевого коня, чтобы не иметь возможности выйти из боя, чем показал окружающим его солдатам, что команды на отступление не будет. В ответ на переход спартаковцев в плоскость рукопашного боя

прибывшие к месту сражения римские всадники по команде Авла Габиния тоже спешили и приступили к давлению на отряд Спартака в пешем порядке.

В общем итоге прибывшее на поле боя подкрепление для римлян в виде конницы Габиния внесло свои весомые коррективы в рисунок проходившего далеко не в пользу римлян сражения. Помпейские кавалеристы своим своевременным приходом на критический участок сражения не только спасли своего проконсула Красса, но и поставили армию восставших в крайне невыгодное положение, после чего у Спартака оставалось единственное правильное решение для того, чтобы спасти свои силы, но он им не воспользовался. Вместо того чтобы вовремя отступить, вождь восставших решил продолжить рубку, за что, собственно говоря, и поплатился. Так как восстание формировалось вокруг личности единственного человека – военного лидера, то и конец восстания связан с гибелью того самого незаменимого лидера – Спартака.

В свою очередь командир кавалерийского корпуса римлян Габиний, отвечая на вызов Спартака, принял для себя нестандартное, но, как оказалось, правильное решение, приказав своим всадникам спешиться. Со свежими силами летучие пехотинцы в рукопашной схватке сломили сопротивление группы Спартака, чем нанесли всему восстанию смертельный удар.

Таким образом корпус римской кавалерии в нестандартной для себя манере помог разрешить спор на поле брани

в сторону своих сил, благодаря своевременному маневру и перестроению в новый боевой порядок, сделав тактический ход, поставивший мат Спартаку в сражении.

Спустя почти шесть столетий в период Юстиниановых войн был отмечен следующий случай спешивания всадников кавалерийских подразделений с последующим занятием места в пешем боевом порядке. Произошло это 19 апреля 531 года в разгар Ирано-византийской войны 527–532 годов, когда при Каллиниках византийская армия противостояла армии персов.

В процессе сражения конная дружина прославленного византийского полководца Велизария отступая совершила тактический маневр, перейдя на левый фланг своих сил. Как только конница Велизария прибыла на указанный фланг, где стояли пехотинцы Петра, константинопольский полководец спешил сам и приказал спешиться своим всадникам, после чего они заняли свои места в пешем строю новоримской пехоты. С приходом пополнения византийцы спешно перестроились так, чтобы их спины оказались прикрыты руслом Евфрата, избегая таким образом возможности окружения. Теперь персы могли атаковать плотный строй византийской пехоты только с невыгодного направления – во фронт, а сами новые римляне могли покинуть поле боя на своих ногах только после того, как персы будут вынуждены отказаться от своих намерений и уступят поле боя.

К этому моменту сражения уже все силы персов были со-

средоточенны на пехоте Петра, солдаты которого сохраняли свой боевой порядок в строю. Силы были неравны, и персы вели сражение, но поступок константинопольского полководца Велизария значительно увеличил силу сопротивления византийцев, тем более что расположение боевого порядка новых римлян на поле боя относительно рельефа местности не давало им какой-либо возможности выйти из-под удара противника. Не имея возможности ретироваться, солдаты оставшейся части византийского войска, плотно сомкнув свои ряды, самоотверженно оборонялись на ограниченном пространстве, отражая нападки отрядов персов до самого позднего вечера того дня.

Храбрость и стойкость византийских воинов в тот день была оценена крылатой богиней победы Викторией, которая вознаградила ратоборцев за их ратные труды и подвиги.

С наступлением темноты воины Сасанидского Ирана, не добившись желаемого для себя результата, прекратили боевые действия и отошли на ночлег в свой полевой лагерь, оставляя непокоренного противника на поле боя без внимания.

Персидский полководец Азарет почему-то посчитал, что партия была завершена. И несмотря на то, что в их корзинах еще оставалось достаточное количество стрел, а византийцы сохраняли свои боевые порядки, персидские воины были опрометчиво отведены на отдых в свой полевой лагерь, оставляя непобежденного противника на поле боя, не поза-

ботившись даже о его временном кордонировании и визуальном сторожевом контроле, чтобы не допустить организованного отступления византийцев.

Азарет упустил хорошую возможность организовать засаду и атаковать Велизария в момент отступления войска последнего, когда боевые порядки византийцев были бы максимально дезорганизованы и уязвимы. Если бы Азарет решился на продолжение сражения у Киллиника в другом формате, то он мог бы прославиться в истории противостоянии Константинополя и Ктесифона и получить свою порцию законного триумфа за кампанию. Но он поступил так, как поступил и за это получил свою законную порцию «славы», вернувшись к своему царю с корзинами нерастраченных персидских стрел.

В свою очередь византийцы, воспользовавшись малодушием персов и убедившись в безопасности для себя в районе боевых действий, успешно переправились на другой берег реки, после чего уцелевшая часть новоримских воинов беспрепятственно укрылась за стенами Киллиника.

Таким образом Велизарий тактическим маневром своей конницы и последующими за ним сменой и перестроением ее боевого порядка во время сражения не только сохранил жизни своей кавалерии и пехоты Петра, но и сохранил свое лицо как полководец Константинополя и стратег Востока, не допустив полного разгрома своих сил и заставив своего противника, понесшего потери критического уровня, для воз-

возможности дальнейшего проведения крупной рейдовой операции отказаться от своих намерений и отступить в границы Персии.

Более того, результат этого сражения вместе с общим итогом бесславной кампании весны 531 года для вернувшегося в Ктесифон персидского полководца Азарета оказался слишком постыдным. Шахиншах Кавад I поставил эту победу в разряд позорнейших, а своего полководца Азарета, которому была доверена данная миссия, стал почитать одним из наименее достойных.

Таковы были самые яркие и единичные случаи в мировой истории войн, когда кавалерия, исполнив тактический маневр, спешила и принимала бой в пешем порядке, разворачивая ход сражения в свою пользу.

Но еще долго пример спешивания кавалерии будет считаться унижительным и постыдным действием для элитного верхового воина.

В феодальный период истории за всадниками еще больше укрепился элитарный статус, что, собственно говоря, и не позволило развиться военной мысли о формировании легкой пехоты, тормозя процесс эволюции военного искусства.

Вглядываясь в будущее военного искусства с отметки VI века нашей эры, когда на страницах его истории были отмечены признаки осмысленного перехода кавалерии к действиям в пешем порядке, становится очевидным, что как минимум до середины XVI века заковывающие себя в доро-

гое латное облачение всадники – рыцари крайне редко будут спускаться с седла на землю для ведения рукопашного боя не только ввиду своих мировоззренческих понятий, но и из-за своих доспехов и копий, которые со временем все больше делали из всадников неповоротливых операторов своих коней, не способных эффективно сражаться не только в пешем порядке, но и вдолгую в седле.

Следует особо подчеркнуть, что данные выводы касаются лишь европейского ареала эволюции военной мысли, где кавалерия развивалась по самому примитивному пути своего развития, полагаясь лишь на удельную мощь всадника-рыцаря, а не на функциональное разделение кавалерии на ее легкую и тяжелую части вместе с широким спектром маневра и тактических комбинаций применения кавалерии как в операционной зоне, так и на поле боя – оперативном и тактическом уровнях.

Не стоит упускать из виду развитие военной мысли проходивший на просторах Великой степи и в географической полосе встречи оседлого населения европейского континента и его кочевой части. Кочевая культура организации и применения кавалерии в военных кампаниях в разы превосходила западноевропейскую, что, собственно, и было доказано во время великих монгольских завоеваний и крестовых походов европейских рыцарей на Русь в первой половине XIII века. Однако горькие поражения западноевропейских войск так и не послужили для их военной школы поводом к нача-

ду переосмысления военной мысли. Наверное, сказалась та ограниченность воздействия внешней военной силы на феодальную Европу – разовость военной акции монголов и последующий полный уход кочевой военной силы в свою традиционную среду обитания, которая была достаточно удалена от территории западной Европы.

А вот процесс исторического «воспитания» европейских рыцарей-феодалов начнется, как мы уже знаем, лишь в самом начале XIV века, когда горькие военные поражения в рамках внутри европейских противостояний будут заставлять спесивую средневековую элиту эволюционировать природно в сторону универсальности, а усовершенствование огнестрельного оружия значительно ускорит этот процесс.

Развитие огнестрельного оружия как эффективного индивидуального средства дистанционного поражения живой силы противника подтолкнуло к смене настроений в конном воинстве с последующим появлением и закреплением в регулярной армии всадников, заточенных на ведение боевых действий как верхом на лошади, так и в пешем строю.

Так, в ходе Итальянской войны 1551–1559 годов во французской армии маршала Биссака официально появилась конная пехота (конные стрелки), которая получила свое название от названия короткого мушкета *Dragon* (*дракон*), стоявшего у них на вооружении. Далее происходил процесс интенсивного развития данного рода кавалерии, и уже на стыке XVII–XVIII веков драгуны составляли большую часть кавалерии.

лерии в таких европейских странах, как Франция, Австрия, Англия и Пруссия.

Помимо появления летучей пехоты в регулярных армиях, развитие конных стрелков происходило в иррегулярной среде независимых и полунезависимых вооруженных формирований.

Как уже упоминалось выше, отдельно от западноевропейской военной школы эволюция военной мысли происходила в зонах влияния кочевой военной культуры.

На стыке зон обитания оседлого народа Руси и кочевых племен Великой Степи с распадом Золотой Орды зародилось новое войско-народ, более известное под названием казаки, которое в дальнейшем на приграничных территориях Руси преобразуется в полноценный субэтнос православных воинов. Именно иррегулярная военная школа казачества, впитав в себя все самое лучшее из военного искусства славян и тюрков-кочевников, воспитает вольное воинство, которое на протяжении веков станет эталоном иррегулярности в организации и применении военной силы, всадники которой легко переходили в пешие порядки и обратно в зависимости от требований сложившейся обстановки на поле боя.

На протяжении всего своего существования казачья иррегулярная сила не только несла службу в приграничье, но и дополняла действия частей регулярной армии во время официальных военных кампаний. Не стоит также забывать о казаках-землепроходцах, которые благодаря своей пассионар-

ности не только открывали новые земли, но и своим присутствием утверждали власть православного царя на открытых новых землях для последующего их освоения.

Следующим толчком для развития тактики действий летучей пехоты стало англо-бурское противостояние, выразившееся в цепочке двух последовательных войн (1880–1881 годы, 1899–1902 годы). В этом военном состязании иррегулярная сила европейских переселенцев в Африке, являвшаяся по сути таким же войском-народом, как и казаки, противостояла английским колониационным войскам регулярного порядка. Несмотря на то, что в итоге буры по определенным причинам, которые совсем не имели отношения к превосходству военного искусства англичан, покорились силе британской короны, европейские колонисты на практике доказали эффективность и преимущество высокоподвижной пехоты с высоким уровнем индивидуальных военных навыков и мотивации заключенных в оболочку иррегулярной формы вооруженной борьбы над военной регулярностью великой империи.

Однако после небольшого исторического забега вперед с целью приоткрыть обозначившуюся тему эволюции теории и практики применения кавалерии вернемся к ранним славянам.

Помимо наличия у ранних славян подвижной пехоты и достаточной степени выносливости и выучки рядового воина, отмечается их умение в использовании подвижных полевых

фортификационных сооружений, складывающихся из обозных повозок, которые быстро разворачивались и снимались с места по необходимости. Данная система обозных фортификационных сооружений способствовала быстрому маневру древнеславянского войска и смене тактического рисунка на поле боя, то есть вписывалась в выработанную концепцию организации и применения военной силы.

В условиях показавшей себя эффективной формы вооруженной борьбы, применяемой славянами в своих военных кампаниях наряду с превосходной степенью мотивации славянских воинов, преимущество византийских легионов в количестве и качестве вооружения ничем не могло помочь легионерам против военного искусства и уровня пассионарности древних славян в условиях ограниченной и необъявленной войны.

Военная выучка и дисциплина позволили более слабой стороне побеждать военно-политического гегемона, имеющего тотальное превосходство в экономическом и военном потенциалах, используя нестандартные для сформированного военного классицизма стратегию и тактику в рамках асимметричного военного отклика.

Использование армии с мощным военным потенциалом в конвенциональной манере совсем не гарантирует ей успеха в противоборстве с войском с заведомо меньшей военной мощью, но находящегося вне рамок общепринятой системы военных стандартов в границах определенного историческо-

го момента.

Византийские же войска на практике демонстрировали свое военное искусство в соответствии с вековыми академическими нормами военной школы Римской империи времен поздней античности и уповали на мощь и величие сложившейся военно-политической системы империи, не придавая должного внимания тем угрозам, которые таили в себе малые войны.

В середине VI века военно-политическая система Восточной Римской империи уже вобрала в себя и развила всю полноту форм и методов ведения боевых действий, актуальных для того исторического периода. Сформированная в Византийской империи военная школа позволила новоримским полководцам провести целый ряд успешных крупных военных кампаний, благодаря чему ставки императора Юстиниана I сыграли в инициированной им же Большой игре, а новоримская империя с центром в Константинополе восстановила могущество, соответствующее Древнему Риму. Но блестящие победы Константинополя в большом совсем не гарантировали ему блестящих побед в том малом, которое параллельно преследовало византийцев во время их великих свершений. Борьба с восстаниями, бунтами и набегами варварских племен в приграничье Византии давалась новым римлянам ценой внушительных репутационных и ресурсных потерь, благодаря которым василевс добивался по большей части временного усмирения локального кризиса, но никак

не полной победы над природой кризисного явления.

В общем, Восточно-Римская империя периода правления императора Юстиниана I сконцентрировала в своей военной школе большой опыт организации и применения военной силы, полученный на различных театрах военных действий и в разное время. Именно в больших и малых военных кампаниях первой половины VI века византийцы нащупывали наиболее эффективные стратегию и тактику ведения войн и боевых действий регулярного и иррегулярного порядка, которые успешно материализовывались в блестящие военные победы, что дало импульс к глубокому познанию и фиксации военного искусства византийскими историками.

Во второй половине VI и начале VII веков в Византии были написаны три обширных трактата, посвященных истории военного искусства Восточно-Римской империи в VI веке через описание войн с готами, гуннами, вандалами, франками, персами и славянами, где параллельно уделялось пристальное внимание военным школам данных народов.

Именно трудам Прокопия Кесарийского, Агафия Миринейского и автора, известного под именем Псевдо-Маврикий, суждено было стать бесценными кладями военно-исторических знаний, которые в полной мере описали военное искусство той эпохи с отображением всей полноты форм и методов ведения войны, используемых армиями различных племенных союзов эпохи Великого переселения народов. Именно эти знания оказывали, оказывают и будут про-

должать оказывать свое влияние на познание военной науки военными командирами и начальниками разных уровней военной иерархии.

В этих хрониках заложена мысль о том, что любой стандарт в теории и практике военного искусства – это всего лишь один из вариантов развития событий, а не панацея на любой случай развития событий. Лимитизация военной школы в практике ее применения на поле боя посредством «авторитетного мнения», скорее, позволит победить на поле боя свежести военной мысли и импровизации независимого и образованного командира противной стороны конфликта, чем обеспечит безоговорочную победу конвенциональных сил, возглавляемых военным невеждой, опирающимся на принятые стандарты и шаблоны, независимо от складывающейся обстановки.

Фламандцы (золотые шпоры и годендаги)

Но вернемся в западную Европу XIV века к теме битвы «Золотых шпор», произошедшей в 1302 году во Фландрии.

Более высокий уровень подготовки военных лидеров Фландрии, чем у феодальной военной машины, свежесть военной мысли, ее соответствие вызовам и возможностям собственных войск позволило им выработать эффективную стратегию и тактику против войска рыцарей Франции, которая выражалась в линейности с тактической глубиной построения народной пехоты против строя конных рыцарей в действиях от обороны.

На фоне высокой степени пассионарности народа Фландрии передовая военная школа военачальников была успешно интегрирована в войско и воплощена в практику действий на поле боя, что и позволило пехотному строю одержать военную победу в оборонительном бою.

Возродив военную организацию и тактику времен античности, полководцы фламандского войска построили классическую греческую фалангу, ошестинившуюся длинными пиками. При этом были учтены все слабые места в таком тактическом построении, тыл и фланги были надежно прикрыты непроходимыми для латных всадников естественными пре-

градами, что исключало возможность нарушить строй фаланги при помощи обходных маневров, после чего фаланга утрачивала свою боевую устойчивость. Ручей по фронту не позволил войску рыцарей нанести молниеносный удар стройным боевым порядком. Более того, линия фаланги была приведена в движение в самый неподходящий момент сражения для атакующей стороны, когда боевой порядок рыцарей был нарушен во время переправы через ручей. Таким образом фламандская фаланга, ровно, как и греческие фаланги в древности, обескуражила своего противника мощной энергией сомкнутого пехотного строя.

Глубина обороны и выделенный резерв позволили фламандцам, вооруженным простым и эффективным оружием для борьбы с закованными в железо рыцарями, успешно парировать прорыв французского войска в центре фаланги и нанести поражение рыцарям в завязавшейся рукопашной схватке, после чего французские рыцари были обращены в бегство со всеми вытекающими для них последствиями.

Особо бросается в глаза различие в классе вооружения противоборствующих сторон в сражении при Куртрэ.

Войско французского короля, основную часть которого составляли конные рыцари, имело гораздо большую номинальную стоимость, чем войско Фландрии. Каждый рыцарь был закован в железные латы, имел как минимум щит, массивные меч и копьё. Под седлом у рыцаря был дорогой конь с соответствующей его статусу сбруей с панцирной защи-

той. Все вооружение рыцаря, его средства защиты, оружие и сбруя коня нередко имели элементы дорогого ювелирного декора. Для обеспечения такого воина требовался небольшой обоз со штатом помощников – оруженосцев, которые должны были обслуживать подобную тактическую единицу. Помимо всего прочего, каждый рыцарь представлял собой статусную персону, то есть элиту аристократического общества при королевской власти, что и обуславливало его дороговизну.

Относительная дешевизна и эффективность фламандской пехоты были обеспечены тем оружием, которым была вооружена народная армия Фландрии. Для борьбы против дорогой панцирной кавалерии в войске фламандцев были созданы отряды стрелков и собственно пеших воинов – пехотинцев, которые и составили основную силу войска.

На вооружении фламандских стрелков находились стандартные на то время образцы оружия, такие как луки и арбалеты. А вот пехотному строю для противостояния удару тяжелой панцирной кавалерии нужен был такой образец оружия, который, помимо его эффективности в бою, был бы еще достаточно простой и дешевый в изготовлении, чтобы в короткие сроки возможно было быстро вооружить народную армию.

Таким оружием для строя пикинеров стали длинные пики с крюками как основное оружие пехотной фаланги для первоначальной встречи атаки рыцарей, а также годендаги и палицы,

которые являлись вспомогательным – оружием второй линии фаланги. Именно этим оружием было вооружено большое количество пеших воинов для ближнего боя с тяжелой конницей французских рыцарей, после того как атака рыцарей была встречена линией пикинеров.

Годендаг представлял собой массивную дубину ударно-колющего действия длиной более 1,5 метров, на конце которой находился мощный железный шип. Таким оружием было удобно встречать конного рыцаря в ближнем бою, массивностью которого легко было выбить рыцаря из седла или оглушить его, а мощный железный шип легко пробивал железные латы, проникая в тело рыцаря. Оружие фламандских пехотинцев второй линии как нельзя лучше соответствовало выбранной оборонительной тактике народного войска для борьбы пешего строя против тяжелой кавалерии.

Фламандский годендаг явился символом народной силы в борьбе за свою независимость и стал олицетворением так называемой «народной дубины», которая сокрушила рыцарское войско французского короля Филиппа IV.

В дополнение к соответствию военной компоненты в противостоянии с силой рыцарского войска победа Фландрии также обеспечивалась политико-экономической составляющей, которая заключалась в наличии как внутреннего, так и внешнего союзников. Внешним союзником была Англия, которая была экономически тесно связана с мануфактурщиками Фландрии (национальной буржуазией) и являлась со-

перницей Франции в борьбе за первенство в континентальной Европе, что и побуждало Англию оказывать серьезную поддержку городам Фландрии в их стремлении к независимости от власти французского короля.

Еще одним ярким примером несистемного ответа академической силе была борьба союза земель будущей Швейцарии за свою независимость в XIV–XV веках, во время которой был выкован авторитет военной школы швейцарцев.

Борьба швейцарцев за свое объединение и независимость не состояла из одной военной кампании, исход которой решило бы одно генеральное сражение, что одновременно бы определило военно-политический статус швейцарского союза.

Швейцарцы (военный лидер и сила военных знаний)

На протяжении XIV–XV веков швейцарцам приходилось постоянно доказывать свою состоятельность как военно-политического союза и добиваться с оружием в руках своего права на независимое существование.

За этот период произошли военные конфликты вокруг земель будущей Швейцарии, во время которых швейцарским войском был одержан целый ряд блестящих побед над войсками противника, причем тактический рисунок каждого победного боя швейцарцев был не похож на все предыдущие. Военная школа швейцарцев постоянно усовершенствовалась, неизменным было только одно – использование пехоты, выстроенной в сомкнутый строй баталии как главной военной силы на поле сражения, приносящей решающую военную победу над рыцарским войском феодальной системы.

Более чем полторавековую эпопею борьбы союза швейцарских земель за свою независимость можно разделить на два периода.

Первый из них, самый продолжительный, связан с противостоянием швейцарцев и австрийской империи Габсбургов, который длился с 1315 по 1474 год и завершился заключением мира между австрийским герцогом Сигизмундом и

швейцарцами.

Первая значительная победа швейцарской военной школы над феодальной была одержана в 1315 году в битве у горы Моргартен.

Оперативная линия, вдоль которой произошла боевая активность противостояния между войском Габсбургов и войском союза «лесных земель» осенью 1315 года, проходила по дороге между городами Цуг и Швиц. Ровно посередине данного направления участок дороги проходит через узкое пространство, ограниченное с одной стороны северо-восточным берегом озера Эгеризе, а с другой стороны – горной грядой горы Моргантен.

После того как союзу «лесных земель» стало известно направление основного удара войска рыцарей, конечной целью которых был город Швиц, швейцарцы незамедлительно приступили к подготовке операционного района к надвигающемуся сражению.

В первую очередь были подготовлены фланговые крылья, которые надежно закрывали подступы к городу Швиц по дороге Цуг – Швиц. Фланговые крылья были обеспечены за счет восстановления старых засечных линий, которые у местного населения назывались летцины.

Данные фортификационные сооружения представляли собой линию стен, высота которых достигала 4 метров с вкраплениями сторожевых башен. С левой стороны по направлению движения от Швица до Цуга долину Швиц при-

крывала летцина длиной около 8 километров, протянувшаяся от соответствующего берега Фирвальдштетского озера через горы Риги и Росберг к южной оконечности озера Эгеризе. С правой стороны долина была прикрыта четырехкилометровой оборонительной линией, которая проходила чуть выше города Альтмат и упиралась в склон горы Моргантен.

Естественно, что ландшафт местности в районе связи городов Цуг – Швиц и удачно наложенная на него оперативно-тактическая обстановка вместе явили собой благоприятные условия для швейцарцев, чтобы организовать ловушку для австрийских войск. Таким образом швейцарцами искусно были сделаны так называемые «пригласительные ворота» для рыцарей Габсбургов, через которые колонна всадников попадала в тактический мешок.

Войско рыцарей двигалось походной колонной, состоящей из трех частей. Первой из них был рыцарский авангард, за которым двигались главные силы рыцарей, замыкал колонну обоз со вспомогательной пехотой.

Первыми, как и положено, в боевое соприкосновение вступили небольшие авангардные группы противоборствующих сторон. На подходе к южной оконечности озера движение авангарда рыцарей было остановлено искусственной преградой – завалом дороги, созданной швейцарцами между подножием горы и берегом озера. Передовая группа швейцарцев, искусно используя рельеф местности, обрушила на авангард рыцарей поток камней и бревен, чем сразу же рас-

строила боевой порядок противника и привлекла все внимание феодалов к месту засады.

В сложившейся обстановке колонна главных сил рыцарей по инерции накатилась к месту засады, оказавшись в стесненных для себя условиях была дезорганизована. В момент, когда строй рыцарей стал представлять собой неуправляемую ораву тяжеловооруженных всадников, на главные силы австрийцев была произведена атака с двух направлений.

С горы Моргартен на рыцарей покатались бревна и большие камни, одновременно в дело вступили главные силы союза «лесных земель». Со склона горы стремительно двинулась ошестинившаяся алебардами баталия швейцарцев, заходившая в тыл основным силам Габсбургов.

Не выдержав натиска плотного строя швейцарской пехоты и не сумев организовать какое-либо малое сопротивление, чтобы вывести из-под удара основные свои силы и построиться в новый боевой порядок, рыцари вместе со своим герцогом пустились в бегство. Паника быстро распространилась на все три части войска австрийцев, что позволило пехоте швейцарцев в ходе короткого преследования полностью разгромить рыцарей.

Вследствие полной победы в районе горы Моргартен в 1315 году союз «лесных земель» укрепил свои политические позиции в регионе и стал прирастать новыми землями.

Далее, в 1339 году швейцарские баталии успешно противостояли войску коалиции феодалов, представлявших инте-

ресы епископов Лозанны и Базеля, которые состояли в союзе с городом Фрайбург.

В этом конфликте швейцарские кантоны вступились за горожан города Берн, которые перешли к открытому конфликту с Людовиком Баварским, отказавшись признавать его императором.

Коалиция феодалов выставила крупный отряд рыцарей, численность которых варьировалась от 1 до 3 тыс. человек, и 15 тыс. пехотинцев. Против рыцарей вышли 6 тыс. бернцев, руководимых знатным рыцарем Рудольфом фон Эрлахом, в числе которых было около 1 тыс. бойцов пехоты союза «лесных земель».

Боевой порядок швейцарцев состоял из трех основных частей, что позволяло им эффективно маневрировать тактическими единицами на поле боя при организации взаимодействия между ними. В авангарде находилась баталия 30 рядов × 30 шеренг численностью в 1 тыс. кантонцев, главная баталия имела размер 50×50 и включала 3 тыс. солдат и остальные 2 тыс. швейцарских пехотинцев образовали арьергардную баталию размером 40×40. В боевом порядке швейцарцев между баталиями располагались две группы рыцарей, а по фронту каждой из баталий была выстроена линии стрелков.

Фон Эрлах, не изменяя тактике действий швейцарской баталии, расположил свое войско на господствующей высоте (гора Брамберг).

Построение войска феодальной коалиции также претерпело значительные изменения по сравнению с прошлым сражением. В боевом порядке феодалов были уже две основные единицы и одна маневровая группа. По фронту, непосредственно перед авангардом швейцарцев был выстроен строй рыцарей, а перед главной баталией войска бернцев была выстроена линия всей фрайбургской пехоты.

Маневровая группа феодалов, в которую вошли отряд рыцарей и отряд пехоты, сделала первый шаг, выдвинувшись вперед в надежде зайти в тыл швейцарцам через их левый фланг. После того как объединенная группа завершила свой обходной маневр и вышла на арьергард бернцев, рыцари и фрайбургцы с ходу атаковали противника. В результате быстрой атаки баталия швейцарцев была дезорганизована, и ее пехотинцы бросились бежать по дороге в сторону Берна. К счастью швейцарцев, маневренная группа феодалов двинулась в преследование убежавших солдат противника, оставляя поле боя. Таким образом первоначальный успех рыцарей не был развит и в дальнейшем сражении маневровый отряд рыцарей не принял никакого участия.

По какой-то причине рыцарями не было организовано взаимодействие между основными силами и маневровой группой, более того, группа обхода полностью исключила себя из дальнейшего противостояния.

Первоначальный успех маневренной группы рыцарей и удачно сложившаяся тактическая обстановка на поле боя не

были использованы войском Людовика Баварского, в результате был потерян темп и упущена инициатива. Кроме того, швейцарские баталии продолжали занимать выгодные позиции на поле боя, наблюдая за своим противником с высоты склона горы, а ведь маневренная группа феодалов должна была нивелировать данное превосходство и заставить баталии швейцарцев сойти со своих оборонительных позиций первыми. Подобная непростительная ошибка дорого обошлась войску коалиции феодалов.

В свою очередь швейцарцы продолжали стоять в своих оборонительных порядках, занимая господствующую высоту и готовясь встретить своего противника.

Далее фрайбургская пехота выдвинулась на главную баталию швейцарцев. Здесь швейцарцы не стали просто дожидаться, когда атакующая сторона достигнет боевого порядка их главной баталии, а начали действовать с дистанции, используя преимущество своего географического расположения, не вступая в прямое боевое соприкосновение.

Сначала на строй атакующих со склона горы посыпался град камней, которые бросали бойцы швейцарской пехоты, что расстроило боевой порядок фрайбургской пехоты в момент ее атаки. Таким образом для швейцарцев в дополнение к их преимуществу в географическом расположении на поле боя добавилась удачно сформированная тактическая обстановка, что обеспечило необходимые им благоприятные условия для начала решающей контратаки.

Удачно проведенные подготовительные мероприятия позволили главной баталии швейцарцев успешно контратаковать своего противника.

Другая тактическая единица швейцарских сил – авангард, видя успех своей главной баталии и не теряя общего темпа сражения, двинулись на левый фланг коалиционных сил, где располагались рыцари.

В ответ рыцари-феодалы контратаковали пехоту союза «лесных земель», которые в свою очередь, оцетинившись пиками, образовали так называемого «ежа» для ведения оборонительного боя против тяжеловооруженных всадников. Окружив швейцарского ежа, рыцари так увлеклись своей контратакой, в которой уже полностью был нарушен их боевой порядок, что сами не заметили, как были атакованы с тыла швейцарской пехотой главной баталии, которая к этому моменту уже успела разобраться с фрайбуржцами и поспешила на помощь своему авангарду.

В результате все силы коалиции феодалов были обращены в бегство, а общие потери войска феодалов в этом бою составили около 4 тыс. человек.

Главное, что бросается в глаза в организации сражения победителями – грамотно организованное взаимодействие между тактическими единицами на поле боя, сильная воинская дисциплина в рядах баталий, бойцы которых не дрогнули после первой атаки обходного отряда рыцарей, в результате чего был опрокинут арьергард бернцев.

Победа швейцарцев была также обеспечена высокой профессиональной выучкой их пехоты, четкостью и слаженностью действий, проявленных в своевременных маневрах баталий на поле боя.

Все это в большей степени было достигнуто благодаря профессионально-волевым качествам военного лидера войска швейцарцев – рыцаря фон Эрлаха.

Выдвинутое условие, при котором опытный рыцарь Рудольф фон Эрлах соглашался возглавить силы швейцарцев в борьбе против коалиции феодалов, заключалось в принятии швейцарцами всей полноты его военной власти и точного выполнения его приказов.

Таким образом еще в самом начале фон Эрлахом как командующим войском швейцарского союза была решена задача по установлению строгой дисциплины в войске, что стало весомым дополнением к высокому мотивирующему фактору, царившему в лагере союза швейцарских земель.

Далее фон Эрлах приступил к боевой подготовке, обучая швейцарские баталии их будущим действиям на поле боя в рамках им задуманной тактики.

Этому знаменитому рыцарю-полководцу принадлежит замечательная фраза, произнесенная им во время периода подготовки швейцарского войска к противостоянию с коалиционными силами Людовика Баварского, которая гласит:

«У кого больше военных знаний, тот и сильнее».

В своем замысле действий рыцарь Эрлах опирался на

функционал баталий пехоты как основной ударной силы на поле боя при относительно небольшом числе стрелков и всадников как вспомогательной силы против действий войска, основной ударной силой которого являлись рыцари.

Между баталиями было организовано эффективное взаимодействие в свете общего плана действий в бою. На протяжении всего сражения швейцарцы умело маневрировали баталиями, перехватывали инициативу у своего противника и не теряли темпа своих действий.

При отслеживании хода событий в битве при Лаупене 1339 года в действиях войска под руководством рыцаря фон Эрлаха прослеживались предварительные мероприятия, которые подготавливали благоприятную почву для дальнейших решающих действий.

С самого начала, принимая во внимание то, что рыцари будут исповедовать атакующую тактику действий, фон Эрлах расположил свои силы на выгодных для себя позициях, заняв вершину горы Брамберг и приготовив свои баталии к первоначальному оборонительным действиям.

В ходе сражения швейцарцы сначала хладнокровно вынуждали противника нарушить свои боевые порядки, после чего наносили решающие контрудары, используя мощь своих баталий, двигавшихся сверху вниз.

После того как рыцари не воспользовались плодами своего первого успеха, главная баталия швейцарцев сначала вывела из боя пехоту Фрайбурга и завладела оперативной ини-

циативой и центром поля боя. Далее в продолжение развития успеха, начатого пехотой главной баталии, авангард кантонской пехоты вытянул на себя главные силы рыцарского войска, заставив его также нарушить свой боевой порядок, после чего главная баталия швейцарцев, совершив маневр и зайдя в тыл рыцарям, благополучно разделалась с рыцарями, обернув их в бегство.

В конечном итоге можно констатировать, что авторитет фон Эрлаха как военного специалиста и организатора позволил подготовить военные силы союза швейцарских земель, которые в итоге и исполнили его тактический замысел на поле боя, что обеспечило военную победу швейцарцев над феодалами. Военная победа придала еще больше политического веса лесным кантонам и городам будущей Швейцарии.

Следующий бой при Земпахе, случившийся в начале июля 1386 года, также стал очередной славной страницей в истории военного искусства швейцарцев, во время которого войско Габсбургов потерпело поражение.

При Земпахе также, как и в предыдущих битвах, победа швейцарцев над войском рыцарей империи Габсбургов была обеспечена разделением пехоты на тактические единицы, грамотным использованием рельефа местности, организацией взаимодействия и своевременностью маневра.

На первом этапе на встречных курсах столкнулись авангарды противоборствующих сторон, что и определило место поля боя. Пехота швейцарцев незамедлительно заняла

оборонительную позицию на пересеченной возвышенности, вызывая рыцарей на себя. При этом основные силы швейцарцев, оставаясь вне зоны видимости для противника, уже скрытно выходили на рубеж контратаки.

Первыми к точке приложения силы подошла передовая колонна основных сил рыцарей, возглавляемая самим герцогом Леопольдом. Рельеф поля боя не позволял рыцарям действовать в конном порядке, поэтому рыцари спешились и приступили к штурму швейцарской позиции в пешем порядке.

В этот момент австрийский герцог совершает фатальную ошибку и лично возглавляет атаку на затравочный авангард швейцарцев, выпадая из общего управления своими силами в завязавшемся бою.

Поначалу для рыцарей все складывалось хорошо, их стрелки выбивали швейцарских солдат из боевого порядка, но когда герцог Леопольд лично повел спешенных рыцарей в атаку, не дождавшись подхода второй части походной колонны своих рыцарей, наступил кульминационный момент битвы.

В отличие от своего противника, как показал дальнейший ход событий, швейцарцы сохраняли общее управление боем и взаимодействие между своим авангардом и основными силами.

Несмотря на потери, ошетилившийся «еж» авангардной баталии швейцарцев стойко держался, удерживая занятую

позицию, ожидая подхода своих главных сил. И в решающий момент основные силы швейцарцев вышли на рубеж атаки, быстро построились в свой излюбленный боевой порядок и контратаковали рыцарей с тыла. Так как герцог Леопольд заранее не позаботился о своих тылах и, не дождавшись подхода и изготовки к бою всех своих сил, слепо бросился в атаку, то контратака основной баталии швейцарцев оказалась крайне успешной и ошеломительной для самого Леопольда.

Выход на поле боя основных сил противника был для рыцарей настолько неожиданным, а сила натиска швейцарской баталии была настолько мощной и быстрой, что элитных рыцарей вместе с их коноводами и оруженосцами охватила паника. Участвующие в бою рыцари были опрокинуты и обращены в бегство.

Вслед за ударной группой рыцарей панике поддалась и остальная часть габсбургского войска, которая еще была на марше. Среди элитных рыцарей не нашлось никого, кто бы построил их войско в боевой порядок для совершения контратаки своими главными силами. Вместо этого закованные в латы рыцари войска Габсбургов в массовом порядке показали свои блестящие спины швейцарским крестьянам.

В итоге на девятый день июля 1386 года на поле боя при Земпахе осталось неподвижно лежать большое число рыцарской знати вместе с самим герцогом Леопольдом. Таков был итог очередного противостояния элитного феодального войска со свободолюбивыми крестьянами швейцарского союза.

В XV веке, после того как в 1474 году между швейцарцами и германским императором был заключен мирный договор, закрывалась страница борьбы швейцарских кантонов с Габсбургами за свою независимость. И теперь союзники-швейцарцы как субъект европейской политики входили в циничный мир взрослых игр на европейском континенте.

Очень скоро швейцарцы стараниями французского короля Людовика XI и дома Габсбургов были втянуты в войну с бургундским герцогом Карлом Смелым.

Таким образом открывалась новая страница противостояния военной школы европейских горцев с феодальной военной силой, представителем которой на этот раз стала армия герцога Бургундского. И в этом противостоянии швейцарцы уже выступали не как борцы за свою независимость, а как завоеватели и грабители.

Это оказался короткий период противостояния, продлившийся всего с 1474 по 1477 год, в котором союз швейцарских земель посредством политических интриг французского короля и германского императора был втянут в войну с коалицией феодальной знати.

За время Бургундской войны произошли две баталии между швейцарской пехотой и войском бургундского герцога, которые в большей степени и решили исход бургундско-швейцарского противостояния.

Итак, в ответ на опустошительные походы войск Берна и Фрайбурга в пределы Бургундии и Ваадта Карл Смелый вы-

ступают в поход против швейцарского Берна. Пройдя перевалы Юрских гор, 19 февраля 1476 года войско бургундского герцога вышло в район города Грансон и осадило его. Крепость города удерживалась гарнизоном швейцарцев, насчитывающим около 500 воинов.

После того как 28 февраля швейцарские солдаты сдались без боя и бургундцы без проблем заняли город Грансон, у Карла Смелого появился плацдарм, с которого открывался путь на город Берн, знать которого была главным зачинщиком враждебных действий против Бургундского герцогства.

Здесь необходимо отметить, что в распоряжении Карла Смелого была армия численностью около 14 тыс. человек, имевшая крайне прогрессивное разделение на рода войск, которые в своем взаимодействии способны были разделаться с непобедимыми швейцарскими баталиями в открытом бою.

На 2–3 тыс. рыцарей-жандармов тяжелой кавалерии приходилось 7–8 тыс. стрелков (лучники/арбалетчики), от 3 до 4 тыс. пеших пикинеров и несколько сотен артиллерийских орудий.

Таким образом в распоряжении Карла Смелого была сухопутная армия, включающая в себя три рода войск: кавалерию, пехоту, артиллерию.

Подобная прогрессивная структура организации военной силы предъявляла и крайне высокие требования к качеству ее управления, то есть необходимого соответствия уровня подготовки командного состава армии ее структуре, харак-

теристикам вооружения и качеству воинов.

И как время покажет, феодальная военная знать не была готова к тем новшествам в военном деле, которые меняли подходы к организации и применению военной силы, исходя из процесса эволюции средств поражения живой силы противника, а именно появления и развития огнестрельного оружия.

Между тем дорога на Берн пролегла через узкий участок местности, с одной стороны зажатый грядой Юрских гор, а с другой – берегом Невшательского озера (Нейбургское озеро). Это природное дефиле располагалось на линии Грансон – Невшатель (Нойенбург), полоса которого и определила район предстоящего противостояния армии швейцарских кантонов с армией Бургундского герцогства.

Со стороны Грансона выход с дефиле закрывал замок Во-маркюс, который располагался неподалеку от городка Консиз, исходя из чего Карл Смелый начал формировать район боевых действий в ожидании подхода швейцарских сил.

В районе самого Грандсона бургундцами был выстроен выгодный оборонительный рубеж, для того чтобы вести боевые действия от обороны.

Далее за день до прихода швейцарцев бургундский герцог выставил небольшой гарнизон в замке Во-маркюс, о который, по замыслу Карла, должны были споткнуться выходящие из дефиле швейцарцы.

Таким образом Карл Смелый определял район городка

Консиз как поле боя, на котором он встретит швейцарское войско. Встреча противника на участке выхода из ущелья была наиболее выгодной для бургундской армии. К преимуществу бургундцев в качестве их военной силы добавилась благоприятная обстановка в районе боевых действий, которая сулила швейцарской пехоте большие проблемы.

В это же время швейцарцы, чьи 19 тыс. солдат были сосредоточены в городе Невшатель, получив трагические для них вести из Грандсона, выступили на встречу с бургундцами, путь к которым лежал через ущелье, образованное склоном Юрской горной гряды и берегом Невшательского озера.

Утром 2 марта 1476 года главные силы противостоящих сторон пришли в движение, выходя на рубеж прямого контакта. Как и предполагал Карл Смелый, передовые силы воюющих сторон вышли друг на друга в районе замка Во-маркюс, после чего незамедлительно завязался авангардный бой.

Передовая стычка постепенно, как воронка, стала затягивать в себя все больше сил.

Карл Смелый лично возглавил свои передовые отряды для атаки на выходящих из узкого пространства швейцарских воинов, и здесь бургундцы имели большую степень свободы для маневра и применения своей силы в отличие от своего противника.

Складывающаяся оперативная обстановка на поле боя у Во-маркюса позволяла бургундскому герцогу разделаться со

швейцарцами, уничтожая их силы порционно, не давая европейским горцам сформировать их излюбленный боевой порядок – швейцарскую баталию в форме огромного четырехугольника.

Но после нескольких часов передового боя герцог Карл Смелый принимает алогичное решение, оставляет природные ворота из ущелья и отступает в сторону городка Консиз для изготовки к бою на равнинной местности.

Таким образом швейцарцы вместе с любезным приглашением к бою получили еще такие необходимые им время и место для формирования своего первого боевого порядка, которым они могли уже организованно противостоять бургундцам, прикрывая выход остальных своих сил из дефиле с последующим их построением в новую баталию.

Так бургундским герцогом Карлом Смелым был упущен первый шанс нанести чувствительное поражение швейцарскому союзу с минимальными для себя усилиями и потерями.

Но и здесь, в предлагаемом швейцарцам регулярном сражении у бургундцев были все шансы победить, потому как на их стороне было превосходство в кавалерии и, самое главное, в артиллерии при достаточном количестве стрелков и пикинеров. И всей этой армии швейцарцы противопоставляли однородное войско, в котором основой была пехота – алебардисты и пикинеры, построенные в крупные цели для бургундской артиллерии – квадраты баталий с уже хорошо

известной тактикой действий.

Воспользовавшись оплошностью бургундского герцога, швейцарцы успели построить крупную баталию численностью в 8 тыс. пикинеров и алебардистов, что составляло чуть меньше половины всей их армии. При передовой баталии швейцарцам удалось собрать небольшое число всадников, стрелков и несколько орудий, но их количества было явно недостаточно для того, чтобы играть на поле боя какую-либо значимую роль. К примеру, в сопровождении первой баталии у швейцарцев было всего около 60 всадников.

В свою очередь Карл Смелый выстроил боевой порядок в довольно странной конфигурации, если не сказать более, а за ним ставит богатый полевой лагерь, что косвенно свидетельствует о том, что в боевом порядке находилась как минимум большая часть бургундской армии.

Итак, в чем же была странность построения боевого порядка бургундцев?

Бургундские войска были построены линейным порядком с глубиной в три основные линии, и каждая из фронтальных линий включала боевые единицы только одного рода войск, то есть была однородной.

Подобная конфигурация боевого построения уже с нулевой точки боя была несбалансированной и требовала перестроения во время начавшегося сражения, чтобы отвечать реалиям боевой обстановки. А это все временные затраты даже при идеально исполняемом перестроении, что дает

противнику то же самое время для того, чтобы выйти на рубеж прямой атаки и обрушиться во фронт всей мощью баталии.

Но это не самое главное упущение Карла Смелого. На свою беду, он выбрал очень странную очередность расположения родов войск в боевом порядке. Первая линия была отдана тяжелой кавалерии, за которой была выстроена линия бомбард, и только в третьем эшелоне стояла пехота – пикинеры и алебардисты.

Такая странная структура боевого порядка не только затрудняла маневрирование и ведение огня, но и еще, что важно, лишала бургундцев устойчивости при натиске противника, потому как пехота, основная сила сдерживания и удержания позиций, находилась в арьергарде боевого построения.

К тому же при развитии ситуации, в которой баталия противника войдет в боевое соприкосновение с линией пехоты, последняя не будет иметь поддержки ни от своей кавалерии, ни от артиллерии, так как первые две линии будут уже проломлены силой удара швейцарской баталии, в результате которого кавалерия будет дезорганизована, а линия артиллерии будет как минимум нефункциональна.

Итак, 2 марта 1476 года после утреннего затравочного боя у замка Вомаркюс противоборствующие стороны выстроили свои боевые порядки на открытой местности недалеко от городка Консиз. Силы были изготовлены к началу сражения, при этом бургундцы на момент начала сражения имели чис-

ленное преимущество над швейцарцами, так как большая часть союзной армии еще не вышла из ущелья. Но данное положение дел в перспективе развития сражения обеспечивало европейским горцам преимущество, так как в отличие от противника швейцарцы рассчитывали на силы крупного резерва, который рано или поздно войдет в дело вторым темпом.

После того как бургундские стрелки произвели обстрел баталии швейцарцев, результат которого, судя по данным потерь, не имел необходимого эффекта, бургундский герцог Карл Смелый сразу же смело пустил в дело своих элитных рыцарей-жандармов.

По команде своего герцога в атаку сорвались рыцари левого фланга, заходя со стороны горной гряды в правофланговую сторону квадрата швейцарской баталии.

Бургундские жандармы легко прошли через внешний охранный периметр баталии, состоявший из небольшого числа швейцарских всадников и стрелков, но при выходе на рубеж атаки самой баталии рыцарей ждал «сюрприз». Вооруженные четырехметровыми копьями рыцари врезались в линию частокола шестиметровых пик, которыми ошетижилась для отражения атаки швейцарская баталия.

Результат подобной самоубийственной атаки был предре-шен. Напорвшись на непреодолимую щетину швейцарской баталии и потеряв в атаке своего командира – рыцаря Шато-гюйона, обескураженные жандармы бросились в отступле-

ние.

Одновременно с этим действием оживилась и вся картина начинающегося сражения, вот только действия сторон обретали разные мотивации.

Как оказалось, уже в самом начале сражения наступала его кульминационная часть, а стоящим друг против друга войскам не суждено будет сойтись в бою в полную силу.

После отбития фланговой атаки многотысячная швейцарская баталия с боевыми криками пошла в атаку. В это же самое время бургундская конница стала уходить с правого фланга в тыл своего боевого порядка, открывая во всю ширину горизонт для линии своей артиллерии.

Но подобный маневр, осуществляемый на фоне бегства рыцарей левого фланга и начавшейся контратаки швейцарской баталии, был воспринят бургундскими артиллеристами и пехотинцами как начало всеобщего отступления.

Начинающаяся паника привела к полной дезорганизации феодальной армии, из-за чего сработал эффект домино, и весь оборонительный порядок бургундцев посыпался. Началось бесконтрольное отступление или, проще говоря, стремительное бегство бургундских солдат и их командиров.

К счастью для убегающих, у их оппонентов не было достаточно сил и средств, чтобы провести преследование и физически покончить с армией Карла Смелого в этом боевом столкновении. Швейцарская пехота и ее немногочисленная кавалерия могли преследовать противника лишь накоротке,

в пределах поля боя и то, судя по потерям с бургундской стороны, это было, скорее, не преследование, а занятие оставленных позиций и территории.

В общем, только что начавшееся сражение закончилось бегством одних и занятием поля боя другими.

Общие потери сторон в этом странном сражении оказались невелики относительно той численности воинов, которые были выстроены друг против друга в предместье Конси-за.

Швейцарцы и бургундцы потеряли в сражении при Грансоне примерно одинаковое число воинов, количество которых с каждой стороны варьировалось в пределах 200–300 человек, причем основным поражающим элементом для швейцарцев стали стрелы и болты арбалетов противника.

Но самой главной потерей для бургундского герцога и приобретением для швейцарцев в материальном отношении стало оставление на поле боя 400 артиллерийских орудий – бомбард, то есть всей феодальной артиллерии. Помимо оружия, в качестве трофеев швейцарцам достался дорого-богато убранный полевой лагерь бургундского герцога.

В сражении при Грансоне бургундцам не хватило одного маленького, но критически важного условия, отсутствие которого полностью нивелировало все преимущества новой феодальной армии и сложившейся в их пользу оперативной обстановки над уже утрачивающей свою актуальность тактикой швейцарской пехоты, и это условие выразалось в на-

личии командира, способного правильно пользоваться находившимся у него в руках армейским механизмом.

Герцог Бургундский Карл Смелый в своих действиях и познаниях военного дела еще не дорос до необходимого уровня управления такой сложной армейской структурой, которая оказалась в его подчинении. По архитектуре построения и очередности действий бургундских войск видно, что по своей ментальности Карл Смелый еще находился в парадигме старой военной школы феодальной Европы, опиравшейся на блеск и грубую силу своего спесивого рыцарства.

История войн уже не раз доказывала правоту утверждения:

«Правильно выбранная стратегия действий при слабом тактическом исполнении рано или поздно приведет к победе».

В своем реверсном смысле для большего понимания это выражение можно трактовать и следующим образом:

«Каким бы сильным не было войско своими бойцами, но неправильно выбранная стратегия действий приведет их к горькому поражению».

И как тут еще раз не вспомнить поговорку про «Львов и Оленей»!

Но именно в этом сражении ни у одной из сторон во главе армии не оказалось того самого «льва», который смог бы грамотно воспользоваться просчетами противника, не говоря уже о том, чтобы самому подготовить все условия к успе-

ху и привести свою армию к блестящей победе.

В 1476 году под Гарсоном была написана яркая страница беспрецедентных ошибок в книге истории военного искусства, совершенных и швейцарскими, и бургундскими военачальниками, степень фатальности которых при их копировании подведет к горькому поражению любое войско хорошо подготовленных солдат при должном контрапартнере.

И этот трудный опыт совершенных в марте 1476 года ратных ошибок как унифицированный пример для процесса выведения логического решения военных задач не должен затеряться среди множества военных партий, разыгранных в разное время разными игроками.

Еще до начала сражения на подготовительной его стадии стороны решали задачи того, где произойдет бой, и процесс определения поля боя, по логике вещей, должен был происходить, исходя из структуры войска и его вооружения, а также той тактики действий, которая соответствовала эффективности его (войска) применению.

И если с действиями бургундцев, навязывавших своему противнику сражение на открытой местности, было все понятно и логично, то вот решение швейцарцев выйти на предлагаемое им поле боя совсем не кажется правильным и логичным.

Несмотря на то, что со времен сражения при Моргартене, в котором швейцарская пехота победила войско рыцарей империи Габсбургов, прошло всего сто шестьдесят лет, это-

го времени хватило наследникам тех швейцарцев, для того чтобы забыть этот бесценный опыт.

Схожесть ландшафта природного дефиле, образованного Юрскими горами и берегом Невшательского озера с местностью, где произошел бой 15 ноября 1315 года, должна была натолкнуть швейцарских командиров Николя де Шарнахталя (г. Берн), Ганса Вальдмана (г. Цюрих) и Генриха Хассфуртера (г. Люцерн) снять с того сражения кальку и устроить засаду уже на бургундских рыцарей, заманив их в узкое пространство.

Но, как уже известно, такая мысль не пришла в голову никому из швейцарских офицеров, и они уверенно привели свою пехоту на открытое пространство в районе городка Консиз, куда их вежливо пригласил герцог Бургундии Карл Смелый.

Такова была стратегическая ошибка швейцарцев: их армия выходила на поле боя, где их ожидали войска бургундского герцога, для которого вначале все складывалось как нельзя лучше.

Но, к счастью для швейцарцев, дальше в противостоянии при Гарсоне наступало время совершения фатальных ошибок со стороны Карла Смелого, из-за которых армия, имевшая в своем арсенале все, чтобы разделаться с многочисленной швейцарской пехотой в большом сражении, после первого же скрещения оружия бесславно бежит с поля боя, оставляя противнику богатые трофеи.

Причина такого развития событий уже в самом начале боя кроется в ошибках Карла Смелого, которые он совершил, готовясь к прямому противоборству, выбирая для него свою тактику действий.

В первую очередь герцог Бургундии не понимал функционала, находившихся у него под рукой пехоты, артиллерии и кавалерии, отсюда и все его фатальные ошибки.

Сначала Карл Смелый неправильно расположил относительно друг друга подразделения трех родов войск в боевом порядке, а уже потом была нарушена очередность применения силы в бою. И завершали череду глупостей бургундцев в «гениальном» замысле на сражение внутренние маневры – перестроения, которых можно было бы полностью избежать при первоначальном правильном боевом построении своих войск.

Но произошло так, как произошло, и после начавшихся рыцарских перестроений рухнул весь боевой порядок армии бургундского герцога вместе с их «will to fight».

Странная битва – так можно назвать сражение при Грансоне, исходя из тех обоюдных ошибок, которые совершили противоборствующие стороны, и того финала, который подвел черту в противостоянии между армиями швейцарских кантонов и Бургундского герцогства 2 марта 1476 года.

В сражении при Грансоне ни одна из сторон не понесла серьезных людских потерь, а вот репутационные потери для бургундского герцога были слишком велики в связи с бег-

ством с поля боя армии, которая имела более высокий организационный уровень и полное превосходство в кавалерии и артиллерии. Вдобавок ко всему, горечь поражения бургундцев была усилена тем количеством и ценностью трофеев, которые достались швейцарцам в результате бегства армии Карла Смелого.

Кстати, легкая победа сыграла злую шутку с победителями, а проигравшим дала шанс на реванш.

Пребывая в эйфории от легкой победы и добытых трофеев, швейцарцы решили, что с бургундцами в военном отношении уже покончено, и наступило самое время разойтись по своим родным кантонам, что позволило бургундскому герцогу Карлу Смелому реорганизовать свою армию под носом у швейцарцев в Ваадте при полном попустительстве последних.

Таким образом счет в противостоянии с обеих сторон оставался незакрытым, что неминуемо подведет бургундцев и швейцарцев к новой очной встрече, тем более что у нее были очень влиятельные сторонние заинтересанты в лице Франции и Священной Римской империи.

Уже через несколько месяцев после того, как бургундский герцог восстановил свои силы в Ваадте, он оставил свою штаб-квартиру в Лозанне и выдвинулся со своей армией к новому месту встречи с бернцами.

Из Лозанны к главному обидчику и раздражителю Бургундского герцогства – Берну можно было добраться двумя

параллельными путями, один из которых проходил через город Муртен, а другой путь лежал через город Фрайбург.

И в Муртене, и в Фрайбурге находились гарнизоны швейцарских сил, но каждый из указанных городов имел собственный статус, который по-разному мог оказать влияние на ход кампании при воздействии на него силы бургундцев.

Если Фрайбург (гарнизон 1 тыс. человек) юридически и физически был частью Швейцарского союза, и нападение на него однозначно воспринималось швейцарцами как атака на весь союз, то статус занятого бернцами города Муртен совсем не обязывал всех швейцарцев немедленно выступить на его защиту или вообще вписываться за бернцев.

До 1457 года последний город принадлежал Бургундскому герцогству, но после того как в указанном выше году горожане добровольно перешли на сторону швейцарцев, а в городе был размещен гарнизон бернских солдат, Муртен обрел спорный статус – де-факто принадлежал Берну, а де-юре все еще считался за Бургундским герцогством,

то есть Муртен стал той самой серой зоной для Швейцарского союза, из-за которой не все кантоны горели желанием связываться в войну с Бургундией, тем более что многие понимали настоящую подоплеку конфликта между швейцарцами и бургундцами и кто на самом деле являлся прямым бенефициаром этой войны.

Итак, в случае с первоначальным нападением на швейцарский Фрайбург бургундцев ждала немедленная реакция

швейцарцев, при которой бургундский герцог не мог бы рассчитывать на раскол в стане противника и затянувшуюся реакцию европейских горцев, как это было бы в случае его атаки на непризнанный всеми швейцарскими кантонами Муртен.

Именно исходя из разности статусов обозначенных городов, Карл Смелый и сделал свой выбор в пользу Муртена, рассчитывая на то, что разошедшихся по домам после победы при Гарсоне солдат восточных швейцарских кантонов будет труднее опять мотивировать на войну с Бургундией и быстро собрать в единую армию, если под удар бургундцев попадет город, не являющийся субъектом Швейцарского союза.

Новой тактической песочницей, в рамках которой солдаты Бургундского герцогства и Швейцарского союза сойдутся в смертельной схватке, стали окрестности города Муртен, что располагался в 25 километрах от Берна.

9 июня 1476 года обновленные войска Карла Смелого осадили Муртен, в котором оборону держали 1,5 тыс. бернских солдат во главе с опытным Адрианом фон Бубенбергом.

Крепость Муртен стояла на берегу одноименного озера, и если со стороны суши бургундцы основательно подошли к блокаде крепости, то со стороны озера крепость не была блокирована, поэтому по озеру небольшой гарнизон Муртена вовремя и бесперебойно получал всю необходимую помощь в течение всего времени осады.

С суши швейцарская крепость была взята в двойное кольцо окружения. На ближнем радиусе располагались силы непосредственной осады, а на внешнем радиусе бургундцы возвели фортификационную кордонную линию на расстоянии 1,5–2 километра от стен крепости для защиты своих штурмующих войск и полевого лагеря в случае подхода основных сил швейцарцев извне.

На этот раз, в отличие от событий трехмесячной давности, солдаты осаждаемого гарнизона дали должный отпор феодальной армии и совсем не собирались сдаваться, а со стороны Берна вскоре выступила крупная сила швейцарцев на помощь гарнизону Муртена.

Стойкость гарнизона Муртена заставлял бургундцев, ожидавших подхода главных сил швейцарцев, с предосторожностью относиться к этому внутреннему тыловому направлению, чтобы не получить удар в спину в момент наивысшего напряжения во время большого сражения.

Уже 12 июня Карл Смелый решил выйти за рамки периметра Муртена, предпринял неуверенную попытку расширить операционную зону своего влияния и закрепиться на линии Гюмменен – Лаупен.

Природные особенности данного операционного направления были таковы, что русло реки Заана разделяло пространство между Муртеном и Берном ровно посередине, и по руслу реки было только два места, где бы армия швейцарцев могла выйти на половину Муртена. Эти две точки вхо-

да были связаны с городками Гумменен и Лаупен, располагавшимися на берегу реки; через них проходили две дороги, одна из которых соединяла непосредственно Муртен и Берн, а другая связывала Берн с Фрайбургом.

Но за недостаточностью для такой операции сил, накат бургундцев был успешно отбит европейскими горцами, и передовые силы Карла Смелого, оставив свою затею, вернулись к месту своей дислокации.

Однако у этой бургундской дерзости осталось одно «маленькое», но далеко идущее последствие, не оставшееся без внимания бернцев, знать которых воспользовалась непростительной оплошностью своего противника по полной.

Дело в том, что Карл Смелый предпринял безрезультатную для себя, но результатную для бернцев атаку на земли одноименного швейцарского кантона, совершив акт прямой агрессии против Швейцарского союза.

Очевидно, что 12 июня герцог Бургундский совершил стратегический просчет, и было неважно, была ли это рекогносцировка или попытка захватить более выгодный оборонительный рубеж, ведь с этого момента всему Швейцарскому союзу был предоставлен *Casus belli*.

Своим безрассудным маневром Карл Смелый слишком рано раскрылся перед Швейцарским союзом, чем обесценил начатую им же игру, которая была рассчитана на то, что не все швейцарцы примут активное участие в возобновленных боевых действиях хотя бы на их начальном этапе.

Таким образом бургундский герцог, наверное, сам не понимая того, полностью сыграл на руку Берну, втягивая в войну колеблющиеся восточные швейцарские кантоны.

После такого подарка судьбы в тот же день швейцарцы уверенно перешли реку и вышли к Ульмицу, окрестности которого становились точкой сбора швейцарской армии.

Теперь Карлу Смелому оставалось ожидать армию своего противника непосредственно у Муртена, потому что и Ульмиц, и тем более находившийся за ним район связки Гюмменен – Лаупен становились недоступными для его войск.

Дело в том, что местность вокруг Ульмица была пересеченной и не благоприятствовала организации здесь открытого сражения, в первую очередь выгодного для тяжелой кавалерии, которая, как мы знаем, была главной ударной силой для феодальной военной школы. А для концентрации сил швейцарской пехоты местность подходила как нельзя лучше. Теперь, прикрываясь рельефом местности, швейцарцы собирали свою армию непосредственно под носом у Карла Смелого, на рубеже с которого до бургундского палисада было не более 6 километров, то есть швейцарцы успешно вышли и закрепились на рубеже прямой атаки.

Как видно, после 12 июня оперативная обстановка вокруг Муртена для герцога Карла Смелого складывалась совсем неблагоприятным образом. Осажденный гарнизон Муртена держался и не был полностью блокирован. Из-за непродуманных действий герцога в дело против него были втянуты

все кантоны Швейцарского союза, а в непосредственной близости от позиций бургундцев происходило беспрепятственное накопление сил противника.

Теперь подготовительный период к сражению для швейцарцев складывался как нельзя лучше. В то время как их противник всеми силами увяз под Муртенем и носа не показывал за линию своего палисада, горцы, получив от бургундцев необходимые время и место, свободно концентрировали свои силы в операционном районе на рубеже атаки.

Итак, после того как швейцарцы перешли рубеж Зааны и закрепились в районе населенного пункта Ульмиц, начался полноценный сбор швейцарской армии, включая и ополчение восточных кантонов, которые до этого не горели особым желанием продлевать конфликт с бургундцами.

Пока швейцарцы спокойно собирали силы, бургундцы безуспешно произвели штурм Муртена, гарнизон которого, несмотря на превосходство штурмующих сил, парировал атаку. Добавляло сил и уверенности осажденному гарнизону Муртена и то, что они продолжали получать подкрепление и все, что им было необходимо, со стороны озера, пребывая в уверенности скорого подхода основных сил для их спасения.

В свою очередь бургундцы, получив отпор, перешли к вялому беспокойству Муртена, смирившись с мыслью его неприступности и неотвратимости приближающегося сражения с главными силами швейцарцев, которое и должно решить участь спорного города.

В ночь на 22 июня, через десять дней после атаки Карла Смелого на земли Швейцарского союза, в Ульмиц из Берна вышел отряд цюрихцев. После того как 18 июня советом Цюриха было принято решение отрядить свои силы в помощь Берну, солдаты форсированным маршем в четырехдневный срок достигли самого Берна. На утро 22 июня после ночного марша отряд цюрихцев присоединился к основным силам швейцарского союза.

Приход ополчения Цюриха в Ульмиц завершил процесс сосредоточения всех швейцарских сил, после чего они были полностью готовы к большому сражению.

В противоположном лагере бургундскому герцогу утром 21 июня доложили о том, что большое количество швейцарцев сосредоточено в районе Ульмица, после чего бургундская армия была приведена в боевую готовность, а сам Карл Смелый отправился на рекогносцировку окрестностей Ульмица, по результату которой было принято окончательное решение готовиться встречать противника у стен Муртена.

Основные силы бургундцев были немедленно построены в границах внутреннего периметра своих полевых укреплений, которые простояли в тревожном ожидании весь оставшийся день. Так и не дождавшись появления неприятеля в этот день, герцог Бургундский распустил свои войска на ночной отдых, оставив для предупреждения нападения на ульмицком участке внешнего периметра обороны дежурный кордон силой в 2 тыс. пехотинцев при трех сотнях копий.

На следующее утро после долгого дождя на позиции бургундцев вышел небольшой рекогносцировочный отряд швейцарцев, быстрая ретировка которого и последующее затишье с их стороны заставили герцога обмануться в своих ожиданиях насчет грядущей активности противника.

Как ни странно, разведка швейцарцев не вынудила Карла Смелого заподозрить неладное и принять данную активность противника как признак надвигающегося сражения.

В отличие от прошлого дня, бургундский герцог не счел нужным организовать доразведку и не привел свои силы в готовность, оставаясь в полной уверенности, что в этот день швейцарцы не предпримут атаки.

Единственное, в чем оказался прав герцог, так это в том, ОТКУДА придут силы противника и КУДА придется их удар, а с тем, КОГДА это произойдет, у Карла Смелого почему-то возникли трудности.

Днем 22 июня 1476 года швейцарские походные колонны вышли к линии Бург – Мюнхенвилер через селение Сальвенах, где под прикрытием леса союзные войска остановились на предбоевой привал.

Во время этой крайней остановки перед сражением в ополченческой армии европейских горцев был проведен массовый обряд посвящения простых воинов в рыцари, известный под названием «акколада».

После отдыха и уже в новом качестве солдаты союзной армии стали выходить из лесного массива, для того чтобы

построиться в боевые порядки и развернуть их на просторах Вейльского поля.

В общей сложности на 2 тыс. бургундских пехотинцев, стороживших вейльский участок фронта, выходила швейцарская армада в 26 тыс. человек, построенных в две фронтальные баталии при двух отрядах рыцарей численностью в 1,8 тыс. всадников и небольшого количества пеших стрелков. В арьергарде в качестве резерва и прикрытия за наступающими шла третья баталия швейцарских пикинеров и алебардистов.

Несмотря на значительное численное превосходство наступающих, дежурные силы бургундцев не дрогнули и встретили швейцарцев выстрелами из бомбард, которые предумышленно были нацелены ровно в том направлении, с которого приближались вражеские баталии.

Тот, кто командовал бургундским сторожевым заслоном, по всей видимости, руководствуясь тем фактом, что основные силы бургундцев не были выстроены в боевые порядки, а, соответственно, не мог рассчитывать на поддержку и проведение контратакующих мероприятий, сумел правильно оценить угрозы и принял решение встретить наступающую армаду швейцарцев выстрелами из бомбард на дальних подступах, не допуская риска инерционного прорыва его линии обороны большой массой пехоты противника при критическом сближении сил.

В свою очередь швейцарские командиры, не дожидаясь

момента, когда наступающие батальи войдут в прямую зону поражения и понесут существенный урон в первой же атаке, быстро вывели своих солдат из-под удара, найдя укрытие для своих батальи в природных складках местности.

Так первая атака швейцарцев была успешно парирована огнем бургундской артиллерии. Меткие выстрелы заставили швейцарцев отказаться от своих первоначальных намерений, едва они успели приблизиться к линии обороны.

В этот момент, по сути, решился исход всего сражения при Муртене.

Если бы Карл Смелый проявил надлежащие полководцу бдительность и предосторожность в действиях от обороны, то его войска, заранее приведенные в боевую готовность, имели бы все шансы нанести существенный урон атакующей их силе, сначала обработав открытые площадные цели швейцарцев артиллерией с убойной дистанции, а затем довершив дело проведением своевременной контратаки на противника в момент его отступления.

За периметром фортификационной линии бургундцев было чистое поле, что было крайне выгодно как для действий артиллерии и стрелков, действовавших в обороне, так и для контратакующих действий кавалерии.

Надо сказать, что открытая ровная местность была также хороша и для габаритных швейцарских батальи, но здесь было одно «но». В сложившемся оперативном раскладе боевой порядок швейцарской пехоты явно проигрывал связке двух

родов войск – артиллерии и кавалерии, действующих в едином замысле.

Но похоже, что военное невежество бургундского герцога как полководца не знало границ и продолжало уверенно вести своего сюзерена и всех подчиненных ему воинов к очередному поражению, но, в отличие от предыдущего сражения при Грансоне, под Муртенем им была уготована совсем другая, более горькая участь.

Только в этот момент Карл Смелый проснулся и начал готовиться к сражению, отдав распоряжение своим воинам вооружаться, но своевременным и организованным это действие назвать было нельзя.

В итоге швейцарцы получили так необходимые им время и место, чтобы изготавиться к проведению второй атаки с более выгодных позиций.

Швейцарцы, не теряя времени, заново пошли на штурм линии обороны бургундцев, при этом немного изменив угол атаки, чем застали врасплох артиллерию противника, которая еще не могла быстро перезаряжаться и перенацеливать свои орудия, поэтому не смогла своевременно открыть огонь по наступающим порядкам швейцарцев.

Правильная оценка обстановки, быстрота принятия решения командирами вместе со слаженными и своевременными действиями их солдат принесли успех швейцарскому войску. Во второй атаке швейцарцы без потерь приблизились к палисаду бургундской линии обороны, проломили ее и лег-

ко опрокинули те 2 тыс. бургундских солдат, которые в своем распоряжении имели только 300 пик, чтобы оценить ими свой участок обороны.

Когда основные силы бургундцев стихийно стали подходить к месту прорыва швейцарцев, было уже поздно, последние уже хлынули всей своей массой во внутренний периметр бургундского района обороны.

В тот момент получилось так, что навстречу одной массе бургундцев бежала другая масса бургундцев, спасавшаяся бегством от вала швейцарских солдат, которые с неудержимой силой обрушивались на уже не обороняющихся солдат бургундского герцога.

Расстроенная масса бургундских солдат, потерявших управление, ничего не могла противопоставить очевидному большинству швейцарской пехоты и кавалерии.

Началось форменное избиение дезорганизованных бургундских рыцарей, лучников и пикинеров, оказавшихся в ловушке собственного периметра обороны, имевшего не много точек выхода.

В отличие от своего противника, в этот раз швейцарцы сделали правильные выводы после прошлого сражения при Грансоне и уже были готовы к возможному преследованию отступающего противника, подготовив для этого достаточное количество кавалерии.

Только части феодального войска удалось избежать смерти в отступлении, и шансы на спасение больше были у тех,

кто был ближе к выходу из периметра и кто находился в седле. С большим трудом удалось вырваться из ловушки самому герцогу бургундскому и его свите, и только отряду графа Ромонта из-за того, что его отряд держал осадные позиции к северу от города, удалось уйти без потерь. Участь же многих безлошадных воинов бургундского войска, в том числе и знаменитых английских лучников, была незавидной.

Многочисленная кавалерия швейцарцев в преследовании настигала убегающих и рубила потерявших волю к сопротивлению бургундских солдат. После такого провала у стен Муртена бургундский герцог Карл Смелый сумел насчитать спасшимися не более 12 тыс. воинов от армии, некогда насчитывающей 20 тыс. человек.

Бургундский герцог Карл Смелый, которого за его крайнюю жестокость по отношению к беззащитному неприятелю прозвали Карлом Ужасным, в настоящем деле походил, скорее, на того «оленя», стоявшего во главе «львов», проявившего на поле боя полную военную некомпетентность, в большей степени ставшую залогом поражений его армий.

Как видно из структуры войска бургундцев, Карл имел все, чтобы вести успешную кампанию против швейцарцев в 1476 году, но не имел только одного – минимальных полководческих знаний и опыта, чтобы соответствовать уровню его собственной военной силы.

В свою очередь обращает на себя внимание система управления в союзном войске швейцарских кантонов, где

возможные разногласия между представителями разных кантонов уравнивались наличием военного совета, на котором принимались общие решения и назначался командующий войсками, который осуществлял непосредственное командование и контроль за выполнением принятого на военном совете замысла и плана боевых действий, то есть командующий не был стратегом, принимавшим единоличные решения, а был только главным ответственным за исполнение принятого общего решения.

Причем тот факт, что командующим союзной армией был избран австриец, косвенно свидетельствует в пользу того, что в стане швейцарцев, как и предполагал герцог Карл Смелый, все же не было единства относительно конфронтации с Бургундским герцогством, и не все кантоны соглашались с лидирующей ролью Берна в их союзе, поэтому личность нейтрала в качестве главнокомандующего союзной армией отыгрывала сглаживающую роль в трениях среди швейцарских кантонов.

Не будем забывать о том, КТО все-таки подталкивал швейцарцев к войне с Бургундским домом Валуа и КОМУ достанется большой кусок от наследства последнего Бургундского герцога в случае победы швейцарского союза.

Швейцарцы в этом случае выступили в роли загонщиков, которые истощали и выводили жертву – герцога Карла Смелого на Францию и дом Габсбургов. После поражения и смерти герцога Карла Смелого в уже следующем сражении

при Нанси в самом начале 1477 года они еще долгое время будут делить между собой богатый трофей.

Вообще, противостояние Бургундского герцогства и союза Швейцарских кантонов является классическим примером так называемой опосредованной войны – войны чужими руками, прокси силой, в которой выступали швейцарцы, подряженные и действующие в интересах Франции и Священной Римской империи, которой правил дом Габсбургов.

Единственное, что осталось непонятным, так это КУДА подевались те 400 орудий, доставшиеся швейцарцам в качестве трофея в недавнем сражении у Грансона, и ПОЧЕМУ они не были включены в состав швейцарской армии в качестве нового рода войск и не применены ими в деле.

Ведь очевидно, что военное счастье швейцарцев что при Грансоне, что при Муртене основывалось исключительно на тотальном военном невежестве Карла Смелого, который не смог воспользоваться всеми преимуществами своей военной силы над уже утрачивающей свою актуальность тактикой швейцарских баталий.

Окончательная же точка в споре между союзом швейцарских земель и Бургундией была поставлена в битве при Нанси в 1477 году, в которой нашел свою смерть Карл Смелый, а Бургундия династии Валуа в дальнейшем утратила свою суверенность.

После военной победы над силами Бургундии швейцарский союз полностью закрепил свое политическое значение

в регионе, а швейцарские военные по праву стали пользоваться авторитетом лучших военных профессионалов в Западной Европе.

Греки (рождение классики)

В XIV веке, благодаря сохранившимся и переданным во времени познаниям военного искусства древности, которые накапливались в человеческой памяти на протяжении всего предыдущего этапа эволюционного развития, время перехода тактического построения пехоты на поле боя от классической фаланги до отдельных тактических единиц в виде швейцарских баталий составило чуть более одного десятка лет.

Трансформация фаланги, использованной фламандцами против французских рыцарей в битве при Куртрэ в 1302 году в швейцарскую баталию, появившуюся уже в 1315 году в сражении у горы Моргартен, несопоставимо мала в сравнении со временем исторического перехода от классической эллинской фаланги, получившей свое первое боевое крещение в Марафонской битве в 490 году до н. э., к более маневренным отдельным тактическим единицам – лохам, появившимся в результате «тактической нарезки» спартанской фаланги в 400 году до н. э. (бой в Колхиде), или отдельно выведенного за скобки фаланги фиванского эмбалона, впервые появившегося в сражении при Левктрах в 371 году до н. э.

Но, скорее всего, это была не эволюция фаланги или военной мысли в чистом понимании этого смысла, а простой

процесс использования уже накопленного человеческой цивилизацией опыта военного искусства времен античности, к историческим источникам которого имели доступ некоторые военные стратеги – рыцари Европы эпохи Ренессанса.

Если не углубляться в самые древние века до нашей эры, когда сначала появились первые правильные боевые порядки пеших воинов, вооруженных дорогим металлическим оружием, и первые конные всадники, то отправную точку для раскрытия нашей темы можно смело определить в рамках V века до н. э.

В этом веке, а конкретно в 490 году до н. э., в Марафонской битве на военно-историческую сцену впервые была выдвинута передовая и прорывная схема боевого построения пехоты на поле боя, о стройные ряды которой были разбиты все чаяния персидских владык на завоевание Эллады.

Мильтиад (формирование тактического поля и кинетика фаланги)

Итак, в 490 году до н. э. у Марафона, что в 40 километрах от Афин, сошлись два войска, одно из которых представляло великую империю персов, что господствовала тогда в Азии, а вторым было войско Афинской рабовладельческой республики Древней Греции, которой еще предстояло стать великой.

Главной ударной силой персидского войска была иррегулярная конница, действия которой обеспечивались большим количеством легковооруженных стрелков. Древняя кавалерия до Марафонской битвы была главным родом войск на просторах Старого Света, с помощью которой успешно решались все военные задачи на полях сражений.

Персидское войско в отличие от прогрессивной на то время военной организации древних греков не могло похвастаться высокой организацией и дисциплиной своих боевых порядков. Основы тактического порядка войска персов вместе с боевой подготовкой находились на примитивном уровне, а военачальники древней Персии предпочитали массовость и грубость военной силы, нежели оптимальность и боевую выучку дисциплинированного войска.

В древнегреческом войске, представлявшем интересы афинского полиса, главной боевой единицей был пехотный строй, в котором в несколько рядов были расположены тяжелооруженные пехотинцы – гоплиты. Благодаря своему оптимальному стандарту вооружения гоплиты имели достаточную степень защиты в бою, а их боевое построение под названием фаланга, оцетинившееся длинными копьями, было крайне эффективным против войска всадников того времени. Кроме того, отличительной чертой действий греков в бою, помимо нового построения пехотного строя, стала кинетика фаланги наряду со строгой дисциплиной и выучкой гоплитов в строю, что позволяло грекам сохранять строй во время движения фаланги.

Греческий гоплит был хорошо защищен шлемом, панцирем, поножами и щитом для защиты от поражающего воздействия стрел и копий. Достаточная длина копий позволяла фаланге быть максимально эффективной в оборонительном или наступательном бою против конницы. Короткий меч был максимально эффективен в ближнем бою, который неминуемо завязывался после того, как опрокидывалась конница противника. Общий вес вооружения гоплита составлял около 30 килограммов, что обязывало пешего воина иметь достаточные физические кондиции.

По всей видимости, такая концепция в войске Афинского государства, где в то время каждый свободный гражданин был потенциальным воином, была одной из причин усто-

явшегося культа физической культуры у древних греков, в обществе которых культивировался атлетизм человеческого тела.

Приведенная в движение греческая фаланга, благодаря своей сконцентрированной энергии и правильно выбранному вооружению, сначала с помощью длинных копий нарушала боевой порядок войска всадников, опрокидывала его, после чего эллинские пехотинцы в ближнем бою превосходством своей физической силы и вооружения разделялись с противником.

В марафонской битве одиннадцатитысячное объединенное войско греков, состоявшее из 10 тыс. афинских гоплитов и 1 тыс. гоплитов союзной Платеи, одержало блестящую победу над персами, войско которых под руководством персидских полководцев Датиса и Артаферна насчитывало около 10 тыс. всадников иррегулярной конницы и многочисленных вспомогательных сил в виде пеших лучников. Общая численность персидского войска достигала 20 тыс. человек, что было значительно больше общей численности войска древних греков.

Итак, к 9 сентября 490 года до н. э. на Марафонской равнине (28 километров от Афин) друг напротив друга были выстроены боевые порядки двух войска, дистанция между которыми была около 700-800 метров с общим протяжением фронта, равным одному километру.

Боевой порядок персов представлял собой фронтальную

линию, по центру которой стояли пешие лучники, а на флангах были расположены внушительные крылья персидской кавалерии.

В свою очередь греческий стратег Мильтиад также развернул свой пехотный строй по фронту, намеренно усилив фланги за счет центра, чтобы избежать охвата своих сил персидской конницей. Для этого была уменьшена глубина построения центра фаланги, а высвободившимися силами было увеличено количество шеренг на флангах.

Свою фалангу Мильтиад расположил на выходе из Франской долины, тыл которой (фаланги) был закрыт горой Китерон, а фланги были надежно прикрыты лесистыми отрогами. Таким образом греческий стратег, зная тактику действий персов, крайне эффективно использовал рельеф местности и занял максимально выгодную стартовую позицию перед началом боя, заранее лишив персидское войско его преимущества в возможности быстрого маневра конницей. Вдобавок к выгодным географическим условиям, Мильтиад дальновидно расположил на дистанции около 500 шагов впереди от своего главного боевого порядка так называемые заградительные боковые засеки, усиленные отрядами легковооруженной пехоты, которые прикрывали фланги греческой фаланги от действий персидской конницы.

Главной силой персов была конница, располагавшаяся по краям линии боевого построения, против которой Мильтиад усилил свои фланги большим количеством гоплитов, пра-

вильно определив точки начального максимума приложения силы в атаке.

На четвертый день стояния, то есть 12 сентября, произошло сражение между персами и греками, в последующем будет названное Марафонской битвой, после которой персы почти на 10 лет забудут о своей военной экспансии и будут заняты своими внутренними неурядицами, начавшимися сразу же после их военного поражения в Греции.

Мильтиад привел в движение свою фалангу, тяжелые пехотинцы которой «беглым маршем» начали атаку на боевой порядок персов. При приближении греков к дистанции выстрела персидские лучники контратаковали греков, в результате чего был прорван слабый центр афинской фаланги и масса легкой пехоты персов стала теснить греческих гоплитов вглубь долины, после того как неглубокий боевой порядок центра греков был опрокинут.

В свою очередь греческим флангам, благодаря увеличенной глубине строя, удалось опрокинуть главную ударную силу персов – ее кавалерию. После исключения кавалерии персов из боя по приказу Мильтиада греческие фланги были сомкнуты в единую мощную фалангу, которая успешно атаковала персидскую пехоту и обратила ее в бегство. В развитие своего успеха греки двинулись по направлению к лагерю персидского войска.

В конечном итоге большая часть войска персов успела погрузиться в свои триеры и спастись в море. Потери персов

составили около 6,4 тыс. человек и 7 триер, захваченных греками, против около 200 греческих воинов.

Греческий стратег Мильтиад сумел эффективно воспользоваться сильными сторонами своего войска и поля боя, создав желаемую ему тактическую обстановку, в которой персы уже не смогли эффективно использовать свою главную ударную силу – кавалерию. Параллельно с этим, греческий полководец грамотно воспользовался всеми слабыми сторонами противника, что в конечном итоге и определило общее превосходство новой военной школы маленького греческого полиса над военной школой Персии, тогдашнего мирового гегемона.

В основе успеха древних Афин в первую очередь лежали:

- индивидуальная и коллективная боевая выучка;
- соответствие вооружения тактике действий;
- соответствие военного лидера – стратега своему войску и военной школе;
- предварительная тактическая подготовка поля боя;
- внезапность действий;
- моральная стойкость.

Так в 490 году до н. э. произошло знаковое событие в истории мировых войн, в рамках которого древними греками был развеян миф о непобедимости конницы на поле боя Древнего Мира.

После Марафонской битвы теперь уже пехота становилась главной силой на поле боя, а греческие воины получили ста-

тус лучших воинов Древнего Мира. На полях сражений стала доминировать концепция применения военной силы, которая была основана на противоборстве пеших построений. Теперь развитие военной науки было направлено на повышение эффективности пехотного строя на поле боя. Основное внимание в военной организации стало уделяться усовершенствованию тактики применения пехотного строя, повышению качества вооружения пехотинца, его индивидуальной и коллективной выучке вместе с дисциплиной строя. В помощь действиям пехоты создавались всевозможные вспомогательные службы и подразделения.

Далее в свете новшеств использования пехоты как решающей силы на поле боя интересными стали события Пелопоннесской войны в период 431–404 годов до н. э., во время которой четко проявились признаки эволюции пехотного строя и тактики его использования на поле боя.

Сфактерийская операция (гоплиты и пелтасты)

Наиболее примечательным событием в противостоянии Спарты и Афин явился бой между войсками греческих городов, произошедший на острове Сфактерия в 425 году до н. э. во времена первого периода Пелопонесской войны 431–421 годов до н. э. В этом сражении афинской стороной впервые было произведено практическое разделение пехоты на тяжелую и среднюю (легкую) составляющие и соответствующее использование средней (легкой) пехоты, действующей несколькими отдельными тактическими единицами, опирающимися на мощь своей главной ударной силы – фаланги гоплитов, обеспечивая успешность ее (фаланги) действий.

В 425 году до н. э. силы Пелопоннесского союза, возглавляемого Спартой, провели удачную операцию по высадке морского десанта на остров Сфактерия шириной около 750 метров и длиной 3500 метров, растянувшегося с севера на юг.

На остров были высажены около 420 спартанских гоплитов, основная часть которых была размещена в глубине острова, а два небольших отряда по 30 человек были расположены на северной и южной оконечностях острова, образовав там два аванпоста.

В ответ афинский флот под командованием Демосфена силой выбил корабли спартанского флота из географического района, где расположен оспариваемый остров, после чего была произведена морская блокада острова в течение 72 дней, что явилось предварительной – подготовительной фазой к началу еще более крупной операции по высадке морского десанта на остров Сфактерия и освобождению его афинским морским десантом.

Итак, после небольшого периода перемирия, в рамках которого происходили безуспешные политические переговоры между противоборствующими сторонами на предмет заключения мира, афиняне приступили к осуществлению прямых (кинетических) действий в военной кампании за обладание островом Сфактерия.

Общее руководство операцией по взятию острова было поручено афинскому политическому деятелю Клеону, которому в помощь был призван афинский полководец Демосфен. Именно Демосфен был вдохновителем и исполнителем осуществления осады острова Сфактерия и дальнейшего проведения на нем десантной операции, направленной на взятие под контроль острова и вытеснение с него спартанского гарнизона.

Перспектива сражения, в котором сойдутся между собой две равнозначные фаланги на географически ограниченном по фронту пространстве, совсем не радовала Афины. Поэтому афинское войско было дифференцировано (разделе-

но) Демосфеном на две составные части. Первая из них была представлена основной ударной силой – гоплитами, которые строили классическую греческую фалангу. Вторая часть представляла собой среднюю (легкую) пехоту, боец которой получил название *пелтаст*, вооруженный дротиком. Естественно, что тактика действий и боевой порядок двух видов пехоты разительно отличались друг от друга, но действовать они должны были на поле боя в рамках единого замысла для достижения общего желаемого результата.

Подобная дифференциация греческой пехоты явилась новаторской идеей для того времени, которая позволяла стороне конфликта, намеревавшейся использовать новый тактический прием, выйти из тупика противостояния фаланги против фаланги, в котором даже победа досталась бы ценой максимального истощения сил обеих сторон.

Итак, в ночное время суток (!) на остров были высажены около 800 афинских гоплитов, а на утро военная группировка основных сил Афин была усилена восемью сотнями пелтастов, задачей которых было обеспечение действий своей тяжелой пехоты.

Легкая афинская пехота была поделена на отдельные тактические единицы – отряды, которые сразу же заняли высоты вдоль восточного берега острова. Как оказалась, спартанцы, имея достаточно времени, совсем не позаботились о создании благоприятных тактических условий в районе боевых действий и совсем не оценили важности владения господ-

ствующими высотами, чем успешно воспользовались афиняне.

Таким образом еще до начала сражения афинские силы оперативно оформили для себя благоприятные тактические условия, которые как нельзя лучше подходили для эффективных маневров отрядов пелтастов, направленных на поражение фаланги противника еще до того, как она войдет в боевое соприкосновение с афинской фалангой. Другими словами, легкая пехота должна была произвести подготовительные мероприятия на тактическом уровне, выгодно используя рельеф местности для обеспечения успеха решающих действий тяжелой пехоты. И, как оказалось, конечный результат сражения намного превзошел ожидания афинских стратегов.

Диспозиция перед сражением была следующей. Афинская фаланга гоплитов была развернута в долине на южной оконечности острова. На своем правом фланге вдоль узкого природного дефиле на линии господствующих высот были расположены отряды пелтастов, задачей которых было атаковать фланг и тыл фаланги противника по ходу ее движения.

Спартанская фаланга была построена в северной части долины и начала свое движение в сторону строя афинских гоплитов. В это же время легкая пехота афинян в рассыпном строю начала атаковать самые уязвимые места фаланги противника при помощи дротиков и камней. Как только спар-

танцы отражали отряды своих гоплитов против пелтастов, последние быстро ретировались в горы.

В противостоянии афинской военной школы и спартанской афинянами была успешно воплощена тактика дистанционных ударов малыми силами и быстрого отхода в зону недосягаемости действий тяжелых пехотинцев под прикрытие рельефа местности. В конечном итоге легкая пехота своими действиями полностью измотала спартанских гоплитов и расстроила их боевой порядок, вследствие чего спартанцы отказались от своих намерений атаковать главные силы афинян и отступили в свой укрепленный район в северной оконечности острова.

Концентрация своих сил в укрепленном районе позволила спартанцам успешно отразить последующие несколько атак афинских гоплитов. Но и в данных тактических условиях была проявлена эффективность средней пехоты перед тяжелыми пехотинцами в осуществлении своевременного маневра и нанесении внезапного удара с уязвимо, с точки зрения неожиданности, направления.

Так отряд афинских пелтастов по горным тропам, непроходимым для тяжелой пехоты, совершил обходной маневр и успешно атаковал лагерь противника с тыла. В результате Афины взяли верх над Спартой в споре за обладание островом Сфактерия, а действия легкой пехоты, действовавшей в рассыпном строю, стали решающими на поле боя в заранее сформированной благоприятной тактической обстановке.

Как видно, в битве на острове Сфактерия афинянам даже не пришлось вводить в бой свои основные ударные сил, обеспечив себе победу лишь действиями отдельных отрядов легкой пехоты, взаимодействовавших друг с другом в едином замысле, опираясь на конвенциональную мощь своей фаланги.

Таким образом неотвратимость схватки подобного с подобным в рамках сложившейся единой системы координат военного противостояния и ожидаемые последствия – потери природно подтолкнули одну из сторон к выработке новых подходов к использованию пехоты на поле боя, чтобы обеспечить победу своей стороне с наименьшими негативными последствиями. В результате такой эволюции военной мысли ратной школы Афин непобедимая до этого времени греческая фаланга уступила на поле боя маневренным действиям легкой пехоты.

Далее закрепление преимущества маневренных пелтастов на поле боя, использовавших метательное оружие против гоплитов и действующих с опорой на свою фалангу, было проявлено в сражении при Лехе в 390 году до н. э. и при Абидосе. Тактика изматывания силы, в основе которой были гоплиты, оказалась очень эффективной, что и обусловило дальнейшую эволюцию развития пехоты, ее организации и тактики действий на поле боя.

Следующее примечательное событие в мировой истории развития военного искусства, на века определившее вектор

развития военной мысли, в рамках которой пехота являлась решающей силой на поле боя, произошло в 400 году до н. э.

Если быть точным, временной отрезок данного события имел протяженность в один год, а сам бой при Колхиде является составной частью общего приключения спартанских наемников в Персии, которое известно под названием «Отступление десяти тысяч».

Спартанцы (великий рейд)

Предысторией эпопеи контингента спартанских наемников в самом начале V века до н. э. была междоусобица в Персии, в которой Артаксеркс и Кир, сыновья Дария II, после смерти отца оспаривали власть в стране. Кир сумел заручиться внешней поддержкой Спарты, в результате чего им было завербовано около 13 тыс. греческих наемников.

В 401 году до н. э. недалеко от Вавилона, при Кунаксе, произошел бой между силами двух братьев. В боевом столкновении Кир был убит, а его соплеменное войско перешло на сторону его брата. В этом бою непреклонным остался лишь контингент спартанских наемников, который успешно отразил все атаки персидских войск.

Видя бесперспективность своих действий и значительное превосходство военной школы спартанских воинов над малоазиатским войском, Артаксеркс пошел на хитрость. Персы считали, что если они смогут уничтожить военных командиров греков, то это поможет сломить сопротивление греческих наемников. Для переговоров в персидский лагерь были приглашены пять лучших командиров спартанцев, где они вероломно были убиты.

Вопреки ожиданиям персов, потеря ряда своих командиров не сломила волю к сопротивлению спартанских воинов. Греки выбрали себе новых командиров, среди которых был

Ксенофонт, будущий знаменитый греческий историк. Ксенофонт явился инициатором и вдохновителем возвратного похода греков домой через Колхиду.

Во время дальнего похода греками была разработана чрезвычайно успешная и эффективная тактика действий экспедиционного корпуса на многотысячном марше, маршрут которого проходил как по равнинной местности, так и по сильно пересеченной.

При передвижении по равнинной местности Ксенофонт выстраивал свое войско в классическое каре, в центре которого располагался обоз. При выходе на пересеченное пространство греки перестраивались в колонну, боевой порядок, состоящий из авангарда, отрядов бокового охранения, арьергарда и специального летучего отряда, силами которых спартанцы успешно отражали все атаки персов.

Для успешности своих действий на марше Ксенофонт организовывал фальшивые демонстрационные действия, отвлекая внимание противника от реального места и времени исполнения своего замысла. Эллинами использовались десанты для обеспечения безопасности переправы через реки и работа сформированных инженерных отрядов, наводящих переправы через водные преграды. В горной местности спартанцы, прежде чем начать продвижение главных своих сил через потенциально опасные участки, мобильными отрядами захватывали главенствующие высоты и другие важные, с точки зрения безопасности, участки местности.

Таким образом силы спартанцев успешно достигли пределов Колхиды, где они намеревались выйти к морскому побережью. Но на пути их планов встало войско колхидян, и грекам пришлось готовиться к неотвратимому боевому столкновению. Местность, где спартанцам предстояло принять бой, была гористой, и Ксенофонт очень быстро определил уязвимость и неэффективность использования классического построения фаланги в сложившихся условиях. Ксенофонту предстояло отойти от устоявшихся классических канонов греческого военного искусства и принять судьбоносное для своих сил решение по изменению боевого порядка и переходу на новую нестандартную схему построения гоплитов на поле боя.

В своем труде «Анабазис» Ксенофонт так описал ход своих мыслей при принятии решения на бой против колхидян:

«Полная линия сама собой разорвется. Здесь гора доступна, там подъем затруднителен. Воин, долженствовавший сражаться в полной линии, потеряет бодрость, увидев интервалы. Притом же, если мы двинемся густой колонной, то неприятельская линия нас охватит и, обошедши наши крылья, могут против нас действовать по произволу. Если же мы, напротив, построимся в небольшое число воинов глубиной, то я не удивлюсь, если наша линия будет где-нибудь прорвана по причине многочисленности варваров и стрел, которые на нас посылаются. Как скоро неприятель прорвется в одном пункте, то вся греческая армия будет

разбита. И поэтому, я думаю, идти вперед многими колоннами, каждая в лох, чтобы наши последние лохи выдались за крылья неприятельской армии. Каждый лох пойдет туда, где дорога будет удобнее. Неприятелю нелегко проникнуть в интервалы потому, что он очутится между двумя рядами наших копий. Ему также нелегко будет истребить лохи, идущие колонной. Если один будет с трудом удерживать напор неприятеля, ближайший поспешит к нему на помощь, и как скоро один достигнет вершины горы, то неприятель не устоит».

Греческий военачальник предложил построить свою тяжелую пехоту по отдельным тактическим единицам на установленных интервалах. Каждая из таких единиц была построена колонной в 12 шеренг и 8 рядов и получила название *лох*. Всего был выстроен фронт греческих гоплитов из 80 лохов. Впереди линии лохов были расположены три отряда легкой пехоты и лучников по 600 человек в каждом, два из которых были расположены на флангах, а третий занимал позицию по центру.

Силы колхидян были выстроены в две классические фаланги, расположенные на одной линии на склонах горной возвышенности.

Когда противоборствующие стороны приготовили свои боевые порядки, греческий военачальник двинул свою легкую пехоту в бой. Фланговые отряды греков атаковали края линии своего противника. В ответ колхидяне силами своего

центра предприняли попытку окружить фланговые отряды спартанцев. В результате начавшегося движения войско колхидян нарушило свой боевой порядок, значительно ослабив свой центр, чем благополучно и воспользовались спартанцы, ударив центральным отрядом своей легкой пехоты в центр фронта своего противника. В результате действий легкой пехоты спартанцев линия колхидян была прорвана по центру, а греки заняли главенствующую высоту, оказавшись в тылу своего противника. В сложившемся угрожающем положении для всего войска, чтобы избежать полного своего окружения и уничтожения ударом основных сил греков, колхидяне в беспорядке отступили, оставив поле боя за греками.

В общем итоге спартанцы добились победы над своим противником, даже не прибегая к активным действиям своих главных сил – гоплитов. Более чем за один год десяти-тысячный отряд спартанских наемников в общей сложности прошел с боями около 4 тыс. километров и благополучно вернулся в Грецию.

Историческое наследие рейда на несколько тысяч километров силами отдельного корпуса спартанских наемников через незнакомую географическую местность с различными характеристиками, тот боевой опыт, который нашел свое отражение в дальнейших исторических работах древних греков, оказались бесценными для развития мировой военной школы на все века как до нашей эры, так и после. Обладание такими бесценными знаниями позволило многим пол-

ководцам и командирам одержать блестящие виктории над своим противником на различных исторических этапах развития человечества.

Исход боя в Колхиде был решен в лучших традициях современной на то время греческой военной школы, когда пехота, получив свое разделение на легкую и тяжелую, успешно взаимодействовала на поле боя, не оставляя шансов своему противнику. Отряды легкой пехоты благодаря своим маневренным характеристикам и возможности поражать противника с дистанции успешно действовали на тактическом уровне, опираясь на мощь тяжеловооруженных гоплитов, построенных в линию лохов, и добивались положительного исхода боя или же составляли благоприятные условия для решающей атаки своих основных сил.

Помимо разделения пехоты на легкую и тяжелую, в битве против колхидян Ксенофонтom была впервые применена схема построения гоплитов по разделенным тактически боевым единицам, типоразмером которых был греческий лох. Данное тактическое разделение классической фаланги придавало линии основных сил греков большую устойчивость и гибкость в бою, маневренность и возможность эффективно и своевременного реагирования на изменяющуюся тактическую обстановку на поле боя посредством перестроения боевого порядка и возможности взаимовыручки новых тактических единиц по отношению друг к другу.

Так в 400 году до н. э. спартанцами была рождена на свет

новая тактика действий пехоты на поле боя, которая получила высшую степень своего развития уже в рамках военной школы Древнего Рима.

Через тридцать лет в противостоянии греческих Фив и Спарты во внутриэллинском конфликте, который получил название Беотийской войны, появилась еще одна тактическая схема применения сил на поле боя, которая будет актуальной на протяжении всех последующих веков, включая и наши дни.

В 371 году до н. э. у города Левктры, недалеко от Фив, состоялась битва – Фиванское войско под командованием Эпаминонда противостояло вторжению войска Спарты, которым командовал царь Клеомброт.

Войско вторжения включало в себя 10 тыс. гоплитов при 1 тыс. всадников; в ответ для сдерживания спартанской агрессии Фивы выставили 6 тыс. пехоты и 1,5 тыс. конницы. Как видно, небольшой численный перевес в силах был на стороне спартанцев. Однако на стороне фиванцев был более высокий боевой дух как стороны, защищавшей свою родину. Поэтому можно допустить, что военный потенциал сторон конфликта был равнозначным и в будущем сражении победу одержит та сторона, чей военный лидер найдет оригинальный подход к решению данной военной задачи, с тем чтобы как минимум не проиграть, а как максимум одержать победу, но не ценой полного истощения своего войска.

Таким военным лидером оказался фиванский полководец

Эпаминонд и придуманным им новый нестандартный подход в построении боевого порядка войска на поле боя.

Перед началом битвы при построении боевых порядков противоборствующих сторон Эпаминонд увидел, что его визиави, царь Клеомброт, выстраивает классическую фалангу в 12 шеренг с равномерным распределением гоплитов по фронту. На правом фланге спартанской фаланги стал сам царь Клеомброт со своими гоплитами, а левый фланг и центр были отданы им своим союзникам. Впереди своей фаланги Клеомброт расположил 1 тыс. всадников.

Видя, что на правом фланге спартанцев находятся их главные, по своему качественному показателю, силы, фиванский полководец принял решение сформировать численный и качественный перевес своих сил на своем левом фланге ровно напротив правого фланга войска Клеомброта. Для этого Эпаминонд прибегнул к тактическому разделению своей пехоты, построив на своем левом фланге отдельную колонну в 50 шеренг, получившую название *эмбалон*, в арьергарде которой находились его лучшие бойцы, так называемый «*священный отряд*», в количестве 300 человек. Отделение «священного отряда» от строя основных сил оказалось, по сути своей, первым проявлением резервирования сил на поле боя, главной задачей которых было проведение превентивной активности в случае прорывов или обходных маневров противника.

На правом фланге и в центре общего боевого порядка фи-

ванского войска находилась фаланга в 8 шеренг с расположенным впереди полторатысячным конным отрядом.

Тот же спартанский полководец и мыслитель Ксенофонт в своей «Греческой истории» так обосновал решение Эпаминонда:

«Строй фиванцев был тесно сомкнут и имел глубину не менее 50 щитов, так как они полагали, что, если они победят часть войска, группирующуюся вокруг царя, добить оставшуюся часть войска будет уже нетрудно ...»

Таким образом Эпаминонд впервые прибегнул к схеме тактической асимметрии построения боевого порядка по фронту с концентрацией критической военной массы на главном направлении удара за счет частичного ослабления других направлений в условиях относительной равнозначности общего военного потенциала противоборствующих сторон.

Непосредственно перед боем Эпаминонд прибегнул еще к одной тактической хитрости. Видя нерешительность Клеомброта и нежелание его в этот день атаковать первым, фиванский полководец начал осуществлять отвлекающий маневр по ложному возвращению своих сил в полевой лагерь. В следующий момент, когда спартанцы также решили направиться в свой лагерь, кавалерия фиванцев неожиданно атаковала отряд спартанских всадников. В результате атаки опрокинутая конница спартанцев при отступлении значительно расстроила ряды своей фаланги, а фиванские всадники благо-

получно заняли свое место на левом фланге своего войска.

После того как боевой порядок спартанцев в некоторой степени был расстроен и обескуражен, фиванская пехота незамедлительно атаковала фалангу спартанцев. В результате завязавшегося сражения фиванский эмбалон, как и задумывал Эпаминонд, прорвал ряды спартанской фаланги на ее правом крыле. Во время сражения царь Клеомброт был убит, а его войско было разбито. Около тысячи спартанцев погибли в бою, остальным удалось укрыться в полевом лагере, после чего спартанцы запросили у Фив перемирия.

В дальнейшем спартанцы, оправдывая свое поражение, заявили, что Эпаминонд и его войско действовали *«не по правилам»*, потому и победили *«незаконно»*.

Исход сражения при Левктрах в 371 году до н. э., а также реакция спартанцев на свою неудачу, является показательным примером того, как слепая вера в шаблонность действий на поле боя, основанная на канонах главенствующей тогда военной школы, приводит к поражению войска перед свежестью военной мысли своего противника, который сумел правильно и всесторонне оценить текущую обстановку на поле боя.

В V веке до н. э. древние греки успешно вывели в свет новую военную школу, в которой главной решающей силой на поле боя стала пехота. Так начался процесс деклассирования военной школы, в которой главной ударной силой была иррегулярная конница, а на просторах Древнего Мира зна-

чительно возрос авторитет греческой военной школы. Греческие гоплиты стали самой грозной военной силой на поле боя как внутри эллинских военных конфликтов, так и далеко за пределами Древней Греции. В результате была природно создана новая система координат вооруженного противостояния, в рамках которой многие сотни лет развивалась концепция использования пехоты как основной военной силы.

Греки заложили основу тактического построения боевого порядка на поле боя и дифференциацию пехоты по ее качеству. Это породило тяжелую и легкую пехоту с дальнейшим разделением линейного построения линии фаланги на отдельные тактические единицы с использованием принципа неравномерного распределения сил по фронту, с тем чтобы концентрировать основную военную мощь на отдельно выбранном участке прорыва линии противника.

Древнегреческие полководцы разработали и успешно применили на практике основные тактические приемы действий как сомкнутого пехотного строя, так и разомкнутыми строями сначала легкой пехоты, а затем и отдельно выстроенными по линии фронта лохами гоплитов и применение эмбалона как основной пробивной силы с ее резервированием.

Вместе с рождением новой стратегии и тактики действий непосредственно на поле боя греки оставили после себя бесценное наследие военного искусства, в котором отобразился опыт успешной тактики действий на марше, при передвижении на тысячекилометровые расстояния в различных гео-

графических условиях, во враждебной для своих сил внешней среде и в автономном режиме.

Помимо регулярной пехоты, в первой половине IV века до н. э. греки заложили основу использования регулярных конных подразделений – кавалерии как нового рода войск, обеспечивавшего успешность действий пехоты.

Итак, благодаря своей эффективности и успеху на полях сражений концепция применения пехотного строя как решающей силы на полях сражений очень быстро перешла из разряда иррегулярности в разряд конвенциональности.

Начиная с V века до н. э., в Древнем мире произошла некая трансформация – переход от одной концепции вооруженной борьбы к другой. Все больше набирала вес военная концепция противостояния пешими строями. Другими словами, противостояние подобного с подобным, что и определило новую классическую форму вооруженной борьбы. После начался закономерный процесс усовершенствования тактики боя между пешими строями и их взаимодействия с зарождающимся новым родом войск – регулярной кавалерией и всевозможными вспомогательными службами.

Свое развитие новая концепция применения силы в вооруженной борьбе получила в армии Александра Македонского.

Македонская пехота была разделена на основные сегменты: подразделения легкой пехоты, средних пехотинцев – *гирасписты* и непосредственно тяжелых пехотинцев – *са-*

риссофоры (фалангиты). В македонской армии был увеличен удельный вес основной боевой мощи – классической фаланги, которая стала насчитывать 16–18 тыс. человек с глубиной построения от 8 до 24 шеренг и вооруженной удлиненными до 6 метров пиками.

Второй род войск в македонской армии был представлен конницей, которая по аналогии с пехотным разделением была поделена на легкую, среднюю конницу – *димахи* и тяжеловооруженных всадников – *гетеры (катафракты)*. Регулярная конница македонской армии была ее главной маневренной силой, наносящей разящий удар своему противнику, атакуя его боевой порядок преимущественно во фланги и тыл, а затем принимая участие в энергичном преследовании отступающего противника.

Таким образом, в македонской армии была введена оптимальная структура армии, которая позволяла вести успешные боевые действия против различного рода пехотных и конных строев с проявлением известной степени гибкости и тактической маневренности при организации эффективно-го взаимодействия между своими подразделениями. Оптимальная схема разделения сил, которая была использована в македонской армии, послужит основой классического разделения сухопутной составляющей армий стран мира после эпохи средневековья уже нашей эры – эпохи военного ренессанса.

Все это вместе с успешной проводимой внешней поли-

тикой позволило македонцам сначала объединить под своей эгидой всю Грецию, а затем победить в так называемой «Счастливой войне» против извечного соперника греков на мировой арене – Персии, что в свою очередь привело к появлению эллинистической империи Александра Македонского на просторах тогдашнего цивилизованного мира.

После смерти Александра Македонского в 323 году до н. э. новый эллинистический мир постигли закономерные процессы децентрализации, что породило на свет некоторое количество эллинистических государств. Вместе с распадом империи Александра Македонского, эпоха которого явилась проявлением высшего внешнего рассвета греческого мира, началась внутренняя эллинистическая междоусобица, которая приводила к общему упадку греческой культуры. Греко-македонские правители образовавшихся эллинистических государств, династии которых вели свое начало от военачальников македонской армии – *диадхов*, оказались не самыми лучшими наследниками завоеваний великой империи. На фоне общей раздробленности и обмельчания эллинистической культуры вырождению подверглось и военное искусство, степень развития которого достигла своего максимума в эпоху военно-политического гения Александра Македонского.

В период войн эллинистических государств силы противоборствующих сторон стали состязаться в рамках общепринятой концепции, в которой приоритет отдавался развитию

и использованию военной техники и первичной тактики линейного использования фаланги. За рамки системы военного искусства постмакедонской эпохи были выведены вопросы взаимодействия между родами войск и их подвидами вместе с практикой применения тактического маневра на поле боя, которые характеризовались сложностью организации и управления подготовительной и активной частей военной кампании. Военная школа эллинистических государств была заметно упрощена по сравнению с имперской военной школой армии Александра Македонского.

Таким образом, в военных организациях эллинистических государств качественная составляющая организации войска вместе с эволюцией развития стратегии и тактики применения войска, связанной с возросшим значением организации взаимодействия, силы и скорости маневра, уступили место количественному показателю, сухости тактического расчета и техническому обеспечению действий войск.

Другими словами, победы Александра Македонского привели к образованию эллинистической империи, на просторах которой даже после ее распада на отдельные государства произошло установление общей эллинистической культуры. Одной из составных частей внешне распространенного эллинизма была соответствующая ему военная школа, которая на фоне усиления центробежных сил в империи получила сильное упрощение и в этом виде приняла признаки бронзово-железной конвенциональности – стала господствующей воен-

ной школой.

В рамках сложившейся системы координат вооруженного противостояния и происходило противоборство сил эллинистических царств, которые формировали собой так называемый цивилизованный мир с конца IV века до н. э. С этого момента развитие классической военной мысли пошло не по пути дальнейшего развития военного искусства как такового, упор в котором делался бы на изыскание новых форм и методов вооруженной борьбы с оптимизацией структуры армейского организма, а по пути увеличения военно-технической мощи, то есть форма военного искусства взяла верх над ее сутью.

В сложившихся условиях системы вооруженного противостояния вскоре родилась новая военно-политическая сила, военная школа которой заметно отличалась в лучшую сторону от установившегося военного классицизма.

Римляне (стратегия прямого и непрямого)

На общем фоне упадка военной мысли периода эллинистических государств именно молодая Римская республика стала выделяться положительной динамикой развития своей военной школы, благодаря чему к 266 году до н. э. сумела подчинить себе весь Апеннинский полуостров и вступить в борьбу за господство на Средиземном море.

Очевидно, что все военно-политические победы Рима в борьбе за господство на полуострове были обеспечены эффективностью римской армии и новаторством военной шко-

лы в средиземноморье.

Римская республика унаследовала от греческой цивилизации ее концепцию военной организации. Но древний Рим не стал бы в будущем великой империей, если бы просто копировал социальную модель Древней Греции, не привнеся в нее необходимых изменений в соответствии с новым временем.

Естественно, что эволюция развития римского государства не обошла стороной и военное дело, превосходная степень которого позволяла будущему гегемону расширять зоны своего влияния в Древнем мире.

Римляне были хорошими учениками, и после того, как они унаследовали от греческой культуры концепцию применения тяжелой пехоты, они быстро обнаружили ее слабые места. Это позволило римлянам своевременно модернизировать классическую греческую фалангу с тем, чтобы придать своему войску максимальной эффективности на поле боя в противостоянии с подобным пехотным строем, а также обезопасить свои войска, в случае если противник смекнет воздействовать на слабые места греческого боевого порядка.

В сложившейся ранее системе координат вооруженного противостояния классическая фаланга была непобедима с фронта, но наиболее уязвимыми местами ее были фланги и особенно тыл. Фаланга была хороша на коротке и на равнинной местности с желательным наличием природных ограничений на флангах, что придавало сомкнутому строю пе-

хотинцев, оцетинившемуся длинными копьями, максимальную ударную силу в атаке и силу сопротивления в обороне.

В случае совершения успешного быстрого маневра противником, неравномерного распределения его силы по фронту, происходившему на фоне сложного рельефа местности, пехотинцы фаланги уже были не в состоянии вовремя реагировать на изменения обстановки на поле боя, с тем чтобы перестроиться в нужном порядке и направлении. В результате плотное построение фаланги сразу теряло свое преимущество, что приводило к поражению.

В результате в армии Древнего Рима появилась новая концепция тактического построения войска на поле боя. По сути, это не была в полном смысле новая форма, ведь достаточно вспомнить разделение Ксенофонтом греческой фаланги на лохи. Это было логическое продолжение эволюции военного дела Древней Греции, начавшейся с конца V и в начале IV веков до н. э., но забытого в период эллинизма.

Пунийцы и Римляне (противостояние личности и системы)

После завоевания господства на Апеннинском полуострове, Римская республика вступила в прямое противостояние с тогдашней «сверхдержавой» в Средиземноморье – Карфагеном, выразившееся в трех войнах.

В лексиконе римлян карфагеняне (финикийцы) значились как пуны (от латинского *Puni*), отсюда и происхождение названия вооруженного конфликта между Римом и Карфагеном – Пунические войны, которое им (войнам) дал Рим как победитель.

Сразу следует особо отметить, что с военной точки зрения Римская армия не превзошла армию Карфагена, победа Рима была обеспечена в первую очередь предательством политико-экономической верхушкой Карфагена своей армии и эффективной политической активностью Рима, дипломаты которого более умело использовали методы так называемой стратегии не прямых действий.

Во Второй Пунической войне ярко проявился военный гений Ганнибала, полководца Карфагенской армии. Его армия смогла перенести войну на территорию противника и нанести его войску целый ряд чувствительных поражений.

Кстати, во Второй Пунической войне карфагенский полководец отметился еще и как гениальный организатор и реформатор, сумевший подготовить свою армию к дальнейшим боевым действиям прямо «на марше».

Во время военной кампании Ганнибал провел успешную реорганизацию своей армии, увидев ее слабые места и отсталость от Римской военной школы, что обеспечило ему дальнейшее успешное действие во Второй Пунической войне.

Процесс реорганизации своей армии Ганнибалом непосредственно во время военного конфликта явился первым ярким примером в мировой истории войн, в котором армейский организм в сжатые сроки и во враждебной для себя среде успешно прошел модернизацию своей военной школы в соответствии с текущей оперативно-тактической обстановкой и уровнем военного искусства противной стороны.

Приведение Ганнибалом своей армии к стандартам греческой военной школы, в основе которой были тактическое разделение пехотного строя, выделение кавалерии в отдельный регулярный род войск и организация взаимодействия между пехотой и кавалерией, поставило армию Карфагена периода Второй Пунической войны в один ряд с Римской армией, как достойного наследника античного военного искусства.

Таким образом, Пунические войны интересны для нас тем, что, с одной стороны, одна из противоборствующих сторон, потерпев критические военные поражения, в конечном

итоге смогла победить в войне, а с другой стороны, тем, что другая сторона конфликта с более отсталой военной школой благодаря гению своего военного лидера в ходе военной кампании смогла самостоятельно реорганизоваться и вывести военную школу своей армии на более высокий уровень военного искусства.

Но вернемся к началу Пунических войн, в которых проявился весь модернизм античной военной школы того времени.

К началу войны с Карфагеном Римская республика подошла с завершённой реформой в своей армии. Новый боевой порядок римлян был сформирован с учетом всего негативного и позитивного опыта различных схем построения греческих войск.

Самой большой тактической единицей в римской армии был *легион*, который включал в себя 30 *манипул* тяжелооруженных пехотинцев, отличающихся друг от друга по качественному показателю. Действия манипул обеспечивались силами 1,2 тыс. легковооруженных пехотинцев – *велитов* и римской кавалерией, представлявшей собой эскадрон в 300 всадников, который подразделялся на 10 *турм* по 30 человек в каждой.

Основу боевого порядка легиона составляло линейное построение манипул по принципу линейного эшелонирования с резервированием сил. Это был по-прежнему пеший строй с гораздо большей степенью свободы действий и гораздо мень-

шего типоразмера, чем фаланга Александра Македонского.

Согласно новым стандартам, римские манипулы строились в три ряда по 10 в каждом в шахматном порядке на установленные интервал и дистанцию между собой. Первую шеренгу манипул представляли *гастаты* – молодые воины, во второй линии римского легиона стояли более опытные воины – *принципы* и ветераны римской армии – *триариш* находились в третьей линии боевого порядка. Совершенно очевидно, что подобное качественное разделение при построении легиона направлено на создание некоего тактического резерва, роль которого исполняли самые опытные бойцы римской армии, а тактическое разделение на отдельные боевые единицы, выстроенные в три ряда, создавало глубину строя, которая придавала легиону высокую степень устойчивости и гибкости.

Таким образом в реформированном римском легионе был учтен и развит опыт греков, проявленный во время боя на острове Сфактерия в 425 году до н. э., в котором греки применили первое организационное расчленение пехоты на легкую и тяжелую составляющие с соответствующей каждой тактикой боя, наследие «Отступления десяти тысяч» и непосредственно битвы в Колхиде в 400 году до н. э., в которой греческая фаланга получила свое первое тактическое разделение на лохи, и опыт фиванцев в бою при Левктрах в 371 году до н. э., где фиванцы, используя принцип неравномерного распределения сил, осуществили частичное эшелонирование.

нирование на отдельном участке своего боевого порядка с выделением резерва из числа самых опытных воинов.

Единственным, что не получило своего отображения и развития в армии Римской республики, было наличие соответствующей силы легиона кавалерии как главной маневренно-ударной силы с ее организационным разделением на тяжелую, среднюю и легкую, как это было в армии Александра Македонского.

И подобная опрометчивость римлян явилась, скорее всего, следствием установившейся конвенциональности системы координат вооруженной борьбы на основе греческой военной школы в сильно упрощенном виде, которая распространила свое влияние в границах Эллинистического мира постмакедонской эпохи.

Подобная недооценка опыта македонской армии сыграет с Римом злую шутку в первом же боевом соприкосновении римского легиона с карфагенскими силами, располагавшими прекрасной тяжелой и легкой кавалерией во Второй Пунической войне.

В дальнейшем это случится с римской армией уже после полученного опыта в Пунических войнах, когда с тактикой действий дифференцированных сил регулярной кавалерии парфян во время римско-парфянской войны в середине I века до н. э. столкнется армия Красса.

Вот с такой военной организацией своей армии подошла Римская республика к войне с Карфагеном.

Военное противостояние проходило в три основные фазы, которые выразились в трех Пунических войнах с общей временной протяженностью в 118 лет.

Самой насыщенной, с точки зрения эволюции развития военного искусства, с большой плотностью общестратегических действий, происходивших в политической и военной плоскостях, а также самой определяющей для конечного результата всего конфликта по своим промежуточным итогам из всех трех войн была Вторая Пуническая война 218–201 годов до н. э.

Кроме всего прочего, второй войне между Карфагеном и Римом предшествовал подготовительный – первый период, продлившийся с 235 по 219 годы до н. э., которым умело воспользовался Карфаген.

Вторая Пуническая война (стратегический маятник)

В результате Первой Пунической войны (264–241 годы до н. э.), в которой главной операционной зоной являлся остров Сицилия и западное Средиземноморье, Рим покончил с морским могуществом Карфагена и перехватил господство на море. Естественно, что ни одну из сторон конфликта не устраивал тот промежуточный мир, который был заключен в 241 году до н. э.

Карфаген не устраивала потеря его могущества на море и появление сильного соперника в границах тогдашнего цивилизованного мира, а Рим, как нового мирового игрока, не устраивало положение, в котором Карфаген все еще сохранял свое военное могущество в регионе.

Таким образом Карфаген, как сторона, страстно желавшая реванша за первичный проигрыш, начал подготовительные мероприятия к будущему неизбежному началу открытого вооруженного противостояния.

Первый период (скрытое и открытое)

На народном собрании Карфагена было принято решение о смене главного операционного направления предстоящей военной кампании и о начале подготовительной фазы, с тем чтобы перехватить стратегическую инициативу у Рима посредством переноса боевых действий на территорию противника. На собрании был выбран военачальник армии Карфагена – Гамилькар, которому суждено было начать скрытые подготовительные мероприятия большого сухопутного похода.

В 235 году до н. э. большая карфагенская армия начала свой поход, выдвинувшись в противоположном направлении от Рима – на запад, переправилась на Европейский континент в Иберии, откуда и начался процесс подготовки плацдарма для вторжения в границы Римской республики не с самого оптимального, с точки зрения геометрии и географии направления, но эффективного с точки зрения военной теории и практики.

Сначала с 235 по 221 год до н. э. карфагенским экспедиционным корпусом была создана основная база в Иберии, где был основан город Новый Карфаген. За этот период в борьбе с иберийскими племенами сменилось несколько главнокомандующих карфагенской армией. В 229 году до н. э. погиб Гамилькар, в 221 году до н. э. был убит следующий

военачальник, после которого на пост главнокомандующего карфагенскими силами на Европейском континенте вступил двадцатипятилетний сын первого командующего Ганнибал.

К моменту назначения Ганнибала на пост главнокомандующего карфагенской армией уже была покорена Иберия, а зона прямого влияния карфагенян была распространена до реки Ибер (Эбро).

В планах Ганнибала было создание следующего плацдарма и базы для своего корпуса в районе реки Падус (По), где карфагеняне намеревались использовать в свою пользу противоречия между местными племенами и Римом.

Для успешного воплощения своих планов Ганнибалу со своим войском предстояло совершить марш протяженностью около 850 километров по сильно пересеченной местности от реки Ибер к долине реки Падус, в границах которой (местности) проживали воинственные племена, с которыми нужно было либо договариваться, либо покорять их.

В целях создания благоприятных условий в полосе следующего операционного направления экспедиционные силы Карфагена начали проводить активные мероприятия по ведению глубокой разведки как географии будущих операционных территорий, так и непосредственно сил противника. Также проводилась работа по созданию полосы безопасности вдоль главной операционной линии экспансии посредством заключения тайных союзов с местными племенами и через организацию ряда походов для покорения племен,

проживавших к северу от реки Ибер.

В конечном итоге после того как в 219 году до н. э. в долине реки Падус наметился союз местных племен против Рима, Ганнибал перешел к прямым действиям и осадил союзный Риму богатый город Сагунт, который был взят и разорен после восьми месяцев осады.

Таким образом, действия армии Карфагена к северу от русла реки Ибер и взятие Сагунта заставили Рим принять вызов и приступить к подготовке ко второй военной кампании, правда, уже вторым номером.

По плану, разработанному в Римском сенате, вся римская армия была поделена на три основные части, чтобы начать действовать сразу на трех операционных направлениях: в Иберии, непосредственно против Карфагена на Африканском континенте через Сицилию и в районе долины реки Падус.

В численном показателе для воплощения своего плана римляне привлекали не более 8 легионов, два из которых направлялись в Иберию, еще два сосредотачивались в Сицилии, в район реки Падус уходили также два римских легиона и 1–2 легиона оставались в районе Рима. Нетрудно подсчитать, что 2 легиона составляли не более 8,5 тыс. человек, и, следовательно, после распыления своих сил на главном направлении удара карфагенских сил в условиях враждебного для Рима галльского сопротивления римляне выставляли меньше сил, чем было у противника. Такая же обстановка

была и на других операционных направлениях.

В свою очередь созданный Ганнибалом стратегический резерв состоял из 20 тыс. человек, располагавшихся непосредственно в районе Карфагена, пятнадцатитысячное войско Гасдрубала обеспечивало иберийскую базу. Остальная, значительная часть армии под руководством Ганнибала весной 218 года до н. э. переправилась через реку Ибер, которая до этого времени являлась некой «красной чертой» во взаимоотношениях Рима и Карфагена, и выдвинулась в направлении реки Родан (Рона), оставляя за собой около 11 тыс. человек для обеспечения режима безопасности на новой коммуникационной линии.

Так начиналась открытая часть Второй Пунической войны, к началу которой общая стратегическая обстановка складывалась в пользу армии Карфагена благодаря созданию главного плацдарма в Европе для карфагенского экспедиционного корпуса и незримой активности карфагенян по операционной линии от реки Ибер до реки Падус, где закладывалась основа организации антиримского союза галльских племен.

К моменту подхода карфагенян к долине реки Родан (Рона) в августе два легиона под командованием Публия Сципиона, имевшие конечной своей целью оперирование в Иберии, были сосредоточены в Массилии в 100-120 километрах южнее от места переправы карфагенского войска через реку Родан.

В этих условиях Ганнибал, правильно оценив обстановку и расставив приоритеты военной кампании, не вступая в соприкосновение с силами Сципиона и выставив конный заслон, решил направиться к Альпам, чтобы выйти своими главными силами к долине реки Падус, район которой был главной промежуточной целью новой военной кампании.

В результате осенью 218 года до н. э. карфагенские силы успешно форсировали Альпы и появились в Северной Италии в назначенном районе у Таврися. К этому моменту передовые силы Карфагена составляли около 20 тыс. пеших воинов, действия которых обеспечивала конница численностью в 6 тыс. всадников. В новом районе Ганнибал сразу же принялся объединять галльские племена для борьбы против Рима и расширять зону своего влияния для организации новой стратегической базы до Медиолана (Милан).

Римскому сенату в связи с появлением главных сил Карфагена в Северной Италии пришлось корректировать первоначальный план военной кампании. Два легиона под командованием Тиберия Семпрония Лонга до этого сосредоточенные в Сицилии в срочном порядке перебрасывались в район реки Падус для усиления армии Луция Манлия, сюда же от Массилии выдвигалась часть иберийских сил Сципиона.

Таким образом Ганнибалу и его предшественниками удалось своими непрямыми действиями (некинетическими) заставить Рим отказаться от своих первоначально задуманных намерений, а Риму пришлось в срочном порядке формиро-

вать свои силы для противодействия армии вторжения на направлении, неожиданно ставшим главным.

Такова была обстановка перед началом второго периода Второй Пунической войны, в котором произошли основные кинетические мероприятия борьбы Рима и Карфагена в военной плоскости противостояния.

Второй период (гений полководца)

После непродолжительных тактических маневров силы противоборствующих сторон сошлись в районе долины реки Треббия, где и произошел одноименный бой в декабре 218 года до н. э., который открыл счет блестящих военных побед Ганнибала над Римом непосредственно на территории Римской республики.

К этому времени все армии были уже значительно усилены и готовы к открытому противостоянию.

Армия Ганнибала достигла численности войска в 40 тыс., после того как ее ряды пополнили галлы. Тридцатитысячная часть представляла собой пехоту, а кавалерия была представлена 10 тыс. отличных нумидийских всадников.

Римская объединенная армия состояла из 32 тыс. пехотинцев и лишь 4 тыс. не лучших по своему качественному показателю всадников. Руководили армией два консула: Публий Сципион и Семпроний Лонг, которые имели различные представления о стратегии действий. Двоевластие в Римской армии и зависимость двух консулов от внутривнутриполитической обстановки в Риме не способствовали созданию благоприятных условий для римлян непосредственно перед началом сражения, а разногласиями консулов грамотно воспользуется Ганнибал для завязки сражения на выгодных для карфагенян условиях.

Перед боем Римская армия встала сильно укрепленным лагерем на восточном берегу реки Треббия, заняв господствующую высоту. В свою очередь карфагенская армия встала лагерем на противоположном берегу реки. Ганнибал располагал хорошо организованной и достаточно многочисленной конницей, выполнявшей в его войске роль главной маневренно-ударной силы, преимущество которой в полной мере проявлялось в бою на равнинной местности. Поэтому карфагенский военачальник принял решение сначала выманить силы противника из укрепленного лагеря на оперативный простор, а затем дать генеральный бой в выгодной для себя тактической обстановке.

Таким образом Ганнибал, демонстрируя лучшие традиции военного искусства, разделил всю свою боевую активность в рамках оперативного и тактического уровней на ее подготовительную фазу и фазу прямого боевого столкновения основных сил в операционном районе долины реки Треббия.

Сначала карфагеняне, чтобы побудить своего противника к действию, принялись опустошать окружающую территорию, которая принадлежала племени аноманов, союзников римлян. Откликнувшись на мольбы о помощи аноманов, консул Лонг выслал усиленный отряд для защиты союзника и разбил несколько небольших отрядов противника.

В один из дней, когда армией Рима командовал Семпроний Лонг, Ганнибал вновь принял активные демонстраци-

онно-отвлекающие действия летучей нумидийской конницы, которая перешла реку и стала приближаться к лагерю римлян. В ответ римский консул вывел свою конницу и легкую пехоту из лагеря и атаковал противника, который очень быстро обратился в бегство. При преследовании беспорядочно отступающей нумидийской конницы римлянам удалось параллельно разбить небольшой отряд легких пехотинцев, высланных Ганнибалом для прикрытия своей отступающей кавалерии.

Эти частные военные успехи – малые тактические гамбиты, разыгранные Ганнибалом, заставили римского полководца поверить в свои силы и вывести свою армию на оперативный простор, чтобы дать бой армии Карфагена.

Видя свои «успехи», Лонг отдал приказ своим легионам выйти за ограждения полевого лагеря, перейти вброд реку и построиться в боевой порядок на равнине.

Промежуточная цель всей подготовительной фазы Ганнибалом была успешно достигнута, и карфагенская армия начала готовиться к бою в подготовленных для себя тактических условиях.

Боевой порядок римлян представлял собой классическое линейное построение легионов, в центре которого располагались римские легионы, на их флангах была расположена союзная пехота и на крыльях всего пешего боевого порядка располагалась конница: слева – римская, а справа – союзные всадники. По фронту силы основного боевого порядка рим-

ской армии прикрывали легкие пехотинцы.

Свой боевой порядок Ганнибал построил с учетом географии местности. В тылу римлян вдоль всего боевого порядка располагалось русло реки Треббия, что исключало возможность сильного фронтального удара специально созданным для этого ударным отрядом. Это было обусловлено тем, что даже в случае успешного прорыва линии римлян ударный отряд по инерции неминуемо упрется в берег реки, в результате чего его боевой порядок будет сильно нарушен, и римские манипулы получат возможность легко купировать угрозу и восстановить свой боевой порядок.

Поэтому в своем замысле боя карфагенский полководец главной ударной силой определил нумидийскую конницу, которая благодаря своему качественному уровню должна была опрокинуть слабые римские фланги с последующим охватом римского центра, имеющего значительно превосходящую качественную степень по сравнению с пехотой карфагенской армии. Действия основного боевого порядка карфагенян в самый ответственный для битвы момент должны были поддержать выделенный резерв в виде крупного засадного отряда, находившегося под рукой брата Ганнибала – Магона. В состав тактической группы Магона входила 1 тыс. пехоты и 1 тыс. всадников.

Итак, в центре фронтальной линии армии Карфагена была расположена пехота под прикрытием боевых слонов. На обоих флангах располагались сильные отряды кавалерии. В

стороне от правого фланга карфагенской армии – в укрытии размещался их засадный отряд.

Такова была диспозиция сил противоборствующих сторон, которые изготовились к началу активной фазы боя на реке Треббия в декабре 218 года до н. э. между армией Ганнибала и объединенной армией Рима.

Как и положено, битву начала легкая пехота обеих сторон, после чего нумидийская конница успешно атаковала своих визави и закрепилась на флангах противника. После успешной атаки конницы Ганнибал ввел в дело свою пехоту, которая ударила во фронт строя римских манипул. Одновременно в тыл римской пехоты ударил засадный отряд карфагенян. Преимущество пешего строя римлян над своими оппонентами позволило им, даже в ситуации с открытыми флангами и прорывом в тылу, достаточно успешно противостоять натиску противника и избежать полного разгрома своих войск.

Во время сражения сильно пострадала лишь задняя линия легионеров от удара с тыла, остальная часть римского строя, выдержав натиск фронтальной атаки, прорвала линию атаки карфагенской пехоты и ретировалась в Плаценцию.

Так Ганнибал одержал свою первую крупную победу над армией римских консулов, вследствие чего Рим потерял Галлию, которая стала новым полноценным оперативным плацдармом для карфагенских сил, которым в декабре 218 года до н. э. была открыта дорога на столицу Римской республи-

ки.

Следующий бой произошел в июне 217 года до н. э. у Тра-зименского озера.

В кампании 217 года Ганнибал принял решение выйти в Среднюю Италию, с тем чтобы оттуда проникнуть в Южную Италию и оторвать жившие здесь племена от Рима.

В Среднюю часть Италии вели три дороги, две из которых, через Аримини и Арреций, были под наблюдением и контролем римских сил. Третья, через Луку, выводила в тыл города Арреций, но проходила через болотистую местность, а весной становилась труднопроходимой, поэтому и не рассматривалась римлянами как возможное направление движения сил карфагенян. Ганнибал принял правильное решение идти третьим путем, считая этот путь более безопасным для своих сил, где ему предстояло, не ввязываясь в боевые соприкосновения с силами противника, преодолеть лишь природные преграды, с тем чтобы подойти максимально готовым к следующему сражению с армией Фламиния до его возможного усиления армией Сервилия, используя эффект неожиданности.

В результате тяжелого перехода армия карфагенян в 40 тысяч человек вышла в пространство между городом Арреций и самим Римом.

В свою очередь Фламиний, в обязанности которого входила защита Рима, повелся на тактическую уловку Ганнибала и ошибочно принял за конечную цель войска Карфагена

в этом походе непосредственно Рим, после чего незамедлительно бросился в преследование карфагенских сил. Из-за своего честолюбия Фламиний принял еще одно трагическое для своей армии решение: не дожидаться армии Сервилия и самому разбить армию Ганнибала, став таким образом единоличным «спасителем Рима».

А в это время Ганнибал со своим войском достиг района Тразименского озера, где карфагенский военачальник обнаружил крайне удобное место для организации засады, в которую можно успешно завлечь целую армию. Дорога из Арреций в Рим в районе озера проходила через узкое пространство, с одной стороны ограниченное озером, а с другой стороны горами. Вот именно в этом природном дефиле Ганнибал расположил свои войска со стороны гор. На входе в дефиле в долинах были расположены сначала галлы, за ними африканская и испанская пехота. Далее по линии гор располагались балеарские стрелки, а на выходе из дефиле противника ждала карфагенская конница.

Армия Фламиния численностью в 31 тыс. подойдя к северному берегу озера, стала на ночлег, после чего ранним утром, не приняв мер предосторожности, полностью втянулась в узкое пространство. Текущие погодные условия и полководческий талант Ганнибала обеспечили эффект внезапности действиям карфагенян, которые по приказу своего военачальника одновременно ударили по колонне армии римлян. Бой продолжался в течение трех часов, в результате ко-

того сам Фламиний и еще 15 тыс. римлян погибли или утонули в озере, остальные 15 тыс. человек были взяты в плен.

Так вследствие военного невежества и высокомерия ее полководца была уничтожена целая армия Рима, чем удачно воспользовался хорошо осведомленный о качествах своего оппонента Ганнибал при воплощении своего плана. Древнегреческий историк Полибий так охарактеризовал действия Ганнибала:

«...постиг и принял во внимание все качества неприятельского вождя, благодаря чему и удался план его».

Помимо правильной оценки личности своего противника, Ганнибал правильно использовал условия местности для организации засады и сумел вовлечь всю армию противника, военачальник которой пренебрежительно отнесся к прописным истинам военного искусства, доставшегося новым поколениям от греческой цивилизации.

Очередная громкая победа Ганнибала над Римом позволила армии Карфагена закрепиться в средней части территории Апеннинского полуострова и уже напрямую угрожать столице Римской республики и изготoвиться к финальному броску в Южную Италию.

Потеря Римом целых армий угнетающе воздействовала как на простой народ, так и на его армию, поставив республику во временное оцепенение.

Таким образом, у Ганнибала появилось время для реорганизации своей армии и подготовки к осуществлению даль-

нейшего успешного броска своих сил в Южную Италию, что гарантировало ему прямой, уже наикратчайший выход к Карфагену. Выход на прямую связь со своей столицей физически закольцевал географическое пространство театра военных действий, в котором происходила борьба между Римом и Карфагеном, связывал все операционные районы между собой и открывал новое и мощное направление обеспечения экспедиционного корпуса Ганнибала. В таких условиях Рим оказывался в изолированном состоянии, попадая в большой плавильный котел.

Итак, с весны 217 по лето 216 года до н. э. карфагенская армия получила время на передышку от боевых действий, которой воспользовался Ганнибал для реформирования своей армии непосредственно на территории противника. Проведя анализ действий своих сил в бою, карфагенский полководец оценил слабые и сильные стороны своей армии. Наиболее слабым звеном в его армии была пехота, которая сильно уступала римской, поэтому Ганнибал, учитывая свое превосходство в главной маневренно-ударной силе – кавалерии, не стал придумывать нового колеса, а принялся к реорганизации своей пехоты, не стесняясь взять за основу римскую военную школу.

Новые карфагенские легионы были перевооружены трофейным римским оружием, которое было в избытке после успеха карфагенян в Северной и Центральной части Римской республики. После реорганизации и перевооружения

своей пехоты Ганнибал приступил к курсу боевого слаживания пехоты в новых боевых порядках, главным вопросом в котором была отработка взаимодействия пехотного строя с кавалерией.

В это время в Риме, почувствовав прямую угрозу, и в связи с тем, что один римский консул по имени Фламиний погиб, а консул Сервилий находился слишком далеко от Рима, народ выбрал чрезвычайную для себя форму правления, ограниченную по сроку, но обладающую всей полнотой гражданской и военной власти – диктатуру.

Сначала центуриатная комиция выбрала диктатором Кв. Фабия Максима, который очень скоро получил неофициальное прозвище «медлитель», но уже в скором времени народом был избран второй диктатор Муниций, который до этого был заместителем Фабия и по совместительству начальником конницы в армии.

Фабий собрал свою армию, включающую два новых легиона с присоединенными двумя легионами консула Сервилия, после чего повел ее на сближение с силами Ганнибала.

Противоборствующие стороны максимально сблизились на стыке границ Апулии и Кампании, где в Вибинии (Бовино) стоял лагерь пунийцев.

Своей стратегией диктатор Фабий избрал политику «затягивания» активного противостояния с главными силами противника с параллельным применением так называемой тактики «выжженной земли», чтобы не дать возможности

врагу пользоваться ресурсами плодородных земель Италии.

Следуя по своей территории, диктатор выселял все население земель, где ожидалось появление карфагенян, и собирал их в специальные отряды, после чего римляне сами опустошали эти земли.

Осенью 217 года, после того как противоборствующие силы сблизилась, Ганнибал привел в движение свою армию, поведя своих воинов к городку Гереоний в долине Фортора, где карфагеняне намеревались провести зимовку, используя благоприятную внешнюю среду географической линии Апулия – Кампания.

Фабий выдвинулся параллельным курсом вслед за Ганнибалом, но таким образом, чтобы держать противника в поле зрения и не вступать с ним в прямое крупное боевое столкновение. Римляне, не поддаваясь на провокационные вызовы пунийцев, позволяли себе нападать лишь на мелкие группы противника, которые отдалялись на достаточное расстояние от своих главных сил.

Таким манером стороны подошли к Гереонию, где Ганнибал остановил свою армию для зимовки. Район города станет местом последнего противостояния в 217 году до н. э.

К этому моменту в Риме и армии слишком возросло негативное отношение к выбранному диктатору из-за его нерешительных действий против Ганнибала, и это привело к тому, что в Риме был выбран второй диктатор.

Так в римской армии образовалось двоевластие в самый

неподходящий для этого момент, что значительно упростило Ганнибалу задачу по обеспечению режима безопасности своей армии в районе зимовки.

Фабий и Муниций ожидаемо разделили римскую армию на две части и стали двумя полевыми лагерями на удалении друг от друга в долине Фортора, чем сразу же воспользовался Ганнибал.

Армия Карфагена вышла в район возвышенности, находившейся между лагерями римлян. Ганнибал тщательно обследовал местность и обнаружил на ней некоторое число оврагов и пещер. Выявленные складки местности позволили карфагенскому полководцу укрыть в них часть своих сил, тем самым спрятав их от глаз противника. В общей сложности были укрыты около 5 тыс. пехотинцев и 500 всадников, которые были разделены на отдельные тактические группы по 200–300 человек.

Наутро Ганнибал демонстративно вывел на вершину холма своих легких пехотинцев, представив эту малую силу взору римлян. Более жадный к активным действиям Муниций, поверхностно оценив силы противника и местность, принял решение незамедлительно атаковать пунийцев. Штурм возвышенности начали легковооруженные римские легионеры, которых поддержала конница. В свою очередь Ганнибал хладнокровно и дозированно вводил в бой свои тактические группы по мере надобности. В конечном итоге, исходя из динамики сражения, Муниций был вынужден ввести в бой

свои два легиона. Открывшиеся римские легионы подставили свой тыл засадным отрядам карфагенян, чего, собственно, и ожидал Ганнибал. «Засадный полк» пунийцев внезапно для Муниция атаковал его легионы, которые начали нести серьезные потери. И войско Муниция было бы разбито полностью, если бы вовремя не подошел к месту битвы Фабий, поэтому Ганнибал остановил сражение и отвел свои войска.

Это примечательное сражение подвело итог кампании 217 года до н. э. и дало оценку тем реформам, которым Ганнибал подверг свою боевую машину.

Карфагенские командиры и воины на практике показали высокий уровень своей индивидуальной и коллективной боевой выучки, которая позволяла им своевременно и полностью выполнять приказы своего военачальника, исходя из понимания выработанного им замысла боевых действий.

Сам же Ганнибал подтвердил свой полководческий гений, показав понимание подчиненности стратегии тактики и оперативности, знание психологического портрета своих прямых противников и умение этим пользоваться, а также наличие чувства той «выгоды», которую он намеревался получить в результате активности его сил, что позволяло ему не втягивать эти силы в ненужные кровопролитные сражения и не отвлекаться на второстепенные вызовы.

Поэтому римляне не решались тревожить зимний отдых Ганнибала и его войска.

В общем итоге к началу новой кампании по завоеванию

юга Италии Ганнибал во враждебной для себя среде и, как говорится, «не спешиваясь с коня» сумел успешно реформировать свою армию, привести ее к новым стандартам, исходя из накопленного боевого опыта, добытого им в предыдущих боях.

А что же римская боевая машина?

Хорошо обученной и подготовленной римской армии явно не хватало военачальников, соответствующих уровнем профессиональной подготовки уровню своих легионов как на тактическом и оперативном уровне, так и на уровне стратегического мышления.

Первое, что недооценивали римляне – это значение кавалерии на поле боя. По сути своей, в то время римские всадники «совершенно не умели ездить верхом» по сравнению с нумидийскими всадниками карфагенской армии, отсюда и коллективная слабость, и неэффективность римской конницы на поле боя.

Второе и самое главное: римские военачальники к началу Второй Пунической войны совершенно не умели правильно оценивать обстановку на всех уровнях.

Римом была недооценена армия Карфагена, уровень ее военной школы, которая, благодаря своей ударно-маневренной составляющей – коннице, выходила за рамки устоявшейся системы координат эллинистической военной школы постмакедонского периода. Римом же была максимально усовершенствована армия, исходя из модели, которая под-

ходила лишь для противоборства в рамках упрощенной эллинистической военной школы.

Неправильная оценка стратегической обстановки Римом, недооценка важности коммуникационных линий как главных операционных направлений театра военных действий и их влияния на состояние армии, оперирующей в отрыве от своего государства во враждебной для себя среде, привело к тому, что Карфагену удалось создать необходимую ресурсную базу для своих войск вдоль средиземноморского побережья Европы и вплотную приблизиться к Римской республике с неожиданного для Рима северного направления.

В этом сегменте римляне могли легко, не вступая в прямые боевые столкновения с главными силами карфагенян, заставить их отказаться от продвижения вглубь европейского континента к границам Римской республики и принудить армию Карфагена завязнуть еще в первой операционной зоне. Для этого римлянам достаточно было грамотно воспользоваться своим превосходством на море и мощью своего флота с целью осуществления маневренных операций по переброске сил на различные участки операционных линий армии Ганнибала и их блокирование.

Такая стратегия действий была бы крайне эффективна, ведь все коммуникационные линии карфагенской армии проходили вдоль побережья Средиземного моря, а сама армия была крайне зависима от такой «пуповины», что связывала экспедиционные силы со своей страной через сеть со-

зданных промежуточных баз обеспечения, расположенных на линии коммуникации.

Вместо такой стратегии действий Рим выбрал выжидательную позицию, упиваясь своим военно-политическим превосходством по результатам Первой Пунической войны. Тем самым римляне дождались, когда Ганнибал и его армия оказались у северных ворот Апеннинского полуострова с оформленными промежуточными базами и созданными стратегическими резервами по линии главного операционного направления, обеспечив себе благоприятные условия для дальнейшей экспансии вглубь Римской республики.

Вот на таком фоне Ганнибал начинал новый этап своей кампании по взятию под свой контроль Южной Италии в 216 году до н. э., после успешного завершения которого Карфаген мог бы напрямую заняться Римом.

Канны (победа на оперативно- тактическом уровне как промежуточная цель перед достижением конечной стратегической цели)

Заняв большие продовольственные склады римской армии в районе Канн и став там укрепленным лагерем, Ганнибал вызвал на себя сразу две римские армии, включавшие в себя 8 римских легионов и 8 союзнических общей численностью 86 тыс. воинов. Под руководством Ганнибала в районе Канн находилось не более 50 тыс. человек, что по численному показателю было почти в два раза меньше, чем у Рима.

В актив армии Ганнибала следует занести количественно-качественный уровень его десятитысячной кавалерии, модернизированной и переобученную пехоту, его собственный полководческий гений, а также очередное двоевластие в армии Рима, которой командовали консулы Варрон и Эмилий.

Второго августа на левом берегу реки Ауфид консул Варрон и Ганнибал выстроили свои боевые порядки друг напротив друга и приготовились к решающему сражению.

Интересным является боевое построение противобор-

ствующим сил с точки зрения оценки уровня военного искусства, которым владели полководцы. Если Ганнибал построил свои боевые порядки исходя из количественно-качественных показателей своего войска и в соответствии с характером построения войска противника, то схема построения римской армии отражала всю регрессивность военной мысли, которой владели римские военачальники перед битвой у Канн в 216 году до н. э.

Общий фронт римлян имел протяженность около 2 километров, в центре которого были выстроены три линии манипул по 12 шеренг в каждой общей численностью в 55 тыс. человек, что можно приравнять к трем македонским фалангам. Важным является тот факт, что манипулы римских легионов были построены с сильно укороченными интервалами и дистанциями. В сомкнутом строю манипулы утрачивали свое преимущество на поле боя как отдельные тактические единицы, по сути превратившись в своем строю в классическую фалангу со всеми ее недостатками.

По флангам римляне расположили свою конницу: 4 тыс. всадников под руководством Варрона – на левом фланге, а остальные 2 тыс. под командованием Эмилия – на правом фланге.

По фронту основные силы римлян были прикрыты восемью тысячами бойцов легкой пехоты. Проявлением высшей степени военного невежества и высокомерия со стороны римских консулов было оставление 10 тыс. человек войска в

лагере, задачей которых было нападение на лагерь карфагенян во время сражения. Другими словами, эти 10 тыс. человек выводились за рамки прямого боя не в качестве резерва и не в качестве засадного отряда, а для банального мародерства, в то время как исход боя еще не был решен.

Ганнибал же построил свою армию с учетом всех ее сильных и слабых сторон и в соответствии с замыслом боя, решив превратить сильную сторону римлян в их слабость.

Боевой порядок тяжелой пехоты Ганнибал разбил на отдельные тактические единицы, преднамеренно ослабив центр, разместив там линию из 8 шеренг более слабых галльских и испанских пехотинцев, численность которых составляла около 20 тыс. человек. Геометрически центр карфагенской пехоты был построен в виде полумесяца, выпуклой частью обращенного к римлянам. По крыльям дуги пехоты карфагенский полководец разместил подобие фиванских эмбалонов, состоящих из отборной пехоты карфагенян. Фланги карфагенского боевого порядка были оформлены летучими отрядами кавалерии, где на левом фланге против 2 тыс. римских всадников располагались 8 тыс. тяжелых африканских всадников под командованием Гасдрубала, а на правом фланге Ганнон руководил 2 тыс. всадников легкой кавалерии против четырехтысячного отряда римской конницы под командованием Варрона.

В построении флангов, которые представляли собой главную ударную силу войска карфагенян, Ганнибал использо-

вал принцип неравномерного распределения войск по фронту в целях сосредоточения сил для главного удара в решающей точке приложения силы. Впервые он был применен Эпаминондом, командовавшим фиванским войском в битве при Левктрах в 371 году до н. э.

По фронту карфагенского строя для завязки боя располагалась линия легкой пехоты общей численностью около 8 тыс. человек.

Таким образом, Ганнибал заранее просчитал место в своем боевом порядке, где линия пехоты должна была поддаться давлению римских тяжелых пехотинцев, с тем чтобы искусно изменить конфигурацию боевого порядка ударной части войск противника. Еще до начала сражения он организовал благоприятные тактические условия для своей армии с целью дальнейшего окружения дезорганизованной массы пехоты противника с последующим ее полным уничтожением.

Сражение началось обоюдной атакой легкой пехоты, которая после непродолжительного боя была отведена в тыл линии тяжелых пехотинцев. И если в случае с римской армией, исходя из замысла боя и динамики дальнейшего развития событий, легкая пехота физически не могла обеспечить тыл линии своей тяжелой пехоты в борьбе против конницы и была фактически исключена из боя, то в случае с карфагенской армией Ганнибалом был спланирован отход легкой пехоты в тыл своим тяжелым пехотинцам, которая оказалась

резервной силой для центра пехоты в дальнейшем развитии событий на поле боя.

После того как легкая пехота освободила фронтальную полосу, в дело вступали основные силы сторон. Тяжелая кавалерия Гасдрубала атаковала и успешно опрокинула конный отряд Эмилия Павла и сразу же, пройдясь по тылу противника, оказала помощь легкой кавалерии Ганнона. В результате успешных действий кавалерии карфагенской армии конница противника была полностью выведена из боя, а основной боевой порядок римских легионеров оказался совершенно без прикрытия с полностью оголенными флангами и тылом.

К этому времени, как и рассчитывал Ганнибал, ослабленный центр пехоты поддался атаке римской пехоты. Карфагенский полумесяц прогнулся в обратную сторону и, не разорвав своего боевого порядка, в критической точке остановил свою деформацию. С прогибом центральной линии карфагенян римские пехотинцы силой инерции были вовлечены вглубь внутреннего пространства, по пути обтекая сильные фланги карфагенской пехоты по внутренней стороне, не сумев продавить сильные тактические группы карфагенской пехоты. После того как главные силы римлян оказались в тактическом мешке, левый «эмбалон» карфагенян совершил поворот направо, а правый «эмбалон» повернул налево, взяв таким образом пехоту противника в тактические клещи.

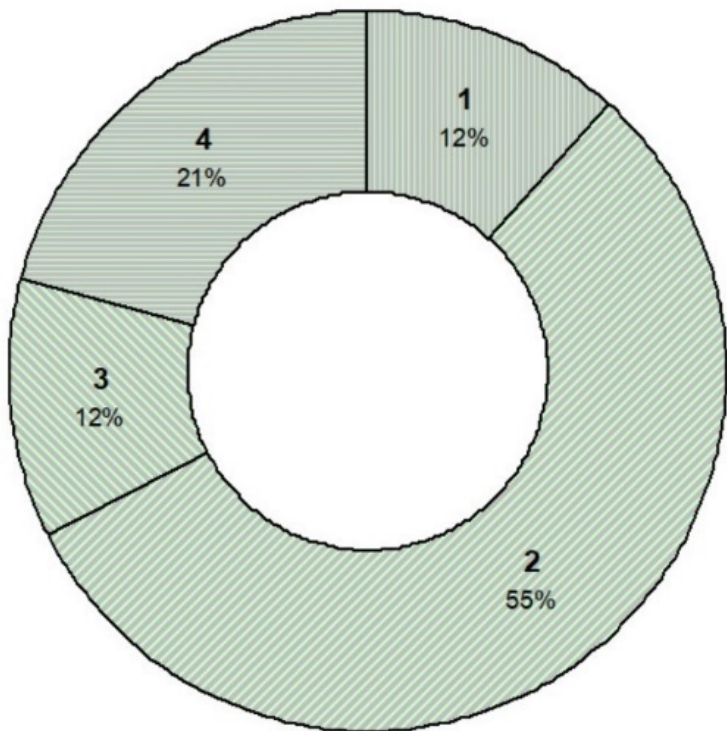
В конечном итоге римские легионы оказались в плотном

кольце окружения, а с учетом того, что римская пехота изначально была построена в плотные линии манипул и вошла в тактическую ловушку с сильно нарушенным боевым порядком, то отборные римские легионеры стали представлять собой одну большую бесформенную массу вооруженных людей с исключением возможности перестроиться и вести эффективный бой в условиях окружения. Естественно, в таких условиях сражаться могли только легионеры внешней линии, остальные же находились в постоянной давке, не имея возможности маневрировать. Как результат численное превосходство римлян утратило свое значение на поле боя, после чего началось постепенное уничтожение всей римской армии.

Сражение продлилось около 12 часов. Карфагенским воинам не удалось полностью уничтожить всю римскую армию даже в условиях ее полного окружения, что свидетельствует о высокой степени боевого потенциала римского легионера.

Под Каннами Рим потерял около 48 тыс. человек (по Ливию) и около 10 тыс. были взяты в плен. Римская армия численностью в 86 тыс. человек, 10 тыс. из которых оставались в лагере для желаемого Варроном нападения на лагерь карфагенян во время боя, понесла общие потери около 76 % от числа непосредственно участвовавших в бою римлян. Спасти удалось не более 18 тыс. человек, большинство из которых, вероятнее всего, принадлежали к кавалерии – ее представителям легче всего было спастись с поля боя.

Информационная графика. Результат битвы под Каннами для восьмидесятишеститысячной римской армии по численному показателю.

1. 10 тыс. человек оставленных в полевом лагере;
2. 48 тыс. человек погибших в бою;
3. 10 тыс. человек попавших в плен;
4. 18 тыс. человек спасшихся.

Потери армии Карфагена в битве при Каннах оказались на уровне 6 тыс. человек убитыми, из которых около 4 тыс. были представителями легковооруженных галлов, что в восемь раз меньше, чем у армии Римской республики.

В битве под Каннами Ганнибал достиг наивысшего тактического мастерства со своей армией по окружению и уничтожению превосходящих сил противника, а одноименная битва, произошедшая в августе 216 года до н. э., стала классикой мирового военного искусства на все времена. В военной лексиконе слово «*Канны*» стало нарицательным для обозначения полного военного провала, окружения и поражения.

Военная мысль Ганнибала, которую он успешно воплотил на практике против римской армии периода Второй Пунической войны, явилась образцом высшей степени военного искусства того времени, вобрав в себя все положительные моменты наследия Древних греков, армии Александра Македонского и даже самого Рима, являя собой ярчайший пример эволюции военного искусства мировой военной школы.

После очередной блестящей военной победы Ганнибала Рим утратил контроль над Южной Италией вследствие ухода от Рима крупных городов данного региона Италии.

Карфагенская армия получила доступ к новому плацдарму с открывающимся прямым, наикратчайшим путем к своей столице. Таким образом материковое географическое пространство вокруг Западного Средиземноморья, находящегося под контролем Карфагена, было закольцовано.

Все было подготовлено для проведения заключительного действия всей военной кампании – взятия самого Рима, успех которого обозначил бы конечную стратегическую победу Карфагена с закреплением за ним статуса единоличного лидера Эллинистического мира. Следующий шаг с военной и политической точки зрения был очевиден.

Но на пороге стратегической победы и на пике славы Ганнибала его охватили сомнения по поводу следующего решающего шага. В колебаниях он раздумывал, стоит ли ему осадить Рим имеющимися силами или же сделать это, дождавшись подкрепления из Карфагена.

И победитель Ганнибал не решился сходу атаковать Рим, посчитав, что у него недостаточно сил и полномочий для такого мероприятия. Вместо этого он принял решение заняться политико-административными делами на юге Италии.

По всей видимости, Ганнибал стал оценивать предлагаемый вариант развития событий с позиции тривиального подхода к военному искусству, хотя шансы на овладение столицей Римской республики были очень велики. Если бы карфагенский полководец решился немедленно, с ходу атаковать Рим в условиях общего упадка морально-психологического

состояния римлян, а также отсутствия достаточных сил для обороны своей столицы, то, как знать, может быть и итог Пунических войн был бы в пользу Карфагена.

Именно в момент, когда в ответ на предложение Магарбала двинуться на Рим, Ганнибал ответил: «*Надо подумать*», карфагенский полководец получил от своего начальника конницы личностную характеристику, выразившуюся во фразе: «*Ты умеешь побеждать, Ганнибал, но не умеешь пользоваться победой*».

Этим, наверное, и определилось спасение Рима, судьба которого в тот момент висела на волоске.

После блестящей победы Ганнибал ошибочно полагал, что мира запросит сам Рим, и тогда победитель сможет изменить условия договоров, заключенных после Первой Пунической войны. Таким образом полководец намеревался, с высоты утвержденного пунийского *dignitas*, вернуть Карфагену статус гегемона Средиземноморья. Но этого не произошло, ведь у Рима было собственное высокое чувство *dignitas*, иначе Рим не был бы Римом.

Вместо того чтобы поставить конечную точку в военной кампании, Ганнибал вступил в политико-дипломатическое состязание с Римом. Оно обозначило переход в третий период Второй Пунической войны, в котором стороны конфликта вступили в борьбу за союзников и сколачивание военно-политических союзов.

Карфагенский полководец увидел в этот смысл дальней-

ших действий на Апеннинском полуострове, решая таким образом проблему минимизации возможностей Рима в полную силу использовать его (полуострова) ресурсный сегмент и обернуть его в свою пользу.

Нерешительностью Ганнибала, как окажется, станет его главной ошибкой во всей Пунической войне. Этим с успехом воспользовался Рим, очень быстро восстановивший во время периода отсутствия активных боевых действий свой военный потенциал и создавший три новые большие армии.

Третий период (упущенная победа)

Результатом отчета Магона, которого Ганнибал отправил в Карфаген после победы под Каннами, о проведенной военной кампании 218–216 годов до н. э. стало принятие в конце 216 года до н. э. решения об отправке в Италию дополнительных сил и средств для продолжения борьбы против Рима.

После быстро проведенной мобилизации в Карфагене, в первую очередь финансовой, уже к лету 215 года подкрепление и грузы для сил Ганнибала были доставлены непосредственно на заморский театр военных действий. Сам Магон был вынужден вместо Италии прибыть с подкреплением в Испанию в связи с ухудшившимся там положением для пунийцев. С собой брат Ганнибала привел около 12 тыс. пехотинцев, 1,5 тыс. всадников, более 20 слонов и флот в 60 военных кораблей.

На итальянское направление наварх Бомилькар все же привел дополнительные силы и средства, которые были десантированы на побережье Бруттия в районе города Локры.

Третью партию пополнения сенат Карфагена отправил на остров Сардинию. Крупным экспедиционным корпусом командовал Гасдрубал Лысый, который, впрочем, не только не смог эффективно поддержать сардинцев в поднятом ими восстании против Рима, но и сам был разбит на острове рим-

ским полководцем Т. Манлием Торкватом.

Как видно, летом 215 года до н. э. не все пошло по плану Карфагена в оказании помощи Ганнибалу после его блистательной победы при Каннах. Активными действиями на Иберийском и Сардинском направлениях римляне сумели нарушить первоначальные планы пунийцев и отвести значительную часть сил и средств противника от Римского (итальянского) направления.

Но все же такая обширная поддержка позволяла карфагенскому полководцу почувствовать себя уверенно в рамках широкого и сложного, по своей социальной карте, театра военных действий, для того чтобы с новыми силами приступить к силовому и политическому давлению на Рим.

Пока силы римлян, по утверждению Варрона, находились в «плачевном состоянии», Ганнибал отвел свою армию в район Капуи, что в Кампании. Оттуда пуниец намеревался развернуть бурную деятельность по отторжению юга Италии от Рима, приняв данное направление своей деятельности за главную точку приложения силы.

Выбранная Ганнибалом стратегия действий имела смысл и была эффективной, если бы до этого карфагенская армия полностью не деклассировала бы армию римлян, то есть в условиях военного паритета. Карфаген должен был понимать, что единственным верным решением для него в споре с Римской республикой за тогдашнее мировое господство должно было быть физическое устранение противника,

впрочем, как и для Рима, что он впоследствии успешно и сделал, не дав Карфагену, как государственному образованию, ни единого шанса на существование.

Ганнибал, уже лишивший Рим его военного потенциала, непосредственно в ближнем радиусе от него должен был взять на себя весь груз ответственности и осуществить такую логическую и своевременную прямую атаку, даже не имея на это одобрения Карфагена, ведь «победителей не судят».

И так как Ганнибал упустил эту возможность, дав римлянам время оправиться от удара и отобилизоваться, Рим начал постепенно, шаг за шагом формировать для себя благоприятную стратегическую обстановку с тем, чтобы «Карфаген был разрушен».

Затяжная заморская кампания не сулила ничего хорошего пунийцам. Фактор времени стал играть на руку Риму, который обладал достаточным запасом прочности для ведения затяжной кампании на своей территории. Ганнибал терял общий темп ведения кампании, воины его армии теряли боевой порыв, который у них появился после ряда блестящих побед. А вот римляне, напротив, подготовили для себя благоприятную почву для перехвата оперативной и стратегической инициативы у пунийцев.

Как следствие, сложилась очевидная ситуация, когда начался процесс «рассредоточения» силы победителя и «сосредоточение» силы проигравших, после чего последовал своевременный удар сосредоточившейся стороны.

Проведенная Карфагеном мобилизация сил и средств не была использована по назначению. Ганнибал так и не атаковал политико-экономический центр римской власти и не провел успешной военной кампании в период 215–214 годов до н. э., в которой бы был сильно подорван военно-экономический потенциал Рима.

С трудом собранные Карфагеном силы и средства были распылены во времени и пространстве, и, как покажет дальнейшее развитие конфликта между Римом и Карфагеном, последний больше уже не сможет провести мобилизацию сил на таком уровне, при котором можно успешно противостоять Риму.

Выбранная же Римом стратегия затягивания конфликта с использованием внутренних радиусов и опорой на центральную точку – Рим стала крайне эффективной в борьбе с экспедиционными силами Карфагена. В дальнейшем римлянам удалось сосредоточиться, успешно расшатать сформированную Ганнибалом обстановку в границах театра военных действий, что позволило Риму, нисколько не сомневаясь, поставить конечную точку в споре с Карфагеном за гегемонию на Средиземноморье.

В плюс Ганнибалу за 215 год можно отнести расширение зоны своего влияния на юге Италии. Помощник полководца Гимилькон покорил еще одну южно-итальянскую область Бруттий (современная Калабрия). Таким образом силам пунийцев был обеспечен прямой выход к Сицилии, которая в

этом же году отпала от Рима.

Но, несмотря на все усилия Ганнибала на южно-итальянском направлении, ситуация здесь оставалась не совсем однозначной для пунийцев.

В конце лета 215 года до н. э. войско Ганнибала постигла неудача под Нолой, где карфагеняне проиграли сражение и не смогли овладеть городом. Также в Кампании за Римом оставался Теан, где держал оборону римский гарнизон.

Уходя на зимние квартиры в конце 215 года до н. э., Ганнибал разделил свою армию на две части, одна из которых под руководством Ганнона вернулась в Бруттий, а вторую часть своих сил Ганнибал увел на зимовку в район полуострова Гарган (Гаргано) – «шпора итальянского сапога», что в Апулии.

Одновременно с этим на испанском направлении легионы Публия и Гнея Сципионов вели кампанию против сил Гасдрубала и прибывшего к нему на помощь Магона. И хотя противостояние на этом направлении происходило с переменным успехом, этого хватало для того, чтобы вплоть до 212 года до н. э. в Испании скапливались значительные силы и средства пунийцев, что обеспечивало Риму достаточно благоприятные условия, чтобы иметь время оправиться от чувствительных поражений 217–216 годов.

На внешнеполитическом радиусе Апеннинского театра военных действий в 215 году до н. э. был сколочен антиримский союз на основе договоренностей Карфагена с Сираку-

зами и Македонией.

В свою очередь Рим сумел очень быстро подобрать ключик к этому союзному замочку, ударив по карфагенским союзникам. Успех в этом деле сулил Риму благоприятную обстановку, чтобы без оглядки на соседей начать прямые активные действия против сил Ганнибала на Итальянском театре военных действий с возможностью последующего переноса боевой активности на Африканский континент.

Для выведения из игры Македонии, как одного из сильных эллинистических государств, Рим решил использовать греческие государства, а вот для Сицилии, принимая во внимание стратегически важное географическое расположение острова, республика приготавливала собственные силы.

Для начала в 215–214 годах до н. э. римляне, благодаря активности флота в 50 кораблей, курсировавших вдоль побережья Апулии от Тарента до Брундизия, не допустили высадки сил царя Македонии Филиппа на землю Италии, которая (высадка) должна была произойти по договоренности царя Филиппа и Ганнибала.

В результате предупредительных действий римского флота была исключена ситуация вторжения македонцев на Апеннинский полуостров, а Македонский царь вынужден был ограничиться началом боевой активности в Иллирии. Другими словами, римляне своими непрямыми действиями – демонстрацией силы – заставили ключевого союзника Карфагена отказаться от своих намерений.

Вся военно-политическая активность Рима на этом направлении в конечном итоге вылилась в Первую Македонскую войну (214–205 годов до н. э.), которая закончилась заключением мира между Македонией и Римской республикой еще до того, как Вторая Пуническая война войдет в свой заключительный период.

Произведенные политико-экономические преобразования в Риме 215–214 годов позволили республике провести успешную мобилизацию сил, в результате которой было сформировано 18 легионов, а это около 100 тыс. человек, при союзном войске и флоте в 150 боевых судов, не считая сухопутной и морской компоненты оперировавших на испанском направлении.

Таким образом, в 214 году до н. э. Рим не только восстановил свой военный потенциал, но и нарастил свою мощь на Итальянском театре военных действий, то есть произошло сосредоточение римской военной силы на главном направлении военных действий при очевидном рассредоточении военного потенциала пунийцев.

После зимовки 215–214 годов до н. э., с наступлением весны Ганнибал вышел на оперативный простор. Сначала полководец привел свое войско в район Капуи, откуда спустился вглубь Кампании, где безуспешно пытался взять штурмом города ПUTEОЛЫ (Почцуоли) и Неаполь. Далее Ганнибал направил свой взор на портовый город Тарент, куда он привел свое войско осенью 214 года до н. э. По прибытии к пред-

местью портового города, увидев готовность Тарента к возможной осаде, карфагенский полководец решил отказаться от своих намерений и вернулся в Апулию для проведения там очередной зимовки.

По результатам активности в 214 году до н. э. очевидным стал тот факт, что после Канн армия Ганнибала, проведя пятнадцатый год без серьезной боевой активности, сильно утратила свою боевую способность, и это несмотря на полученное пополнение из Карфагена.

А вот Римская республика, напротив, параллельно с ведением Первой Македонской войны и сдерживающими действиями на Иберийском направлении начала постепенно возвращать себе утраченные позиции на Апеннинском полуострове. Предшественницей процесса восстановления контроля над Южной Италией стала успешная для Рима Сицилийская кампания 214–212 годов до н. э., закончившаяся взятием города Сиракузы в 212 году до н. э.

В свою очередь Ганнибал после неудачи с вовлечением македонцев в боевые действия в Италии и плохо идущими делами в Сицилии провел лето 213 года в географическом пространстве «каблука итальянского сапога» Саленто (полуостров Салентина), избегая крупных боевых столкновений. На этом оперативном направлении Ганнибал сконцентрировал все свое внимание на важном портовом городе Тарент, который по-прежнему оставался в зоне влияния Рима.

После первой неудачной попытки овладеть этим портом

осенью 214 года до н. э., не имея возможности проведения морской блокады города с параллельными осадными действиями с суши, Ганнибал исключил возможность ведения прямых осадных действий против римского гарнизона в Таренте. Но на его удачу, зимой 213–212 годов до н. э. подвернулась хорошая возможность взять этот город при помощи не прямых действий.

После того как римляне жестоко обошлись с группой местных жителей, публично сбросив их с Тарпейской скалы в море, население Тарента пришло в негодование, что и побудило местную молодежь тайно обратиться к Ганнибалу за помощью. Полководец принял предложение тарентийцев о сдаче города на выгодных для горожан условиях. И вскоре в неудачный для римского гарнизона момент горожане, перебрав охрану, открыли перед пунийцами Теменидские ворота города.

Надо сказать, что для операции по взятию Тарента Ганнибал отрядил десятитысячное войско из числа самых отборных воинов. В состав этой группировки входила конница и легковооруженная пехота.

Выдвинувшееся в направлении портового города карфагенское войско маскировало свои намерения под имитацией грабительского рейда в двадцатикилометровой полосе от Тарента. Далее в условленный с горожанами день Ганнибал под покровом ночи подошел к стенам города.

После обмена условными световыми сигналами карфа-

генский полководец, разделив свое войско на три группы, приступил к активным действиям.

Две тысячи всадников были предусмотрительно оставлены Ганнибалом за периметром городских стен. Основная часть войска ворвалась в город через открытые горожанами Теменидские ворота. Третья группа силами в тысячу африканцев также при помощи местных обманом прорвалась через соседние городские ворота.

В черте города Ганнибал разделил свои силы на штурмовые отряды, в каждом из которых находился местный проводник, после чего отдал приказ на захват города с исключением какого-либо притеснения мирного населения.

К утру дело было кончено, много воинов римского гарнизона были перебиты, но вот нескольким тысячам легионеров удалось укрыться в городской цитадели, которая блокировала собой доступ к тарентинским кораблям, стоявшим на рейде.

Ганнибал, исключая возможность осады хорошо укрепленной цитадели, решил эту задачу своеобразно. Вокруг цитадели, в которой укрылись спасшиеся римляне, был вырыт еще один ров, на внешней стороне которого были выстроены два кольца палисада. После того как была исключена возможность контратак римских солдат, Ганнибал приступил к эвакуации тарентинских кораблей, которые были перемещены по суше к открытому морскому пространству с помощью роликовых приспособлений.

В общем итоге Ганнибал не смог полностью закрыть вопрос с Тарентом, в черте которого сохранялось присутствие римского гарнизона, укрывавшегося в цитадели. Но распространившаяся весть о том, что пунийцы взяли Тарент, привела к тому, что на протяжении 212 года до н. э. Ганнибалу не только покорились еще несколько городов, но и соседняя Лукания склонилась на сторону Карфагена.

За период боевой активности 212 года силы Карфагена нанесли два чувствительных поражения римлянам на юге Италии. Сначала силы Магона Самнита в союзе с луканскими племенами устроили засаду войску проконсула Тиберия Семпрония Гракха, а затем сам Ганнибал разбил войско претора Гнея Фульвия Флакка у апулийского городка Гердония, который потерял в этом бою 16 тыс. римских воинов.

После кампании 212 года Ганнибал увел свои силы в Бруттий, где провел зиму 212–211 годов до н. э., откуда карфагенский полководец повел свои силы на деблокирование Капуи, которую осаждали крупные силы римлян.

Именно события, развернувшиеся вокруг Капуи, стали сначала роковыми для Ганнибала в Итальянской кампании, а затем и для его родины, повлекшие за собой капитуляцию Карфагена.

Итак, весной 211 года до н. э. Ганнибал, взяв с собой самую маневренную часть войска, покинул Бруттий и направился в Кампанию на выручку своим союзникам, которые держали оборону в осажденной Капуе. Здесь следует осо-

бо подчеркнуть, что Капуя, как второй по значимости город на Апеннинском полуострове, после того как перешла на сторону Карфагена, играла роль краеугольного камня, вокруг которого Ганнибалом строилась вся политика в Италии, направленная на привлечение на свою сторону италиков. Другими словами, Капуя была неким знаменем в стратегии итальянской кампании, пример которой позволял Ганнибалу привлекать на свою сторону большее число союзников, отрывая значительные ресурсы от Рима. Таким образом Ганнибал поддерживал и усиливал собственные силы и ослаблял потенциал своего противника непосредственно на Апеннинском полуострове.

На этом этапе кампании римляне смогли точно определить критическую для противника точку приложения силы, где успех действий римлян создаст благоприятные условия для перехвата оперативной и стратегической инициативы на Итальянском театре военных действий, чтобы лишить пунийцев их ресурсной опоры и сильно ограничить их в свободе действий.

Проведя ряд сражений у Капуи, Ганнибал, лично сражаясь в рядах своего войска, так и не смог прорвать блокаду города, да еще умудрился потерять при этом несколько тысяч своих воинов.

Военная неудача подтолкнула пунийского полководца принять довольно логичное решение, главной целью которого было оттянуть значительную часть римских войск от Ка-

пуи, с тем чтобы союзники смогли снять осаду с города. Для этого Ганнибал демонстративно повел свое войско прямо на Рим.

Это была именно демонстрационная акция, потому как Ганнибал оставил в Бруттии основные свои силы и средства, без которых невозможно было проводить какую-либо серьезную атаку на хорошо укрепленный город, тем более Рим, после успешно проведенной римлянами мобилизации сил и средств 15 и 14 годов III века до н. э. Поэтому действия Ганнибала на Римском направлении носили очевидный демонстрационный характер, направленный на то, чтобы ввести в заблуждение римлян и заставить их отказаться от своих намерений на Капуанском направлении.

В результате Римский сенат вынужден был принять безотлагательное решение на отзыв пятнадцатитысячного войска во главе с проконсулом Кв. Фульвием Флакком от стен Капуи и направить их на спасение своей столицы.

Скоро Ганнибал и Флакк оказались у стен Вечного города. Пунийцы разбили свой лагерь в 5 километрах от стен Рима на берегу Аниена, чем вызвали серьезную панику в самом городе. В тот момент, когда Ганнибал вместе с несколькими тысячами всадников появился у Каллинских ворот, проконсул Флакк отдал приказ своей коннице отогнать от города карфагенян.

Произошла интересная и крайне значимая ситуация, ведь согласно Титу Ливию римскую конницу представлял боль-

шой отряд нумидийцев-перевалочников, что свидетельствует о том, что пунийцы к весне 211 года до н. э. уже лишились какой-то части тех сил, которые обеспечивали им превосходство над римскими легионами на поле боя. Таким образом, еще в 211 году до н. э. римлянами был оформлен хороший задел для того, чтобы нумидийские цари изменили Карфагену в тот момент, когда римские легионы высадутся на побережье Африканского континента в 204 году до н. э.

Через несколько дней довольно пассивного противостояния у стен Рима Ганнибал, посчитав, что задача была уже выполнена, принял решение вернуться к Капуе. И в этот момент случилось событие, которое, как оказалось, стало необратимым для сил Карфагена в Италии и меняло весь стратегический рисунок противостояния во Второй Пунической войне.

Отвлекающий маневр Ганнибала и уход пятнадцатитысячного войска от Капуи не возымели положительного эффекта для защитников города. Сенат Капуи, потеряв всякую надежду на снятие блокады и разуверившись в силе Ганнибала, принял решение сдаться на милость Риму. После того как горожане открыли ворота перед солдатами консульской армии, Капуя была взята и подвергнута жесточайшим репрессиям со стороны римлян.

Не считая физических расправ, сама Капуя, а также окружающие ее города, попали в полную зависимость от Рима. Население региона было продано в рабство, вся недви-

мость вместе с землями отошла в собственность римского народа. Кампания, как самоуправленческая область, была уничтожена и превращена в большую деревню.

Ганнибал, смирившись с потерей Капуи, ушел обратно в Бруттий, где находились силы Магона Самнита и, более того, не предпринял никакой активности по возвращению Кампании под свой контроль. А далее на протяжении 210 года до н. э. происходил закономерный процесс сдачи на милость Риму еще и городов соседней Апулии. А с потерей в 209 году до н. э. портового города Тарент Ганнибал лишился очередной опорной точки в Южной Италии и связи с Карфагеном с удобного Тарентского залива, оказавшись в крайне ограниченном пространстве Бруттия (Калабрия).

Немаловажным является тот факт, что в Таренте Ганнибал потерял еще и свою казну, ценность которой была сопоставима с тем призом, что достался римлянам при взятии Сицилийской столицы – города Сиракузы. Заполучив такую весомую военную добычу, Рим сумел значительно поправить свое финансовое положение после проведенных мобилизационных мероприятий 215–214 годов. Соответственно, с потерей пунийцами Тарента была подорвана еще и экономическая мощь Ганнибала в Италии.

В это время на Иберийском направлении дела пунийцев тоже пошли не лучшим образом.

В 210 году до н. э. римские легионы под руководством Публия Корнелия Сципиона взяли Новый Карфаген, лишив

армию Карфагена, воевавшую в Италии, ее основной базы в Иберии и стратегической линии связи с метрополией. Также была в очередной раз потеряна значительная казна пунийцев.

Решение на взятие Нового Карфагена было принято командующим римской армией Сципионом, только что прибывшим на вверенный ему Испанский театр военных действий, именно в тот момент, когда вокруг столицы «царства» Баркидов сложилась благоприятная для римлян обстановка на оперативном и тактическом уровнях.

Дело в том, что все три карфагенских полководца опрометчиво решили оставить город, который служил Баркидам неким сейфом, без внимания и расположили свои войска на расстоянии пятидневного перехода от Нового Карфагена, а сам город был оставлен под охраной всего лишь тысячного гарнизона.

Для этого предприятия Сципион использовал и сухопутную, и морскую составляющую своей армии: 25 тыс. римских пехотинцев и 2,5 тыс. всадников выдвинулись к городу вдоль береговой линии под прикрытием своего флота.

Уже через семь дней совершенно неожиданно для пунийцев сухопутное войско и морской флот римлян одновременно появились у Нового Карфагена. Сципион полностью обеспечил скрытность выдвижения и подхода своих сил к столице Баркидов, что и явилось залогом успеха его решительных действий.

Римский флот стал на рейд в заливе на южном направлении, а сам Сципион стал полевым лагерем с восточной стороны. С севера и запада город ограничивала линия лагуны, которая обеспечивала вместе с фортификационной наземной линией надежную защиту, откуда, как казалось защитникам города, меньше всего ожидалось нападение врага.

После того как было сформировано поле боя, Сципион получил разведывательную информацию тактического уровня, из которой он узнал, что воды лагуны по вечерам уходили, и данная водная преграда в момент отлива становилась проходимой для пеших воинов.

Операция по штурму Нового Карфагена прошла в два этапа.

Первый этап был начат по инициативе защитников города, которые предприняли боевую вылазку за пределы крепостной стены, после отбития которой римляне предприняли первую и неудачную попытку штурма города с восточной стороны. Очевидно, что эта попытка штурма была вызвана действиями гарнизона города, поэтому неподготовленные действия римлян не возымели успеха, благо, Сципион быстро отказался от этой затеи и решил дождаться вечера, чтобы использовать направление со стороны лагуны.

Для начала второго и, как оказалось, решающего этапа штурма города Сципион решил задействовать специальный штурмовой отряд в 500 человек, демонстративно оставив основные свои силы у восточных стен города.

Как только водный поток лагуны устремился в открытое море, штурмовики, вооруженные высокими лестницами, успешно преодолели крепостные стены Нового Карфагена, на которых, как оказалось, совсем не было защитников. Одновременно с этим, основные силы римлян атаковали восточные ворота города. В складывающейся обстановке силы римлян продавили оборону защитников города на восточном направлении и ворвались в город, после чего гарнизон сдался без боя.

Очевидно, что и в этот раз успешные действия римлян были обеспечены доскональным изучением поля боя и эффективным использованием полученной информации их военачальником, но уже на тактическом уровне. Благодаря этому Сципиону удалось обмануть противника, скрытно произвести маневр своей тактической группой и внезапно ворваться в город с неожиданного для пунийцев направления, после чего всякие оборонительные действия теряли физический смысл.

Так была закончена быстрая операция по взятию неофициальной столицы Баркидов, которая служила некой стратегической точкой опоры для сил Ганнибала, оперировавших на Иберийском и Итальянском театрах военных действий. А на небосклоне римской военной школы взошла звезда полководца новой формации, который через несколько лет к своему имени получит приставку Африканский после успешных действий на Африканском театре военных

действий против сил Карфагена, возглавляемых самим Ганнибалом.

После взятия римлянами Нового Карфагена в 210 и 209 годах до н. э. начался так называемый «парад измен» иберийских народов, которые очень быстро стали отворачиваться от Карфагена и принимать римский протекторат, называя Сципиона своим царем. Такой возврат союзников к Риму был обусловлен той грамотной политикой, которую развернул Публий Корнелий Сципион в Испании, после того как им была отобрана у Ганнибала родовая столица Баркидов.

Как видно, Сципион, не проведя ни одного сражения с войсками Магона, Гасдрубала Баркида и Гасдрубала, сына Гискона, сумел посредством взятия политико-административного центра противника полностью изменить стратегическую обстановку на карте Иберийского театра военных действий, поставив крупные силы противника в крайне невыгодные условия.

На примере действия командующего римскими войсками в Испании в 210–209 годах до н. э. стала ощутимо чувствоваться та степень ошибки, которую совершил Ганнибал в 216 году до н. э., когда он после успеха у Канн так и не решился воспользоваться сложившейся благоприятной обстановкой и атаковать Рим.

Таким образом, в 209 году до н. э. сложилась угрожающая стратегическая обстановка для заморской армии пунийцев не только в Испании, но и, как следствие испанского прова-

ла, и в самой Италии. Пунийская армия, лишившись Нового Карфагена, потеряла контроль над значительной частью Испании, что полностью нарушало устойчивость стратегической линии связи пунийской метрополии с заморскими театрами военных действий. Теперь экспедиционные силы пунийцев оказались в положении неустойчивого равновесия, потеряв точки опоры в границах Испанского и Итальянского театров военных действий.

В это время на территории Иберии соединились все три карфагенские армии, военачальники которых вырабатывали общую стратегию действий в свете изменившейся обстановки в Испании и Италии. По итогам военного совета Гасдрубал Гискон, взяв под свое начало еще и войско Магона, увел армию в район расположенного на океанском побережье города Гадес, который еще был подвластен Карфагену.

Сам же Магон, взяв с собой немалые денежные средства, отправился морем на Балеарские острова в надежде набрать там новых солдат.

Находящемуся в Испании трехтысячному кавалерийскому корпусу африканцев, которым руководил нумидийский царь Масинисса, карфагенские полководцы отдали приказ на проведение рейдовой операции по местам проживания тех иберийских племен, которые переметнулись на сторону Рима, с целью их покарания за измену. Свою рейдовую активность или партизанскую войну против римлян и их союзников Масинисса самостоятельно вел на протяжении 208–

207 годов до н. э.

А вот Гасдрубал из рода Баркидов в соответствии с решением Совета старейшин в Карфагене в 208 году до н. э. двинулся через Пиренеи к Альпам, с тем чтобы после пересечения последних выйти в пределы Галлии, что ему успешно удалось. Весной 207 года до н. э. войско Гасдрубала Баркида вошло в долину По.

В то время как в Испании дела у римлян шли достаточно хорошо, в самой Италии наступал для Рима переломный момент.

К началу 208 года до н. э. Ганнибал в Италии потерял ряд подконтрольных ему ключевых территорий, людей, а также свою казну, что значительно понизило его авторитет в глазах италиков как лица олицетворяющего власть Карфагена.

Параллельно с этим, чувствовалось сильное перенапряжение сил республики. В 209 году до н. э. двенадцать из тридцати римских колоний показали прямое неповиновение Риму, отказавшись платить подати и предоставить в римскую армию новобранцев. Тот гнет, который довлел над населением республики, вызванный затянувшейся войной, привел к усталости как самих римлян, так и италиков.

Все события на Апеннинском полуострове происходили на фоне полученной Римом информации о планах Карфагена осуществить вторжение в Италию крупными резервными силами Гасдрубала Барки с северного направления.

В результате в 208 году до н. э. для Рима сложилась ситу-

ация, которая требовала от его консулов решительных действий, направленных на то, чтобы коренным образом повлиять на стратегическую обстановку на Итальянском театре военных действий.

Два новоизбранных римских консула, Марцел и Тит Квинтий Криспин, приняли решение дать Ганнибалу решающее сражение, чтобы одним махом закончить затянувшуюся войну у себя дома.

Силы противоборствующих сторон приблизились друг к другу в географическом пространстве между Венузией и Бантией, что на границе Апулии и Лукании.

Но дело разрешилось, не доходя до прямого боевого столкновения основных сил римской и пунийской армий.

Решающего сражения не произошло из-за того, что Ганнибалу удалось подловить в один заход сразу двух римских консулов в тот момент, когда они крайне опрометчиво решили провести персональную рекогносцировку местности намеченного операционного района.

В устроенной карфагенским полководцем засаде двум римским разведывательным отрядам сложил голову консул Марцел, второй консул Криспин был тяжело ранен в стычке, но все равно вскоре скончался от полученного ранения.

В общем итоге в 208 году до н. э. Рим досрочно потерял сразу двух своих консулов, при этом не проведя ни одного крупного сражения с армией Ганнибала.

Ганнибал мог быть удовлетворен своими действиями пе-

ред вторжением сил своего брата в Италию, а вот для Рима этот год стал полностью провальным. С этой стороны и разошлись на зимовку 208–207 годов до н. э., обоюдно взяв оперативную паузу.

В 207 году до н. э. республика выбрала себе новых консулов, которым предстояло решить крайне сложную задачу по недопущению объединения армий Ганнибала и Гасдрубала из рода Баркидов.

Консулу Гаю Клавдию Нерону вменялась задача по удержанию сил Ганнибала в границах Лукании и Бруттия. Для этой миссии Нерон располагал двумя консульскими легионами и легионами преторов, распределенными на местности в районах Капуи, Тарента и Бруттия. В общем, римский консул располагал семью легионами с поддержкой войска союзников.

На Северном направлении действовал консул Марк Ливий Салинатор, под началом которого были также два консульских легиона с двумя преторскими легионами и несколькими пропреторскими. С помощью этой силы консул Салинатор намеревался блокировать продвижение армии Гасдрубала Барки в Северной Италии.

Итак, в конце апреля – начале мая 207 года до н. э. Гасдрубал вывел свою армию в долину По, где галльское население оформляло социально-географическую полосу северного приграничья Римской республики, в которой были довольно слабые позиции Рима.

Здесь Гасдрубал дал своим воинам длительный отдых после совершенного Пиренейско-Альпийского перехода.

На протяжении летнего отдыха в долине реки По пунийцы активно вербовали новых воинов в свою армию среди союзных им галлов, а также зачем-то осадили город Плаценцию, что к тому же не имело успеха.

Взятая Гасдрубалом длительная пауза и осада Плаценции были настолько нелогичными в свете исполнения главной задачи – миссии по выходу внутрь Апеннинского полуострова и соединения там с силами Ганнибала, что не поддаются какому-либо оправданию.

Потеряв общий темп и дав римлянам достаточно времени, чтобы подготовиться ко вторичному вторжению пунийцев с севера, Гасдрубал осенью того же года двинулся в направлении юга Италии, выводя свою армию в прибрежную полосу Адриатического побережья полуострова.

В это время Ганнибал, собрав все свои силы в единый кулак, выдвинулся из Бруттия в северном направлении, в Луканию. В Лукании же римский консул Клавдий Нерон собрал подчиненные ему силы, из которых 40 тыс. были пехотинцы при 2,5 тыс. всадников.

В конечном итоге у городка Грумент скопилась критическая масса сил противоборствующих сторон, где они и сошлись в сражении, открывая этим счет сражениям кампании 207 года до н. э. на Итальянском театре военных действий.

Это сражение не стало решающим, однако в нем войско

Ганнибала понесло большие потери, нежели их соперник. Далее Ганнибал и Нерон повели свои силы в северном направлении и опять сошлись в бою у города Венузия, что располагался на границе Апулии и Лукании. Исход второго сражения также сложился для Ганнибала не лучшим образом, потому как пунийцы понесли от действий своего противника неприемлемые потери, к которым они были более чувствительны, находясь в изоляции от своей метрополии.

После таких событий Ганнибал вынужден был практически бежать от Нерона, повернув на юг и приведя свое войско в портовый город Метапонт, в котором находился гарнизон его племянника Ганнона.

Пополнив ряды своего войска солдатами Ганнона, Ганнибал поспешил в Апулию, где стал полевым лагерем у города Канузий, на береговой линии Адриатического моря.

Именно в этот момент консул Нерон узнал от перехваченных гонцов Гасдрубала, что последний намеревался встретиться с Ганнибалом в Умбрии, из-за чего римский консул принял волевое решение, выведившее его за рамки своей географической зоны ответственности.

Оставив большую часть своих сил – а это были около 30 тыс. легионеров – для кордонирования сил Ганнибала в районе города Канузий, сам консул Нерон быстрым маршем двинулся навстречу второму римскому консулу Ливию Салинатору, силы которого стояли в окрестностях Сены Галльской (Сенигалья) на Адриатическом побережье Централь-

ной Италии. Двигаясь быстрым маршем и днем, и ночью, шесть тысяч пехотинцев и тысяча всадников войска Нерона за несколько дней достигли лагеря консула Салинатора, куда также подоспели силы претора Л. Порция Лицина.

Таким образом, консул Клавдий Нерон правильно определил критическую для карфагенян точку приложения силы, выразившейся в неслаженном войске Гасдрубала. Этим римский консул полностью ломал планы Карфагена на то, чтобы усилить позиции Ганнибала на Итальянском театре военных действий через запланированное вливание в его военный организм новой крови.

Дело в том, что недавно нанятые солдаты войска Гасдрубала на фоне римских побед в Испании нуждались в подъеме своего боевого духа и обретении уверенности в своей силе. Очевидно, источником морально-психологической силы, способной сделать из новобранцев сильное войско, являлся безоговорочный военно-политический авторитет самого Ганнибала.

С момента выдвижения народным собранием Карфагена Ганнибала Барки на пост главнокомандующего экспедиционными силами в Испании против карфагенского полководца ни разу не произошло солдатского бунта. И это при условии оперирования карфагенских сил, большая часть из которых состояла из наемников, во враждебной для себя социально-географической среде, вдали от африканской метрополии. Более того, даже тогда, когда в третьем периоде кам-

пани у армии Ганнибала начались проблемы на юге Италии, его армия не разбежалась и не покинула своего полководца, будучи зажатой в Бруттии. Все это свидетельствует в пользу непререкаемого авторитета военного лидера среди его солдат и той сплоченности военного коллектива, которые демонстрировались в войске Ганнибала на протяжении всей Испано-итальянской кампании. А при таких условиях Ганнибалу, чтобы поддерживать военный потенциал своей армии на необходимом уровне, нужно было вовремя получать свежее пополнение, воины которого, попадая в среду опытных ветеранов, очень быстро становились бы профессионалами своего дела с высокой степенью мотивации.

Поэтому, пока войско Гасдрубала находилось вдали от Ганнибала, римлянам нужно было во что бы то ни стало как минимум заставить Гасдрубала отказаться от исполнения своих намерений, а как максимум – физически уничтожить его силу, упредив тем самым соединения двух карфагенских армий в границах Апеннинского полуострова.

Исходя из вышесказанного, очевидным становится то утверждение, что длительная остановка Гасдрубала в долине реки По и его отвлечение на осаду местного города, были той критической ошибкой, которая в свете складывающейся обстановки в границах всего театра военных действий привела к его поражению и срыву выполнения всей его миссии на ее заключительном этапе.

Младший брат Ганнибала, к сожалению для себя и Кар-

фагена в целом, не распознал важность приоритетности выполнения промежуточных задач, ведущих оптимальным путем к успешному выполнению миссии, перед сопутствующими отвлекающими задачами, а также критическое значение фактора времени, вместе оказывавших определяющее влияние на достижение конечного результата экспедиционными силами пунийцев.

В свою очередь римский консул Нерон, надежно запеврев порядком потрепанное войско Ганнибала в южной Италии, своим маневром в рамках оперативного пространства успешно решал стратегическую задачу кампании 207 года до н. э., что еще и создавало благоприятную обстановку на перспективу для завершения Второй Пунической войны в пользу Рима. А финальной точкой в этом процессе станет тот тактический маневр Нерона, который будет совершен в предстоящей битве при реке Метавр.

Гасдрубал, стоявший рядом с лагерем консула Салинатора, узнав о прибытии отвечавшего у Рима за южное итальянское направление, консула Нерона, по-своему оценил это событие. Возможность свершения факта прибытия Нерона в окрестности Сены Гальской была воспринята Баркидом как прямое следствие случившейся гибели своего старшего брата и крупного поражения его войска на юге Италии. Потому-то Гасдрубал незамедлительно снял свое войско со стоянки и выдвинулся в направлении русла реки Метавр в надежде переправиться на ее северный берег, с тем чтобы уйти

подальше от объединенной армии римских консулов.

Этот маневр карфагенского войска не остался незамеченным для римлян, которые также быстро выступили вслед уходящему Гасдрубалу.

Нагнанный римлянами, заблудившийся в излучинах Метавра, Гасдрубал был вынужден принять навязанный ему римлянами бой.

Боевые порядки карфагенян и римлян в этой битве были зеркальными, единственное, что рознило их – это линия боевых слонов, развернутых Гасдрубалом по фронту своего центра.

Примечательным было расположение на поле боя войск противоборствующих сторон относительно природного рельефа местности. Правый фланг римлян и, соответственно, левый фланг карфагенского войска, были сильно ограничены холмом, который не только защищал каждый из обозначенных флангов, но и сильно ограничивал их действия, врежаясь в свободное пространство между боевыми порядками противоборствующих сторон. Поэтому в ходе сражения эта фланговая сторона практически была не задействована полководцами.

Соответственно, данная характеристика местности продиктовала и схему построения войск. Центр и фланги, что упирались в возвышенность, были заняты линией пехоты, а вот на свободном фланге – для римлян левом, а для пунийцев правом – была выстроена кавалерия противоборствующей стороны.

щих сторон. Естественно, что и битва была начата на стороне, занятой кавалерией.

Гасдрубал лично возглавил атаку своей кавалерии на левый фланг римлян, где держал удар консул Ливий Салинатор.

Битва началась.

По характеру начавшегося сражения стоявший на правом фланге консул Нерон видел, что все основные события происходят на левом фланге римлян, где Ливий сражался с основной боевой мощью пунийцев, возглавляемой самим Гасдрубалом. Это позволило Нерону принять очередное судьбоносное решение, повлиявшее на результат сражения при Метавре.

Клавдий Нерон снял войско с правого фланга и совершил быстрый тактический маневр: обойдя с тыла собственные боевые порядки, вывел свой отряд на левый фланг и неожиданно для противника ударил в незащищенную кавалерию Гасдрубала. Благодаря этому выходу тактической группы Нерона на правом фланге карфагенского войска сложилась критическая ситуация для всадников Гасдрубала. Карфагенский полководец не смог ничего противопоставить маневру Нерона и погиб в свалке. Гибель Гасдрубала определила исход сражения: наемное войско Карфагена, оставшись без полководца, было полностью разбито, а армия римских консулов наконец-то одержала чистую знаковую победу на Итальянском театре военных действий.

Консул Клавдий Нерон в сражении на реке Метавр совершил тот самый волевой тактический маневр, который в связи с предыдущим оперативным маневром поверг вспять события Второй Пунической войны.

После битвы при Метавре консул Нерон незамедлительно вернулся во вверенный ему юг Италии. Придя в лагерь своих сил, стоявших у города Канузий, римский консул привел с собой пленных солдат карфагенского войска и принес отрубленную голову младшего брата Ганнибала.

Увиденные Ганнибалом трофеи консула Нерона настолько сломили волю карфагенского полководца, что он вынужден был признать, «что фортуна отвернулась от Карфагена». После этого, понимая, что подмоги ему в ближайшее время не видать, увел остатки своих сил в Бруттий к берегу Тарентского залива.

Так в 207 году до н. э. непобедимый Ганнибал признал свое поражение.

В следующем году, пока он находился в «Кротонском заточении», Карфаген попытался осуществить еще одну попытку значительно усилить свой экспедиционный корпус в Италии.

Осенью 206 года до н. э. еще один брат Ганнибала – Магон получил из Карфагена большие денежные средства и вместе с ними приказ на формирование новой армии, с тем чтобы повести ее на очередное соединение со своим старшим братом.

Не теряя времени, Магон, покинув город Гадес, сначала попытался отбить столицу Баркидов – Новый Карфаген, но после неудачи вынужден был отплыть со своим флотом к Балеарским островам, где, не встретив радушия от жителей острова Майорика (Мальорка), был вынужден уйти на Минорику (Менорка), где и провел зиму 206–205 годов до н. э.

К началу лета 205 года Магон собрал военную силу в 12 тыс. пеших воинов при 2 тыс. всадников, которые вместе с грузами были погружены на торговые суда и отправлены к лигурийскому берегу Северной Италии под охраной тридцати боевых кораблей. После высадки на берег Магон довольно быстро взял город Геную, после чего весь флот отправил обратно в Карфаген, оставив себе не больше десятка боевых кораблей, и принялся вербовать воинов в свою армию из числа местных лигуров и галлов долины реки По.

В течение этого лета к Магону пришло дополнительное подкрепление из метрополии, в этот же период римляне перехватили в районе Сардинии большой торговый флот пунийцев общей численностью в 80 кораблей, который шел в Бруттий, чтобы доставить грузы Ганнибалу. По всей видимости, это были те самые корабли, которые Магон отправил назад в Карфаген и которые второй ходкой доставили дополнительные силы карфагенян в Лигурию, а затем были направлены с грузами к Ганнибалу.

Здесь опять проявилась слабость Карфагена в возможности оперирования морской компонентой своих сил. Пуний-

цы по-прежнему не использовали свой флот для того, чтобы, не теряя темпа, используя более короткие морские операционные линии, чем наземные линии, перебрасывать свои силы в нужный операционный район Итальянского театра военных действий. Ведь при прямой и своевременной доставке дополнительных сил и средств к берегам Бруттия (Калабрия) Ганнибал мог бы без труда распечатать свое заточение и начать новую волну активности на юге Италии.

Но вместо этого пунийцы продолжали лимитированные морские операции с упором на наземные походы, не решаясь на переброску своих сил на более длинные расстояния.

Младший Баркид почти два года провозился в Лигурии, очередной раз дав возможность Риму успеть отреагировать на новую угрозу с северного направления.

Римляне успешно перегруппировали свои легионы так, что Магон оказался в запертом положении в Северной Италии.

Северное направление для Рима прикрывали легионы, сосредоточенные в районе колонии Аримин (город Римини) и у города Арреций (Арrezzo). Ариминская группировка римских сил, стоявшая на Адриатическом побережье, запирала выход в Центральную Италию с восточной стороны Апеннин, направление вторжения с западной части горной гряды преграждали легионы Аррецийской группировки.

В таком положении Магон находился до лета 203 года до н. э., пока не принял бой с четырьмя римскими легионами

у Медиолана (Милан). В этом сражении пунийцы потерпели поражение, а младший Баркид, получив ранение в бедро, сумел все же увести оставшиеся силы в Лигурию, откуда карфагенское войско, погрузившись на корабли, вышло в море. Вскоре, когда пунийский флот находился у острова Сардиния, от полученного ранения скончался Магон, что и послужило финальной точкой в неоднократных попытках Карфагена оказать помощь Ганнибалу.

Перед входом в заключительный период Второй Пунической войны необходимо особо рассмотреть состояние дел, которые сложились в отношениях между Карфагеном и его африканскими союзниками – нумидийцами, а именно царем племенного союза массилиев (восточные нумидийцы) Гала и царем племенного союза масесилов (западные нумидийцы) Сифаксом.

Существенно меняющаяся обстановка в Испании и Италии в период 213–206 годов привела к брожению в рядах главных союзников Карфагена во Второй Пунической войне – нумидийцев.

Как известно, одно из важных мест в боевых порядках армии Ганнибала занимала нумидийская конница, действия которой очень часто решали исход сражений в пользу пунийцев.

Именно благодаря наличию превосходной кавалерии Ганнибал, как стратег, мог воплощать все самые смелые и прогрессивные тактические приемы на поле боя, которые ста-

новились залогом его побед над римлянами, доказывая на практике превосходство своей военной школы перед римскими легионами на оперативно-тактическом уровне.

Начиная с 213 года до н. э., Рим, понимая, какой инструмент в руках Ганнибала является залогом его побед на полях сражений, начал планомерно работать на отрыв нумидийских царей от Карфагена, результат которой (подрывной работы) в перспективе возымел самые тяжелые последствия для Карфагена.

Первым, на кого обратили внимание римляне, был нумидийский царь Сифакс, к которому в 213 году римский проконсул Публий Корнелий Сципион и его брат Гней, командовавшие римскими силами в Испании, отправили посольство с предложением дружбы и взаимопомощи. Сифакс не стал сразу отвечать на предложение римлян, и только в 210 году до н.э. в Риме появилось посольство западных нумидийцев, засвидетельствовавшее почтение и союзническую верность своего царя к Риму. Но при этом Сифакс оставался до 206 года до н. э. номинальным союзником Карфагена в идущей войне.

За три года размышлений царя Сифакса римляне успели взять Капую, изменив тем самым положение дел в Южной Италии, а на Испанском театре военных действий прибывший туда после гибели отца и дяди Публий Корнелий Сципион (Африканский) развернул успешную деятельность против карфагенян, которая закончилась взятием Нового Кар-

фагена в 210 году до н. э.

Эти неудачи карфагенян, скорее всего, и подвигли нумидийского царя к хитрой двойной игре, которую он, к слову сказать, продолжал до момента высадки легионов Сципиона-сына на африканский берег.

Кстати, уместным будет вспомнить тот факт, что в 211 году во время демонстративных действий Ганнибала в предместье Рима был контратакован именно конницей нумидийцев-перебежчиков, что напрямую может свидетельствовать в пользу двойной игры царя Сифакса и тех знаков внимания, которые он стал негласно оказывать римлянам.

Вторая волна активности Рима на нумидийском фронте не прямых действий была запущена в 206 году до н. э. В этот год римляне провели встречи с первыми лицами как восточных, так и западных нумидийцев. Этим двум переговорным встречам предшествовали уже более крупные неудачи пунийцев. Сначала это была неудачная попытка прорыва армии Гасдрубала из Испании в Южную Италию, закончившаяся гибелью самого Гасдрубала в 207 году до н. э. Параллельно с этим, вышедший на оперативный простор Южной Италии Ганнибал вынужден был безрезультатно вернуться в Бруттий, где оказался в блокированном положении и без подкрепления.

На таком фоне в 206 году до н. э. Публий Сципион, продолжая дело своего отца и дяди, проделал морской путь из Нового Карфагена в Сигу, где провел успешные переговоры

с царем Сифаксом, после чего делегация римлян ушла обратно в Новый Карфаген.

В этом же году сын царя восточных нумидийцев Масинисса во время встречи в городе на «краю света» Гадесе предложил Публию Сципиону, в случае высадки его легионов в Африке, силовую поддержку, которую римский полководец с удовлетворением принял.

В это же время умер царь Гала, отец Масиниссы, вследствие чего нумидийский принц незамедлительно покинул Испанский театр военных действий и вернулся в свое царство, где вступил в борьбу за престол. К 205 году Масинисса победил всех своих противников, но в этот момент царь Сифакс, воспользовавшись междоусобицей в соседнем царстве, при поддержке Карфагена захватил Восточную Нумидию. В результате действий царя Сифакса Масинисса вынужден был покинуть собственное царство и укрыться в области Эмпории (Малый Сирт) в ожидании вторжения римлян.

Помощь, оказанная Карфагеном царю Сифаксу в его завоевании Восточной Нумидии, значительно усилила влияние пунийцев на Сифакса, который теперь стал контролировать обе Нумидии. Но Карфаген решил пойти дальше и уже в конце 205 года до н. э. решил привязать к себе нумидийского царя кровными узами. За царя Сифакса была отдана дочь Гасдрубала, имя которой в пунийской транскрипции звучит как Сафонбаал, что значило «хранимая Ваалом».

Такой брачный союз потребовал от немолодого царя Ну-

мидии клятвенного договора в пользу союза с Карфагеном, после чего царь Сифакс под давлением пунийцев отправил к Публию Сципиону на Сицилию делегацию с извещением, что в случае вторжения последнего в пределы Африки подвластное ему нумидийское войско выступит против римского консула.

В дополнение к политической активности римлян на Африканском направлении следует напомнить, что в 205 году до н. э. успешно для Рима была закончена Первая Македонская кампания. Своевременный вывод из игры Македонии, как влиятельного игрока на Греческом направлении и союзника Карфагена, обезопасило республику со стороны Адриатики, что позволило римлянам привлечь дополнительные силы и средства внутри Апеннинского полуострова и в Иберии.

Итак, уже к 204 году до н. э. для Рима складывались достаточно благоприятные условия как на Испано-итальянском, так и на Африканском направлении для начала прямой подготовки и планирования переноса боевых действий на территорию Карфагена.

Условия, которые сложились перед четвертым периодом Второй Пунической войны, оказались для Карфагена еще хуже, чем в самом ее начале. Мало того, что Карфаген был отброшен на начальные рубежи периода 230 года до н. э., так еще в южной части Италии оказалась запертой целая карфагенская армия, не имея резервов, союзников и возможности

получения помощи из метрополии.

Виной такому стратегическому провалу после победного для пунийцев 216 года до н. э. были три фатальные ошибки, совершенные самим Ганнибалом и властью Карфагена, которые и помогли Риму полностью переломить ход событий во Второй Пунической войне в свою пользу.

Во-первых, отказом от прямой атаки на Рим в 216 году до н. э. и взятой оперативной паузой на Итальянском театре военных действий после Канн Ганнибал сам создал для Рима все благоприятные условия на то, чтобы республика, получив зазор во времени и пространстве, провела успешные мобилизационные мероприятия.

Во-вторых, Ганнибал, как стратег, руководивший силами непосредственно на Испано-итальянском театре военных действий, да и сенат Карфагена в целом, которому был подчинен полководец, должны были понимать важность морской компоненты своих сил на таком стратегическом театре военных действий, как Средиземное море. При грамотной организации скоординированных действий по месту и времени между двумя видами своих сил Ганнибал смог бы добиться более весомых военно-политических успехов в проводимых им операциях на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях. Ведь очевидно, что ни о каком полном контроле Апеннинского полуострова без завоевания превосходства на море не могло быть и речи.

Таким образом, налицо очевидное несоответствие уров-

ня умеренной активности морской компоненты пунийцев и успешных действий армии Ганнибала на суше. Рим крепко удерживал преимущество перед Карфагеном на море, а Карфаген не проявлял должного желания исправить сложившуюся ситуацию в пределах морского пространства.

А ведь в условиях, когда весь сухопутный театр военных действий во Второй Пунической войне был заключен в лоно Средиземного моря, римляне имели стратегическое преимущество в контроле как над всеми оптимальными путями снабжения армий, так и над операционными линиями для маневрирования войсками – оперативной переброски сил на любые направления общего театра военных действий.

Искусное фрагментирование общего театра военных действий на Иберийское, Итальянское, Греческое, Сицилийское направления и господство римского флота на море позволило Риму в перспективе и последовательно добиваться успеха на каждом направлении, эффективно используя морские радиусы. Это и создало успешные предпосылки для того, чтобы Рим осуществил ответное крупное вторжение на Африканский континент, перенеся театр военных действий на территорию противника.

Как итог, показная недооценка пунийцами значения морской компоненты в ведении заморской кампании привела к тому, что их флот не смог эффективно поддержать свои наземные силы на юге Италии. Сначала пунийцам не удалось обеспечить так необходимое присоединение войска Маке-

донского царя Филиппа к силам Ганнибала в период 215–214 годов до н. э. В следующие два года карфагенский флот не смог помешать римлянам взять Сиракузы и весь остров Сицилию. И уже в период 206–203 годов до н. э. провальной стала миссия Магона, в которой также не был полностью использован потенциал флота Карфагена.

В свою очередь римляне успешно пользовались своим превосходством на море. Чего стоит только своевременная переброска римских сил в Испанию после взятия ими Капуи в 211 году до н. э., благодаря чему уже в следующем году римские войска взяли Новый Карфаген, после чего Ганнибал оказался в крайне сложном положении на юге Апеннинского полуострова.

И, в-третьих, в условиях принятой стратегии на отторжение территории Южной Италии от Рима Ганнибал, не удержав Капую в 211 году до н. э., позволил римлянам расправиться с жителями Кампании, чем полностью подорвал доверие италиков к Карфагену и вынудил их сдаваться на милость Риму.

Таким образом, Ганнибал сам разрушил основу принятой им же стратегии действий на юге Италии, основой которой было привлечение на свою сторону итальянских племен в борьбе против Рима.

После таких ошибок, военная инициатива полностью перешла к Риму, а обстановка, с которой противоборствующие стороны входили в заключительный период Второй Пуниче-

ской войны, являлась зеркальным отображением обстановки, соответствующей началу второй войны Рима против Карфагена.

Четвертый период (стратегия непрямых действий)

Последний период Второй Пунической войны начался с одобрения Римским сенатом решения о переносе основной боевой активности на территорию Африки, принятого сенаторами с подачи только что избранного Публия Сципиона на консулат Римской республики в 205 году до н. э.

Вернувшийся в конце 206 года до н. э. из Испании Сципион, получив свою порцию триумфа, весной 205 года был избран римским консулом. Вторым консулом был избран П. Лициний Красс по прозвищу Богач (Dives). Потомком этого рода будет тот самый Красс, который станет членом Первого триумvirата в республике и о котором пойдет речь еще в двух главах исследуемой темы, посвященных гражданскому противостоянию в республике и восстанию Спартака, а также Римско-Парфянской войне. В первом случае Красс, как римский полководец, сыграет ключевую роль в подавлении восстания Спартака, а во втором – станет ярким примером отставания Римской военной школы перед восходящей на военный Олимп теорией и практикой применения военной силы кочевой военной школы, который (пример) произойдет в сражении при Каррах в 53 году до н. э.

Именно проигрыш Красса парфянскому спахбеду Сурену в битве при Каррах станет тем самым историческим Рубико-

ном в военной истории, с которого начнется процесс пересмотра античных канонов организации и применения военной силы в пользу Степной военной школы, символом которой станет тактический прием под названием «*Парфянский выстрел*», известный также под названием «*Скифский выстрел*».

Но вернемся в 205 год до н. э., когда консул Красс был направлен в Бруттий, а консул Публий Сципион получил остров Сицилию, на котором в скором будущем будет сформирован стратегический плацдарм для подготовки сил и средств римского экспедиционного корпуса перед осуществлением вторжения в Африку.

В этом же году консул Сципион выиграл свою первую битву против Карфагена, победа была одержана им над оппозицией в римском сенате, в результате чего новый консул продал свой план о переносе войны на территорию Африки. Таким образом непосредственно прямому вторжению римских легионов на Африканский континент в 204 году до н. э. предшествовала дипломатическая кампания консула Публия Сципиона в своей столице, где он «победил» римских сенаторов.

Прибыв на Сицилию, Сципион развернул на территории острова активные подготовительные мероприятия для осуществления Африканской кампании. Молодой консул понимал, что для подготовки и начала запланированной кампании он достаточно ограничен во времени, и границы эти со-

ответствовали границам его консулата и следующего за ним проконсульского периода, в которых Сципион, как политик новой формации, опираясь на свою популярность среди простого народа и армии, сохранял в своих руках рычаги влияния на римских сенаторов.

На прямую подготовку своих сил и средств Сципион потратил почти год, и летом 204 года в распоряжении уже римского проконсула находилась армия общей численностью около 35 тыс. пехотинцев и всадников. Ядром ее стали ветераны Каннского сражения, которые к этому времени приобрели еще и бесценный боевой опыт в Кампании и на Сицилии. Объединенные в пятый и шестой легионы, ветераны страстно желали взять реванш за проигрыш шестнадцатого года текущего века и смыть таким образом Каннский позор, который лежал на них уже двенадцать лет, поэтому с мотивационной частью в силах Сципиона все было в порядке.

Морская составляющая была представлена грузовыми судами в количестве 400 штук при боевом охранении в 40 боевых кораблей. Много кораблей для римского флота появились в период консулата Сципиона, их строили всей республикой.

Отплыв от берега Сицилии двумя эскадрами, шедшими параллельными курсами, римляне достигли берега Африки на третий день пути. Проведя ночь на якорной стоянке, с наступлением утра Сципион высадил свои силы к северу от Утики в районе мыса Аполлона.

По прибытии римских легионов на землю Африки в Карфагене началась безотлагательная подготовка к противостоянию. В сорока километрах от Карфагена в районе долины реки Меджерда сын Гискона Гасдрубал начал собирать из прибывающего ополчения новую армию, ожидая объединения с нумидийскими силами царя Сифакса.

Пока происходило сосредоточение новых карфагенских сил, на второй день высадки римских легионов их полевой лагерь был атакован отрядом всадников некоего Ганнона. Римская конница без каких-либо трудностей отбила атаку противника, в которой погиб и сам командир карфагенских всадников.

Далее Сципион направил свои легионы к Утике, где через несколько дней стал следующим полевым лагерем. В этот же район привел свой отряд еще один Ганнон, только уже сын Гамилькара, чей отряд был пополнен нумидийскими воинами. Этот карфагенский муж не атаковал римлян сходу, а стал своим лагерем в 22 километрах от лагеря Сципиона у местечка Салека.

К этому времени в лагерь римлян привел свои силы лишенный наследства царь восточных нумидийцев (массилиев) Масинисса. Получив желанное пополнение более качественной кавалерией, в ставке римлян сразу же приступили к разработке операции против войска Ганнона Гамилькара.

Согласно выработанному замыслу, отряду всадников Масиниссы ставилась задача по выманиванию карфагенской ка-

валерии из пределов лагеря и приведению их в засаду, где в тыл карфагенянам должна была ударить римская кавалерия, спрятанная за холмом.

Как и было запланировано, в назначенный день Масиниса выманил крупный отряд всадников, которых повел в бой сам Ганнон. Угодив в римскую засаду, карфагенский отряд был полностью разбит. На поле боя нашли свою смерть около 2 тыс. карфагенских всадников, среди которых оказался полководец Ганнон Гамилькар и еще около 200 отпрысков цвета карфагенской знати.

Успешно совершенный оперативно-тактический прием римо-нумидийской конницы является ярким примером нетривиального подхода к военному искусству, в результате которого силы Сципиона, не принеся в жертву победе чрезмерного количества своих сил и средств, завоевали полное превосходство в данном операционном районе.

В результате уже к концу лета 204 года до н. э. римляне взяли под свой контроль Салеку и осадили ключевой город Утику, блокировав его и с суши, и с моря.

Но не стоит забывать об армии Карфагена, которую собирал Гасдрубал Гискон в долине Меджерды, и глупо было бы полагать, что основные силы карфагенян не придут на помощь городу, прикрывавшему северо-западные подступы к Карфагену.

На сороковой день осады в район осаждаемой Утики подошли крупные карфагенские силы, беря Сципиона в такти-

ческие клещи. В общей сложности заново отмобилизованная армия Карфагена включала в себя 30 тыс. пеших воинов и 3 тыс. всадников, набранных Гасдрубалом, с присоединившимися к нему 10 тыс. нумидийских всадников и несколькими тысячами пехотинцев царя Сифакса.

Так как оперативно-тактическая обстановка в районе Утики начала складываться не в пользу сил Сципиона, римский полководец прекратил осадные действия и вывел свои силы из-под надвигающегося удара.

Чтобы не оказаться отрезанным от своего флота, который выполнял стратегически важную функцию связи римских экспедиционных сил со своей метрополией, Сципион увел свой корпус в район мыса, лежащего к востоку от Утики. Здесь римлянам в условиях морского превосходства над Карфагеном было удобней и безопасней всего провести зиму 204-203 годов под прикрытием и обеспечением своего флота, имея минимальный радиус сухопутного фронта, который легко было контролировать.

С наступлением зимней оперативной паузы Сципион активизировался на фронте непрямых действий. Главной целью некинетической активности римлян был царь западных нумидян Сифакс, конница которого была самой грозной силой в армии Карфагена, с параллельным ведением разведки операционного района, где располагались силы и средства противника. Такими действиями Сципион, не теряя инициативы в действиях, подготавливал своим силам выгодные

стартовые позиции для входа в кампанию кинетической активности 203 года до н. э.

Нумидийский царь, как и раньше, охотно вступил в связь с римлянами, что позволяло римлянам под нумидийским прикрытием бывать в лагере карфагенских сил. В этом переговорном процессе Карфаген намеревался найти нулевой вариант для окончания войны, в котором стороны разошлись бы на условиях, когда карфагенские силы будут выведены из Италии, а Рим, получив в свое распоряжение Испанию, отозвал бы свои экспедиционные силы из Африки.

Но у Сципиона были свои планы на Африканскую кампанию, и давать пунийцам откупные шансы на сохранение стратегического паритета, как это сделал в 215 году Ганнибал Барка по отношению к Риму, он не стал. Его собственный *dignitas* диктовал ему другие правила игры, в которых не было благосклонного отношения к противнику.

Среди делегаций римских послов, посещавших ставку царя Сифакса в период зимнего перемирия, находились профессиональные военные разведчики, которые с каждым разом узнавали все больше информации об устройстве вражеского лагеря и подступах к нему, подготавливая почву к предстоящим боевым действиям.

К весне римский полководец имел уже полную картину структурного устройства лагеря карфагенян и их союзников. Особенно ценной явилась информация о раздельном стоянии карфагенян и нумидийцев в рамках большого лагеря,

а также о качестве жилых построек нумидийцев и войска Гасдрубала. Если внутренний лагерь карфагенян состоял из основательных бревенчатых построек, менее подверженных действию огня, то хижины нумидийцев представляли собой тростниковые шалаши, большинство из которых опрометчиво самонадеянно находились вне полевой фортификационной линии карфагенского лагеря.

Данные сведения позволили Сципиону спланировать весеннюю операцию против лагеря противника, с тем чтобы при минимальных потерях достичь военного паритета в операционном районе. Успех данного мероприятия сулил Сципиону вход в кампанию 203 года до н. э. на благоприятных для себя условиях, имея перед собой противника, силы которого уже не превосходили силы римского экспедиционного корпуса.

Итак, в один из весенних дней Сципион прервал весь переговорный процесс, которым он притуплял бдительность как Гасдрубала, так и его союзника Сифакса, и римляне первыми приступили к активным действиям.

Сначала римский полководец начал формировать благоприятную оперативно-тактическую обстановку вокруг лагеря противника, которая придаст ему большей устойчивости при различных вариантах развития событий в атаке на лагерь противника.

На морском пространстве боевые корабли были сняты с рейда и выведены на оперативный простор; параллельно на

земле 2 тыс. римских легионеров заняли главенствующую высоту у города Утика. Этими действиями Сципион отвлек внимание Гасдрубала от реальной точки приложения силы римлян – лагеря карфагенян и обезопасил уязвимые для себя направления (линия Утика – римский лагерь, морские подходы к римскому лагерю или тылу римского войска) во время оперирования главных сил римлян у лагеря противника.

В ночь Сципион скрытно вывел свои главные силы к карфагенскому лагерю. Подойдя к рубежу прямой атаки, римский полководец выслал вперед половину своего войска под руководством легата Лелия и отряд Масиниссы, для того чтобы они первым действием атаковали мало защищенный отряд нумидийцев, предав огню их хижины.

Как только весь нумидийский лагерь запылал, а среди воинов Сифакса началась паника, Сципион со второй частью своего войска атаковал расположение Гасдрубала. В результате внезапной ночной атаки римских легионов Гасдрубал и Сифакс потеряли большое количество своих воинов, а сами незадачливые африканские полководцы только и успели что спастись бегством. Потери карфагенской армии были таковы, что с этого момента силы противоборствующих сторон были уравнены по количественному показателю, и для Сципиона открывалось окно возможностей для начала прямых действий против сил Карфагена.

Залогом победы римлян в ночной операции при Утике

стала комплексная подготовка Сципиона к этому действию.

При анализе событий, предшествующих ночному сражению, можно выделить этапы комплексных мероприятий, которые определяли область не прямых действий.

Поле не прямых действий:

– операция прикрытия кинетики и разведка – «*Туман войны*»;

– прямая подготовка поля боя – расстановка своих фигур непосредственно перед началом кинетической активности.

Вся первичная подготовительная активность римской стороны была направлена в первую очередь на отвлечение внимания противника, создание некой дымовой завесы своим намерениям и проведение разведывательной активности для осуществления планирования операции.

Когда процесс планирования был завершен, в назначенное время силы Сципиона выполнили ряд мероприятий, которыми подготавливалась оперативно-тактическая обстановка района боевых действий и непосредственного поля боя перед решающим действием.

С этого момента наступал черед заключительного этапа операции, прошедшего в два этапа кинетической активности.

Поле прямых действий:

– кинетическая активность.

На этом поле действий римляне сначала при помощи первичной боевой активности в районе стоянки нумидийцев вы-

вели из строя союзника карфагенян и по совместительству самую маневренную часть сил Гасдрубала – нумидийскую конницу, чем посеяли панику и в лагере царя Сифакса, и в лагере Гасдрубала.

Таким образом, направив силу на самый уязвимый участок лагеря карфагенян и их союзника, римский полководец не дал противнику шанса на перегруппирование своих сил и организацию эффективного контрдействия. Только после этого Сципион приступил ко второму этапу атаки, нанеся решающий удар по Гасдрубалу, который и поставил точку в операции, завершившейся в пользу римлян.

Это был уже второй случай в Африканской кампании, когда хорошо спланированная боевая активность Сципиона привела его к желаемому результату с минимальной затратой своих сил и средств. А это уже показательный класс оперативного искусства молодого римского полководца, действующего вдали от своей главной ресурсной базы.

После поражения и Гасдрубал, и Сифакс бежали в район среднего течения Меджерды, что в пяти днях пути от Утики. На Великих равнинах – так называлась эта местность – восстанавливались военные силы Карфагена, которые к концу весны 203 года до н. э. стали насчитывать около 30 тыс. воинов. Сюда же, стараясь не дать противнику опомниться, привел свои легионы и римский проконсул Сципион, сразу же проведя изучение местности и несколько разведок боем.

Уже через несколько дней по прибытии в район Великих

равнин римлян между сторонами произошло сражение. Боевые порядки у римлян и карфагенян были классическими: по центру располагалась пехота, а на флангах находилась конница.

Конница Масиниссы стояла на левом римском фланге, против нее действовали карфагенские всадники. Конница царя Сифакса стояла напротив римской конницы. Центральной линии римских легионеров противостояли 4 тыс. испанских кельтиберов.

В начавшемся сражении карфагенская кавалерия была опрокинута римской конницей, под римским натиском устоял лишь центр карфагенского боевого порядка, благодаря которому Сифакс и Гасдрубал организованно отступили с частью своих сил, сумев таким образом избежать полного поражения.

Нумидийский царь бежал в свои земли, оставив пунийцев, а римляне получили хороший шанс, на то, чтобы полностью вывести из игры Сифакса, лишив таким образом Карфаген возможности использовать в своей армии такую грозную силу, как нумидийская конница.

После победы в сражении на Великих равнинах вслед уходящему в Нумидию царю Сифаксу римский пропретор отправил своего легата Лелия и Масиниссу. По ходу преследования Масинисса восстановил контроль над ранее утраченными землями массивов.

Вернувшись в пределы своего царства, Сифакс успел на-

брать новое войско, воины которого не имели представления о военном деле и воинской дисциплине. Именно с таким войском Сифакс выступил против преследовавших его римского легата и царя восточных нумидийцев.

Уже 23 июня противоборствующие стороны сошлись недалеко от Цирты (Константина). В этом бою Сифакс не смог взять верх над римской стороной, несмотря на численное превосходство его конницы. Благодаря умелым и слаженным действиям конницы и пехоты во время боя римлянам удалось выстоять и при этом взять в плен самого Сифакса. С плененным царем западных нумидийцев Лелий и Масинисса выдвинулись к Цирте – последнему оплоту сил масесилов.

Подойдя к стенам Цирты, перед глазами защитников города предстал их царь, закованный в железо. Вид плененного царя столь поразил масесилов, что те сами открыли ворота города перед римлянами.

Одержав победу, Лелий доставил высокородного пленника в лагерь Сципиона, где Сифакс, прося милости у римского пропретора, в своей измене Риму обвинял свою жену Софонисбу, что и погубило карфагенскую красавицу, на которой уже успел жениться Масинисса.

После развязки дела с красавицей Софонисбой, которая не по своей воле и к своему несчастью успела побывать замужем сразу за двумя нумидийскими царями, Сципион провозгласил Масиниссу царем Нумидии.

Так римлянами было покорено царство Западной Нумидии и приобретена поддержка и сила сразу двух нумидийских племен, которые предоставили римлянам многочисленную и отличную кавалерию.

Далее, не теряя времени, Сципион захватил город Тунет, который на время стал его резиденцией. Сама столица пунийцев была взята в блокаду.

Победы римлян у города Утики на Великих равнинах, успешное разрешение нумидийского вопроса и блокирование Карфагена явились теми промежуточными результатами кампании, которые создавали для корпуса Сципиона благоприятную оперативно-тактическую обстановку для достижения конечной цели кампании.

В таких условиях летом 203 года до н. э. карфагенский Сенат после непродолжительных дебатов направил в резиденцию римского проконсула делегацию из сенаторов Совета Тридцати с предложением заключения мира и окончания войны.

Наверное, на такое же поведение римских сенаторов рассчитывал Ганнибал в 216 и 215 годах до н. э., после того как нанес римской армии сокрушительное поражение при Каннах. Но Рим, в отличие от Карфагена, умел мобилизовать собственные силы и имел волю сражаться до последнего, эффективно используя в своих интересах каждую возможность на продолжение сопротивления.

Итак, в ответ на запрос Карфагена на мир Сципион по-

требовал от него:

- возврата Риму всех пленных, дезертиров и беглых рабов;
- вывода всех войск Карфагена из Южной и Северной частей Италии;
- отказа от претензий на Испанию и острова, лежащие между Италией и Африкой;
- сдачу всего военного флота, за исключением двадцати кораблей;
- выплату контрибуции в размере пяти тысяч талантов;
- обязанность обеспечения римской армии необходимым количеством зерна.

Таким образом, римский проконсул Сципион предъявлял побежденным условия, которыми достигалась и конечная военно-политическая цель Второй Пунической войны в пользу Рима. На таких условиях Карфаген, как государство-империя, навсегда выпадал из числа потенциальных врагов Римской республики, потеряв возможность оперировать морскими путями Средиземноморья, оказываясь запертым в рамках земной границы на Африканском побережье. Но для достижения конечной цели войны нужно было еще добиться безоговорочного выполнения Карфагеном наложенных на него ограничений.

А Карфаген, придав собственному унижению показную видимость, имел в планах использование последнего шанса на сохранение своего лица, полагаясь на военный гений Ган-

нибала. Для этого пунийцам нужно было выиграть время, благо, римская оппозиция Сципиону давала Карфагену надежду на успешное развитие такого сценария развития ситуации.

Осенью 203 года до н. э. в Рим отправилась карфагенская делегация для подписания мирного договора. В это же время на юге Италии Ганнибал готовил к возвращению в африканскую метрополию 15-20 тыс. своих солдат. И уже этой же осенью войско Ганнибала успешно высадилось на африканском берегу, после чего верные карфагенскому полководцу воины расквартировались на зиму в районе Бизации, бывшей тогда личным поместьем военачальника. Здесь и Ганнибал, и его солдаты, находясь вдали от правительства Карфагена и армии Сципиона, имели достаточно безопасное положение с хорошим логистическим обеспечением. В таких условиях Ганнибал имел оперативное пространство для выполнения при необходимости оперативного маневра – проведение пополнения и подготовку своих сил.

В свою очередь на Апеннинском полуострове прения в римском Сенате затянулись на несколько месяцев, и только в период зимы 203-202 годов до н. э. сенат и римский народ одобрили проект договора, составленного Сципионом.

Таким образом, в рамках нового театра военных действий складывалась ситуация, в которой римский проконсул Сципион оказался скован в своей прямой активности ожиданием финала политической активности в Риме.

В это же время пунийский полководец Ганнибал, наоборот, по полной использовал этот временной зазор, беспрепятственно перебросив свои силы на Африканский континент, где начал подготовку к вероятному противостоянию. Не теряя времени во время зимнего перерыва, Ганнибал сумел переманить на свою сторону часть нумидийских князьков, которые были недовольны возведением на нумидийский престол Масиниссы, что добавило в войско карфагенского полководца дополнительные 3 тыс. нумидийских всадников.

Зама (точка во Второй Пунической войне)

Наступившей весной 202 года до н. э. стало очевидным, что часть карфагенского общества как из высшей знати, так и из простого народа, искала повод, чтобы «спрыгнуть» с навязанного Сципионом Карфагену договора о прекращении Второй Пунической войны. Подтверждением этому стал инцидент, случившийся в самом начале весны с римским морским караваном, который доставлял грузы римскому контингенту в Африке.

Тяжелогруженные корабли одного из двух римских караванов в результате непогоды разбросало по африканскому побережью недалеко от Карфагена. Этим решили воспользоваться в своей корысти пунийцы, которые, несмотря на существовавшее перемирие, выслали 50 боевых кораблей под руководством наварха Гасдрубала для захвата римского торгового флота.

Сципион узнал об этом происшествии ровно в тот момент, когда из Рима пришло официальное сообщение о ратификации подготовленного римским пропретором мирного договора. Римский полководец незамедлительно отправил в Карфаген делегацию с тем, чтобы известить пунийцев об одобрении Римом договора и потребовать возмещения ущерба от пиратской выходки карфагенского флота.

В результате требования римлян были не только отвергнуты карфагенским сенатом, но и, более того, карфагеняне устроили морскую засаду кораблю римских посланников, державших обратный путь. В морской стычке большинство римских воинов, охранявших важных персон, погибли, но сами послы выжили.

Теперь уже для Сципиона не оставалось сомнений в том, что Карфаген, а именно часть его общества, сделали первый шаг, чтобы нарушить заключенный между Римом и Карфагеном мирный договор, что требовало от полководца, как представителя римской власти в Африке, незамедлительных ответных действий, которые уже не могут ограничиваться мирными (политическими) инициативами разрешения конфликтной ситуации, возникшей весной 202 года до н. э.

Необходимо особо подчеркнуть тот факт, что во время гонений посланников Сципиона в Карфагене безопасно вывели из города люди антибаркидской группировки, из чего следует сделать вывод, что в эскалации конфликта были заинтересованы силы, подконтрольные карфагенскому аристократическому роду Баркидов, то есть Ганнибалу, и им сочувствующих. К этому следует прибавить ту активность, которую Баркид развернул по прибытии на Африканский континент среди нумидийцев, стараясь вернуть в свое войско такую необходимую ему нумидийскую кавалерию. В общем, Ганнибал проводил активные подготовительные мероприятия, чтобы спровоцировать римлян на новый конфликт, бла-

годаря которому Ганнибал будет иметь возможность исправить сложившуюся в Африке ситуацию в пользу Карфагена.

Сомнений не было. Весной 202 года до н. э. Ганнибал Барка в нарушение достигнутых договоренностей между Римом и Карфагеном приступил к активным действиям на Африканском театре военных действий, не желая таким образом мириться с навязанными ему условиями окончания войны.

Приняв новый вызов, Сципион незамедлительно отправил послание нумидийскому царю Масиниссе, чтобы тот собрал все свои силы и привел их в долину реки Меджерды. Сам же римский полководец, оставив боевое охранение в своем лагере, вывел основные силы на оперативный простор, двигаясь по направлению к долине Меджерды, с тем чтобы как можно быстрее соединиться с нумидийской конницей. В начатой прямой активности Сципион параллельно предпринял целый ряд опустошительных рейдов по землям карфагенских владений, лишая пунийцев их ресурсной базы в рамках надвигающегося противостояния.

Неся ресурсные потери, сенат Карфагена отправил к Ганнибалу делегацию с просьбой остановить разграбление земель пунийцев, и дать бой войску Сципиона. Ганнибалу не нужно было заставлять себя долго уговаривать, и уже через несколько дней карфагенский полководец повел свою армию по направлению к Заме.

По прибытии в предполагаемый район боевых действий Ганнибал выслал разведчиков, чтобы добыть сведения о про-

тивнике, чьи силы уже находились в районе Замы. Все пунийские разведчики были схвачены сторожевым отрядом римлян и доставлены в ставку Сципиона, где им была проведена показательная экскурсия по лагерю, после чего они были отпущены.

После этого случая, ставшего историческим анекдотом, Ганнибал предложил Сципиону личную встречу перед сражением. Перед самым свиданием в лагерь Сципиона прибыл царь Масинисса, приведя с собой 4 тыс. всадников и 6 тыс. пехотинцев. Прибывшие нумидийцы значительно усилили римские легионы, из-за чего Ганнибал потерял свое заметное преимущество в количественном и качественном показателях перед римской армией.

На свидании двух полководцев Сципион предсказуемо отверг все предложения Ганнибала, потому что у римлян, находящихся в ранге победителей, уже был в кармане только что подписанный мирный договор, и пойдя пропретор на личную сделку с Баркидом, он бы одним махом легализировал всю неправомерную активность пунийцев, направленную на разрыв этих договоренностей. Этим бы Сципион мог полностью нивелировать все свои победы над Карфагеном в Африке, а Ганнибал своей непрямой активностью и без кровопролития добился бы легального статуса для продолжения войны на выгодных для себя условиях.

Но к этому моменту уровень пропретора Сципиона как стратега соответствовал военному гению самого Ганнибала,

и Сципиону не составило труда дать правильный для Рима ответ, который звучал просто и лаконично:

«Либо Карфаген признает власть Рима, либо все решит оружие».

Как уже упоминалось, Сципион высадился на африканский берег, имея с собой корпус общей численностью в 35 тыс. воинов. В результате предыдущих успешных действий в Африке на стороне римского проконсула выступил нумидийский царь Масинисса, приведя с собой 4 тыс. нумидийских всадников при 6 тыс. пеших воинов.

Итого, подойдя к Заме, Сципион имел армию общей численностью около 45 тыс. воинов, из которых около 35 тыс. были тяжелые пехотинцы и до 10 тыс. – всадники.

Со стороны Карфагена под началом Ганнибала собралась довольно разношерстная боевая кампания.

В числе карфагенского войска находились наемники, нанятые ранее Магоном, численность которых колебалась в пределах 10 тыс. человек, не более. Недавно нанятые Гасдрубалом войско африканцев могло насчитывать, с учетом ранее понесенных потерь, около 15 тыс. человек. Число ветеранов, которых Ганнибал привел вместе с собой из Италии, варьировалось в пределах 15–20 тыс. воинов плюс Баркиду удалось переманить на свою сторону крупный отряд нумидийских всадников в количестве 3 тыс. человек.

Итого на стороне Карфагена выступила армия общей численностью не менее 45 тыс. человек плюс 80 боевых слонов.

Как видно по количественному показателю, силы противоборствующих сторон, вышедших в район Замы осенью 202 года до н. э., были равны, но вот по качеству военной силы одна из сторон сильно уступала другой.

Во-первых, римская и карфагенская сухопутные армии имели разделение на два рода: пехоту и кавалерию. И вот здесь четко проявляется первый перекося в сторону римлян, потому что их кавалерия почти в два раза превосходила карфагенскую по численному показателю: 9–10 тыс. против 5 тыс.

Во-вторых, на стороне Рима находились многочисленные нумидийские всадники, боевые качества которых в то время превосходили качества любой кавалерии, чьи всадники представляли другие народы или племена, вовлеченные в противостояние во Второй Пунической войне. К тому же число только всадников Масиниссы, а это 4 тыс. воинов, практически равнялось числу всей карфагенской кавалерии.

А теперь о тактическом построении войск на поле боя.

Силы противоборствующих сторон построились друг против друга, используя одну и ту же общую схему построения войск, за исключением некоторых тактических особенностей.

По фронту карфагенской пехоты была выстроена линия боевых слонов, за которой шла первая линия пехотинцев из числа наемников Карфагеном. Во второй линии в строю стояли африканские воины, ранее набранные

Гасдрубалом, чья боевая способность оставляла желать лучшего по сравнению с другими воинами Ганнибала. И в третьей линии, которая была построена на дистанции в 200 метров от второй, расположился сам Ганнибал со своими ветеранами Испано-итальянской кампании.

И, соответственно, фланги карфагенской пехоты были прикрыты конницей, где правый фланг был отдан карфагенской коннице, а левый занимала конница союзников – нумидийцев, перешедших на сторону Ганнибала.

Напротив карфагенян был выстроен симметричный по схеме построения боевой порядок войска римского пропретора Сципиона.

Как и положено, фланги римлян образовывали кавалерийские части. Конница Лелия стояла напротив карфагенской кавалерии, а всадникам Масиниссы предстояло сразиться с меньшим по численности отрядом своих соплеменников, принявших сторону Ганнибала.

Если с построением конницы для Сципиона, все было понятно, то при построении пехоты римский полководец отошел от классической схемы построения римских легионов, подойдя к решению тактической задачи нетривиальным путем.

Наличие 80 боевых слонов у Ганнибала, построенных против линии римской пехоты, вынуждало римского полководца предпринять заблаговременные меры противодействия навалу слонов, так чтобы максимально нивелировать

отрицательное воздействие атаки слонов на линии своей пехоты.

В общем плане все было построено по канонам военной классики римской военной школы, согласно которой первую линию занимали молодые гастаты, во второй линии стояли принципы и в третьей линии были выстроены опытные триарии.

Во внутреннем же построении каждой из линий прослеживались новшества. Для того чтобы пропустить энергию атакующих слонов мимо своих солдат, Сципион, отойдя от шахматной схемы построения легионов, выстроил их так, чтобы отдельные тактические единицы всех трех линий были выстроены одна за другой, чтобы между ними оставались свободные интервальные коридоры, в которые, по замыслу римлян, и должны были пойти боевые слоны.

Таким образом Сципион позаботился о безопасности своих легионеров и о сохранении пехотного боевого порядка, от стойкости которого и зависела свобода маневра римской кавалерии во время сражения. Актуальность и своевременность этих организационных приготовлений обуславливалась тем, что боевой порядок пехоты был так называемой точкой опоры, вокруг которой должен был формироваться весь рисунок сражения, поэтому было важно сохранить стройность и нерушимость пехотного строя до момента начала основной части сражения.

Вдобавок к измененной схеме построения линии пехоты

перед боем Сципион приказал увеличить номинальный вес отдельных тактических единиц на поле боя через объединение каждых трех манипул в одну когорту, которая получила свою тактическую самостоятельность в римском легионе.

Нумидийские пехотинцы в количестве 6 тыс. нашли свое место в тылу всего римского боевого порядка, прикрывая римлян от удара с тыла и образуя собой некий резерв сил, с помощью которого можно было усилить любое направление римлян, чего не могли себе позволить карфагеняне.

Итак, все было готово к началу активной фазы противостояния в сражении при Заме.

Сражение началось не активностью легкой пехоты, которой не было у римлян и наличие которой не подразумевалось в рядах карфагенского войска, где первую линию занимали боевые слоны, а кавалерийской сшибкой. В результате иницирующей кавалерийской активности римская конница предсказуемо опрокинула карфагенскую кавалерию и бросилась в преследование отступающих всадников, в результате чего на время кавалерия обеих сторон была исключена из рисунка боя.

После этого Ганнибал двинул вперед боевых слонов, атака которых также не принесла успеха пунийцам. Во время атаки часть слонов ушла вправо, а другая часть, как и ожидал Сципион, ринулась в свободные коридоры, пройдя римские боевые порядки, не принеся никакого ущерба легионерам и не нарушив их боевого порядка.

Теперь наступало время прямых действий пехоты.

Первые два акта сражения были полностью провальными для Ганнибала. Его всадники, преследуемые противником, покинули границы поля тактического противостояния, атака карфагенских слонов, попав в пассивную ловушку, подготовленную Сципионом, также не принесла Баркиду того результата, на который он рассчитывал. На таком фоне в дело вступала карфагенская пехота, ей предстояло сразиться с римскими легионерами, чьи боевые порядки по-прежнему оставались целы и стройны.

В начавшемся рукопашном бою молодые римские гастаты очень быстро опрокинули первую линию пехоты Карфагена, солдаты которой были вмяты во вторую линию пунийцев. С этого момента карфагенские пехотинцы первых двух линий с полностью нарушенным боевым порядком лишились какой-либо возможности организованно противостоять натиску стройных рядов римских легионеров.

В результате карфагенские пехотинцы второй линии, вступив в бой в довольно дезорганизованном состоянии, начали пятиться назад, занимая то пространство, которое Ганнибал оставлял перед своей гвардией, стараясь обеспечить ей большую свободу маневра в бою.

Отойдя вглубь своего боевого порядка, пехотинцы карфагенского войска прижались к линии ветеранов Ганнибала, создав для Баркида крайне сложную общую тактическую обстановку, которая грозила пунийцам катастрофой уже в дан-

ный момент сражения.

Но Ганнибал проявил незаурядные способности великого полководца своего времени. Быстро сориентировавшись на местности, он принял единственно правильное решение, которое, если бы не своевременный возврат римской конницы, могло привести как минимум к ничейному исходу битвы, а как максимум – к тяжелому поражению римлян.

Разделив третью линию пехоты на две равные части, Ганнибал вывел свою гвардию из-под общего навала на фланги. Таким образом карфагенский полководец, перестроив свой боевой порядок во время идущего сражения, успешно сформировал из опытных ветеранов две мощные тактические единицы с великолепной возможностью маневра на поле боя.

В свою очередь Сципион, быстро почуяв опасность, которая могла грозить его легионам в резко меняющейся тактической обстановке, также принял своевременное и не менее гениальное, чем действие Ганнибала, решение перестроить боевой порядок своей пехоты.

В условиях отсутствия флангового прикрытия и надвигающейся угрозы осуществления фланговых охватов гвардейцами Ганнибала римский пропретор вывел своих принципов и триариев на левый и правый фланги линии гастатов. Таким образом Сципион своим незамедлительным откликом на действия Ганнибала своевременно восстановил тактический паритет в боевом построении между войском пуний-

цев и римлян еще до того, как противоборствующие стороны приступили к активным действиям, фиксируя таким образом переход в новую фазу сражения.

Теперь сражение вступало во вторую фазу своего развития, в которой боевые порядки противоборствующих сторон были выстроены в новом симметричном порядке с обоюдно равной линией фронта.

После гениальной рокировки сил противников сражение разгорелось с новой силой, а на поле боя вернулась римская кавалерия, действия которой полностью изменили расклад сил в пользу Рима. Римская конница немедля, правильно сориентировавшись в обстановке, атаковала с тыла самую боеспособную часть сил Ганнибала. В результате кавалерийской атаки римлянам удалось уничтожить лучшую часть карфагенского войска, что, собственно говоря, и решило исход сражения.

Ганнибалу с небольшим отрядом всадников все же удалось уйти в район Гадрумета в Бизации, где до этого стояла его армия. На поле боя остались лежать около 20 тыс. воинов Карфагена, столько же были взяты римлянами в плен. В свою очередь Сципион потерял не более 2 тыс. своих воинов.

Общий ход сражения при Заме, его конечный результат и разница в потерях красноречиво говорят о безоговорочной победе римского пропретора Сципиона над прославленным карфагенским полководцем Ганнибалом.

Это сражение поставило окончательную точку во Второй

Пунической войне, а Рим с подачи пропретора Сципиона заключил в 201 году до н. э. новый мирный договор с Карфагеном на более выгодных для себя условиях, чем это было в 203 году до н. э.

При сравнении сражений при Заме и Каннах на первый взгляд может показаться, что Сципион не дотягивает до уровня Ганнибала. И в первую очередь об этом свидетельствует тот факт, что, в отличие от Канн, где силы победивших карфагенян значительно уступали римлянам по численности, чем в битве при Заме, силы противоборствующих сторон по количественному показателю были примерно равны, а качественный показатель явно свидетельствует в пользу перевеса сил римлян над карфагенянами. Но так кажется лишь на первый взгляд и с высоты масштаба тактического уровня.

Но что же покажет стратегический диапазон?

Сципион, придя в Африку с 35 тыс. легионеров, не имел в своем корпусе качественной кавалерийской составляющей. На тот момент силы Карфагена превосходили заморскую армию Сципиона по количественному и качественному показателям, ведь на стороне Карфагена тогда находилась превосходная нумидийская конница.

Но уже ко времени сражения при Заме Сципион, действуя на удалении от Рима и во враждебной для себя среде, подошел с паритетом по количественному показателю сравнения сил и с превосходством по качественному показателю. Это, скорее, характеризует римского пропретора как гениального

стратега, хорошо чувствовавшего приоритетность в прямой и непрямой области действий при достижении главной цели кампании – выгоды.

Поэтому заморская кампания Сципиона, наивысшей точкой кинетической активности которой стала битва при Заме, четко зафиксировала гениальность римского полководца, проявленную на всех уровнях (тактическом, оперативном, стратегическом) военного искусства.

Сама же Африканская кампания 204–202 годов до н. э., ставшая победоносной для Рима, явилась примером одной из самых блестящих военных побед, когда-либо одержанных экспедиционными силами, в истории военного искусства.

Успех Сципиона Африканского будет повторен византийским военачальником Велизарием, который за период лета 533 – весны 534 годов отвоевал у вандалов и аланов территорию Северной Африки и вернул ранее утраченную провинцию Древнего Рима в лоно греко-римской цивилизации.

Далее – о Ганнибале и его ошибке, которая привела его к поражению.

Во-первых, общая стратегическая обстановка в рамках Африканского театра военных действий, сложившаяся не в пользу Карфагена, не является упущением Ганнибала. За упущения на стратегическом уровне несет полную ответственность Карфаген как место сосредоточения законодательной и исполнительной власти пунийцев. Кроме того, ситуация, в которой армия Карфагена лишилась конницы сво-

их союзников – нумидийцев, сложилась еще до того, как Ганнибал приступил к активным действиям на Африканском континенте.

По возвращении домой, Баркид приложил максимум усилий, чтобы исправить ситуацию с союзниками, в результате чего ему удалось вернуть на свою сторону около 3 тыс. нумидийских всадников. Но в общем плане эта непрямая активность полностью не устранила недостатка пунийцев в коннице и не уменьшила кавалерийского ресурса противоположной стороны.

Но все же Ганнибалу удалось сконцентрировать в своей вотчине силы, равные по численности римским, да и успешный опыт приведения своих солдат к необходимому уровню боевой способности в рамках проведения военной кампании у Баркида имелся.

Поэтому в условиях спровоцированной боевой активности самим Ганнибалом к сражению при Заме, карфагеняне, по оценке самого пунийского полководца, выходили в удовлетворительных количественно-качественных условиях. И далее наступало время, чтобы Ганнибал, как полководец, переиграл Сципиона на поле боя.

Результат противостояния известен.

Чтобы понять, где и когда Ганнибал совершил тактическую ошибку, нужно определить, был ли у него победный вариант развития событий на поле боя, для чего следует уйти в область анализа, моделирования и прогноза.

Начнем с оценки боевого построения карфагенских сил в соотношении с боевым порядком, принятым римским пропретором Сципионом, и, естественно, с оглядкой на Канны.

Если в боевом построении 216 года до н. э. Ганнибал построил свою армию с учетом сильных и слабых сторон не только своих сил, но и характера построения армии противника и, что самое главное, в соответствии с замыслом боя, то в начальном боевом построении карфагенского войска в битве при Заме четко прослеживается регресс военной мысли прославленного полководца.

Зная тот факт, что силы Карфагена утратили преимущество в коннице, которое им до этого обеспечивали нумидийцы, Ганнибал не предпринял никаких тактических уловок, чтобы вывести хотя бы часть римской конницы из боя и желательнее еще до того, как настанет час атаки всадников.

Кроме того, что касается пехоты, то реальный ход сражения при Заме показал превосходство римских легионеров над карфагенскими пехотинцами. С началом активности пехоты даже молодые римские гастаты смяли сразу две линии карфагенян, в которых стояли наемники и ранее на вербованные Гасдрубалом воины Карфагена. Видно, что Ганнибал, как инициатор активного противостояния, недооценил военного потенциала римлян, что не позволило ему выработать как эффективный замысел боя, так и соответствующую схему боевого построения.

Ведь если оценивать потенциал противника, становится

ясно, что пунийцам в первую очередь нужно было нивелировать преимущество римлян в кавалерии. Во вторую очередь нужно было сделать так, чтобы, при практически равном соотношении пехоты противоборствующих сторон в процессе динамики развития боя были созданы благоприятные условия для того, чтобы ветераны Ганнибала получили возможность проявить свои лучшие боевые качества в противостоянии с римскими легионерами.

У Ганнибала было 80 слонов, и, наверное, лучшим вариантом было бы использование кинетической энергии этих гигантов против кавалерии Сципиона. Начав сражение с атаки слонов на римские фланги, Ганнибал легко как минимум дезорганизовал бы кавалерию противника, чем на время вывел бы ее из боя или создал благоприятные условия для атаки на римскую конницу вторым темпом, но уже силами собственной кавалерии.

Далее, не теряя общего темпа сражения, для Ганнибала открывалось окно для успешного ввода в бой своей пехоты.

Здесь уместно задать вопрос: почему опытный карфагенский полководец не использовал победный опыт Канн, ведь римляне, так же как и пунийцы, использовали классическую схему боевого построения пехоты за исключением укрупнения отдельных тактических единиц (три манипулы в одну когорту) и ухода от шахматного порядка расположения когорт в строю? Классическая трехлинейная схема боевого построения с равномерным распределением удельного веса пе-

хоты по фронту была, скорее, минусом для римлян при рассматриваемом сценарии развития сражения.

В такой ситуации Ганнибалу нужно было предусмотрительно уйти от линейности построения своей пехоты в пользу искривленной геометрии, значительно усилив фланги пехоты фиванскими эмбалонами. Сила таких мощных тактических единиц стала бы решающим фактором на поле боя при их воздействии на уязвимые точки приложения силы в римском боевом порядке в решающий момент сражения.

Необходимость такой схемы построения пехоты обуславливалась в первую очередь преимуществом римлян в кавалерии, действия которой с большой вероятностью могли бы привести к оголению флангов карфагенской пехоты и необходимости проведения оборонительных мероприятий карфагенской пехоты. Помимо того, что боевая устойчивость эмбалонов позволяла им эффективно противостоять атакам конницы в оборонительных действиях, он был крайне эффективен в комплексе с классическим построением части пехоты при наступательных действиях против линейного построения сил противника с равномерным распределением его силы в пехотном бою.

При осознанном ослаблении своего центра Ганнибал добился бы того, что в разгар сражения римские легионеры «провалились» бы во внутреннее пространство боевого порядка карфагенян, подставив под удар гвардейцев Ганнибала, выстроенных в эмбалоны на своих флангах – самые уяз-

вимые места римских легионов (фланги и тыл).

Итак, при условии выведения из игры, хотя бы на время, римо-нумидийской конницы, Ганнибал мог получить необходимые время и место для того, чтобы при использовании принципа асимметрии полностью деклассировать линейную тактику ведения рукопашного боя, использованную тогда легионами Сципиона.

Но это все из области анализа, моделирования и прогноза, а в реальности в битве при Заме римский пропретор Сципион одержал блестящую победу над прославленным Ганнибалом. И залогом победы Рима была предварительная прямая и непрямая активность, которую Сципион успешно провел в подготовительной фазе к решающему сражению в рамках инициированного Ганнибалом нового противостояния Рима и Карфагена в 202 году до н. э.

В битве при Заме было все, что могло бы лечь в основу сложносочиненного сценария многоходовой операции: и драматизм, казалось бы, безысходного положения, и паритетность динамического равновесия, и дающие надежду на победу гениальные озарения полководцев, но только происходило это все в сжатых временных рамках одного сражения.

Произошел целый набор событий, наполненных действиями прямого и непрямого характера, которые несколько раз коренным образом меняли общую обстановку на поле боя, а чаши весов военного счастья попеременно склонялись то на сторону Карфагена, то на сторону Рима. Но в конечном

итоге победная чаша склонилась на сторону того, кто заблаговременно в радиусе стратегического и оперативного полей подготовил условия для своего тактического успеха.

По результату завязки сражения несмотря на то, что римская конница опрокинула конницу Карфагена, силы противоборствующих сторон, оставшиеся на поле боя, переходили в следующее действие в тактической обстановке, которая, скорее, была на руку Ганнибалу. Ведь изначально силы пунийцев сильно проигрывали римлянам по части кавалерии, но после того, как в результате активных действий завязки сражения кавалерия обеих сторон оказалась вне тактического поля противоборства, сложилась ситуация, в которой оба полководца получили равные шансы на победу.

Другими словами, противоборствующие стороны входили в кульминационную часть сражения в условиях утраты Сципионом своего главного преимущества над войском противника. А Ганнибал, наоборот, получил время и место на то, чтобы при помощи боевой активности как минимум заставить противника отказаться от своих намерений, а как максимум разбить римские легионы еще до того, как на поле боя вернулась бы римская кавалерия.

Но именно в этот момент Ганнибала ждало сильное разочарование. Карфагенская пехота проявила неспособность на равных тягаться с римскими легионерами в условиях противоборства с равнозначными схемами боевого построения.

Сначала атака слонов, которая должна была создать бла-

гоприятные условия для последующей пехотной атаки, совсем не принесла ожидаемого результата Ганнибалу, и карфагенской пехоте пришлось вступить в бой с противником, чей боевой порядок не претерпел никаких нарушений от атаки слонов.

В завязавшемся рукопашном бою проявилось тотальное превосходство римского пехотного строя, в основе которого была трехманипульная когорта, над карфагенским строем. Здесь даже самая малоопытная часть римских легионеров – гастатов сумела смять сразу две линии карфагенских пехотинцев, в которых держали оружие карфагенские наемники и пехотинцы, недавно набранные Гасдрубалом.

В этот самый момент, когда сражение грозило обернуться катастрофой для карфагенян в связи с нависшей прямой угрозой самой опытной части их пехоты – ветеранов, карфагенский полководец совершил гениальный тактический ход, который полностью поменял тактическую обстановку на поле боя.

Ганнибал, разделив своих гвардейцев на две равные части, вывел их из-под удара, выстроив опытных воинов в новом строю на флангах. Так появилось новое боевое построение карфагенян, в котором были сформированы мощные фланги с относительно слабым центром.

Этим маневром Ганнибал создал тактические условия для того, чтобы заключить пехоту противника при ее дальнейшей инерции в тактический мешок с ответным выходом са-

мой боеспособной части своей пехоты (ветеранов) во фланги и тыл римлян.

Но в текущей динамике развития боя новая схема построения карфагенской пехоты подразумевала только оборонительный характер действий, потому как дезорганизованные первые две линии никак не могли перейти в контратаку.

Помимо этого, сражение при Каннах четко зафиксировало правило для использования такой схемы боевого построения, суть которого сводится к тому, что асимметрическое распределение силы со слабым центром и искривленной линией фронта – с выпуклой частью в сторону противника – наиболее эффективна при оборонительном характере действий пехоты.

В случае преднамеренной отдачи противнику определенной глубины центра своего боевого порядка гарантией наименьшего ущерба для своей пехоты с фиксацией требуемой конфигурации рисунка боя является соблюдение условия, при котором большая наступательная активность принадлежит пехоте противника при менее активном отклике центра своей пехоты.

Благодаря максимальному сохранению стройности боевого порядка центра пехоты, воины которого, принимая инерцию противника на себя, вовлекают оппонентов внутрь тактической глубины своего боевого порядка, обеспечивается успешный переход к контратакующим действиям против попавшего в «тактические клещи» противника.

А далее действия пехоты тактически отступившего центра вместе с сильными флангами, которые из арьергардного положения перешли в авангардное, начинают комплексную контратаку. На этом этапе боя решающую функцию в контр-наступлении выполняют фланги, благодаря их возможности мощно воздействовать на уязвимые фланги и тыл противника при поддерживающей функции своего центра, воины которого, держа крышку «котла», не дают противнику вырваться из ловушки на своем (фронтальном) направлении.

Есть еще одна опция развития событий в данном ключе, пример которой был продемонстрирован в 371 году до н. э. в сражении между фиванцами и спартанцами, произошедшем у города Левктры, недалеко от Фив. В этом греческом противостоянии фиванский полководец Эпаминонд впервые прибегнул к асимметрии в построении своего войска и в применении силы на поле боя, что принесло ему победу над царем Спарты Клеомбротом при численном превосходстве вторгшегося противника.

В противовес классической фаланге спартанцев фиванский полководец сформировал количественно-качественный перевес своих сил на левом фланге боевого порядка в виде новой отдельной тактической единицы, получившей название фиванского эмбалона, к которому примыкала другая часть фиванской пехоты, выстроенной в классическом строе греческих гоплитов.

Таким образом Эпаминонд сконцентрировал критиче-

скую массу своей силы на выбранном им направлении главного удара, после чего фиванцы стали ожидать благоприятного момента для действий. Но спартанцы упорно не хотели давать Эпаминонду шанс на проведение боя в соответствии с выработанным ими замыслом и подготовленными условиями, не решаясь атаковать фиванцев первыми.

Тогда Эпаминонд, видя, что действия от обороны ему не светят, решил первым активизироваться, но таким образом, чтобы сначала непрямыми действиями вынудить спартанцев нарушить свой боевой порядок и уже потом приступить к основной части боя. Своими обманными действиями, в которых одну из главных ролей сыграла конница, фиванцы сначала дезорганизовали строй спартанцев, после чего успешно атаковали фалангу противника, нанеся серьезный ущерб спартанским гоплитам на выбранном направлении.

Показным рассредоточением своих сил Эпаминонд вынудил нерешительного в тот день спартанского царя Клеомброта ответным откликом рассредоточить свои силы, после чего фиванцы, используя преимущество в инициативе и сосредоточив свои силы, первыми атаковали расстроенные боевые порядки спартанцев.

Такая последовательность действий фиванцев является примером применения силы в соответствии с тактической формулой, согласно которой победа достигается через симметричный отклик противника на твое сосредоточение или рассредоточение сил, то есть посредством последователь-

ной цепочки действий *мое сосредоточение – сосредоточение противника – мое рассредоточение – рассредоточение противника – мое сосредоточение и удар* по еще не успевшему сосредоточиться противнику.

Таким образом Эпаминонд, правильно определив точку приложения силы и успешно осуществив свой замысел, сумел уничтожить самую боеспособную часть войска спартанцев и убить в бою царя Клеомброта. В результате спартанцы после понесенного поражения при Левктрах были вынуждены отказаться от своих намерений, запросив мир у Фив. Действуя «не по правилам», с точки зрения спартанцев, фиванский полководец Эпаминонд открыл для военной науки новое направление в теории и практике организации и применения военной силы, а именно асимметрию.

Фиванцы на практике показали, что атаковать асимметричным строем можно, но при этом на поле тактического уровня должны быть сформированы соответствующие условия, при которых заблаговременно, еще до начала кульминации сражения будут нарушены замысел и боевой порядок противника.

К вышеуказанному варианту действий также можно отнести еще и вариант имитации наступления с последующим мнимым отступлением центра линии пехоты с целью вовлечения противника, увлекшегося контратакой, в тактический мешок. Но это, в отличие от аналогичного тактического маневра, успешно применяемого конницей, является крайне

сложным и уязвимым действием, требующим определенной тактической обстановки и высокой степени мастерства и слаженности от исполнителей, что и обуславливает крайне высокую степень вероятности полного провала данного мероприятия без возможности возврата к нулевой диспозиции ввиду малой маневренности пехотного строя.

Но, по всей видимости, всеми этими знаниями, к несчастью для Ганнибала, обладал Сципион, и в день сражения при Заме у римского полководца были совсем другие планы на вечер. Римский пропретор совсем не спешили развивать первоначальный успех своих легионеров в динамично изменяющихся условиях развития сражения. Сципион сумел вовремя разгадать замысел Ганнибала и принял действенные контрмеры. Сначала римский военачальник остановил продвижение легионеров, после чего быстро реорганизовал схему боевого построения своих сил в соответствии с новой тактической обстановкой. Римский пропретор вывел принципов и триариев на фланги собственного боевого порядка, построив их напротив ветеранов Ганнибала, а свой центр доверил молодым, но уже доказавшим на деле свою воинскую доблесть, гастатам.

В условиях качественного превосходства всех трех классов римской пехоты (гастатов, принципов, триариев) над карфагенскими пехотинцами складывалась ситуация, в которой полностью нивелировались все реорганизационные усилия Ганнибала в рамках проходящего сражения.

Пропретор сделал так, чтобы навязываемая Ганнибалом асимметричная схема применения силы в рамках единого тактического пространства потеряла свои признаки, перестроившись в симметричный характер противостояния двух сил, в котором уже на первое место в достижении победы выходил фактор качественного превосходства воинов на поле боя как в индивидуальном, так и в коллективном порядке.

С помощью такого организационного контрманевра Сципион еще до возобновления активных действий полностью разрушил замысел Ганнибала на бой, чем значительно увеличил свои шансы на победу. Этим маневром Сципион на деле доказал, что уровень его тактической подготовки ничем не уступал уровню Ганнибала, что вывело римского полководца в разряд лучших тактиков в истории мирового военного искусства.

Итак, сражение вспыхнуло с новой силой, динамика развития боя в котором формировала уже совершенно новый его рисунок. С этого момента наступила новая фаза сражения, а значит, наивысшей точкой кульминации сражения следует определить момент перегруппировки сил противостоящих сторон, который стал переходной точкой к началу второй фазы сражения при Заме.

Но и в этой ситуации Ганнибал еще имел какую-то надежду на благоприятный для его сил исход сражения. Однако первые две атаки, проведенные пунийцами после обоюдно-

го ухода конницы с поля боя, не имели успеха и съели весь его временной ресурс для использования возможности разрешения противостояния в свою пользу при равном соотношении сил пехоты.

Так Ганнибал упустил предоставленный ему шанс, после того как пунийцам улыбнулась военная удача в завязке сражения, и римско-нумидийская конница вышла из боя. Карфагенский полководец терял дарованное ему время и не использовал крайне благоприятную обстановку, сложившуюся на поле боя, для проведения решительных победных действий своей пехотой. А игравший на руку римлянам фактор времени скоро принес им желаемый результат в сражении при Заме. Развязка наступила в момент возвращения римско-нумидийской конницы на поле боя. Римская кавалерия, сходу атаковав карфагенян с тыла, полностью уничтожила лучшую часть армии Ганнибала, что, собственно, и решило исход битвы.

Успешные действия римской кавалерии в завязке сражения, своевременное возвращение всадников во второй половине кульминации противоборства и ее успешная кинетика, приведшая к развязке сражения в пользу Рима, подтвердили статус конницы как силы решающего действия (маневра, удара). Также действия римско-нумидийской конницы на деле доказали правильность и эффективность непрямых мероприятий, проведенных Сципионом в рамках подготовительного периода к прямому противоборству с Ганнибалом. За-

благовременная подготовка к генеральному сражению, наряду с успешной тактикой ведения боя, явилась залогом победы римлян в битве при Заме.

И как тут не вспомнить постулаты китайского теоретика военной мысли Сунь-цзы, который в своем труде «Искусство войны» несколько раз четко зафиксировал их суть:

«Кто – еще до сражения – побеждает предварительным планированием, у того шансов много; кто – еще до сражения – не побеждает планированием, у того шансов мало. У кого шансов много – побеждает; у кого шансов мало – не побеждает; тем более же тот, у кого шансов нет совсем».

«... самая лучшая война – разбить замыслы врага; затем – разбить его союзы; затем – разбить его войска. Самое худшее – штурм (атака) крепости».

«В любом сражении контактируют с врагом правильным боем, а побеждают маневром».

Физика процессов африканского противостояния Рима и Карфагена в 202 году до н. э., в котором сошлись две силы с лидерами, представляющими собой воплощение наивысшего уровня военного искусства своего времени, и конечным его (противостояния) результатом, возвели Сципиона, победившего гениального Ганнибала, в ранг лучших военных стратегов, как обладающего превосходной степенью оперативного искусства, ясно понимающего взаимосвязь и приоритетность кинетической и некинетической активности в проведении военной кампании.

В общем итоге исторического противостояния Рима и Карфагена во Второй Пунической войне после сражения при Заме мир был заключен в 201 году до н. э. на тяжелых для Карфагена условиях, чем была на время подорвана его военно-экономическая мощь.

Далее началась пятидесятилетняя фаза так называемого динамического равновесия, которая предвляла Третью Пуническую войну, проходившую с 149 по 146 годы до н. э., и которая закончилась физическим уничтожением Карфагена.

В первые десятилетия II века до н. э. Ганнибал еще предпринимал усилия по организации большой антиримской коалиции, но усилиями политики и армии Рима вся его деятельность была сведена на нет, а в 183 году до н. э., чтобы не быть выданным Риму, Ганнибал принял яд. Триумфатор битвы при Заме и победитель Ганнибала Сципион Африканский ушел в мир иной вслед за знаменитым карфагенским военачальником в том же году.

А с середины II века до н. э. с восстановлением Карфагеном своего экономического положения пришло время знаменитой фразы: *«Впрочем, я думаю, что Карфаген надо разрушить»*, которую повторял один из сенаторов Рима каждый раз, выступая в сенате.

Третья Пуническая война (закономерный итог)

В конце концов Рим в 149 году до н. э. начал Третью Пуническую войну, которая с разрушением до основания Карфагена после двухлетней его осады римской армией поставила точку в споре Рима и Карфагена.

Наверное, главная мысль, которую следует вынести из обзора Пунических войн – это жизненная необходимость жесткой корреляции между кинетикой действий армии на суше, воде (с XX века – в воздушном и космическом пространстве) и так называемой некинетической активностью политико-дипломатического корпуса в плоскости политико-социального измерения. А с развитием информационных технологий к некинетическому блоку активности добавится и психолого-идеологическое измерение.

Очевидно, что к поражению Карфагена в войне привел дисбаланс и несогласованность активности армии и политико-экономической элиты страны, когда очевидные военные победы Ганнибала в Италии над армиями Рима не были конвертированы в конечную стратегическую победу посредством навязывания проигравшей стороне своей политической воли или же принятия политического решения на захват Рима.

К физическому уничтожению Карфагена привела не от-

сталость его военной школы, а стратегическая ошибка, которая была совершенна пунийцами в августе 216 года до н. э.

В тот момент военная мощь римлян была уничтожена на ближнем радиусе от Рима, а сам Вечный город оказался в слишком уязвимом положении перед силами Ганнибала, и Карфагену нужно было сделать последний шаг, для того чтобы довести военную кампанию до логического завершения. Но пунийцами было принято решение на отказ от прямого силового давления на Рим в пользу отрыва от него административных единиц Италии.

Решение пунийцев поиграть вдолгую в условиях отрыва экспедиционных сил Ганнибала от метрополии стало роковой ошибкой для Карфагена, ответственность за которую несет, в первую очередь, как сам Ганнибал, так и государственные органы власти Карфагена, которым полководец был подотчетен и которые контролировали его деятельность через своих представителей, находившихся тогда в ставке.

В свою очередь Римская республика даже в условиях оккупации своей территории и чреды крупных военных поражений с физическим уничтожением целых римских армий сумела по полной воспользоваться подарком пунийцев.

Римляне, благодаря своим непрямым действиям, смогли создать условия для возрождения своей армии, подготовить благоприятную среду для начала успешной кинетической активности с параллельным проведением некинетических мероприятий, согласованных между собой по месту и време-

ни, для достижения конечного результата, что и позволило в конечном итоге римской армии физически уничтожить Карфаген.

Римляне последовательно вели политику на физическое уничтожение своего конкурента на Средиземноморье, не оставляя Карфагену ни единого шанса на возможность вырваться из военно-политической хватки римлян.

Вообще, человечество больше бы выиграло, если бы уже тогда, во время древней античности мировые державы не воювали между собой до полного истребления, а договорились бы о создании многополярного миропорядка, в условиях существования которого каждый полюс уравновешивал бы активность другого и являлся неким страховым банком данных накопленного человечеством опыта в случае коллапса в одном из центров мировой культуры.

Но это лирика гуманизма, а проза реальности мировой истории диктовала совсем другой ход событий, более суровый и разрушительный для человечества.

Следует еще добавить, что перед Третьей Пунической войной в так называемых Македонских войнах (первая Македонская война 215–205 годов до н. э., вторая Македонская война 200–197 годов до н. э., третья Македонская война 171–168 годов до н. э.) Рим полностью решил македонский вопрос, а в боях при Киноскефалах в 197 году до н. э. и при Пидне в 168 году до н. э. римская военная школа, основанная на тактике использования линии манипул, окончательно

взяла верх в споре с тактикой действий классической македонской (греческой) фалангой.

Итак, в середине II века до н. э. с окончанием Пунических и Македонских войн в системе координат классической военной школы античности произошло смещение акцентов использования пехоты в пользу расчленения строя линии пехоты на тактические единицы и жесткой корреляции действий пехоты и регулярной кавалерии на поле боя.

С 202 года до н. э. произошли организационные изменения в структуре построения римской пехоты. Для увеличения номинальной боевой мощи первичной тактической единицы произошло ее укрупнение через объединение трех манипул в единое тактическое подразделение под названием когорты.

С появлением линии манипул/когорты на поле боя тактика применения пехоты стала более гибкой, что позволило римлянам задействовать против оппонентов большее количество тактических схем и приемов применения войска. Римская пехота, поделенная на тактические единицы, взаимодействуя друг с другом, с флангами регулярной конницы и со вспомогательными силами, имела большую скорость маневра и, естественно, тратила значительно меньше времени для кинетического отклика на изменения тактической обстановки на поле боя.

Так закрепились эпоха гегемонии римских легионов на полях сражений, которая началась в V веке до н. э. с последу-

ющими военными реформами IV века до н. э. (проведенной Камиллом), реорганизацией римской армии в первой половине III века до н. э., военной реформой Мария конца II века до н. э.

Военная школа Римской республики стала достойной продолжательницей наследия военной организации Древней Греции.

Далее начинался процесс гегемонизации Рима на просторах Эллинистического мира и за его пределами с сопутствующим обострением внутривосточной борьбы, переходившей в стадии гражданских войн и восстаний, происходивших непосредственно на территории Апеннинского полуострова, и накладываемой на них (внутренние конфликты) всей сложности взаимоотношений между метрополией и ее внешними провинциями и другими зависимыми территориями.

В этот исторический период даже гражданские и повстанческие войны на территории Римской империи характеризовались тем, что каждой из сторон использовалась одна и та же модель военной организации. Восставшая сторона, несмотря на то что не имела признаков государственности, первым делом строила свои силы по образу и подобию римской армии, полностью интегрируясь таким образом в устоявшуюся и признанную систему координат ведения вооруженной борьбы того времени на общих правилах.

Наиболее интересным явлением на просторах Римской

империи после окончания Пунических войн, с точки зрения развития военного искусства, явилось зарождение системы координат противостояния *восстание – контрвосстание*.

Эта система противостояния характеризуется сложностью внутренних и внешних взаимоотношений между представителями противоборствующих лагерей и природной интеграцией в данный конфликт третьей стороны конфликта – гражданского населения.

Большая Игра и Спартак (восстание – контрвосстание)

Самым масштабным по размаху кинетических действий, плотностью событий и по степени влияния, которое повстанчество оказало на внутреннее устройство Римской империи, было восстание римских рабов под предводительством Спартака.

Непосредственно восстание рабов 74–72 годов до н. э. представляет интерес для исследования еще и своей тесной корреляцией с теми военно-политическими событиями, которые предшествовали восстанию Спартака и сопутствовали ему по ходу его развития, происходившими как внутри самой метрополии, так и за ее пределами.

Изменения в политико-социальном измерении (оптиматы и популяры)

Все началось с появления в 20-х годах II века до н. э. на политической сцене Рима двух течений, известных под названием *оптиматов* и *популяров*. В то время давно уже остро стоял вопрос о расширении социальной базы республики через проведение аграрной реформы и включение италиков в состав римской общины. Именно разность подходов к разрешению насущной социальной проблемы и легла в основу кризисных явлений на Апеннинском полуострове. Сначала это были вооруженные столкновения между сторонниками оптиматов и популяров, которые уже в начале I века до н. э. очень быстро переросли в полномасштабные гражданские конфликты с сопутствующими им восстаниями.

Римское рабовладельческое общество II–I веков до н. э. не было однородным, а представляло собой сплетение различных социальных классов и групп. Первым и самым главным разделением республиканского социума было разделение на свободных и рабов.

В результате успешно проводимых войн Римская республика постоянно пополнялась большим количеством рабов. Естественно, что приводимые рабы, как бывшие граждане других государств, были представителями различных профессий и делились на сельских и городских. К городским

рабам относились различного рода ремесленники – производители материальных благ, сельские рабы были представлены земледельцами и пастухами-скотоводами. Была еще и третья группа рабов – гладиаторы, невольные военные профессионалы.

Рабский труд, эксплуатируемый классом рабовладельцев, включающим в себя крупных землевладельцев, коммерсантов, владельцев мастерских и кораблей – нобилитет и всадники, становился в Римской республике основой производства, к тому же не требовал оплаты.

Складывающееся положение дел отрицательно сказывалось на благосостоянии и социальном статусе другой социальной группы – класса свободного населения рабовладельческой республики, который формировался представителями мелких производителей, землевладельцев и торговцев, что жили трудом собственных рук и наемной рабочей силы – так называемый плебс.

Положение свободных граждан Римской республики, не являющихся рабовладельцами, постоянно ухудшалось, вследствие чего класс рабовладельцев заимел еще одних классовых противников из числа свободных граждан. Так складывалась благоприятная социально-политическая обстановка для формирования некоего союза между определенной частью свободных граждан республики и всеми категориями италийских рабов.

Формирование и развитие классовых противоречий сре-

ди свободного населения республики в конце II и в начале I веков до н. э. подготавливало благоприятную социальную среду для грядущих гражданских конфликтов и восстаний в Римской республике.

Социальные потрясения в Риме и войны на периферии конца II века до н. э. способствовали началу процесса очередной реорганизации римской армии, который был осуществлен в 107 году до н. э. консулом Гаем Марием.

Изменения в военном измерении (реформа Мария)

В первую очередь, в соответствии с социальными изменениями была заменена система комплектования римской армии, набор в которую теперь проводился через добровольную вербовку на военную службу обедневших свободных граждан с вооружением и обеспечением за счет государства. Таким образом в Римской республике произошел переход от милиционной системы комплектования к постоянному войску, организованному на профессиональной основе.

Прямым следствием перехода армии на профессиональную основу явилось упразднение в римском легионе подразделения тяжелых пехотинцев по качественному показателю на гастатов, принципов и триариев. Из схемы боевого порядка были убраны велиты (легкая пехота), кавалерия утратила статус отдельного рода войск и стала существовать как составная часть легиона. Марием была закреплена новая схема боевого построения легиона, в которой основной тактической единицей стала когорта, появившаяся через объединение трех манипул. Уменьшалась и глубина построения легиона, пехотинцы которого теперь строились в две линии когорт по пять в каждой. Все изменения в организации римского легиона свидетельствуют в пользу выбора наступательной тактики боя на основе быстрой и решительной атаки как

единственной приемлемой для римской армии тактики действий на поле боя.

Обратной стороной выбора реорганизации легиона в пользу проведения наступательного боя стало заметное ослабление устойчивости легиона в оборонительном бою за счет уменьшения глубины построения. К ухудшению маневренных качеств и гибкости боевого строя легионеров привело сильное укрупнение первичной тактической единицы и переход от манипулярного разделения к подразделению легиона на когорты, что значительно ограничивало военачальника в выборе применения тактических схем на поле боя. Упразднение легкой пехоты и лишение римской конницы статуса отдельного рода войск сильно ограничивало возможность командующего римской армией осуществлять подготовительные мероприятия перед началом решающих действий своими основными силами с целью подготовки благоприятных условий на поле боя для своих сил.

Таким образом, упрощение военной организации римской армии в конце II века до н. э. сильно напоминало ситуацию, сложившуюся в Эллинистическом мире после распада империи Александра Македонского. Так же, как и в конце IV – в начале III веков до н. э., на просторах Эллинистического мира победу Рима в противостоянии с Карфагеном обеспечило главенство римской военной школы в Средиземноморском пространстве. Установившаяся военная гегемония Римской республики позволила ей на правах «законода-

теля моды» перейти к использованию грубой военно-технической мощи своей армии вместо прогрессивного развития военной мысли в условиях тогдашней конвенциональности применения военной силы. В таких условиях Риму осталось ожидать момента появления некой военной силы, которая так же, как и когда-то сами римляне, выйдя за рамки установленной системы координат концепции применения силы и придя к новой форме и методам вооруженной борьбы, нанесет сокрушительное поражение уже самой римской армии.

А пока на Апеннинском полуострове эскалация гражданского противостояния на основе углубления классовых противоречий привела Рим к внутренней войне.

Гражданский конфликт и Большая Игра (завязка)

В 91 году до н. э. началась Союзническая война, еще известная под названием Марсийской войны, получившей свое название от племени Марсов, принимавшем активное участие в противостоянии Римского сената и италиков (италийские союзники Рима). В конечном итоге римские войска в 88 году до н. э. сломили сопротивление италиков, но Римский сенат вынужден был пойти на определенные уступки своим внутренним союзникам, даровав им гражданские права, что значительно усиливало позиции рабовладельческой демократии – популяров.

С окончанием Союзнической войны возобновилась внутривполитическая борьба в Риме между популярами и оптиматами, катализатором к обострению которой стали действия понтийского царя Митридата в Малой Азии. На пике внутреннего Римского противостояния в 89–88 годах до н. э. понтийский царь Митридат VI Евпатор захватил большую часть Малой Азии, после чего Греция перешла на сторону понтийского царя.

В борьбе за то, кто возглавит поход на Восток, победил римский консул – оптимат Луций Корнелий Сулла. Сначала в 88 году до н. э. Сулла со своими сторонниками взял Рим и укрепил власть нобилитета, после чего в 87 году до н. э.

отбыл в Малую Азию для борьбы с Митридатом. С убитием Суллы на Малоазийский театр военных действий власть оптиматов в Риме пошатнулась, и представители популяров – марианцы, возглавляемые Цинной, в 87 году до н. э. взяли власть в Риме, где правили до 83 года до н. э.

Успешные действия армии Суллы в так называемой первой Митридатовой войне позволили вернуть под контроль Рима территорию Малой Азии и Грецию и принудить Понтийского царя к подписанию мирного договора в 85 (84) году до н. э.

Военная победа Суллы над Митридатом резко подняла авторитет сулланцев в Риме, и уже в 83 году до н. э., возвратившись на территорию Италии в ранге победителя, Сулла в течение года одолел силы марианцев и стал бессрочным римским диктатором.

В первой Митридатовой войне в войске понтийского царя воевал еще тогда никому неизвестный фракийский воин по имени Спартак. В первый же год войны Спартак попал в плен, после чего был переправлен в Рим, где был продан в рабство, став простым пастухом на юге Италии.

В то время как сторонники партии популяров в 87 году до н. э. под руководством Мария и Цинны осаждали Рим, Спартак совершил побег из Латифундии, после чего его исторические следы теряются вплоть до 82 года до н. э. Учитывая прошлое Спартака – его дезертирство из римской армии в 100 году до н. э., участие в борьбе племени медов против

римлян, эмиграция с соратниками по антиримской борьбе в Понт, поступление на службу к царю Митридату и участие на его стороне в первой Митридатовой войне, с учетом положения дел в Италии и в Малой Азии можно предположить, что единственное место, где мог быть Спартак в период с 87 по 82 год до н. э., это возвращение к Митридату и участие во второй войне Митридата против Рима (83–82 годы до н. э.) или же участие в гражданской войне в Римской республике, которая началась с возвращением Суллы со своей армией в Италию в 83 году до н. э., сражаясь в рядах марианской армии. Косвенно о том, что Спартак принимал участие в вооруженной борьбе против Рима, говорит и тот факт, что в 82 году до н. э. будущий предводитель восстания приговором победителя в лице оптиматов был отдан в гладиаторы школы города Капуи в Кампании.

Таким образом, получается, что на момент заключения Спартака в школу гладиаторов за его плечами был уже богатый опыт борьбы против Рима то ли на стороне царя Митридата VI Евпатора, который возглавил антиримские движения в Малой Азии, то ли на стороне римской рабовладельческой демократии (популярнов) в борьбе Гая Мария против сил Луция Корнелия Суллы, представлявшего интересы оптиматов.

Выступая с 82 года до н. э. в амфитеатрах в качестве гладиатора мурмилона, Спартак, благодаря своим боевым и лидерским качествам, в 76 году до н. э. добился личной свобо-

ды и по каким-то причинам, не покидая школы гладиаторов, остался в ней в качестве наставника.

В свою очередь в середине 70-х годов I века до н. э. в Испании утвердился вождь рабовладельческой демократии Квинт Серторий, который возглавил восстание иберийских племен против власти Рима и вокруг личности которого стали группироваться марианцы, бежавшие в Испанию от диктатуры римского нобилитета. В Испании Серторий из местных племен сформировал боеспособную армию, военная организация которой соответствовала всем стандартам римской армии. Серторианцы очень скоро нанесли целый ряд чувствительных поражений силам римского нобилитета, а сам Серторий вступил в переговоры с понтийским царем Митридатом VI Евпатором.

На фоне возросшей военно-политической активности Сертория в Иберии в 76 году до н. э. прославленный гладиатор Спартак, выбрав свою свободу, приступил к активному формированию заговора гладиаторов в школе города Капуя, основу которого составили гладиаторы корпорации мурмилонов, главной целью которого было поднять восстание рабов против римских рабовладельцев.

Главными сподвижниками Спартака в школе Лентула Батиата были гладиаторы Крикс, Эномай и Ганник. Все трое имели опыт участия в войнах против Рима, в которых они командовали галлами и германцами, свободно говорили по-кельтски и по-германски, имели прекрасные лидерские ка-

чества, благодаря чему уже в школе гладиаторов завоевали большой авторитет. Эти гладиаторы вместе со Спартаксом за годы неволи не утратили духа свободы и авторитета своего военного прошлого.

После обретения Спартаксом свободы прославленный гладиатор стал вхож во многие знатные дома Римской республики, и вскоре из Капуи заговор распространился по провинциям республики. Первичные ячейки сторонников Спартака или тех, кто хотел с помощью гладиаторов добиться своих политических целей, появляются в Апулии, Лукании, Бруттии и в самом Риме.

В середине 75 года до н. э. понтийский царь Митридат приступил к активной подготовке к третьей войне против господства Рима в Малой Азии. Митридат через хорошо организованную сеть информаторов владел достоверной информацией о степени внутренних противоречий в политической жизни Рима и о гражданском конфликте в Римской республике, что давало ему хорошие шансы обрести союзника в лице Сертория, представлявшего римское демократическое крыло, находившееся в изгнании на территории Испании.

Наличие общего врага природно подталкивало друг к другу понтийского царя и серторианцев, а совместная успешная борьба против сулланского Рима обещала одним восстановление своих прав в Риме, а другим – возвращение своей власти над малоазийскими Пафлагонией, Вифинией и Каппадокией, контроль над которыми был утрачен по результатам

предыдущей войны с Римом.

Уже в конце 75 года до н. э. лидер римских популяров Квинт Серторий и понтийский царь Митридат VI Евпатор заключили между собой военно-политический союз, и вскоре в стане Митридата появился серторианский военно-политический блок, а в Испанию были отправлены 40 кораблей и 3 тысячи талантов для военных расходов.

В результате общих приготовлений к новой войне к 74 году до н. э. Митридату удалось серьезно реорганизовать свою армию по образу и подобию римской – надо полагать, не без помощи серторианского военно-политического крыла при его дворе.

Еще одним игроком Большой Игры, разыгрываемой в Средиземноморском регионе во второй половине 70-х годов I века до н.э., были морские пираты.

После того как в период с 79 по 75 год до н. э. экспедиция, возглавляемая римским проконсулом Публием Сервилием, разрушила все главные пиратские базы на Средиземноморье, уже в 74 году до н. э., благодаря стараниям лидера марианцев Сертория, понтийского царя Митридата и царя Армении Тиграна, были восстановлены силы морских пиратов. Заново отстроенные флотилии средиземноморских пиратов приступили к активной деятельности на морских путях и в прибрежных зонах Иберии, Апеннинского полуострова, Греции и Малой Азии, сильно нарушая поставки продовольствия, в особенности хлеба, в Римскую республику.

По сути своей, подъем пиратского движения и формирование из него внушительной силы, действовавшей против сулланского Рима на водных просторах в интересах другого римского правительства, находящегося в изгнании, и их союзника, понтийского царя Митридата, было таким же восстанием, как и восстание под руководством Спартака, только организованное для действий не на суше, а на воде.

Как и в случае с восстанием на земле, основной ресурсной базой для морских пиратов была прослойка мужского населения, которая в силу крайних обстоятельств, сложившихся в окружающей их среде, была поставлена в рамки безвыходности в процессе восстановления своего социального положения в стране.

В условиях сменяющих друг друга внутренних конфликтов и войн, тянущих за собой ухудшение гуманитарной обстановки как во внутреннем пространстве республики, так и на ее периферии, появлялись тысячи соискателей приключений и легкой наживы с проявлением крайней неприязни к власти как таковой, которая не смогла им гарантировать достойную жизнь в рамках закона – в общем, все те, кто не имел шансов по объективным причинам социализироваться в обществе и зарабатывать средства к существованию легальным путем.

Историк Т. Моммзена так описывал данное социальное явление:

«... отпущенные наемные солдаты, вербовавшиеся на

Крите, граждане разрушенных в Италии, Испании и Азии городов, солдаты и офицеры войск Фимбрии и Сертория, вообще опустившиеся люди всех наций, преследуемые беглецы всех потерпевших поражение партий, все, что было несчастно и смело, – а где не было горя и преступления в это страшное время».

Вот из такого вот люда и были заново созданы пиратские эскадры, которые, дезорганизовав товарооборот в Римской республике, породили в стране дефицит и рост цен на продукты питания. Усугубляющаяся социальная обстановка приводила к усилению конфликта между плебсом и нобилитетом Рима, что в свою очередь подготавливало благоприятную среду для социального взрыва непосредственно в границах Апеннинского полуострова, для начала которого нужна была лишь искра, из которой возгорится пламя.

Таким образом, в середине 70-х годов I века до н. э. по линии Иберия – Апеннинский полуостров – Малая Азия четко прослеживается взаимосвязь между активностью Сертория в Испании, Спартака – в Италии, а также приготовлениями понтийского царя к войне против Рима в Малой Азии.

Средиземное море, как внешняя морская оболочка сухопутной составляющей полосы нестабильности для Рима, являющаяся объединяющей и коммуникационной водной средой для Иберии, Апеннинского полуострова, Греции и Малой Азии, находилось в значительной степени под властью морских пиратов, которые контролировали морские пути и

держали всю прибрежную линию юга Италии в постоянном страхе нападения кораблей пиратского флота.

К 74 году до н. э. власть Рима, сформированная диктатурой Суллы, оказалась в крайне затруднительном положении. Сама территория Италии была истощена гражданским противостоянием, параллельно которому постоянно вспыхивали малые восстания рабов, а по флангам активно формировались крупные силы антисулланской коалиции. Сильное недовольство римского плебса сулланской властью было вызвано продовольственным кризисом, развившимся вследствие трехлетней засухи и активных действий морских пиратов, которые сильно дезорганизовали снабжение Рима хлебом. В конечном итоге ограниченность в продовольствии взвинтила цены на хлеб в республике, что привело в движение низший социальный слой свободных граждан Рима.

Начало Большой Игры (Иберия – Италия – Малая Азия) Серторий

Такое положение дел побуждало сулланский сенат к контрдействиям. И весной 74 года до н. э., после трех лет бездействия, посланный на борьбу с действовавшим в изгнании Серторием Гней Помпей, получив значительное подкрепление, двинулся со своими силами к Иберу навстречу серторианцам.

На общий ход военной кампании Рима в Иберии 74 года до н. э. в значительной степени оказало влияние практически одновременно начавшееся восстание рабов в Италии. Так как Римская республика была рабовладельческой, а высокие представители как партии популяров, так и партии оптиматов все-таки были представителями рабовладельческого нобилитета, то события в Капуе напрямую повлияли на сплоченность рядов серторианского сената и его римских сторонников в Испании.

Еще до того, как войска Сертория и Помпея вступили в открытое противостояние, представители рабовладельческого класса из числа римлян-эмигрантов начали покидать стан серторианских сил и переметнулись к противнику. Далее вся марианская верхушка в Испании разделилась на два

лагеря, поделившись на левое и правое крыло. Левая часть марианцев выступила за продолжение борьбы против сулланцев, правые требовали немедленного прекращения борьбы со своими политическими оппонентами и подключения к совместной борьбе против восставших рабов.

Подобным положением дел в стане врага умело пользовался Помпей, ведя тайные переговоры и интриги с представителями серторианской партии в изгнании. Но полному успеху подрывной деятельности Помпея сильно мешала подобная же обстановка в стане сулланцев. Политические силы сулланцев также разделились на две большие части, одна из которых была согласна на примирение (партия мира) с серторианцами, а вторая, в том числе и сам Помпей, была против такого сближения и выступала за продолжение войны между двумя политическими силами Рима (партия войны). Была также и третья, более малая часть сулланцев, которая придерживалась среднего положения, то есть колебалась в принятии решения.

Но в подобной ситуации в более выгодном положении находились силы Помпея, так как в лагере Сертория все тайные и явные разногласия приводили к физическому оттоку римлян-эмигрантов на сторону своих политических оппонентов – сулланцев.

В результате начавшиеся сражения заканчивались в пользу войск Помпея. Полководцы сулланского сената постепенно оттеснили войска Сертория к западу и заняли восточную

Испанию, взяв под свой контроль ключевые города, и перенесли операционные районы на верхнее и среднее Эбро. В результате военных побед Помпея правители многих местных городов стали колебаться, сдаваясь римским военачальникам.

Но к глубокой осени Серторию удалось немного выровнять военное положение. Сражение в верхнем районе Эбро у городка Калачур завершилось в пользу серторианцев, после чего Серторий и Помпей развели свои войска для зимовки. Так закончилась активная фаза испанской кампании 74 года, по результатам которой Серторий оказался в затруднительном положении, так как перебежчики значительно уменьшили ряды его армии, что параллельно подрывало дисциплину и боевой дух в ее рядах.

Спартак

Практически одновременно с началом активных действий армии Помпея в районе реки Ибер летом в Капуе вынужденно активизировалась группа Спартака, который, предупреждая свое разоблачение, был вынужден приступить к началу активных подготовительных мероприятий для раскрутки полномасштабного восстания в Италии.

Итак, через два года подпольной деятельности в одной из дальних ячеек появился доносчик, который вскрыл информацию о подготовке восстания и передал ее в Рим. Однако подпольная сеть заговорщиков сработала намного оперативней реакции римских властей, и Спартак, первым получив известие о доносе, приступил со своими сподвижниками к активным действиям.

Летом 74 года до н. э. в школе гладиаторов города Капуи был поднят внутренний бунт, в результате которого на волю сбежала группа гладиаторов из числа заговорщиков под руководством Спартака. Совершив пятидесятикилометровый марш и завладев по ходу движения первичным вооружением, группа из 78 человек нашла свое укрытие в районе горы Везувий.

С этого момента Спартак со своими сподвижниками приступил к раскрутке начального периода Первой фазы активного противостояния, в котором им предстояло физически

сформировать силы восставших, определить их социальную и материальную ресурсные базы и ореол обитания восставших.

На начальном этапе Спартак расширял зону восстания, рассылая своих посланцев по югу Италии для агитационной и подрывной деятельности среди рабов и малоимущих слоев свободного населения сельского региона Италии. В результате по всему югу страны возникали партизанские отряды, во главе которых стояли военные специалисты – бывшие гладиаторы. Вскоре весь юг покрыла целая сеть партизанских отрядов с единым координационным центром на Везувии, связь между которыми поддерживалась через доверенных гонцов.

Территорией активных действий восставших стала Кампанская равнина, в пределах которой лежали южные римские провинции Самния, Апулия, Калабрия и Лукания. Это был преимущественно сельскохозяйственный регион, который обеспечивал Рим продуктами и от которого зависели поставки хлеба в республике.

На территории южных провинций было размещено большое количество рабов, принадлежавших племенам германцев, галлов и фракийцев. Именно среди представителей этих племен сам Спартак и его ближайшие сподвижники Эномай, Крикс и Ганник, благодаря своему боевому прошлому, быстро нашли главную ресурсную базу для создания костяка армии восставших. Вторым ресурсным источником для вос-

ставших было свободное население юга Италии, которое в то время отмечалось крайней бедностью и воинственностью по отношению к Риму и сулланскому сенату из-за проводимой властями политики, которая отображала интересы лишь крупных римских рабовладельцев.

Постоянно вспыхивающие очаги напряженности в различных районах южных провинций, краткосрочные набеги на латифундии и имения рабовладельцев, нападения на сборщиков налогов находили вынужденные разрозненные кинетические отклики действий римских властей в отдельных районах местности, что создавало некую защитную завесу для ядра восстания.

Подобная мерцающая схема использования сети малых отрядов восставших до весны 73 года до н. э. позволяла скрывать от властей реальный организационный центр восстания, что находился на горе Везувий, с вершины которой вождь восставших мог уже в любой момент дать команду на сбор разрозненных групп в условленном месте для совместных действий.

Помимо сторонников Спартака, которые принимали непосредственное активное участие в восстании, в городах и сельской местности появилось множество сочувствующих восставшим из числа плебса, оказывающих Спартаку помощь в виде не прямых действий: моральной поддержкой, саботажем активности властей, снабжением руководства восставших необходимой информацией.

В период формирования своих сил Спартак провел несколько кинетических мероприятий, в которых восставшие столкнулись с незначительными силами регулярной римской армии.

Сначала была успешно парирована первая робкая попытка префекта города Капуи подавить мятеж. Вовремя получив информацию о намерениях префекта послать наспех сколоченный отряд легионеров в район Везувия для подавления главного очага сопротивления, Спартак, зная точку приложения силы противником, собрал в районе горы дополнительные силы из отрядов, действовавших по всей провинции, и нанес сокрушительное поражение отряду капуанских легионеров, собрав с поля боя значительные трофеи.

Весть о первой военной победе спартаковцев быстро распространилась по югу Италии, что благоприятно повлияло на процесс мобилизации сил восставших и создания благоприятной социальной среды в южных провинциях Рима. Силы Спартака стали быстро пополняться беглыми рабами, а также представителями свободного класса римских граждан из числа обездоленных крестьян и городских жителей.

Следующая, уже более серьезная атака на Спартака была предпринята летом 73 года до н. э.

Римским сенатом было поручено возглавить трехтысячный отряд легионеров (6 когорт) видному сулланскому офицеру – претору по имени Гай Клавдий (Клодий) Пульхр (Глабр). Первое, что сделал Гай Клавдий – собрал сведения

о противнике, из чего было определено, что костяк сил составших укрывался на вершине горы, после чего легионерами была проведена разведка местности у горы Везувий. Было выяснено, что сложный рельеф местности позволял спуститься с горы в пешем порядке только в одном месте.

После разведки района боевых действий римский военачальник принял решение блокировать Везувий, прервать единственную тропу полевым фортификационным сооружением и, став укрепленным лагерем в непосредственной близости к горе, взять противника измором.

Тактика действий Клавдия была довольно предсказуема для такого военного профессионала, как Спартак, который просчитал действия своего противника и заранее отдал приказ повстанческим отрядам, рассредоточенным по провинции, собраться в районе Везувия, с тем чтобы одновременно с тыла и с фронта (с горы) атаковать лагерь римских когорт.

Но через некоторое время Спартак решил еще больше обескуражить своего противника быстротой и внезапностью своих действий, приняв решение спуститься с горы при помощи сплетенных из лозы лестниц с неожиданного направления и атаковать римский лагерь.

Сказано – сделано, и в одну из июньских ночей группа Спартака благополучно спустилась с Везувия, объединилась с уже подошедшими другими отрядами повстанцев, после чего спартаковцы скрытно подошли к лагерю и атаковали его на рассвете.

В результате внезапной атаки спартаковцев легионеры были разбиты наголову, не многим из них удалось в панике бежать с поля боя и укрыться в Капуе. В этом сражении инициативность, грамотно организованное взаимодействие, скрытность и внезапность действий малой силы взяли верх над римскими когортами, имевшими значительное численное и военно-техническое превосходство.

Эта первая значительная победа Спартака над когортами регулярной армии Рима привела к тому, что в южном регионе Италии в разы возросло число сторонников и активных участников восстания рабов, к которым массово стали примыкать обедневшие крестьяне. Сама провинция Кампания была уже полностью охвачена пожаром восстания, недовольство стало расти и в других римских провинциях, что, с одной стороны, сильно увеличивало мобилизационные возможности спартаковцев, а с другой стороны стало ограничивать внутренние мобилизационные возможности правящих в Риме сулланцев.

Сразу после победы над силами Клавдия Спартак послал своих ближайших соратников Крикса и Эномая в провинции Луканию и Апулию для сколачивания на ресурсной базе данных римских провинций новых отрядов и подготовки благоприятной среды для дальнейшей активности.

К осени 73 года до н. э. количество активных участников восстания возросло до 10 тыс. человек, из которых военные профессионалы активно формировали легионную пе-

хоту, обучая ее по образцу римской армии.

Всех прибывавших в лагерь повстанцев людей Спартак сортировал, предпочитая формировать более или менее однородную армию как главную ударную силу, набирая в ее ряды бывших сельских рабов. Из бывших рабов-ремесленников Спартак формировал так называемые части обеспечения, главной задачей которых было вооружение восставших.

Из всех остальных прибывших к Спартаку, относящихся к другим социальным группам, вождь восставших формировал малые отряды, назначая им командиров, и рассылал их в другие римские провинции для ведения партизанской войны и расширения зоны влияния восстания.

Таким образом Спартак избегал концентрации всех своих сил в одном месте, предпочитая распределять их по всему восставшему региону, отдавая предпочтение внезапности, скорости и маневру в тактике своих действий, нежели безынициативной статике и действий большой массой воинов.

Далее наступало время перехода в следующий (второй) период первой фазы активного противостояния, характеризующийся повышенной кинетической активностью сторон внутреннего – гражданского конфликта в Римской республике.

После июньского провала Гая Клавдия следующим, кому сулланский сенат поручал возглавить силы для борьбы с восставшими рабами, был тогда еще пропретор Публий Вале-

рий Вариний.

Варинию было поручено возглавить два римских легиона общей численностью около 12 тыс. человек и 2 тыс. всадников, вот только новому командующему еще предстояло добрать легионеров к тем 4 тыс. ветеранов, которых претор получил в свое подчинение.

Из-за первичных военных побед Спартака процесс собирания двух противоповстанческих легионов сильно затянулся во времени. Разосланные в провинции предписания не способствовали появлению потока желающих поступить в армию, поэтому рекрутированием занялись военные отряды, насильно загоняя уклонистов на военную службу. Гражданское население в деревнях провинций откровенно саботировало противоповстанческую активность центральных властей, уклоняясь от добровольной выдачи лошадей, повозок и продовольствия. Это сильно влияло на боевой дух противоповстанческих сил, значительно подрывая боеспособность римских легионов, посылаемых на подавление уже народного восстания в рабовладельческой Римской республике.

А между тем в Кампании Спартак успешно объединял разрозненные отряды повстанцев и формировал из них свой легион, пользуясь широкой поддержкой простого населения республики.

К моменту начала боевой активности армии Вариния силы Спартака находились еще в стадии формирования, а численность вооруженных и обученных солдат не превышала 2

тыс. человек. Правда, и армия Вариния на тот момент тоже была далека от заявленной численности и насчитывала не более 4 тыс. легионеров, с которыми римский претор вступил в боевое преследование уступавших ему по численности сил Спартака.

В ответ, правильно оценив обстановку, количественное и качественное соотношение сил, Спартак принял решение, уклоняясь от крупных боевых столкновений, идти маршем на соединение с Криксом и Эномаем. Увлекая за собой превосходящие силы противника на юг в горы, вождь повстанцев намеренно лишал Вариния его преимущества по количественному показателю, а также по возможности эффективно применять конницу и тяжелую пехоту.

Здесь следует напомнить, что, согласно последней реформе в римской армии, из нее была исключена регулярная легкая пехота, что значительно сузило вариацию успешного применения пехоты на сильно пересеченной местности.

По пути следования противоборствующие стороны постоянно вступали в мелкие стычки, в которых Спартак, используя так называемую тактику «скифского выстрела», постоянно пытался заманить Вариния в ловушку, устраивая засады его силам.

В таких условиях римский претор был вынужден отказаться от плотного преследования сил восставших и намерений блокировать противника в условиях сложного рельефа местности, чтобы взять иррегуляров измором.

В наступившей оперативной паузе противоборствующие стороны обоюдно пополнили свои силы. С приходом сил Коссиния численность армии Вариния достигла 8 тыс. человек. В это же время Крикс и Эномай, успешно справившись с поставленным Спартаком заданием, привели в лагерь восставших дополнительно 4 тыс. бывших рабов из числа галлов и германцев, которые жаждали мести рабовладельцам.

Так, уже на начальных этапах противостояния Спартака и претора Вариния бывший гладиатор, проявив недюжинные полководческие способности и глубокие знания теории применения войск в разных условиях, тактически переигрывал римского полководца, создавая для себя благоприятные условия перед решающими сражениями.

Спартак был вынужден проявить свои лучшие лидерские качества, пытаясь привести восставших к исполнению единого замысла действий. Используя дар убеждения в горячих спорах с прибывшим пополнением, Спартак доказал преимущество своего плана действий, что заставило галлов и германцев отказаться от намерений сменить вектор действий и двинуться навстречу Варинию, предлагая ему решающее сражение.

Следует особо подчеркнуть, что если бы вождь восстания не обладал бы высокими волевыми (лидерскими) качествами и даром убеждения, то восстание, скорее всего, закончилось бы или начало затухать уже в первой своей фазе.

А между тем Вариний, получив подкрепление и будучи

уверенным в своих силах и в своем полководческом гении, двинул свою армию на преследование восставших.

В свою очередь Спартак, успешно разрешив внутренние противоречия в собственном стане, не изменяя своей начальной стратегии и тактике действий, продолжил движение своего войска, прикрываясь рельефом местности, далее вглубь Лукании. Проходя через населенные пункты, войско восставших постоянно пополнялось людьми, желающими принять активное участие в восстании. Таким образом перед решающими событиями первичной фазы активных действий восставших войско Спартака стало насчитывать около 12 тыс. пехотинцев и 600 всадников.

Но перед решающими схватками с армией Вариния Спартак столкнулся с еще одной серьезной проблемой в своем стане, которая могла коренным образом повлиять на успешный ход динамики развития восстания.

Двигаясь по Аппиевой дороге, силы Спартака, проходя через большие и малые населенные пункты, помимо положительного эффекта, связанного с пополнением своих сил и расширением ресурсной базы, столкнулись с проблемой проявления насилия по отношению к более зажиточной прослойке свободных граждан Рима с сопутствующими грабежами, мародерством и вандализмом.

Показательный случай, получивший историческую известность, произошел в городке Анниев Форум. Саллюстий так об этом писал:

«Тотчас беглые рабы вопреки приказу начали хватать и бесчестить девушек и женщин... Иные бросали огонь на крыши домов, а многие из местных рабов, нравы которых делали их союзниками восставших, тащили из тайников скрытые господами ценности или извлекали даже самих господ. И не было ничего святого и неприкосновенного для гнева варваров и рабской их природы. Спартак, не будучи в состоянии помешать этому, хотя он неоднократно умолял оставить их бесчинства, решил предотвратить их быстротою действий ...»

Налицо был серьезный кризис дисциплины в войске при соприкосновении его с гражданским сектором и массами пополнения из числа местных рабов и городской бедноты. Начинающиеся бесчинства сильно подрывали дисциплину в войске, что неминуемо приводило к нарушению управляемости и потере авторитета командиров. В такой момент войско становилось уязвимым, целую армию можно было брать «голыми руками», а если данное кризисное явление не остановить, и оно получит свое дальнейшее развитие, то криминальная составляющая быстро подменит политическую основу восстания. Если проявление банального криминала достигнет своего максимума, то политическая платформа восстания неминуемо будет разрушена, а само восстание потеряет свой физический смысл и не получит своего дальнейшего поступательного развития с возможностью успешного перехода на следующий уровень (фазу).

Соприкоснувшись с урбанистической чертой, еще морально неустойчивое войско под влиянием так называемых «диких повстанцев» (взбунтовавшихся рабов и свободной бедноты, которые еще официально не присоединились к повстанческому движению и не вошли в линию подчиненности войска Спартака) поддалось соблазну проявления мести и обогащения, быстро влилось в общий ход событий по разграблению города.

Избежать такого варианта развития событий можно было только через первичную сепарацию и выведение пополнения в некую карантинную зону. Это помогло бы не допустить соприкосновения новичков с бойцами уже подготовленного войска до прохождения новобранцами курса боевой подготовки и приведения их к внутренней социализации, но в тех условиях этого не могли себе позволить лидеры восставших. В сложившихся условиях подобный ход развития событий можно было предотвратить лишь общим действием, к чему и прибегнул Спартак. Пополнив свои ряды, вождь восставших безотлагательно привел свою армию в движение, выводя ее с линии Аппиевой дороги и направляя вектор движения через сельскую местность.

Пока Спартак решал свои внутренние проблемы, претор Вариний вслед за восставшими вошел на территорию Лукании армией в 12 тыс. человек пехоты при 2 тыс. кавалерии.

В Лукании римский претор решил активизироваться и перейти к решительным действиям, направленным на то, что-

бы поставить армию Спартака в неудобное положение на местности, окружить ее и нанести восставшим поражение в решающей битве.

Для этого римский претор прибегнул к фрагментации своего войска, разделив его на три неравномерные части. В своем распоряжении Вариний оставил шеститысячную армию, Коссинию были переданы 4 тыс., а начальнику кавалерии Фурию были подчинены 2 тыс. человек.

В отличие от Вариния, Спартак, придя в Луканию, сконцентрировал там все свои силы, при этом доведя численность своей армии до сопоставимой с численностью римских сил. Динамика развития восстания явно демонстрировала, что первичная мобилизация сил и средств восставших прошла успешно, и теперь оставалось только поставить точку в этой фазе посредством перехода к прямому кинетическому воздействию на главные силы противника, с тем чтобы нанести ему военное поражение и заставить на время отказаться от своих намерений, взяв обоюдную оперативную паузу перед началом следующей фазы активных действий.

Таким образом, Спартак приготовился к атакующим действиям, а Вариний, неправильно оценив обстановку, конфигурацию и силу войска противника, разделив свою армию на части, каждая из которых значительно уступала силе объединенной армии повстанцев, разбросав их (части войска) на оперативном пространстве на достаточном удалении друг от друга, подставил их под удары Спартака.

Спартак, взяв инициативу в свои руки, умело маневрируя своими силами в географическом пространстве, нарушил взаимодействие отрядов противника. Создав условия, при которых тактические группы противника не могли вовремя оказать друг другу помощь и прибыть дополнительными силами на одно из полей сражения, Спартак приступил к боевому соприкосновению с врагом с намерением разбить его по частям.

Сначала Спартак обрушил все свои силы на самый слабый отряд под командованием Фурия. В непродолжительном бою римляне были наголову разбиты, а основные потери легионеры понесли при их паническом отступлении, в котором их настигала конница восставших.

Второй была уничтожена тактическая группа Коссиния, которая была атакована повстанцами в момент, когда римский полководец неосмотрительно устроил купания, пренебрегая мерами предосторожности. Такая беспечность, проявленная римским полководцем, стоила жизни не только его войску, но и самому Коссинию, который пал в бою.

После того как Спартак наполовину уменьшил силы противника, теперь уже Вариний стал отступать в сторону Капуи, уклоняясь от сражений, а повстанцы оказались в роли преследователей. В отличие от римского претора, Спартак смог нагнать противника и вынудить его к бою, в котором войско Вариния было разбито, а самому римскому полководцу все-таки удалось укрыться в Капуе.

Несмотря на поражение, уже через месяц претор Вариний, получив подкрепление из Рима, сумел наспех собрать армию в 24 тыс. человек, 4 из которых были всадники. Но и это не принесло военной удачи Варинию, в нескольких сражениях он и его армия были биты повстанцами. Наиболее кровопролитным оказалось последнее сражение, в котором больше всего пострадал центр войска Спартака, сформированный из галлов, которыми руководил ближайший соратник Спартака и авторитетный полководец Эномай. В ожесточенной битве Эномай пал в бою. Разгорелась яростная схватка за тело Эномая, в которой сам претор Вариний, сильно желавший завладеть им, в пылу борьбы сошелся со Спартаком, был ранен и чудом избежал плена.

Потерпев последнюю неудачу в 73 году до н. э., Вариний с остатками своего войска укрылся в Капуе, став там на зимовку.

После того как осенью 73 года до н. э. силы противоборствующих сторон прекратили активное боевое противостояние и разошлись на зимовку, первая фаза активного противостояния сил Спартака и Рима подошла к своему логическому завершению.

За период июнь—октябрь 73 года до н. э. восставшие смогли успешно отоблагодетельствоваться и привести свою армию в высокую степень боевой готовности, заработав численный и моральный перевес для своей стороны. К началу 72 года до н. э. войско Спартака насчитывало, по некоторым данным,

60 тыс. (Евтропий), а по другим 120 тыс. (Аппиан) человек. Параллельно формировалась устойчивая социально-географическая зона влияния восставших. Крестьянство юга Италии напрямую было вовлечено в восстание, выступая на стороне спартаковцев, а территория восстания распространилась на Апулию, Луканию, Калабрию и Бруттию, охватив таким образом весь юг Италии.

Успешность в создании необходимой ресурсной базы восстания была обеспечена активностью восставших в социальной среде региона. Спартак активно рассылал своих представителей в разные уголки географической местности, которые проводили так называемую информационную кампанию в пользу действий восставших, подтверждая ее физической активностью. Таким образом формировались новые очаги напряженности, а на сторону восставших привлекались новые сторонники, которые в свою очередь в активном или пассивном виде оказывали поддержку всему повстанческому движению.

Заручившись поддержкой местного населения из числа небогатого класса граждан республики, Спартак в своих действиях мог пользоваться фактором скрытности и внезапности действий, получая своевременную разведывательную информацию о противнике и социально-географической среде района действий, что в конечном итоге и позволило восставшим одерживать свои первые военные победы над превосходящими силами противника.

Предводитель восстания Спартак также сумел преодолеть все внутренние противоречия на самом опасном этапе – в момент становления своего войска и формирования благоприятной и безопасной «среды обитания» мятежа.

Параллельно с проведением мобилизационных мероприятий Спартак вел успешную боевую активность, которая, ввиду объективных причин, до последнего момента имела оборонительный характер.

Первая фаза активного противостояния под предводительством Спартака очень четко характеризовалась иррегулярной боевой активностью сил восставших, которые из-за своей малочисленности, уровня подготовки и вооружения старались уклоняться от прямого боевого столкновения с превосходящими силами противника, ввязываясь в бой только на выгодных для себя условиях, используя принцип внезапности, скорости, избирательности и решительности в применении силы.

Единственное, чего не удалось сделать Спартаку, подняв на восстание людей – позаботиться о политической составляющей восстания. Имея социальный фактор как основополагающий для подъема народных масс, восстание как социальное явление должно было быть обеспечено политической платформой.

Под лозунгом освобождения от рабства можно было обеспечить успех лишь в первой фазе восстания, в рамках которой надо было начинать работать на перспективу по форми-

рованию политической основы восстания. С привлечением на свою сторону низов римского социума из числа свободных граждан республики нужно было что-то более весомое в программе действий, чем борьба с рабством, иначе люди быстро разочаруются в движении.

Политические цели и задачи должны были сформировать некий краеугольный камень, вокруг которого бы строилось здание восстания и того, к чему это восстание в конечном итоге должно было привести, ради чего бы люди шли на определенные жертвы. Народ, принявший непосредственное участие в социальном протесте, не должен терять мотивации в своих действиях на всех этапах восстания, шаг за шагом приближаясь к намеченной цели. Ведь очевидным является тот факт, что война ради войны – это тупик, также, как и восстание ради восстания. Во всем должен быть физический смысл с определением ясных и исполнимых конечных целей кампании.

Но в действиях Спартака не было четкой активности по формированию политической платформы восстания, которая была бы приемлема и для бесправных рабов, и для недавно получившего гражданские права плебса Римской республики. Ведь если говорить о достижении конечного положительного результата, то восставшие как минимум должны были выторговать себе какие-либо гарантии и условия у власти или же самим стать властью, но и то и другое достигается при наличии политической основы – программы, которая

была бы привлекательна для восставшего и сочувствовавшего (нейтрального) народа.

И непонятно, то ли вождь восставших не делал этого из-за его зависимости – связи с серторианцами или же понтийским царем Митридатом, которые и являлись реальными носителями и воплощениями политической стороны восстания в Италии, то ли из-за его политической неадекватности как лидера восстания, что охватило целый регион Римской республики и которое в конце концов должно было закончиться каким-либо результатом.

Вот с такими результатами восставшие спартаковцы закончили первую активную фазу боевых действий в кампании 73 года до н. э. и вступали в следующую фазу – фазу динамического равновесия народного восстания.

Митридат

А на Малоазийском театре военных действий римская армия под командованием Л. Лукулла в период с июля 74 по июнь 73 года до н. э. практически уничтожила армию понтийского царя на его же территории.

За год активных боевых действий относительно небольшие римские силы полностью очистили от власти Митридата Вифинию, Азию и Киликию. От 136-тысячной армии понтийского царя осталось не более четверти, понтийский флот, а это около 400 триер, был полностью утрачен.

Военные неудачи царя Митридата привели к потере союзников и смуте в рядах его полководцев и сановников, что и стало прологом к окончательному проигрышу понтийского царя Митридата VI Евпатора в третьей Митридатовой войне и его сходу с исторической сцены. И все это было достигнуто небольшими силами Л. Лукулла благодаря нестандартным подходам к противоборству с превосходящими силами противника, армия которого была построена в соответствии со стандартами римской военной организации, да еще и в условиях враждебной социально-географической среды для римлян на Малоазийском театре военных действий.

Активной фазе третьей Митридатовой войне предшествовал подготовительный период, в котором перед решающей схваткой с Римом царь Митридат провел полную реоргани-

зацию и модернизацию своей армии.

Сформированная по образу и подобию римской, армия понтийского царя стала насчитывать около 120 тыс. пехоты и 16 тыс. кавалерии. К сухопутной компоненте присоединился внушительный флот плюс воссозданные союзные пиратские флотилии.

Сухопутная понтийская армия была поделена на 12 армий по 10 тыс. человек. Восемью армиями командовали понтийские полководцы, остальными четырьмя командовали римские военачальники из числа серторианцев.

Помимо организационных приготовлений, царь Митридат параллельно проводил активные тайные мероприятия на территории будущего театра военных действий и самой Италии.

Развернув широкую агентурную сеть в Малой Азии, Греции, Римской республике вместе с самим Римом, Митридат обзавелся информаторами и сторонниками, которые снабжали его ценной достоверной информацией о военно-политической обстановке в стане противника и на территории будущих военных действий. Таким образом, царь Митридат владел всей информацией, необходимой для успешного планирования новой военной кампании против Римской республики, в том числе и о серьезно ухудшившейся внутренней социальной обстановке на Апеннинском полуострове.

В 74 году до н. э. царю Митридату вместе со своими союзниками удалось в значительной степени сорвать поставки

хлеба в Италию из провинций, что в свою очередь усугубило внутреннее положение в Римской республике. Цицерон коротко и лаконично охарактеризовал 74 год, обозначив его как:

«Эпоха полного разгара народных страстей».

В свою очередь серторианское военно-политическое крыло при понтийском войске также активно готовилось к будущему противостоянию с сулланцами в Италии. Для этого М. Варий и М. Марий через морских пиратов и купцов засылали к себе на родину доверенных лиц с большими деньгами для создания своей агентуры и привлечения к активности полезных людей из числа римлян, благо, этому социальная обстановка в Италии способствовала. Наиболее активно и успешно подрывная работа серторианцев велась на Кампанском побережье, в приморских городах Брундизии и Таренте, которые играли ключевую роль в поднятом Спартаксом восстании рабов.

К концу мая 74 года понтийский царь вывел свои армии на исходные позиции, после чего с легкостью овладел территорией Пафлагонии, выдавив оттуда передовые отряды римлян. Далее понтийско-серторианские войска вторглись в Вифинию, войдя в боевое соприкосновение с армией римского консула Коты, насчитывающей тогда около 24 тыс. пехоты и 1,8 тыс. всадников. Потерпев поражение в битве, консул Кота отвел свое дезорганизованное войско в район Боспора Фракийского, найдя убежище в крепости Халкедон.

Разбив римскую армию в открытом бою, Митридат приступил к осаде Халкедона, параллельно беря под свой контроль города Вифинии и открывая для себя прямую дорогу в провинцию Азия. Успеху действий понтийско-серторианской армии способствовала общая социальная обстановка в малоазийских провинциях, жители которых, терпя сильные лишения при римской власти, не скрывали своей радости от поражения римлян, открывая городские ворота победителям и принимая новую власть освободителей.

Первичное поражение римлян в Малой Азии в кампании 74 года привело к утрате Римом своих малоазийских провинций Вифинии и Азии. С наступлением лета Митридат, используя ресурсы морских пиратов, приступил к активности на море, прерывая римские поставки продовольствия и разворачивая бурную деятельность в районе приморских городов Брундизий и Тарента, начиная распространять свое присутствие на Кампанское побережье, где в это же время и началась первая активная фаза восстания под руководством Спартака.

Потеря малоазийских провинций, быстрое распространение присутствия и влияния понтийско-серторианских агентов на юге Италии вынудили Рим к началу активных действий на данном театре военных действий.

В начале июля на Малоазийский театр военных действий отбыл римский консул Л. Лукулл, который уже 10 июля всего лишь с одним легионом и конным отрядом численностью

в 1,2 тыс. всадников высадился в Эфесе. Вот с такими начальными силами консулу Л. Лукуллу предстояло организовать борьбу с отобилизованными армиями понтийско-серторианской коалиции. Не добавляла оптимизма римскому консулу обнаруженная им общая неприязнь и враждебное отношение жителей Малой Азии к римлянам.

Первое, с чего начал Л. Лукулл свою деятельность, было собирание сил и формирование из них римской армии для начала активной фазы военной кампании против сил понтийского царя Митридата VI. В Эфесе силы римлян пополнились двумя фимбрианскими легионами, после чего Л. Лукулл направился на восток в Киликию. Прибыв 24 июля в Селевкию, римский консул пристегнул к своим силам еще два киликийских легиона. Теперь римская армия под командованием Л. Лукулла включала 5 легионов с общей численностью пехоты в 30 тыс. человек при 2,5 тыс. всадников.

По пути собирания армии римский консул параллельно решал задачу по установлению более или менее устойчивого тыла, который был необходим его армии для успешных действий при дальнейшем выдвижении на север, где Л. Лукулл намеревался встретиться с войском понтийского царя и заблокировать римские силы, запертые Митридатом в Халкедоне.

Потратив около недели на разрешение дел в Киликии и заручившись поддержкой одного кельтского племени, в начале августа 74 года до н. э. Л. Лукулл двинул свою армию в

обратном направлении, в сторону Вифинии через Писидию и Фригию.

По ходу своего движения римскому консулу приходилось пользоваться своими чрезвычайными полномочиями в римской провинции Азия и воздействовать на влиятельных откупщиков, призывая их к умеренности в своей деятельности с тем, чтобы удерживать местные общины в более или менее лояльном отношении и спокойствии.

В это же время до начала боевых соприкосновений с противником римский консул был вынужден наводить порядок в своем войске, выводя внутреннюю дисциплину на достаточно высокий уровень. Наиболее сложная обстановка была в рядах фимбрианских легионов, бойцы которых славились, помимо своей воинской доблести, еще и строптивым характером. Успешно справившись с буйностью фимбрианцев, римский консул быстро навел порядок и в остальных легионах. Таким образом Л. Лукулл, успешно используя свои личностные лидерские качества, еще до встречи с силами Митридата дисциплинировал свою армию, чем значительно повысил ее боевую способность и устойчивость к внешним воздействиям.

К моменту первой встречи с силами противника у местечка Отрия, что во Фригии, римская армия совершила марш в 560 километров, откуда до Халкедона еще оставалось 480 километров, что составляло около 18 дней пути для всей римской армии.

За период с 10 июля, дня высадки римского легиона в Эфесе, и до 20 августа, когда армия римского консула в районе Отри вышла на армию серторианца Мария, консулу Л. Лукуллу удалось сформировать римскую армию общей численностью в 32,5 тыс. человек, справиться с внутренним разложением в рядах своей армии и восстановить дисциплину в войске, навести относительный порядок на подконтрольных территориях, оставляя за собой благоприятную социальную обстановку, что обеспечило его армии устойчивый тыл.

Как видно, консул Л. Лукулл по прибытии на Малоазийский театр военных действий не кинулся сломя голову на своего врага, а сначала подготовил для себя благоприятную обстановку на территориях, которые должны были обеспечить его армии устойчивое тыловое обеспечение, так называемую операционную платформу – базовую линию, от которой римская армия и приступила к активным действиям против своего противника.

В свою очередь понтийский царь Митридат и его серторианские союзники, получив извещение о начале движения римских сил из Киликии в сторону Халкедона, начали передислокацию своих армий.

Надо отметить, что если бы понтийско-серторианская коалиция была бы немного порасторопней и как максимум действовала бы на упреждение предсказуемых действий Рима, силы которого высадились на противоположное Понту побережье Средиземного моря, заранее направив туда

несколько своих армий, с тем чтобы пресечь планы Л. Лукулла в момент его слабости или же как минимум активнее действовать в Киликии в момент подготовки римского консула к активной фазе своей кампании, то весь ход событий на стратегической линии Испания – Италия – Малая Азия мог бы пойти совсем по другому сценарию. Непонятно, чем занимались в районе Киликии три армии Митридата под руководством фригийца Эвмаха, вифинца Метрофана и бывшего римского офицера из числа сторонников Фимбрии Л. Фания, которые были направлены Митридатом на юг. Пассивная деятельность этих трех полководцев понтийско-серторианской коалиции дорого обойдется и Митридату VI, и серторианской группировке при понтийском царе.

Четыре армии Митридата продолжали осаждать Коту с его силами в Халкедоне, еще одна понтийская армия под руководством сицилийца Гермократа осадил богатый город Кизик, который оказывал помощь осажденным в Халкедоне и препятствовал прохождению понтийских судов далее в Геллеспонт. Таким образом понтийский царь принял для себя решение взять под свой контроль район выхода на просторы Средиземного моря через Боспор Фракийский и Геллеспонт (Дарданеллы).

В это же время были сведены четыре армии под общее руководство серторианского сенатора и претора М. Мария, которые были направлены на перехват армии Л. Лукулла.

Остальные три армии понтийско-серторианской коали-

ции, как уже отмечалось выше, неизвестно, чем занимались на юге Малой Азии и выпадали из общей стратегии действий противников Рима. Армии Эвмаха, Метрофана и Л. Фания могли бы сыграть решающую роль в нанесении поражения армии Л. Лукулла, которая действовала во враждебной для себя среде и была сильно ограничена в силах и средствах, но, к сожалению для серторианцев, эти три понтийские армии не находили себе места в логике третьей Митридатовой войны.

Такова была оперативная обстановка на Малоазийском театре военных действий к 20 августа 74 года до н. э., когда в районе местечка Отрия сблизилась две противоборствующие армии, одна из которых под руководством римского консула Л. Лукулла состояла из 30 тыс. пехоты и 2,5 тыс. всадников, а другая под руководством римского эмигранта-серторианца М. Мария насчитывала 40 тыс. пехотинцев при кавалерии в 5,2 тыс. всадников.

В момент, когда армии М. Мария и Л. Лукулла, исполненные решимости к битве, были построены друг против друга, в дело вмешались высшие силы. В решающий момент на поле боя между боевыми порядками упал метеорит, что свергло в ступор две армии. Полководцы обеих армий, поддавшись давлению своих войск, которые истолковали данное явление как проявление недовольства богов действиями противоборствующих сторон, отказались от сражения.

М. Марий, забыв о целях и задачах, которые ставились пе-

ред его армией, по сути дела ретировался, направив свою армию в обратном направлении к Халкедону. В свою очередь римский консул Л. Лукулл, не теряя оперативной инициативы, как победитель двинулся вслед отступающей армии своего противника с намерением встретиться с основными силами понтийского царя Митридата VI.

Таким образом, стороны конфликта по-разному воспользовались природным явлением, которое произошло у местечка Отрия во Фригии в августе 74 года до н. э., последствия которого окажут прямо противоположное влияние на ход противостояния между Римом и коалицией, возглавляемой понтийским царем Митридатом VI Евпатором во время третьей Митридатовой войны.

Несмотря на то, что М. Марий имел общее преимущество в силах и конкретно двойное превосходство в кавалерии, объединенная понтийско-серторианская армия покидала операционный район, не выполнив своей главной задачи, и по сути дела беспрепятственно привела на своих плечах армию противника к стану своих главных сил.

Очередная стратегическая ошибка понтийско-серторианских сил, наряду с бездействием трех их армий на юге, в комплексе приведут к катастрофическим последствиям для всей военной кампании 74–73 годов до н. э., ведомой понтийским царем на Малоазийском театре военных действий, а также для всего серторианского движения в Испании и для восстания рабов под руководством Спартака, первая фаза которого

к тому времени уже была начата в Италии.

Не помогла общему положению дел для Митридата и неудачная вылазка римского гарнизона осажденного Халкедона. Ничем не обеспеченное несвоевременное и высокомерное решение римского военачальника Коты вывести свое войско за оборонительные стены крепости и дать бой превосходящим силам противника привели к полной катастрофе для римлян. В результате вылазки двадцатитысячного войска Кота потерял 16 тыс. человек погибшими и попавшими в плен, а также весь свой флот.

В середине сентября с приходом армии Л. Лукулла в район Халкедона стартовала активная фаза противостояния между римскими и понтийско-серторианскими силами в кампании 74–73 годов третьей Митридатовой войны.

Общая концентрация войск у стен Халкедона приближалась к 130 тыс. человек, из которых на 8 армий, и около 10 тыс. кавалерии под началом царя Митридата приходилось не более 30 тыс. пехоты, и 2,5 тыс. конницы плюс около 4 тыс. гарнизона Халкедона из стана римского консула Л. Лукулла.

Как видно, Митридат имел двукратное преимущество перед силами римлян, однако большая плотность войск на малом пространстве Халкедонского операционного района сильно стесняла действия коалиционного понтийско-серторианского войска, да и каких-либо оперативно-тактических изысков не наблюдалось со стороны понтийского царя, который, по всей видимости, умиляясь своей военной мощью

и численным превосходством над силами Л. Лукулла, исповедовал классическую стратегию действий, пытаясь навязать своему противнику решающую битву.

В свою очередь Л. Лукулл понимал, что превосходящие силы Митридата были сформированы по образу и подобию римской армии и исповедовали соответствующую тактику действий на поле боя. Естественно, что борьба малого с превосходящим подобным в рамках единой системы координат вооруженной борьбы, мягко говоря, мало эффективна, и это ясно понимал римский консул, командовавший экспедиционной армией в Малой Азии.

В сложившейся обстановке при достаточно пассивном поведении Митридата римский полководец принялся на практике воплощать тактику и мероприятия так называемой стратегии непрямых действий, уклоняясь от крупного сражения, стараясь создать такую оперативно-тактическую обстановку в операционном районе, в которой можно было бы малыми средствами с наименьшими затратами заполучить «главный приз».

Таким образом консул Л. Лукулл, постоянно удерживая в своих руках оперативную инициативу, умело создавал в районе боевых действий необходимую ему систему координат вооруженного противостояния, в рамках которой регулярное превосходство войска Митридата над римлянами полностью нивелировалось.

Переведя противостояние в череду мелких стычек, в ко-

торых главная роль была отведена кавалерии, как главной маневренно-ударной силе, Л. Лукулл успешно прерывал снабжение крупной группировки сил Митридата, проводя непрерывные набеги на продовольственные транспорты противника, из-за чего силы малоазийской коалиции терпели немалые лишения.

К активности на суше, направленной на ограничение всестороннего обеспечения восьми армий понтийско-серторианской коалиции, Л. Лукулл добавил еще и успешные действия на море, перехватывая все идущие из Понта продовольственные грузы.

В результате успешных не прямых действий римлян, приведших к серьезному недостатку продовольствия, царь Митридат в одну из ночей решил снять свои армии с осады Халкедона и увести их в новый операционный район. Этим новым районом боевых действий был город Кизик, который безуспешно осаждала понтийская армия под руководством сицилийца Гермократа.

Как только Лукулл узнал об отходе всех сил своего противника, он сразу же, не теряя времени, двинул свое войско вслед за отходящим Митридатом и стал лагерем неподалеку от 10 новых лагерей понтийско-серторианского войска. Теперь уже в районе города Кизик были сосредоточены крупные силы, где неизменному по количественному показателю войску римлян противостояло стотысячное войско под руководством понтийского царя Митридата VI.

В новом операционном районе Лукулл прибегнул к новой уловке и принял действенные меры по окружению стана противника, осаждавшего союзный Риму город Кизик кольцом фортификационных сооружений. В результате многочисленные силы Митридата были лишены оперативного простора, сильно стеснены в действиях и ограничены в снабжении, оказавшись таким образом сами в осажденном положении.

Именно в этот момент после тщательно проведенной оценки обстановки вокруг города Кизик римский консул Л. Лукулл сказал своим офицерам знаковую фразу:

«Через несколько дней, соратники, я добуду вам бескровную победу».

Помимо успешно проведенных работ с внешней стороны стана царя Митридата, римский полководец успешно провел непрямую операцию в кругу полководцев понтийского царя.

Через своих лазутчиков Лукулл привлек на свою сторону одного из понтийских полководцев из числа римлян – Л. Магия, который сумел на военном совете убедить Митридата принять выгодное для римлян решение на тактическом уровне. В результате деятельности Л. Магия римляне смогли успешно занять гору предместья Кизика, чем обеспечили полное блокирование армий Понта, не допуская их (армий) снабжения по суше.

В сложившейся обстановке Митридат был поставлен перед выбором: или ему попытаться вывести свои армии из искусно созданной Л. Лукуллом ловушки, или же с еще боль-

шим упорством и напряжением сил пытаться взять штурмом город Кизик. И из небольшого выбора вариантов действий Митридат выбрал самый худший. Вместо возможности вывода своих армий на оперативный простор, перегруппироваться и, пользуясь преимуществом в силах и средствах, попытаться самому закордонить относительно небольшие силы римлян и, поставив противника в безвыходное положение, разбить его в одном или нескольких сражениях, понтийский царь принялся с еще большим усердием штурмовать Кизик.

Вот на таком оперативно-тактическом фоне противостояния Рима и Понта кампания Малоазийского театра военных действий 74 года перешла в следующий 73 год до н. э.

В наступившем году внутренняя обстановка в стане понтийских сил еще больше усугубилась. Армии сильно страдали от нехватки продовольствия, болезней и холода. Истощение сил Митридата достигло наивысшей точки. Понтийско-серторианские бойцы перестали хоронить своих умерших товарищей, просто выбрасывая тела за пределы полевого лагеря. В измученном голодом войске стали распространяться случаи каннибализма.

В условиях сильно ограниченных поставок продовольствия страдала и кавалерия понтийцев. Кони были максимально истощены, над которыми помимо смерти от голода нависла угроза просто быть съеденными голодающей армией. Таким образом Митридат, кроме всего прочего, мог лишиться всей своей кавалерии как главной маневренно-удар-

ной силы своего войска, без которой невозможно было претендовать на успешное ведение боевых действий и проведение военной кампании в целом.

Последними каплями для понтийских полководцев, которые лишили их остатков терпения и после которых понтийский царь был вынужден согласиться собрать военный совет, стали удачно проведенные дерзкие вылазки кизикийцев. Сначала защитникам города удалось обрушить подкоп, который долго сооружали понтийские войска, а потом кизикийцы сожгли искусно созданные фессалийцем Никонидом осадные машины, придвинутые к стенам города.

Эти неудачи у стен Кизика на общем фоне ухудшившейся внутренней обстановки в стане войск окончательно вывели из себя царя Митридата и его полководцев.

На очередном военном совете, несмотря на сложившуюся неблагоприятную обстановку для митридатových сил и мнения его полководцев, понтийский царь опять продавил на совете свое персональное решение, которое оказалось роковым для его сил. Таким образом понтийскими полководцами был упущен момент, когда еще можно было без серьезных для себя последствий спасти армии и изменить ход всей кампании в свою пользу.

Согласно замыслу Митридата, спасение своих армий он видел не через перегруппировку своих сил и изменение оперативно-тактической обстановки, а через решение продовольственной проблемы, оставаясь на прежних позициях.

Решение проблемы прорыва внешнего кольца и доставки необходимого количества провианта было возложено понтийским царем на командующего одной из армий, сицилийца Гермократа.

Надо сказать, что сицилиец грамотно подошел к решению поставленной задачи и, если бы не полководческий гений консула Л. Лукулла, может быть понтийскому полководцу операция по проведению крупного продовольственного конвоя и удалась бы. Однако на последнем этапе операции ему предстояла еще более сложная задача по возвращению груженого большого каравана назад, который был сильно уязвим вдали от основных своих сил при достаточно высокой оперативной активности римского войска.

Для успешного прорыва крупной группы понтийских войск Гермократ спланировал отвлекающее действие, на которое должен был отвлечь свое внимание римский полководец, что обеспечило бы первичную скрытность выдвижения крупной обозной колонны. Тот временный задел, связанный с ожидаемым временем задержки реакции римлян, на который так надеялся понтийский полководец, должен был минимизировать влияние факторов медлительности и неповоротливости армейского обоза на ход операции по прорыву и выходу на оперативный простор.

Новая волна кинетической активности противостояния Л. Лукулла и Митридата в районе города Кизик была запущена в феврале 73 года до н. э.

Как и было задумано, сначала понтийцами была успешно проведена морская десантная операция, в результате которой достаточно крупный отряд закрепился в старом укрепленном опорном пункте, находившемся в тылу римлян.

Очень быстро римляне среагировали на появление врага у себя в тылу, оперативно приняв контрмеры по зачистке своего тылового пространства. Силами в один легион и подразделением обеспечения, которые возглавил сам римский консул, римляне осадили занятый противником укрепленный район, пытаясь выбить группу морского десанта понтийцев.

В свою очередь Гермократ, воспользовавшись темным временем суток, привел в движение выделенные ему силы, общая численность которых достигала половины численности всего понтийского войска, и направился в Вифинию в надежде достичь своих продовольственных баз.

Несмотря на ожидания своего противника, консул Л. Лукулл очень быстро отреагировал на изменение оперативной обстановки, вернулся в ставку с целью организации преследования противника, приняв большой конвой противника за главную цель.

Надо сказать, что для организации своевременного выступления сил преследования Л. Лукуллу пришлось задействовать весь арсенал своих личностных лидерских качеств. Ввиду резко ухудшившихся погодных условий, а это снег, сильный ветер и минусовая температура, привыкшие к теплу римские войска не легко было оперативно поднять на орга-

низацию преследования. Но фактор авторитета военного лидера сыграл свою положительную роль, что еще раз доказывает важность наличия авторитета военачальника в войске, и Л. Лукуллом была своевременно начата операция по преследованию и недопущению прорыва понтийского конвоя к своим продовольственным базам.

В результате римский полководец силами, состоявшими из одного легиона, 2 тыс. всадников и приданных вспомогательных сил, настиг противника у реки Риндак и полностью его разбил. Из всего боевого охранения, силы которого включали десятитысячную армию и 9 тыс. кавалерии и под охраной которого находился сорокатысячный обоз понтийцев, только в плен были взяты 15 тыс. человек, захвачены 6 тыс. коней плюс, естественно, еще и сам обоз.

Таким образом Митридат враз лишился целой армии и большей части своей кавалерии, оставшаяся же в лагере кавалерия находилась в крайне плачевном состоянии.

Сразу после одержанной победы римляне провели акцию устрашения своего противника, проведя длинную колонну военнопленных мимо понтийского лагеря, что, наряду с гибелью самого Гермократа, сильно повлияло на боевой дух понтийско-серторианского войска.

На очередном военном совете, созванном после чувствительного поражения, царь Митридат опять проявил свои «лучшие» качества полководца и не принял советов своих полководцев по отказу от осады Кизика и вывода своих ар-

мий в новый операционный район, осуществив таким образом прорыв через кольцо окружения.

Немалое влияние на принятие такого решения понтийского царя оказала очередная некинетическая акция Л. Лукулла, благодаря которой Митридат угодил в очередную искусно организованную ловушку.

Через митридастову агентуру римский военачальник донес до ушей понтийского царя, что фимбрианское войско готово перейти на сторону Митридата. Таким образом вовремя запущенная дезинформация достигла своей цели и вынудила Митридата решительно отвергнуть доводы своих полководцев и продолжить осаду заколдованного для понтийцев города, собственноручно продолжая обеспечивать противнику благоприятные условия в данном операционном районе.

Тайно посланный Митридатом в стан римлян для проведения переговоров с «перебежчиками» знатный придворный Архелай был схвачен фимбрианцами, а его охрана была перебита. Унизительный провал в тайной войне стал вторым чувствительным поражением с начала 73 года, а дальше было хуже.

Вслед за февральскими морозами резко наступила оттепель, тепло которой повлияло на состояние множества ранее выброшенных за пределы понтийского лагеря трупов солдат, их разложение привело к началу эпидемии в стане войск Митридата.

Только после этих событий понтийский царь смирился со

своей участью и принял запоздалое решение о снятии осады с города Кизик и начале прорыва за пределы римского кольца окружения.

По новому замыслу Митридата, его войско, разделенное на две части, должно было двинуться в западном направлении, промежуточной целью для которого должен был стать остров Крит. Этот остров, находившийся под властью союзных Митридату морских пиратов, понтийский царь имел намерение сделать главной военно-морской базой, откуда он планировал произвести вторжение в Италию.

Таким образом понтийский царь почему-то отказался от противостояния с ограниченным римским контингентом на территории Малой Азии и приступил к осуществлению плана по переносу театра военных действий на территорию противника.

Перед началом движения своих сил Митридат распространил ложный слух о том, что он возвращается со своим войском назад в Понт, после чего выступил в поход в обратном направлении.

Под своим командованием Митридат собрал лучшую часть понтийско-серторианских сил в количестве 50 тыс. человек, после чего вместе с римским эмигрантом М. Варием погрузился на корабли и взял курс на остров Крит. По маршруту следования он взял город Приап и позволил его ограбить своему войску. Далее была сделана безуспешная попытка захватить город Перинф, после чего флот Митридата стал

на якорь на острове Парос в 240 километрах от намеченной главной точки сосредоточения своих сил – острова Крит.

Параллельно морскому походу Митридата другая часть понтийско-серторианского войска выдвинулась наземным путем в том же направлении. Идя колонной войск, понтийские силы были поделены на три тактические части, авангард которых находился под руководством М. Мария, центром командовал Гермей, а арьергардом руководил Таксил.

Надо сказать, что принять план осуществления вторжения в Италию всеми своими силами, оставляя у себя в тылу такую грозную силу, как почувствовавшую вкус победы римскую армию под руководством Л. Лукулла, было крайне неосмотрительно со стороны царя Митридата VI Евпатора. Даже при условии удачно воплощенного начального этапа кампании по вторжению в пределы Италии Митридат почти наверняка лишился бы своего собственного понтийского царства. Силы Л. Лукулла в отсутствии сопротивления получали возможность взять под контроль Малую Азию, включая и сам Понт, намного раньше, чем понтийско-серторианские силы добились бы хотя бы промежуточных успехов в борьбе с Римом на его территории. После лишения противника его ресурсной базы консул Л. Лукулл получал хорошую возможность ударить в тыл Митридату всеми или только частью своих сил, после чего силы вторжения оказались бы в крайне затруднительном положении даже при условии социальной нестабильности в Римской республике.

Помимо чисто человеческих и материальных потерь, цепь поражений Митридата в противостоянии с Л. Лукуллом приводила и к сильнейшим морально-психологическим потерям в стане войск понтийско-серторианской коалиции. Каждое проигранное сражение или неудачно воплощенные мероприятия задуманного понтийским военачальником плана действий подрывало веру бойцов в свои силы и в авторитет полководцев, что оказывало сильное деморализующее воздействие на рядовых воинов и ослабляло стойкость армии в бою. А с такими настроениями в войске не стоило бы Митридату помышлять о высадке своих армий на Апеннинском полуострове и вступлении в прямое противостояние с римской армией на ее территории. Неспособна была остановить моральное разложение войска и отдача взятых городов на разграбление своим воинам, что, кроме усугубления внутреннего разложения и ухудшения дисциплины в армии, ни к чему больше не приводит.

Очередной стратегической ошибкой царя Митридата не замедлил удачно воспользоваться римский полководец, который уже на самом начальном этапе исполнения своего плана понтийцами приступил к организации прямого уничтожения своего противника по частям.

Узнав о выходе из района Кизика сил противника, Л. Лукулл, не имея возможности организовать преследование самого понтийского царя морем, организовал преследование наземной колонны понтийско-серторианских войск. Нагнав

своего противника у первой же водной преграды, римский полководец атаковал противника во время его переправы сначала через реку Эсеп, а затем и на реке Граник. В результате двух атак римляне нанесли очередное поражение понтийцам и их союзникам, которые потеряли убитыми около 20 тыс. человек со множеством взятых в плен. Судя по тому, что в сражениях погиб командующий понтийским арьергардом Таксил, то основные потери были понесены именно его, Таксила, армией.

Уцелевшая часть понтийских сил нашла убежище в прибрежном городе Лампсак, где они и закрепились.

Придя на плечах отступающего противника к Лампсаку, Л. Лукулл, ввиду отсутствия в его распоряжении морской составляющей, понял, что в складывающихся условиях в приморском районе боевых действий без флота ему не удастся эффективно бороться с силами Митридата, поэтому римский консул принял решение частью своих сил продолжить блокировать город Лампсак со стороны суши, а другой своей частью пройти по прибрежной линии в целях собирания своего флота. Следует отметить, что подобное временное расчленение своих относительно небольших сил римский полководец позволил себе лишь благодаря стойкому владению им оперативной инициативой и пассивному характеру действий войска Митридата, который стал уклоняться от прямых боевых столкновений со своим визави.

Именно в Лампсак, где Л. Лукулл со своими силами оса-

дил армии М. Мария и Гермея, царь Митридат отправил свой флот для спасения своих сил и эвакуацию своей наземной части войск на остров Парос.

Вернувшийся в Лампсак флот понтийцев застал там свои армии в полной панике, поэтому эвакуация его сил происходила в полном хаосе и неразберихе. Уже через сутки после погрузки уцелевшие войска Понта, что совершали наземный марш, были доставлены на остров Парос.

Собрав все оставшиеся силы и средства, понтийский царь созвал очередной военный совет, на котором представители серторианского крыла Варий и Марий отговорили Митридата от собственнического вторжения в пределы Римской республики, мотивируя свою позицию тем, что понтийский царь должен остаться дома и гарантировать безопасность своего царства, потому как потеря самого Понта и контроля над другими землями Малой Азии способны погубить все начинания понтийско-серторианской коалиции. Помимо разрешения чисто военной проблемы, лидеры серторианцев при понтийском дворе решили важную для себя политическую задачу, связанную с недопущением вторжения самого Митридата VI в пределы Италии.

Совместное вторжение сил понтийско-серторианской коалиции под общим руководством царя Митридата VI Евпатора в пределы Римской республики сразу же поставило бы все серторианское движение в недвусмысленное положение внутри республики. Несмотря на то, что конфликт между

сторонниками Сертория и Суллы находился в своей горячей фазе, ситуация, когда серторианцы вернулись бы в страну в рамках вторжения чужестранных сил, объективно выставила бы всех сторонников Сертория в глазах собственных граждан пособниками сил внешнего вторжения – внешних врагов Рима. Вот почему для серторианцев было важно отговорить понтийского царя от собственноличного вторжения на Апеннинский полуостров.

Итак, после очередного совета на острове Парос Митридат разделил свои силы на две части. Для серторианского возвращения домой были выделены 4 армии по 10 тыс. человек под командованием римлян Мария и Вария, а также фракийца Дионисия и пафлогийца Александра плюс флот. С остальной частью своих войск и флота понтийский царь Митридат намеревался защищать свое царство от вторжения войск Л. Лукулла вдоль линии побережья Вифинии от Никомедии до северного побережья Понта Эвксинского (Черное море).

Оставив «итальянские армии», понтийский царь со своим войском вышел в море. Через сутки в результате разбушевавшейся стихии понтийский флот с большими потерями был вынужден высадиться на острове Лемнос. За одни сутки морского похода Митридат потерял большую часть своего войска, что вынудило его послать корабль назад на Парос, с приказом выслать ему 3 армии, чему и повиновались полководцы Варий, Дионисий и Александр.

Таким образом, для осуществления мечты серторианцев в их распоряжении для начала активных действий с южного направления была только армия Мария и 50 кораблей.

Прибыв на остров Лемнос, три полководца не застали там Митридата, который, испугавшись новости о том, что Л. Лукулл собрал флот, скоропалительно покинул остров, оставив приказ М. Варию, Дионисию и Александру встретить здесь римлян и дать им бой.

В это же время Марий получил приказ Митридата и Вария покинуть Парос и отплыть на Лемнос, с тем чтобы, объединившись там с тремя армиями, ждать встречи с силами Л. Лукулла.

Вслед за этим Мария ждал еще один удар, который, по сути, ставил крест на возвращении серторианцев в Италию. На Лемнос прибыла пиратская эскадра под командованием испанского адмирала Исидора, который привез приказ от самого Сертория об отмене похода в Италию.

Эти два приказа от Митридата и Сертория возмутили южные силы серторианцев, которые с нетерпением ждали возвращения на родину, чтобы уже дома вступить в борьбу за власть в Риме с сулланцами. Для принятия решения Марию понадобилось собрать собственный военный совет, на котором было решено как минимум исполнить приказ Митридата и уйти на Лемнос для воссоединения с остальными своими силами.

В этот момент взаимосвязь цепочки событий, происходя-

щих по линии Испания – Италия – Малая Азия, обрывалась, после чего действия серторианцев в Иберии, спартаковцев в Италии и понтийско-серторианских сил в Малой Азии стали осуществляться как отдельные военные кампании вне общего замысла действий, хотя еще недавно казалось, что все начавшиеся события на трех театрах военных действий имели четкую корреляцию по месту, времени и конечной цели. Это и объясняет дальнейшую нелогичность действий врагов сулланского Рима, что в конечном итоге и приведет серторианцев, понтийцев и спартаковцев к логическому поражению каждой партии по отдельности.

Объединив свои корабли и пиратские суда испанца Исидора в единую эскадру, М. Марий направился к Лемносу для соединения с основными своими силами. На пути следования в районе Ахейской гавани, что между материком и островом Тенедос, эскадра Мария была атакована недавно собранным Л. Лукуллом флотом. В результате краткосрочного морского сражения примерно из 50 кораблей серторианцев римлянам удалось взять на бордаж 13 понтийских пентер, в этом же сражении нашел свою смерть пиратский адмирал Исидор.

Сразу после сражения, римский полководец, поставив в свой строй призовые 13 кораблей противника, организовал немедленное преследование отступающего серторианского флота. Как оказалось, это была только первая часть операции, в которой Л. Лукуллу удалось полностью уничтожить

серторианское крыло при понтийской армии.

Нагнав неприятельский флот у северо-западной части Лемноса, где высадился Марий, римский полководец за несколько часов боя успешно покончил с силами М. Мария, а сам серторианский полководец был взят в плен. Не помогли армии Мария ни его попытка укрыться за сложным прибрежным рельефом местности, ни посланное письмо-предупреждение о приближении флота Лукулла своим соратникам, которые слишком долго решали, что им делать, за что, собственно говоря, они и были наказаны.

После успешно выполненной двухходовки, не теряя темпа, римский полководец перегруппировал свои силы и приступил к исполнению второй части своей операции.

Одну часть своего флота Лукулл подчинил своему легату Кв. Воконию, и отправил в направлении города Никомедия с целью блокирования там Митридата и недопущения его прорыва морским путем далее в район северного побережья Малой Азии.

С оставшимися силами консул Лукулл, получив сведения от пленных о месте нахождения основных понтийско-серторианских сил на острове Лемнос, направился к месту их стоянки. Даже потеряв фактор внезапности, Л. Лукулл успешно провел десантную операцию, высадив свои силы на берег и нанеся поражение армиям М. Вария, Дионисия и Александра. Однако трем полководцам с частью своих сил все-таки удалось спастись бегством в море. И опять римский

полководец, не теряя времени, организовал преследование отступающих сил противника сразу по двум направлениям: морем, прижимая корабли противника к береговой черте, не давая им возможности выйти в открытое море, и берегом. В результате, после того как остатки понтийско-серторианского войска вынужденно причалили к берегу, они были сразу же атакованы и разбиты римлянами.

Все попавшие в плен понтийско-серторианские бойцы, в том числе и их полководцы, кроме принявшего яд Дионисия, были немедленно сортированы. Всем понтийцам была сохранена жизнь, знать была оставлена для триумфа победителей, а остальным была уготована участь продажи в рабство. Иная судьба ждала римлян-серторианцев. Всех серторианцев пропустили через военно-полевой суд, после чего все командиры были немедленно казнены.

Так в четыре хода Л. Лукулл покончил сразу с четырьмя армиями понтийско-серторианской коалиции и их флотом, в результате чего было полностью уничтожено серторианское крыло при понтийском дворе.

Весть о страшном поражении его армий застала понтийского царя в столице Вифинии Никомедии, после чего Митридат поспешно оставил город и отбыл морем в пределы своего царства, успев ретироваться до прихода туда сил легата Кв. Вокония.

Далее Л. Лукулл перегруппировал свои силы и принялся брать под контроль территории Малой Азии, уничтожая раз-

розненные части войск понтийцев, что были разосланы Митридатом по просторам Малоазийского театра боевых действий в качестве гарнизонов. Вскоре армия фригийца Эвмаха была уничтожена, города были взяты под контроль римлян, а у острова Тенедос силами Г. Триария удалось уничтожить возвращавшийся из Испании и с Крита оставшийся флот понтийцев, численность которого достигала 80 кораблей.

Так к концу мая 73 года до н. э. силами римского консула Л. Лукулла было уничтожено $\frac{3}{4}$ понтийско-серторианского войска, а царь Митридат лишился практически всего своего флота. Был восстановлен контроль Рима над Вифинией, Азией и Киликией, поражения понтийского царя полностью подорвали его авторитет в регионе и среди его союзников.

После одержанных военных побед консул Л. Лукулл сразу же приступил к некинетической активности над взятыми под контроль Вифинией, Азией и Киликией, пытаясь вернуть их к мирной жизни и понизить уровень негативного отношения местного населения к римской власти.

Таким образом своей административно-реконструкционной активностью римский полководец решал чисто финансовую задачу как государственный деятель и околвоенную задачу по формированию зоны безопасности, которая должна была стать для него, как полководца, тыловой базой для обеспечения дальнейшей кинетической активности против еще непокоренного царя Митридата на территории самого

Понта.

Не следует забывать, что в это время начиналась активная фаза восстания под руководством Спартака на территории Италии, поэтому римляне были крайне заинтересованы в умиротворении малоазийского очага напряженности, чтобы как минимум не распылять и без того ограниченные силы и средства, которые были растянуты на три театра боевых действий (Испанию, Италию, Малую Азию).

Вот на таком фоне в самом начале июня 73 года в Нико-медии римляне держали военный совет на предмет дальнейших действий на Малоазийском театре военных действий. Несмотря на то, что общее настроение участников военного совета выражало поддержку предложению дать армии полноценный отдых после великих ратных дел, консулу Л. Лукуллу удалось склонить своих соратников принять свой план действий.

По плану римского полководца районы боевых действий должны переместиться на территорию Понта, а стратегия действий римлян заключалась в параллельном ведении активных боевых действий против армий Митридата уже на его территории и продолжении развития операций на пройденных территориях с кинетикой низкой интенсивности, направленной на поддержание соответствующего режима безопасности и тушение оставшихся очагов сопротивления, а также высокой активностью некинетических действий – реконструкционных мероприятий.

Для исполнения принятого плана действий Лукулл разделил свои силы на две части, одной из которых была поставлена задача по прямому вторжению в царство Митридата, а другой части войск вменялась охрана малоазийской линии прибрежной полосы и завершение осады города Гераклеи.

Вторжение в Понт, начавшееся в июне 73 года до н. э., осуществлялось по двум направлениям двумя сходящимися ударами, точкой сбора для которых служил город Амис. Первое направление удара проходило через Вифинию и Пафлагонию вдоль побережья Понта Эвксинского, а другое, юго-западное направление проходило через Вифинию и Галатию с необходимостью форсирования реки Галис.

Первую колонну вел Л. Мурена, конечными точками для которого были столичные понтийские города Синопа и Амис. Вторая колона под руководством Л. Лукулла двигалась через сельские местности к Амису, где две римские армии должны были встретиться.

Римский полководец намеренно оставлял в стороне города, ведя свою армию через сельскую местность, чтобы не допустить разграбления городов, предпочитая их подчинять Риму мирным путем. Этим консул Л. Лукулл решал сразу две основные задачи: во-первых, не допуская проявлений мародерства, он поддерживал дисциплину войска на марше, которому еще предстояло сразиться с противником, а во-вторых, римский консул решал вопрос сохранения экономической основы будущей римской внешней провинции, ведь

в конце концов война должна еще и приносить банальный доход империи, а не только ущерб. Параллельно Л. Лукулл лично совершал поездки в Вифинию и Азию, приводя административные и экономические дела провинций в порядок.

Довольно быстро, к середине июля 73 года, две армии Рима подошли к городу Амис, что заставило царя Митридата ретироваться на восток в пределы города Кабира. Все оставшиеся месяцы года римляне провели в осаде понтийских городов Амис, Евпатории и Темискары. В этот период царь Митридат, собрав 40 тыс. пехоты и 4 тыс. всадников, решил выдвинуться от Кабира в северном направлении в надежде пробиться к морскому побережью, но вынужден был отказаться от своих намерений, вернувшись в город, после того как римский консул снял часть своих сил с осады Амиса и двинулся навстречу силам Митридата.

После первых стычек с передовыми силами Митридат, видя непоколебимость Л. Лукулла дать генеральное сражение, уклонился от боя и вернул свои силы в Кабиры, а римский полководец вернул свои силы к Амису для продолжения его осады.

Вот так закончилась кампания третьей Митридатовой войны 74–73 годов до н. э. на просторах Малой Азии.

Из-за своей упертости понтийский царь Митридат VI Евпатор, начав третью войну против Рима с хороших стартовых позиций, полностью ее проиграл за год военной кампании 74–73 годов до н. э.

Несмотря на то, что начатая в 74 году до н. э. война с Римом официально продлится еще десять лет, уже с середины 74 года по объективным причинам стало понятно, что царь Митридат не может претендовать на победу над Римом и лидерство в своем регионе, а исход войны фактически стал зависеть от желания и интенсивности действий римских войск в пределах Малой Азии, Кавказа и Ближнего Востока.

Понтийско-серторианский ресурс Малой Азии был базовым для всех сил, вступивших в открытое противостояние против сулланского Рима. Вот почему поражения понтийского царя Митридата VI Евпатора в военной кампании 74–73 годов до н. э., после которых он уже не смог восстановить свой военно-экономический потенциал, явились определяющими для всего хода событий по линии Испания – Италия – Малая Азия.

Выбитая ресурсная основа для всех союзников Понта (серторианцы, морские пираты, восставшие рабы) определила стратегическую победу Рима над всеми внутренними и внешними врагами, которая была обеспечена успешными действиями армии консула Л. Лукулла на Малоазийском театре военных действий.

Потерпев чувствительные поражения, Митридат был вынужден отказаться от оказания всесторонней поддержки по возвращении партии серторианцев в пределы Италии и направил все свои силы и средства на собственную безопасность и защиту Понта, что полностью разрушило весь пер-

воначальный замысел действий союзников.

Таким образом, Л. Лукулл, нанеся поражение понтийско-серторианским силам в кампании 74–73 годов до н. э., по сути дела расстроил все планы своих противников одновременно на всех направлениях, после чего как минимум Серторий в Испании и Митридат в Малой Азии, а как максимум и восставшие спартаковцы с ними, уже стали действовать без взаимодействия друг с другом. Особенно отрицательно это сказалось на восстании рабов и нижних слоев населения Италии под руководством Спартака, который, потеряв или не найдя политической основы восстания, не смог грамотно распорядиться поднятым ресурсом и привести восстание к своему логическому завершению с достижением конечной военно-политической цели, в которой политическая составляющая должна была быть определяющей на конечном этапе восстания.

С отсутствием общих промежуточных и конечной целей союзников терялся физический смысл в первую очередь комплекса мероприятий серторианцев в Испании и на Малоазиатском театре военных действий, связанных с восстановлением своей власти в Риме, и сопутствующего их активности восстания народных масс в Италии, что и сделало невозможным возвращение серторианской партии домой в статусе победителя.

Противостояние Л. Лукулла и Митридата VI Евпатора интересно в первую очередь не тактикой действий и схемами

построения боевых порядков противоборствующих войск на полях сражений, а разностью стратегий действий и одержанной римлянами победой без проведения хотя бы одного генерального сражения.

Римский полководец больше стремился создавать благоприятные условия как непосредственно в районе боевых действий, так и в регионе в целом, при этом ставя своего противника в положение выбора между плохим и очень плохим направлением действий.

Понтийский царь привел свои армии к стандартам организации римского войска и, соответственно, думал, что и характер ведения боевых действий перейдет в общепринятую плоскость противоборства подобного с подобным, где решающую роль должна будет играть разность военной мощи активизированных войск. Именно на это и сделал ставку Митридат, пытаясь воспользоваться благоприятными стартовыми условиями во внешней среде (географическая, социальная), обусловленными игрой на своем поле, и доведя количественный показатель своего войска (сухопутную и морскую составляющие) в разы превышающий уровень сил и средств, которыми располагал римский консул Л. Лукулл, после того как римлянами был собран максимум их сил на Малоазийском театре военных действий.

В распоряжении Л. Лукулла была армия общей численностью около 30 тыс. пехоты и 2,5 тыс. конницы против двенадцати десятитысячных армий при 16 тыс. всадников и вну-

шительном флоте в 400 кораблей понтийско-серторианского войска плюс союзный пиратский флот. Социальная карта сформированного театра военных действий была на стороне Митридата ввиду ненависти и нетерпимости местного населения к Риму. Массовое привлечение на свою сторону народов Малой Азии обеспечивало понтийским полководцам превосходство перед римлянами в знании окружающей географической среды и природы и возможности наладить должным образом систему всестороннего обеспечения своих армий.

В отличие от своих оппонентов, Л. Лукулл, исходя из характера действий понтийско-серторианских сил и сложившейся обстановки театра военных действий, очень четко понимал, что единственным, что может обеспечить ему общий успех в данной военной кампании, был отказ от классической схемы противоборства и увод своего противника в иную систему координат военного противоборства, где все его преимущества будут нивелированы, то есть не будут играть решающей роли в противостоянии.

Л. Лукулл принял единственно правильное решение, сначала более-менее стабилизировав собственный тыл и сконцентрировав свои силы и средства и только затем выведя свою армию на оперативный простор. Войдя в район боевого соприкосновения, римляне уклонялись от прямого боевого столкновения с основными силами понтийско-серторианской коалиции, при этом постоянно наседая над ними и на-

вязывая бои противнику только на выгодных для себя условиях.

Римский полководец противопоставил стратегии прямых действий с конвенциональным применением силы так называемую стратегию не прямых действий. Уйдя в сферу неконвенционального применения силы, римляне локализовывали район боевых действий, проводя мероприятия по кордонированию активных сил противника, умело пользуясь географией операционного района. Стараясь максимально лишить действующего противника свободы передвижения, параллельно нарушая линии коммуникаций, римские силы всеми доступными средствами удерживали противника в таком напряженном положении определенный отрезок времени, после чего приступали к уничтожению истощенных сил противника по частям.

Такими непрямыми действиями в кампании 74–73 годов до н. э. на Малоазийском театре военных действий Л. Лукулл принуждал противника как максимум отказаться от своих намерений или как минимум изменить ход событий в операционном районе в свою пользу.

Таким образом, уже в начальный период третьей Митридатовой войны после череды чувствительных поражений понтийский царь полностью утратил свое стратегическое преимущество в военном потенциале и авторитетном влиянии на просторах Малой Азии, которые он уже не сможет восстановить до конца своих дней. Это и определило конечный

итог последней Митридатовой войны и не только ее.

Серторий

На Иберийском театре военных действий дела у самого Сертория также не отмечались успехами. С наступлением весны 73 года Помпей и Метелл вывели свои войска за линию реки Ибер и начали экспансию вглубь подконтрольных Серторию территорий. В текущем году римские полководцы в первую очередь отдавали приоритет непрямым действиям своих сил, предпочитали добиваться необходимого успеха, не вступая в кровопролитные сражения с врагом, благо, состояние дел в стане противника в Испании и Малой Азии позволяло эффективно использовать данную стратегию действий.

В первом эшелоне экспансии сулланцев в Иберии шли римские разведчики, которые проникали далеко вглубь территории, подконтрольной противнику, где входили во взаимоотношения с общинами местных народов, склоняя их на свою сторону, и посредством заговоров и интриг, искусно плодили множество очагов напряженности.

Подготовив таким образом для себя благоприятную внешнюю среду в операционном районе, Помпей и Метелл приступали к прямому противостоянию с силами своего противника, осаждая города, где стояли гарнизоны серторианских сил. Благодаря характеру таких действий, Помпею и Метеллу удалось значительно расширить зону своего влия-

ния боевыми действиями малой интенсивности.

В свою очередь, ввиду усугубляющегося внутреннего раскола в стане римлян-эмигрантов, весь 73 год Серторий был занят внутривнутрипартийными делами и лично не руководил своими войсками, поручив руководство военными операциями своим легатам.

Внутрипартийный раскол и интриги заставляли серторианских военачальников включиться во внутривнутриполитическую борьбу и интриги, не забывая при этом вести тайную переписку с единомышленниками в Риме. Не добавляли оптимизма серторианцам и приходящие в течение лета известия с Малоазийского театра военных действий и вести из самой Италии. Боевой дух серторианцев сильно упал, боевые действия они вели крайне вяло и безынициативно.

Римские полководцы Помпей и Метелл четко понимали, что залогом их победы были успешные действия Л. Лукулла в Малой Азии и, как это ни странно, успешные действия восставших в Италии, а ключиком к их победе над Серторием являлся набор не прямых действий, направленных в первую очередь на интриги и подготовку заговора в стане противника.

Таким образом, по обоюдному негласному согласию противоборствующие стороны на Иберийском театре военных действий, крайне вяло проведя кампанию весны-лета 73 года, с наступлением осени развели свои войска на зимовку, причем оперативную инициативу удерживали за собой Пом-

пей и Метелл.

Подтверждением чаяний Помпея и Метелла будет следующий 72 год, который станет роковым для Сертория и всего оппозиционного движения популяров.

Весной 72 года римские полководцы после зимовки опять вывели свои войска на оперативный простор, перейдя реку Ибер.

В этот год развязанный Спартаксом террор против власть имущих на юге Италии, о чем речь пойдет немного позже, еще больше расстроил ряды серторианцев, а проявления пораженческой политики стали еще более явными, и первую скрипку в этом играло правое крыло серторианцев. Военачальники серторианских сил от правого крыла вошли в тайные соглашения со своими противниками и лишь имитировали сопротивление силам Помпея, в результате чего их противник далеко продвинулся по территории, взяв под контроль многие города.

Надо отметить, что лидер всего оппозиционного римского движения популяров в изгнании второй год не проявлял своих лидерских качеств и самоустранился от решения проблемы по консолидации своих политических и военных сил. Особенно пассивно Серторий повел себя по отношению к процессу убеждения своих сторонников по принятию и четкому следованию выработанной ими стратегии действий с оказанием действенной и своевременной поддержки своим сторонникам и союзникам на разных операционных направ-

лениях и театрах военных действий в широкомасштабной кампании по возвращению его партии к власти в Риме. Это и погубило самого Сертория, и все политическое движение популяров.

Это еще раз подтверждает факт особого влияния личностного фактора военачальника или лидера на ход военной кампании и важности исследования его роли и места в системах координат различных форм вооруженной борьбы.

Открытое предательство правого крыла серторианцев и военно-политический ступор лидера движения привел к большому недовольству левый фланг марианской партии, в результате чего в стане левых стал зреть заговор против Сертория.

Однако левый заговор был успешно раскрыт Серторием, после чего репрессиям было подвергнуто большое число его соратников. Как видно, своими подрывными действиями правое крыло вынудило левые силы подставиться под военно-политическую неразборчивость своего вождя.

После того как внутренние политические оппоненты были убраны со сцены, правые и примкнувшие к ним центристы подготовили новый заговор, конечной целью его было физическое устранение лидера оппозиционного движения популяров – Сертория, на стороне которого оставалось совсем мало преданных последователей.

Лидером заговорщиков стал знатный римлянин по имени Перперна, который со своими сторонниками выработал

план действий, являвшийся логическим продолжением начатой до этого активной подрывной деятельности военачальников от правого крыла популяров.

В первую очередь заговорщики лишили Сертория поддержки испанского населения, проводя компрометацию своего лидера посредством угнетения местного населения от лица Сертория.

Естественно, сила действия породила силу противодействия, и на подконтрольных Серторию территориях возникли волнения и восстания. Такой ход событий, в конце концов, вынудил Сертория совершить роковую ошибку – провести репрессивные действия над детьми испанцев, что сильно озлобило население Испании. Дело было сделано, и Перперне с товарищами удалось, как говорится, выбить почву из-под ног Сертория.

Но и в этот раз оставшимся сторонникам Сертория удалось раскрыть заговор против их лидера, после чего последовала новая волна репрессий, в которых, однако, Перперне удалось сохранить свое положение.

После того как внутреннее положение в стане серторианцев немного стабилизировалось, Перперна и уцелевшие его соратники приступили к воплощению плана физического устранения Сертория.

Для этого в середине июля 72 года был организован пир в честь мнимой победы над врагом, на котором и погиб Серторий под ударами заговорщиков.

После гибели Сертория союзники в римском оппозиционном войске разбежались, а сам Перперна, унаследовав власть, с оставшимися римскими легионами дал бой силам Помпея, который и был «успешно» проигран популярями. Одержав победу, Помпей воистину отблагодарил Перперну за его козни и предательство своей партии и приказал убить последнего лидера популяров еще до того, как он явится в стан оптиматов. Таким образом Помпей даже в час победной эйфории, не утратив политического чутья государственного деятеля, избавил Рим от деятельности Перперны.

Так в середине 72 года до н. э. была закончена испанская эпопея римских эмигрантов из числа популяров, и вслед за выведением из игры понтийско-серторианской коалиции на малоазиатском направлении был закрыт Испанский театр военных действий.

Спровоцированное самоуничтожение партии популяров произошло в первую очередь не из-за их военного поражения на поле боя, а вследствие допущенной ее первыми лицами стратегической ошибки в политической плоскости противостояния с оптиматами.

С началом волнений низких социальных слоев – крестьянства и городского плебса Италии, элита римской рабовладельческой демократии быстро стала принимать сторону рабовладельческой аристократии, крупных землевладельцев, то есть сулланского сената.

Дальнейшее усугубление внутреннего раскола в среде сер-

торианцев привело к смене их политических взглядов и формированию ситуации невозможности представления ими интересов римского крестьянства и плебса. В конечном итоге политическая верхушка серторианцев отказалась от политической и вооруженной борьбы со своими оппонентами, параллельно утратив свою ресурсную базу (человеческую и материальную).

Однако последние представители партии популяров могли бы совершить качественный переход в своем политическом развитии, продолжая представлять политические интересы простого населения Римской республики, опираясь на его пассионарный всплеск, и как минимум добиться качественных изменений условий жизнедеятельности римского крестьянства, плебса и рабов с эволюционным изменением государственного строя, а как максимум – самим прийти к власти в Риме и совершить данные изменения собственноручно вместе с революционным изменением государственного строя.

Но, увы, для партии римских популяров они, оставаясь в душе все еще рабовладельцами, не смогли эволюционировать в своем политическом развитии и самоблокировались уже на начальном этапе своего развития, в то время как социальная среда продолжала свое природное эволюционирование.

Несоответствие политической элиты своей социальной основе и привело к их отрыву друг от друга, что в конечном

итоге и определило военно-политическое поражение партии популяров и самостоятельное проявление народной борьбы без ясной политической цели.

Серторианцы упустили возможность эффективно повлиять на начавшиеся социальные процессы и постараться направить энергию народных масс, принявших активное участие в восстании, в менее разрушительное русло, сменив разрушительные процессы революции на созидание эволюционного пути развития системы государственного устройства Рима.

Допущенные популярами ключевые ошибки в политической и психолого-идеологической плоскостях создали все необходимые и достаточные условия, при которых терялся физический смысл борьбы за власть и, естественно, уже невозможно было одержать победу в военной плоскости, что и привело сначала к вырождению лидеров партии римской рабовладельческой демократии, а затем к ее (партии) сходу с политической сцены Древнего Рима.

Теперь Риму оставалось решить чисто военную задачу внутри собственного государства: погасить восстание под руководством Спартака и умиротворить население Апеннинского полуострова.

Спартак

В октябре 73 года до н. э. с окончанием первичной фазы активного противостояния стороны конфликта перешли в следующую фазу, в рамках которой их боевая активность стала принимать совсем другую форму вооруженной борьбы, которая до этого момента не входила в разряд конвенциональных и не имела практики широкого применения войсками.

Противоборствующие стороны ушли в плоскость иррегулярного противостояния друг друга, перейдя к использованию нетрадиционных методов и способов борьбы в плоскости восстание – контрвосстание.

В этот период, наверное, впервые начала формироваться теория и практика контрповстанческой активности с использованием стратегии и тактики действий самих восставших – так называемой *малой войны*, в которой теория и практика конвенционального военного искусства отошли на второй план.

Итак, закончив в октябре 73 года фазу активного боевого противостояния, Вариний и Спартак перешли в фазу динамического равновесия, правда, в разных статусах.

Исходя из того, что силы восставших на данном этапе оказались в ранге победителей, то и характер их действий в промежуточной фазе был связан со стабилизирующими дей-

ствиями на подконтрольной им территории, наращиванием своей военной составляющей, планированием дальнейших действий, подготовкой войска восставших и будущего театра боевых действий к запуску следующей фазы.

После гибели Эномая Спартак вынужденно произвел переназначения среди командного состава, исходя из схемы общего боевого построения армии восставших. Новым командиром германцев был назначен Г. Ганник, теперь за левый фланг отвечал именно он. Криксу поручался центр войска, где под его руководство были переданы галлы. За правый фланг по-прежнему отвечали фракийцы, ведомые самим Спартаком.

Все военные победы спартаковцев привели к значительному притоку людей в его войско и росту сторонников Спартака, которые стали оказывать его силам всестороннюю поддержку.

Ресурсная база активных участников восстания по-прежнему формировалась за счет различного рода рабов, которые присоединялись к восставшим стихийно или в результате работы агитаторов. Самые массовые приходы в легионы восставших осуществлялись со стороны пастухов, работавших в скотоводческих латифундиях.

Вторым источником пополнения сил восставших были *эргастулы*, то есть тюремные заведения, где хозяева содержали своих проштрафившихся рабов, у которых было сильно чувство мести.

На третьем месте в линейке источников пополнения сил восставших находились небольшие сельские виллы, на которых работали по несколько десятков рабов, занимающихся сельским хозяйством. На волне социальных волнений сельские рабы поднимали локальные мятежи: сначала грабили виллы, на которых работали сами, после чего побуждали к бунту рабов с соседних вилл и после успешного разграбления сельских угодий стихийно объединенные рабы вливались в ряды восставших.

Еще одним источником силы были разбойничьи шайки, которые периодически привлекались к операциям восставших, после чего большая их часть покидала ряды спартаковцев.

Источником так называемых пассивных участников восстания служили города, в которых было большое количество городских рабов, представлявших собой некую «интеллигенцию», которые имели доступ к оперативно значимой информации и документам, а также могли тайно и своевременно оповещать спартаковцев о намерениях римских властей.

Естественно, что сочувственно к восстанию рабов относились и представители различных племен, населявших Апеннинский полуостров, так называемые италики, племена которых были покорены Римом. В свое время италики после Союзнической войны 90-88 годов до н. э. как представители итальянских племен обрели статус свободных граждан Ри-

ма, но оставались бесправными участниками политических процессов Римской республики.

Таким образом, после гражданской войны 90-88 годов до н. э. между сторонниками популяров и оптиматов остался не до конца решенным вопрос политического статуса значительного социального слоя населения Италии, представители которого ждали своего часа и видели в восстании силу, которая могла бы изменить как государственный строй в республике, так и их социально-экономическое положение.

Именно на эту социальную прослойку населения Италии следовало бы обратить свое внимание Спартаку, через которую он бы мог привлечь на свою сторону значительную часть древнеримских демократов для того, чтобы придать восстанию положительный вектор развития через обретение дополнительной политической составляющей.

Но Спартак не уделял значительного внимания политической составляющей восстания, определив приоритетным направлением для себя чисто военную плоскость.

Подобную недалекость вождя восставших можно объяснить двояко.

Если учитывать, что само восстание проходило в русле противостояния сил Сертория и сторонников сулланского сената, то Спартак намеренно не занимался политическими вопросами и являлся лишь проводником движения древнеримских демократов в военной плоскости, оставляя всю полноту ответственности за осуществление мероприятий в

политической плоскости за представителями политической элиты серторианского движения.

В другом случае, если принять версию чисто стихийного начала восстания под руководством Спартака, который действовал как герой-одиночка, то налицо проявление недалёковидности вождя восставших в формировании и воплощении стратегии действий восстания, ошибочно считавшего единственной возможной только военную плоскость противостояния и не ставившего перед собой и восстанием в целом политических целей, ради которых собственно и была начата вооружённая борьба.

Но если рассматривать в комплексе с учетом того, что уже к этому времени стало понятным, что план возвращения сил серторианцев с южного направления был провален ввиду военного поражения сил понтийско-серторианской коалиции в середине 73 года и ухудшения положения самого Сертория в Иберии, то Спартак явно не смог правильно оценить динамику развития событий по линии Испания – Италия – Малая Азия и не удосужился принять все меры по формированию собственной политической платформы, чтобы вступить в полноправную борьбу за власть в Риме.

Таким образом можно принять тот факт, что Спартак не имел в своем арсенале политического таланта, соответствующего уровню его военного гения.

В общем итоге Спартак приступил в конце 73 года к военно-административным изменениям в своем стане, не уделяя

должного влияния укреплению своего политического статуса в Италии и не понимая важности мероприятий в политической плоскости противостояния.

После переназначения армейских командиров вождь восставших приступил к непосредственному распределению прибывавших сил и формированию новых легионов. На командные должности Спартак ставил людей, отличившихся в сражениях первой активной фазы восстания. Система организации и управления в армии восставших строилась по образу и подобию римской армии.

На места командиров легионов – командира-префекта – назначались бойцы, обладавшие высокими лидерскими, профессиональными и морально-волевыми качествами, которые были проявлены в предыдущих сражениях. В подчинении у командира легиона находились:

- префект лагеря, назначавшийся из числа людей с достаточно длительной и безупречной службой, который отвечал за разбитие лагеря, лечение больных воинов, гужевой транспорт, метательные машины и шанцевый инструмент;
- префект ремесленников, в ведении которого были все мастерские с ремесленниками и мастерами, отвечающий за изготовление оружия и снаряжения для армии восставших;
- военные трибуны в количестве 6-10 человек, отвечающие за боевую подготовку воинов;
- командиры когорт, центурионы, старшие офицеры, непосредственно командующие своими подразделениями.

Каждый легион включал в себя кавалерийское подразделение, в состав которого входили около тысячи всадников.

Таким образом, видно, что после полного формирования спартаковский легион был достаточно автономной боевой единицей, обладавшей своей боевой частью, включавшей пехоту и ударно-маневренную кавалерийскую группу и силы, обеспечивавшие логистику легиону.

Все новосозданные легионы спартаковцев в зимний период проходили интенсивный курс боевой подготовки по индивидуальной и коллективной программам.

Параллельно с мобилизационной активностью Спартак попытался заняться администрированием на подконтрольных ему территориях, но ввиду очевидной его слабости в политике и общего непонимания важности процессов, происходящих в гражданском секторе зоны восстания, все его начинания были довольно быстро разбиты активностью множества агентов Вариния, засланных в стан восставших и использовавших тактику непрямых действий.

В свою очередь Рим, проиграв в первичной фазе восстания, был вынужден восстанавливать свой военный и административный потенциал непосредственно на Апеннинском полуострове, для того чтобы успешно противостоять противнику в следующей активной фазе восстания, параллельно стараясь максимально помешать Спартаку возобновить свою оперативную активность с выгодных позиций.

В первую очередь Рим на общереспубликанском уровне

приступил к дополнительным мобилизационным мероприятиям, формируя новые легионы и заказав ремесленникам большие партии оружия и снаряжения для новой армии. Параллельно с подготовительной работой в военной плоскости римский сенат старался стабилизировать социальное положение на территориях, еще не объятых пламенем восстания, где главным был вопрос решения хлебной проблемы.

За пройденный год третьей Митридатовой войны, основное противоборство в которой проходило на просторах Малой Азии и на морских просторах Средиземноморья, были сильно нарушены поставки продовольствия в республике. А с началом полномасштабного восстания на юге Италии, провинции которого были хлебными житницами в самой республике, внутренняя социальная обстановка достигла своего предела и требовала проведения безотлагательных мер.

К счастью для Рима, на момент начала восстания рабов консул Л. Лукулл вывел из игры царя Митридата, претендовавшего на лидерство в Малой Азии, а вместе с ним и морских пиратов. Таким образом военные победы римлян на Малоазийском театре военных действий способствовали скорейшему восстановлению сельского хозяйства в регионе в интересах победителя и налаживанию снабжения Рима с данного направления.

В самой Италии с окончанием первой активной фазы восстания в краткие сроки удалось восстановить запасы зерновых за счет посева скороспелой пшеницы в Цизальпийской

Галлии и Этрурии, а также в отдельных районах южной Италии, где обстановка позволяла римлянам заняться аграрным делом.

На оперативном уровне римский полководец Вариний, находясь непосредственно в районе боевой активности, хорошо понимал, что ему необходимо перехватить военную инициативу у противника, ключиком к которой в условиях внутренней социальной нестабильности и распыления сил и средств Рима на три театра военных действий была внутренняя социальная обстановка в регионе и степень расположения местного населения к восставшим вместе с внутренним климатом в стане восставших.

Таким образом, римскому военачальнику для начала хоть какого-то поступательного движения в противоборстве с силами Спартака после военного поражения в кампании 73 года, в которой римляне применяли силу по классическим канонам военного искусства, необходимо было перейти на уровень иррегулярного использования военной силы в рамках системы координат малой формы вооруженной борьбы.

Сразу с началом зимовки, пока спартаковцы торжествовали и реорганизовывали значительно возросший потенциал, римский военачальник приступил к реализации плана по дестабилизации положения восставших в непосредственной зоне их влияния, территория которой становилась для спартаковцев ресурсной базой стратегического уровня, после того как летом текущего года был выбит из Большой игры пон-

тийский царь Митридат VI Евпатор, а позиции серторианцев были значительно ослаблены.

Наиболее оптимальной стратегией действий в сложившейся на юге Италии обстановке и в связи с характером целей и задач, которые поставил перед собой Вариний, была стратегия непрямых действий, для осуществления которой как нельзя лучше подходили методы и способы нерегулярной формы вооруженной борьбы – малой войны. И в этом, как оказалось, римский полководец более преуспел, чем в проведении кампании конвенционального характера.

Определив приоритетность непрямых действий во время «военного межсезонья», Вариний спланировал и приступил к активной деятельности на трех основных направлениях иррегулярности.

Через тайных агентов из числа верных рабов и отпущенников, снабженных деньгами, Вариний приступил к подрывной работе в стане активных участников восстания. Рассеянные агенты влияния по всему югу Италии стали отыскивать полезных людей, формировать и сплачивать из их числа партию несогласных, которая должна была подрывать единство среди восставших и ослаблять их моральный боевой дух.

Другая часть разосланных агентов занималась активной кинетикой, дезорганизовывая вражеский тыл и оказывая физическое давление на гражданский сектор, выдавая себя за сторонников Спартака, тем самым озлобляя местное население и уводя его как минимум на нейтральную сторону, а

как максимум принуждая его отказаться от поддержки восставших или же начать активно оказывать им сопротивление, занимая сторону римской власти.

Еще одним направлением активной деятельности римской агентуры была организация физического устранения лидеров восстания, в первую очередь их вождя Спартака. Вариний хорошо знал, что один хороший удар кинжалом стоит удачного сражения, и что покушение, даже и неудачно исполненное, способно было повлиять на ход всей военной кампании.

Очень скоро контрповстанческая деятельность П. Вариния принесла свои ощутимые плоды, которые сильно поменяли внутреннюю обстановку на подконтрольной восставшим территории.

Территорию восстания наводнили шайки грабителей, которые, прикрываясь именем вождя восставших, прибегали к массовым убийствам простого населения, грабили имущество и уничтожали жилые дома. Естественно, что подобный ход событий подрывал социальную основу восставших, население юга Италии засыпало Спартака жалобами на действия его сторонников, и в различных местах стали вспыхивать народные мятежи против неокрепшей власти восставших. Под угрозой оказалась вся система обеспечения армии восставших и лояльность италиков к Спартаку и его движению в целом, а это были критически важные элементы системы сопротивления рабовладельческому Риму.

Первым делом совет командиров восставших принял решение разослать по подконтрольной территории небольшие отряды для вычисления и уничтожения активно действующих банд грабителей, и это принесло спартаковцам временный неустойчивый результат.

К этому времени в восставшем регионе образовались очаги сопротивления самим восставшим, которые стали социальными секторами для формирования базовых безопасных районов скрытым контрповстанческим силам. Продолжавшие свое существование рабовладельцы юга Италии, благодаря своим большим финансовым возможностям и влиянию в регионе, оказывали всестороннюю поддержку римской агентуре. В это же время в самом стане сил восставших были выявлены тайные агенты, готовившие покушение на самого Спартака.

Складывающееся положение дел вынудило Спартака созвать военный совет, на котором было принято решение симметрично ответить своим противникам и развернуть террористическую активность в стане представителей рабовладельческой знати и в самой римской системе управления на юге Италии.

Согласно новому плану действий периода «военного межсезонья» армия Спартака была поделена на небольшие боевые партии, которые были отправлены для террористической деятельности в разные концы мятежного региона.

Очень скоро приступами были взяты города Нола, Ну-

церия, Метапонт, Консенция, которые оставались оплотами римской знати в южных провинциях – Кампании, Лукании и Бруттии. Повсюду в указанных южно-римских провинциях уничтожались все атрибуты римской власти вместе с социальными объектами и частными жилищами.

В результате начатого массового террора силами восставших были уничтожены храмы, дворцы, бани и водопроводы, из тюрем массово выпускались заключенные, а сами тюрьмы разрушались. Разграблению и разрушению подлежали поместья знатных римлян, и все это сопровождалось массовыми расправами и насилием над населением юга Италии, которое не относилось с сочувствием к восстанию под руководством Спартака. В общем, запылал весь регион, который являлся ресурсной базой для сил восставших.

Все эти события, начавшиеся в фазе динамического равновесия, произошли в короткий период октября – ноября 73 года до н. э.

Можно себе представить ту интенсивность и ожесточенность событий в свете иррегулярности, что привели к катастрофическому ухудшению положения гражданского сектора на юге Италии, которые также быстро оказали влияние на умы населения юга Италии, в поведении которого стали проявляться самые темные стороны сущности человека.

Ужас и несчастья этого периода надолго сохранялись в памяти многих римских поколений и не только их.

В результате подрывной активности Рима в восставшем

регионе была успешно порождена следующая схема противостояния: скрытый террор – открытый контртеррор. И если Вариний ответил на военные победы Спартака чистым асимметричным ответом, то вождь восставших, приняв вызов, прибегнул к симметричному ответу, чем сразу поставил себя в заведомо невыгодное положение.

Забыв о природе восстания и пренебрегая правилами избирательного и соразмерного применения силы в рамках «поля боя», имеющего сильные ограничения по использованию силы, в связи с широким вовлечением в конфликт гражданского населения как основы ресурсной базы восстания, Спартак своими массовыми актами устрашения и карательными действиями сильно нарушил фундаментальную основу своего же движения, в которой (основе) уровень лояльности к действиям восставших стал изменяться в пользу Рима.

Прямой контртеррор восставших породил вседозволенность как со стороны активных участников восстания, так и со стороны городского плебса и бедного крестьянства юга Италии по отношению к римским рабовладельцам и представителям римской государственной машины. В результате в регионе начался неподконтрольный силам восставших процесс стихийного гражданского противостояния между представителями римских классов. Это в свою очередь сильно подрывало и истощало ресурсную базу для самих восставших, ведь несостоятельность власти восставших, неспособной обеспечить порядок и режим безопасности для произво-

дителей материальных благ, подрывала авторитет Спартака и его движения в целом в регионе.

Ухудшающаяся социальная обстановка и низкий уровень безопасности для гражданского сектора на подконтрольной восставшим территории подрывали лояльность местного италийского населения к восставшим спартаковцам. А италийцы, между прочим, были социальной опорой для римского демократического движения – популяров, интересы которых в то время представляли серторианцы, стремившиеся вернуться к власти в Риме.

Это в свою очередь вынудило Спартака к очередным ответным действиям, но уже в стане своих сил. Чтобы пресечь деятельность так называемых «диких повстанцев», которые своими преступными действиями (грабежами, убийствами, корыстными злоупотреблениями властью) разлагали армию восставших и противопоставляли себя италикам, вождь восставших приступил к укреплению дисциплины в своей армии и избавлению от дискредитирующих восстание элементов.

Для этого Спартак использовал весь возможный арсенал инструментариев влияния на своих сторонников, пользуясь методами убеждения и принуждения.

На первичном этапе лидер восставших прибегал к беседам и уговорам, а если метод убеждения не давал требуемого результата, Спартак переходил к методу принуждения, подвергая нарушителей дисциплинарным наказаниям, из-

гнанию из рядов армии восставших и далее вплоть до смертной казни.

Поворотным моментом к началу таких действий стало изнасилование красивой женщины-патрицианки из Рима одним из отрядов войска восставших во главе со своим командиром. Произошло это ровно тогда, когда на военном совете восставших было принято решение приступить к контртеррористической деятельности, и карательные отряды повстанцев были отправлены во все концы юга Италии для избияния римской аристократии и ее сторонников. Собственно говоря, после гнусного преступления одного из таких карательных отрядов жертва насилия покончила жизнь самоубийством, а известие о подобном преступлении дошло до самого Спартака.

Лидер восставших быстро понял всю тяжесть последствий данного преступления, в первую очередь для своих сил. Спартак осознавал, что если не пресечь подобного рода действия своих отрядов, то его войско очень быстро потеряет управляемость через падение дисциплины и выродится в раздробленные банды – шайки грабителей и убийц без единой идеологии и конечной цели восстания.

Безотлагательно был организован сбор солдат и командиров восставших и дана жесткая оценка преступным действиям одного из отрядов, а также вождь восставших пояснил нормы поведения восставших, так сказать, кодекс поведения повстанца, определяющего, как можно и как нельзя себя ве-

сти. После проведения воспитательной и разъяснительной работы войсковым судом военные преступники были приговорены к смерти – по тогдашним обычаям осужденные были забиты камнями.

Как видно, в период осени-зимы 73 года Спартак стал играть вторым номером в противостоянии с Варинием и постоянно прибегать только к ответным действиям, полностью потеряв нить инициативы и эффективности в осуществление своих мероприятий в условиях, казалось бы, природной среды обитания с присущими ей тактикой действий, методами и способами вооруженной борьбы в рамках системы иррегулярности.

Вариний после военного поражения в первой фазе противостояния по схеме восстание – контрвосстание очень четко и своевременно определил дополнительную плоскость своей активности (помимо военной плоскости), приоритетность и характер действий, точки приложения силы в борьбе против повстанцев.

В условиях возрастающей популярности восставших значительно расширилась ресурсная база восстания, вследствие чего Спартак очень быстро пополнял свои ряды сторонниками в борьбе против власти римских рабовладельцев. Поэтому римский полководец своевременно прибегнул к нестандартному ходу и отплатил Спартаку его же монетой. Внося смуту и разложение в ряды самих восставших и разжигая внутренний конфликт в зоне ответственности восставших,

Вариний подрывал жизненно необходимые основы восстания – мотивацию и внутреннюю дисциплину в войске наряду с понижением уровня поддержки и лояльности местного населения к восставшим.

В конце 73 года до н. э. Вариний спровоцировал Спартака при помощи скрытого террора на ответные симметричные действия, выразившиеся через прямой террор – контр-террор, но уже по отношению к гражданскому сектору юга Италии, а не к силам Вариния.

Таким образом римский полководец своим асимметричным ответом ударил сразу по двум социальным слоям, которые должны были стать политической, экономической и человеческой ресурсной основой восстания и не только его.

На внутреннем радиусе оболочки восстания отклик Спартака на провокационно-диверсионные действия П. Вариния вылился в ответный террор против римской знати юга Италии, что в конечном итоге привело к общему хаосу в восставшем регионе. Значительно ухудшившаяся обстановка в южных римских провинциях по объективным причинам оказывала отрицательное влияние на все социальные слои данных провинций, что значительно снижало степень лояльности и поддержки местного населения – италиков по отношению к силе, под контролем которой находился регион, то есть восставшим, поэтому Спартаку требовалось потратить дополнительные силы и время, чтобы навести порядок на подконтрольных ему территориях, упрочить свою власть и увели-

читать степень свободы и безопасности как для своих сил в регионе, так и для своих сторонников.

Спартаку намного проще было бы это исполнить, если бы он был самостоятельной фигурой. Но если принять во внимание взаимосвязь движения восставших с событиями в Испании и Малой Азии, то Спартак уже не обладал каким-либо запасом времени для упрочения своего авторитета на подконтрольной ему территории, из которой необходимо было сформировать некую точку опоры для всего повстанческого движения против Рима и с которой восстание в целом продолжило бы поступательное движение в своем развитии.

После провала операции по возвращению сил серторианцев с южного направления Спартаку срочно надо было выйти на силы серторианцев, скованные действиями сулланских полководцев Помпея и Метелла на Иберийском театре военных действий.

В таких условиях вождю восставших предстояло поделить свои силы и одну часть оставить на юге Италии, с тем чтобы навести порядок и упрочить власть восставших, а с другой частью двинуться на север, чтобы там объединиться с партией серторианцев и уже с ними, имея полный формат восстания (политическую и военную составляющие) вернуться в пределы Италии, чтобы вступить в прямую борьбу за власть в Риме против сулланского сената.

Но подобный ход развития событий, по-видимому, был своевременно раскрыт сторонниками сулланского сената, а

эффективные контрдействия, которые еще в начальной стадии нарушили все планы восставших и самого Сертория, на практике были воплощены П. Варинием непосредственно в пределах Италийского театра военных действий.

Таким образом успешная непрямая деятельность П. Вариния на юге Италии привела к положительному эффекту для его стороны на внешнем радиусе. Вызванный им ответный открытый террор спартаковцев в южных римских провинциях в конце 73 года до н. э. привел сначала в смятение сторонников Сертория, а затем и к полному расколу оппозиционной римской партии под его предводительством в Испании, после чего Серторий быстро утратил свой авторитет, а затем был убит в результате заговора своих сторонников в течение первого полугодия 72 года до н. э. А далее представители партии римских демократов – популяры попросту отказались от борьбы за власть в противостоянии с сулланцами и перешли в полное подчинение сулланскому сенату в Риме.

Так своими непрямыми действиями конца 73 – начала 72 годов Вариний лишил Спартака того, без чего ни одно восстание не сможет получить свое дальнейшее развитие с успешными переходами на следующие количественно-качественные уровни и достижением промежуточных и конечного результатов восстания.

В таких условиях, если руководство восстания не примет безотлагательных мер в политическом и идеологическом

смысле, восстание в целом всего лишь будет какой-то непродолжительный период времени рефлексировать и жить по инерции с затухающим импульсом, благодаря только тому военному потенциалу, который был получен на пике поднятой волны социального протеста в рамках начального периода восстания.

Кстати, тот факт, что сначала был начат скрытый террор против италиков, в ответ на который повстанцы приступили к открытому террору против представителей римской знати и администрации на юге Италии, говорит о том, что после победы сил Спартака в кампании 73 года и до начала развязанного террора в восставшем регионе продолжали мирно сосуществовать все слои населения Италии, что свидетельствует о том, что Спартак действовал в общей схеме противостояния сил Сертория и сил сулланского сената на стороне опального римского сената в изгнании, который намеревался вернуться в Рим, но не ценой разрушения республики и ее столицы. А значит военный представитель сулланского сената П. Вариний, находящийся непосредственно в районе противостояния, все правильно рассчитал и по максимуму использовал преимущества иррегулярного воевания, чтобы малыми затратами достичь максимально возможного результата, который окажет свое влияние в пользу сулланского Рима не только в непосредственном операционном районе, но и даже на другом театре военных действий.

Если рассматривать фазу противоборства по схеме вос-

стание – противовосстание, то совершенно четко вырисовывается успешная контрповстанческая стратегия действий Рима, после того как его войска проиграли первую фазу активного противостояния с восставшими рабами.

Весь набор мероприятий контрповстанческой стратегии в фазе малоинтенсивного противостояния на Апеннинском полуострове делился на два основных направления, осуществляемых на разных уровнях.

Общая схема контрповстанческой стратегии римлян в промежуточной фазе противостояния, которую можно определить как фазу динамического равновесия, проводилась по двум разноуровневым направлениям (на внешнем и внутреннем радиусах), целевые объекты для которой (стратегии) лежат в военной и социально-политической плоскостях.

Первое направление действий (стратегический уровень):

а) изоляция театра военных действий от влияния внешних факторов:

– вывод из игры внешних союзников внутреннего противника посредством нанесения военного поражения внешней враждебной силе, ее блокирование на местности, вынуждение отказаться от намерений активного влияния на процессы и стороны конфликта;

– формирование собственной союзной коалиции в регионе;

– создание благоприятной внешней среды для налаживания/восстановления нарушенных военно-торговых связей;

б) военно-промышленные мобилизационные мероприятия у себя в стране:

– формирование новой/дополнительной конвенциональной военной силы;

– заказ партий оружия и снаряжения ремесленникам и поставка его в войска;

в) стабилизация, фиксация и удерживание под контролем социальной обстановки гражданского сектора в собственной стране:

– формирование и укрепление собственной политической силы, проведение информационно-пропагандистских мероприятий в своей среде обитания;

– выполнение продовольственной программы.

Второе направление действий (оперативно-тактический уровень):

а) информационно-пропагандистская подрывная работа в стане противника и в гражданском сегменте на подконтрольных ему (противнику) территориях;

б) провокационные диверсионно-разведывательные мероприятия, объектами воздействия которых являются силы противника и гражданский сектор в зоне его ответственности;

в) организация покушений на первых лиц восстания.

В свою очередь силы Спартака в условиях обоюдного противостояния в рамках системы координат малой формы вооруженного борьбы и на фоне своих мобилизационных ме-

роприятий вынуждены были рефлексировать на предложенную им римлянами асимметричную активность, играя уже вторым номером в фазе динамического равновесия и отвечая Риму симметричными действиями, перейдя к прямому террору по отношению к гражданскому сектору.

В первые месяцы 72 года спартаковцам кое-как удалось стабилизировать общее положение на юге Италии, но в регионе все еще оставались существовать анклавов римской власти.

Следует особо отметить, что в 82 году до н. э. Сулла расселил по территории Италии около 120 тыс. своих ветеранов, и расселение это происходило на землях, принадлежавших италийским племенам, которые принимали непосредственное участие в Союзнической войне на стороне марианской партии. Именно эти внутренние римские колонии и становились основными проводниками Римского Мира на территории Италии и были оплотом власти Рима на местах.

В начале 72 года на юге Италии продолжали сохраняться островки римской власти – сулланские военные колонии, через которые продолжало собираться зерно и другие товары, после чего они доставлялись на подконтрольные римской власти территории и в сам Рим. И первое место в этом играл город Сипонт, в котором в то время аккумулировались все товары, собранные с провинции Апулия, затем эти товары, и в первую очередь хлеб, распространялись на территории, подконтрольные Риму. Через такие города осуществ-

лялась прямая стабилизация социальной обстановки на подконтрольных Риму территориях, стабильность в которых зависела от бесперебойных поставок продовольствия.

Естественно, что такие города, как Сипонт, становились основными оплотами сопротивления восставшим, откуда может развиться довольно обширное внутреннее движение контрвосстания, и что самое опасное – в это движение будут входить представители местного населения. А это уже прямая угроза основной ресурсной базе восстания в целом, разрушение целостности которой повлечет за собой и разложение сил Спартака.

Между тем к весне 72 года до н. э. Спартак уже располагал семидесятитысячной армией, состоявшей из 14 легионов и кавалерии численностью в 4200 всадников.

В логике событий и сложившейся обстановке по общему театру военных действий Испания – Италия – Малая Азия (а – провал понтийско-серторианской коалиции на Малоазийском театре и последующий за этим отказ от высадки серторианских сил на юге Италии; б – сильно пошатнувшееся положение Сертория в Испании; в – дестабилизация социальной обстановки в районах ответственности восставших на юге Италии) Спартак принял решение разделить свои силы и действовать по двум направлениям. Таким образом фаза динамического равновесия сменялась Третьей фазой восстания, в которой стороны переходили к активным прямым действиям.

Для выполнения рейдовой операции Спартак выделил себе сорокатысячную армию, с ней он намеревался через восточное побережье Италии выйти на север в пределы Галлии Циспаданской, которая, по всей видимости, должна была стать промежуточным опорным рубежом для дальнейших действий сил Спартака. С данного рубежа у восставших открывались два логичных направления действий: то ли проникнуть в Галлию Транспаданскую и далее в Германию, с тем чтобы вовлечь местные племена в борьбу против Рима, то ли незамедлительно последовать на выручку Серторию в район Иберийского театра военных действий.

Второй курс действий выглядел более логичным ввиду уже сложившейся сложной обстановки для серторианцев, к тому же Спартак уже испытывал достаточные трудности с дисциплиной в его войске в 73 году, поэтому вовлечение на Итальянский театр военных действий многочисленных варварских сил европейского континента с большой степенью свободы, а значит, мало контролируемых, в первую очередь угрожало самому движению восставших через разорение варварами местного населения – социального сектора Италии.

Но забегаая немного вперед, можно констатировать, что до этого Спартак не дойдет, максимум, чего достигнет вождь восставших, так это пределов Галлии Циспаданской, после чего восставшие откажутся от дальнейших намерений и повернут обратно. Кстати, отказ от дальнейших действий в но-

вом районе военного столкновения в ситуации выхода из игры серторианцев свидетельствует в пользу предположения, что Спартак шел на север для соединения своих сил именно с серторианцами, а не для разжигания новых антиримских мятежей в Цизальпийской Галлии и Германии.

На юге Италии Спартак оставлял тридцатитысячный контингент, в задачи которого входило:

а) проведение мобилизационных мероприятий (изготовление оружия и доспехов, прием и распределение пополнения, формирование новых легионов);

б) взятие под контроль хлебной провинции Апулия и вывод ее из-под контроля Рима;

в) удержание и контроль уже занятых территорий.

С первыми двумя пунктами все более или менее понятно, а вот третий пункт был достаточно сложным для восприятия и понимания восставшими, а также затратным в исполнении. Вот почему Спартак для выполнения данной задачи выделил Криксу, который к тому же являлся представителем одного из италийских племен, практически половину своих сил.

Как мы уже знаем, развязанный скрытый и прямой террор против местного населения провинций юга Италии в конце 73 года сильно подорвал авторитет власти Спартака в регионе. А ведь для удержания своей власти на подконтрольных территориях Спартаку требовалось создавать новую администрацию и, естественно, без участия представителей италийских племен эту задачу невозможно было решить.

Для чистого удержания территории требовалась большая часть сил восставших, поэтому Спартак должен был вовлечь в свое движение максимум италиков, чтобы на основе их лояльности создать новые органы власти, через которые и будет осуществляться управление освобожденными от римской власти территориями. С массовым вовлечением в свое движение италиков Спартак смог бы высвободить силы от выполнения несвойственных им задач и привлечь их в непосредственные кинетические мероприятия против сил Рима на следующих этапах восстания.

В конце мая 72 года до н. э. объединенные силы восставших вошли в пределы римской провинции Апулия и стали на марше по дороге вдоль восточного побережья Италии по направлению к северной окраине провинции Циспаданская Галлия.

В этот момент в этом месте силы восставших разделились согласно ранее намеченному плану, после чего Спартак повел большую часть сил восставших вдоль побережья на север, а Крикс со своим войском оставался в южно-италийском операционном районе для выполнения поставленных задач в зоне своей ответственности.

В свою очередь Рим с началом движения сил восставших весной 72 года сменил приоритеты и перешел к активным прямым действиям.

Сначала римский сенат объявил чрезвычайное положение, после чего начался процесс выбора полководцев, кото-

рым будет поручено возглавить римские силы для борьбы против Спартака. В результате выбор римского сената пал на консулов Л. Геллия и Г. Лентула, которым вверялись наземные силы Рима, и на проконсула П. Сервилия, получившего задание возглавить римский флот для борьбы с морскими пиратами.

Получив назначения, римские полководцы сразу принялись энергично формировать свои силы с тем, чтобы незамедлительно вывести их на оперативный простор.

Проконсул П. Сервилий принял римский флот в приморском городе Остия и, не теряя времени, вывел его в район острова Сицилия, заблаговременно захватывая прибрежные воды потенциально нестабильного и важного для восставших региона под свой контроль.

Консулы Л. Геллий и Г. Лентул приступили к формированию своих армий и дополнительных сил, которые должны будут присоединиться к операции против Спартака, действуя с других направлений в корреляции с двумя армиями римских консулов.

Для этого были разосланы письма проконсулу Г. Крассию, который был римским наместником в Цизальпийской Галлии, и римскому пропретору М. Фонтею, находившемуся в Трансальпийской Галлии. В этих письмах римские консулы потребовали от галлийских наместников объявить в своих провинциях военное положение и сформировать силы для начала совместных действий против шедшего на север Спар-

така.

Параллельно Геллий и Лентул, посчитав недостаточными силы, набранные до этого, собрали в самом Риме дополнительные два легиона и получили конницу, прибывшую из Свободной Галлии, принадлежавшей одному из самых значительных галльских племен под названием эдуи.

Очень быстро сформировав свои силы, римские консулы безотлагательно выдвинули армии наперерез силам Спартака, что шли вдоль восточного побережья Италии на север. Выйдя в восточно-италийскую полосу, римские консулы разделились и пошли по своим направлениям. Армия Гелия повернула на юг, в зону ответственности Крикса, а Лентул продолжил вести свои силы, пытаясь заблокировать продвижение Спартака на север.

Следует отметить, что одним из римских консулов был тот самый хозяин школы гладиаторов в городе Капуя, где в 76 году до н. э. начал формироваться заговор гладиаторов под руководством Спартака и откуда в 74 году группа спартаковцев совершила побег и приступила к подготовке большого восстания на юге Италии. Теперь уже римскому консулу Г. Лентулу предстояло сразиться с предметом гордости школы гладиаторов – мятежным Спартаком. И в этом была интрига того времени: противостояние бывшего хозяина и его лучшего гладиатора.

Итак, в кампании 72 года определились соперники, которым предстояло первыми сразиться друг с другом в этом го-

ду.

Соотношение сил было следующим.

На момент начала своего рейда Спартак располагал 40 тыс. пехоты при кавалерии силами в 2 400 всадников, и по мере продвижения восставших на север их силы росли в геометрической прогрессии.

В распоряжении прямого соперника Спартака была армия, включавшая 60 тыс. пехоты и 4 тыс. всадников. Таким образом Г. Лентул имел достаточно сил, чтобы преградить путь восставшим и как минимум остановить их продвижение на север.

Соотношение сил второй пары противоборствующих сторон и динамика начинавшихся событий были следующими.

Оставшийся в Апулии Крикс, имея под своей рукой 30 тыс. пехоты и кавалерию в 1800 всадников, подошел к городу Сипонт, в котором колония сулланских ветеранов насчитывала около 10 тыс. человек, и осадил его. Еще до подхода сил римского консула Л. Геллия Крикс оставил для осады города десятитысячную группировку своих сил, а с оставшимися силами стал лагерем у горы Гарган, расположенной к северу от Сипонта.

В это время римский полководец приготовил для Крикса оперативно-тактический сюрприз, который стал полной неожиданностью для восставших, выветив проблему организации их разведки, которая всегда была их приоритетом в условиях благоприятно складывающейся социальной обста-

новки в операционном районе.

Выдвинув вперед десятитысячную армию преторианцев, возглавляемую Кв. Аррием, в виде некой приманки, сам Л. Геллий с тридцатитысячным войском совершал обманный маневр, скрытно выдвигаясь к будущему полю боя.

Крикс, по всей видимости, не имея данных разведки, иначе он действовал бы по-другому, оценив силы римлян не более чем в 10 тыс. человек, приказал вывести свое войско из полевого лагеря, с тем чтобы дать встречный бой противнику с позиции преимущества в силе.

В первой фазе завязавшегося боя восставшие ожидаемо брали верх над преторианцами, но внезапно в самый разгар сражения войско Крикса было атаковано главными силами консула Л. Геллия с тыла. Римский полководец все блестяще рассчитал и нанес решающий удар своему противнику в нужное время и в нужном месте в тесной корреляции действий со своей передовой армией, ведомой Кв. Аррием.

В этом сражении пала почти вся двадцатитысячная армия восставших, включая мужественно сражавшегося Крикса.

После поражения Крикса оставшаяся часть его главных сил разделилась на мелкие партии и рассеялась по южно-италийской провинции. Те два легиона восставших, которые проводили осаду Сипонта, скоро снялись с осадных позиций и, забрав с собой тело своего военачальника и других старших командиров, двинулись вслед армии Спартака, нагнав его в Цизальпийской Галлии, где и были проведены ритуаль-

ные похороны ближайшего соратника Спартака.

Вскоре после одержанной победы у горы Гарган победитель Л. Геллий, объединив свои силы с сулланскими ветеранами города Сипонта, доведя общую численность своего войска до 45 тыс. пехоты при 3 тыс. кавалерии, тоже выдвинулся в северном направлении, пытаясь догнать Спартака.

Совсем по-другому складывались обстоятельства для другой пары контрпартнеров, которые вступали в свою фазу активного противостояния друг другу.

Войдя в зону прямого соприкосновения, Г. Лентул приступил к разделению своих сил на три части с тем, чтобы потеснить быстро продвигающиеся силы восставших, загнать их в невыгодное положение, а затем на выгодных для себя условиях дать бой Спартаку.

Для этого римский полководец выделил две фланговые группы по 10 тыс. человек в каждой с легатами во главе, задачей которых было формирование благоприятной оперативно-тактической обстановки во взаимодействии друг с другом и основными силами Лентула с тем, чтобы подставить Спартака под удар сорокатысячного войска римского консула.

Но Г. Лентул, принял весьма опрометчивое решение, оставив весь войсковой обоз за фланговыми группами, чем сильно ограничил их свободу действий. Подобным решением римский полководец одновременно лишил свои маневренные группы физического смысла, которые уже не могли

своевременно и быстро маневрировать в операционном районе, тягая за собой войсковые обозы.

Однако у Спартака были свои планы на грядущее противостояние, в которых не было пункта «Попасть в ловушку Г. Лентула».

По всей видимости, Спартак, в отличие от Крикса, обладал всей полнотой разведывательной информации, что позволило ему сначала успешно расправиться с римскими маневренными группами, разбив каждую по отдельности, и захватить весь войсковой обоз сил Лентула. А далее Спартаку не составило особого труда обернуть в бегство самого Г. Лентула, обрушив на него все свои силы.

Вскоре силы Л. Геллия и Кв. Аррия настигли Спартака и попытались единолично нанести ему поражение. Но и этих римских полководцев ждала неудача.

После быстрых побед над новыми римскими легионами на марше силы Спартака быстро пополнились дополнительными людскими ресурсами и были готовы выдвинуться в дальнейший путь. Но именно в этот момент два римских полководца после объединения собственных сил в девяностотысячную группировку с 4 тыс. всадников снова обрушились на восставших. Однако Спартак опять проявил наилучшим образом свой военный гений, разбив своих неумных противников. В этом сражении бросается в глаза тот факт, что Спартак, разбив армию противника, не стал ее преследовать, а двинулся далее в северном направлении. Данный

факт также свидетельствует в пользу теории, что Спартак очень спешил на север Италии, считая главной задачей не нанесение решающего поражения силам Рима на Апеннинском театре военных действий, а своевременный выход в пределы другого театра военных действий – Испанского.

Оправившись от поражений, два неудачливых консула двинулись вслед за уходящими силами восставших, только уже не для сражения с ними, а, предусмотрительно выслав вперед гонцов к галлийским наместникам Рима – проконсулу Г. Кассию и пропретору М. Фонтею, для немедленной подготовки ко встрече Спартака в пределах Галлии.

В это время Спартак, держа оперативную инициативу в своих руках, уверенно продвигался вперед. В момент вторжения сил восставших в пределы Цизальпийской Галлии и их подхода к городу Мутина римляне явно медлили и не поспевали за темпом спартаковцев.

Непосредственно у названного города располагались двадцатитысячные силы Г. Кассия, для которого данный операционный район был зоной его ответственности. М. Фонтей явно опаздывал с помощью своему старшему соседу, такого же поведения придерживались и силы Л. Геллия и Г. Лентула.

По всей видимости, Г. Кассий, не имея возможности уклониться от боя с явно превосходящими силами восставших, решил сразиться со Спартаком. Вождь восставших ожидаемо сокрушил силы Кассия и овладел его лагерем, взяв

внушительный приз. Известие об очередной громкой победе Спартака быстро распространилось по региону, что внесло в ряды римлян всеобщую панику.

В результате римские консулы пришли в замешательство и остановили свои войска у входа в пределы Цизальпийской Галлии, не предпринимая никаких активных действий по отношению к силам восставших. Спартак же после победы энергично приступил к пополнению своих сил, рассылая доверенных лиц в разные уголки Галлии, пытаясь восполнить потери, связанные с поражением Крикса в южной Италии.

Так на Италийском театре военных действий наступила обоюдно принятая оперативная пауза, в которой лидеру восстания предстояло переосмыслить роль и место своих сил в Большой Игре и принять новый план действий на следующий период текущей фазы восстания.

Заняв новый рубеж в Цизальпийской Галлии, Спартак потратил полтора месяца на восстановление своих сил, восполняя потери, связанные с гибелью Крикса и его войска. За это время численность войска восставших была доведена до 128 тыс. человек, из которых 8 тыс. принадлежали кавалерии.

Сформировав новые легионы, Спартак проводил интенсивный курс подготовки новобранцев, готовя их к переходам и сражениям следующей фазы активности восставших.

В середине июля 72 года до н. э., когда у Спартака было все готово к решающему броску, где его неминуемо ждала встреча с Помпеем и Метеллом, в стан восставших пришло

известие, которое сразу изменило всю военно-политическую обстановку и заставило все силы, что участвовали в Большой Игре, резко изменить свои планы.

В начале июля 72 года в Испании в результате заговора внутренних сил был убит лидер римских демократов в изгнании Серторий, что ознаменовало собой конец всей серторианской эпопеи и противостояния двух непримиримых римских политических сил – популяров и оптиматов.

С гибелью последнего лидера римских популяров быстро развалилась вся военная сила серторианцев. Испанская часть войска покинула армию, а оставшееся меньшинство во главе с римскими легионами Перперны после первой же битвы было подмято силами Помпея, а сам Перперна несмотря на то, что выжил в последнем бою, был умерщвлен по приказу Помпея. Так после смерти Сертория римское политическое движение популяров сошло на нет.

Помпей, благородно или благоразумно расправившись с лидером серторианских заговорщиков, начал энергично готовить свое возвращение в Рим. Перед своим появлением в столице республики римский военачальник, как опытный и грамотный военно-политический деятель, послал в Италию трех своих приближенных помощников под охраной преторианских когорт и испанских всадников, снабдив их подробными инструкциями к действию и большими суммами денег, чтобы подготовить благоприятную почву для своего вхождения в высший эшелон власти в Риме.

С пониманием того, что серторианские силы окончательно вышли из игры, Спартак сначала собрал воедино все свои силы в Цизальпийской Галлии, после чего двинул все 24 повстанческие легионы на юг по Эмилиевой дороге. Перед обратным рейдом восставшие избавились от армейского балласта и выдвинулись в путь без обременительных обозов, скота и пленных римлян.

Так, взятая оперативная пауза стала, в общей динамике развития событий в восстании, межфазовой оперативной паузой, после которой восстание вынужденно вступало в свою Четвертую фазу.

Разворот Спартака на сто восемьдесят градусов при достижении южных окраин Галлии, да еще и в ранге победителя, выглядит как минимум нелогичным, если не сказать вообще непонятным.

Но вся логическая цепочка быстро выстраивается, если принять во внимание то, что Спартак вел свое войско на север Италии не для того, чтобы выйти в свободную Галлию и там распустить свое войско или же закрепиться в Галлии и Германии, а для вхождения в прямой союзный контакт с силами Сертория.

Встать под политическими флагами римских демократов – вот что принималось, скорее всего, за конечную цель рейдовой операции восставших, с тем чтобы уже в следующей фазе противостояния сначала спасти положение Сертория в Испании, а затем под политическим руководством сертори-

анского сената отстранить сулланский сенат от власти, приведя силы римских демократов к власти в Риме.

Этот план мог бы быть успешным в случае наличия достаточного запаса времени для восставших и особенно для сил серторианцев на Иберийском театре военных действий, которым они к тому времени уже совсем не обладали.

Весной 72 года вождем восставших Спартак и Серторием почему-то не был принят во внимание фактор времени, что должно было бы при наличии оногo обеспечить успех крупной рейдовой операции сил восставших по проникновению за пределы Римской республики в северном направлении с южных окраин Апеннинского полуострова.

Можно было бы принять, что в данной ситуации логичным был бы прямой поход на Рим, чтобы одним ударом решить проблему и для понтийского царя Митридата, и для Сертория, но для этого нужно было быть достаточно грамотным и независимым политиком с достаточным политико-административным багажом. Но, по всей видимости, Спартак, представляя собой чистого военного лидера восстания, продолжал неуклонно следовать ранее принятому плану действий серторианцев, невзирая на сильно изменившуюся внутреннюю и внешнюю обстановку, которая требовала немедленного пересмотра принятых ранее решений для спасения общей ситуации.

Казалось бы, нанести чистое военное поражение своему противнику было логичным и сверхэффективным, но дан-

ный тип конфликта имеет в своей природе несколько плоскостей противостояния, и военная плоскость не является доминантной в системе координат восстание – контрвосстание.

Точка зрения, согласно которой Спартаку необходимо было перейти к началу прямых действий, направленных против сердца Римской республики, была бы верна, если бы он представлял собой некую самостоятельную политическую силу с политической программой для Рима, за которым бы уже стояла достаточная часть римского общества.

Но на практике все было иначе. В условиях политической зависимости Спартака от силы, актив которой находился на тот момент за пределами Апеннинского полуострова, поход военного лидера на Рим превратился бы в акт банального вандализма и варварского разграбления республики без возможности установления нового государственного строя в Риме и формирования новых ветвей законодательной и исполнительной власти в стране.

Таким образом вариант прямой атаки на Рим в сложившейся обстановке был бы оправдан с чисто военной точки зрения, а с точки зрения достижения политических и экономических целей, ради которых, собственно, и ведутся военные кампании и восстания, эффективность данной стратегии действий не столь очевидна.

Успех прямой атаки на столицу республики неминуемо привел бы к образованию правового, административного и экономического вакуума, безжизненное пространство кото-

рого Спартаку нечем было бы заполнить, а значит, наступивший социальный хаос быстро бы поглотил как саму страну, так и восстание как таковое.

Здесь уместно было бы использовать параллельно встречный метод действий сил Спартака и Сертория, после того как были выведены из игры силы серторианцев на Малоазийском театре военных действий, на которых ранее возлагались обязанности возвращения римских демократов в пределы республики с южного направления.

Но на начало 72 года до н. э. на Иберийском театре военных действий сложилась обстановка, в которой силы серторианцев были достаточно деморализованы и надежно заблокированы в пределах региона, благодаря успешным прямым и непрямым действиям римских полководцев Помпея и Метелла. Поэтому ждать от Сертория какой-либо активности по выводу своих сил за пределы Испании в данный исторический момент не приходилось.

Как следует из результатов действий римских полководцев, во время восстания Спартака и в период Пунических войн римлянам, пользуясь современной терминологией, надо поставить «лайк» или сказать «браво» за воплощение стратегии не прямых действий и достижение желаемого конечного результата всей кампании. За проведение же боевых мероприятий в рамках военной плоскости гибридной формы вооруженной борьбы римляне заслуживают, скорее, «дизлайк», чем похвалу, по сравнению с действиями в дан-

ной плоскости своего противника.

Встречаясь с достойным военным противником на поле боя – будь то Ганнибал или же вождь восставших Спартак, римские полководцы практически всегда уступали в военном искусстве своим визави. Все негативные последствия военных поражений, оказывающих свое прямое влияние на общий ход кампании, Рим успешно компенсировал за счет накопленного большого военно-финансового ресурса и успешно проводимой внутренней и внешней политической активности при активной реализации тайных операций.

В войнах, когда Риму бросал вызов серьезный противник с военной организацией, не уступающей самой республике, эффективность действий римской военной машины в военной плоскости значительно уступала эффективности действий римских военно-политических лидеров в политико-социальной и психолого-идеологической плоскостях.

Надо полагать, что если бы уровень римских военачальников в войнах с Карфагеном и Спартаком был достаточно высок и не уступал бы военному гению Ганнибала и Спартака, то количество фаз активных военных действий и их продолжительность были бы значительно меньшими, чем оказалось в реальности.

Таким образом на примере действий Рима по линии Испания – Италия – Малая Азия в период с 74 по 71 годы до н. э., а также практики и хода событий в противостоянии Карфагена и Рима в период так называемых Пунических войн и

их конечных результатов, определяется верность утверждения:

«Правильно выбранная общая стратегия действий военной кампании при наличии достаточной ресурсной базы рано или поздно приведет к желаемому конечному стратегическому результату даже при сопутствующих недостаточно эффективных и результативных боевых мероприятиях на тактическом уровне».

С середины лета 72 года до н. э. восстание полностью потеряло первоначальную политическую составляющую, и теперь Спартаку нужно было срочно что-то предпринимать, пока Рим не собрал на Итальянском театре военных действий силы с внешних операционных зон.

В сложившихся обстоятельствах для Спартака логичным оставалось три направления последующих действий:

- 1) возвращение в южные итальянские провинции и формирование там своего «царства»;
- 2) уход в Сицилию – оплот сопротивления римской власти;
- 3) уход в пределы Греции или Малой Азии.

В первом случае возвращение на юг Италии на долгосрочную перспективу не имело смысла, после того как серторианцы ушли со сцены, а сторонники популяров на местах, отказавшись от своих претензий на власть, стали массово переходить в подчинение власти сулланского сената. Также прямая линия соприкосновения с Римом гарантирует постоянную

нестабильность в регионе, вследствие чего с большой долей вероятности можно прогнозировать, что рано или поздно Рим вернет себе контроль над утраченными ранее территориями на Апеннинском полуострове.

И во втором, и в третьем вариантах восставшим необходима была кооперация действий с морскими пиратами, а также внешняя дипломатическая активность для организации или же вхождения в антиримскую коалицию с народами или странами, конфликтовавшими с Римом на внешнем радиусе. Главными очагами сопротивления Риму на внешней орбите республики были непосредственно греки, македонцы и понтийцы, а также Великая Армения и Парфянское царство.

Единственным, кто оставался на внешней политической арене и с кем Спартак мог бы объединиться и создать единый антиримский союз, был понтийский царь Митридат, заблокированный римскими силами в пределах своего царства. Митридат VI Евпатор, царь Понта, уже имел широкий опыт сколачивания антиримской коалиции и все еще обладал военной силой и связями с региональными союзниками, позволяющими ему держаться на плаву, поэтому логика действий, в которой бы Спартак повел свои силы в Малую Азию, вполне оправдана.

Поэтому наиболее оптимальным и логичным вариантом для выхода на внешнюю периферию Римской республики был вариант выхода в Малоазийскую операционную зону че-

рез юг Италии, откуда все силы восставших можно было бы перебросить морским путем при помощи морских пиратов.

Вот почему логика обратного прорыва восставших на юг Италии достаточно сильна, и тут на фоне силы спартаковцев на земле все уже зависело от точности организации и координации действий между двумя полюсами и транспортным звеном, которое должно обеспечить переход сил восставших на новый театр военных действий.

Но не следует исключать и другие возможные варианты действий восставших после их успешного выхода на юг Италии.

При любом варианте действий все надежды восставшие возлагали на морских пиратов, которые обладали достаточными силами и средствами для проведения крупной десантной операции. Операционным районом в пределах Апеннинского полуострова, где себя вольготно чувствовали морские пираты, было побережье южной Италии и в особенности остров Сицилия, куда римский сенат весной 72 года до н. э. направил свой флот во главе с проконсулом П. Сервилием Исаврийским для борьбы с морскими пиратами.

Для реализации любого из трех вариантов действий Спартаку необходимо было в первую очередь вывести свои силы в южный регион Италии, к чему он и прибегнул, двинув свои войска в обратном направлении.

С началом движения спартаковцев в Южную Италию заканчивалась оперативная пауза и начинался первый период

активных боевых действий Четвертой фазы противостояния на Италийском театре военных действий.

По ходу движения армии восставших в районе города Пицена неудачливые римские консулы еще раз попытались остановить Спартака, но и здесь их в очередной раз ждала неудача. Одержав победу на поле боя, Спартак не стал отвлекаться на преследование отступающего противника, с тем чтобы полностью разбить его, а двинул свои силы далее на юг, направляясь в пределы Лукании.

Новая победа Спартака придала еще большей уверенности его войскам, которые своей последней победой над объединенными силами римских консулов подтвердили полученные за короткий период подготовки в Цизальпийской Галлии индивидуальные и коллективные боевые навыки.

В стане римских войск дела обстояли куда хуже. Римские полководцы, разуверившись в победе, были подавлены безнадежностью своего положения. В римской армии царил ужас и смятение вследствие непрерывных поражений и несостоятельности своих командиров на поле боя.

В этот самый момент в стан римского войска прибыл один из самых влиятельных римских преторов по имени М. Красс, который был назначен в Риме новым главнокомандующим для борьбы со Спартаком.

Получив новое назначение, Красс очень скоро набрал в Риме новую армию в 30 тыс. человек и двухтысячную кавалерию. После формирования шести новых легионов новый

командующий римскими силами за три дня прибыл в стан консульских армий и принял их под свое командование.

Первым делом Красс принялся наводить порядок в консульских армиях, для чего армии были подвергнуты децимации, то есть казни каждого десятого римского воина, согласно брошенному жребию. В результате на виду у всего войска из двух консульских легионов была обезглавлена тысяча римских солдат.

После жестокого наказания легионеров Красс приступил к формированию сил резерва, не предпринимая никаких активных действий против сил Спартака.

В этот период Спартак решил дать бой Крассу и направил свои силы навстречу римлянам.

Осознав, что встреча со Спартаком неизбежна, Красс привел свои силы в движение. Римский претор решил использовать ту же самую тактику, что и консул Гн. Лентул во время его попытки остановить рейд восставших с юга Италии в пределы Цизальпийской Галлии.

Красс сразу разделил свои силы на три части, выделив по 10 тыс. человек в две отдельные армии, образовав из них мобильные тактические группы. На посты командующих армиями были назначены Кв. Аррий, уже имевший успешный и печальный опыт встреч со спартаковцами, и М. Муммий, которые должны были «повиснуть» на флангах войска Спартака. Основную часть римского войска Красс оставил под своим руководством, закрепив за собой право на решающую

битву против Спартака.

Как и в случае с Лентулом, вождь восставших, не дожидаясь, пока римляне начнут скоординированные действия, решил разбить своего противника по частям, играя на разности психологий римских военачальников.

Дело в том, что М. Муммий еще не имел опыта прямых встреч с войском восставших, поэтому самонадеянно горел желанием отличиться, на этом и сыграл сведущий в таких делах Спартак. Определив первую точку приложения силы в виде армии Муммий, Спартак завлек его в ловушку и, используя тактическую схему «притворного бегства», вовлек римского полководца в открытое сражение. В этом бою армия Муммий была разбита и обращена в бегство, а восставшим опять достались обозы и римский арсенал оружия.

После выигранной битвы Спартак двинул свои силы далее на юг, периодически вступая в стычки с авангардом римлян, пытаясь, не теряя темпа, вовлечь Кв. Аррия в сражение.

По возвращении остатков римской армии и самого М. Муммий в стан основных сил Красс провел очередной акт децимации той части проигравшей армии Муммий, которая не смогла внести за себя денежный залог. В результате казни были приведены 500 легионеров, которых новый римский военачальник поделил на пятьдесят десятков, из которых (десятков) было умерщвлено по одному бойцу.

После поражения одной из своих армий Красс не решался на дальнейшие действия против уходящего на юг Италии

Спартака, пока не подошли сформированные когорты из набираемых сил резерва.

Только после того, как подошли дополнительные силы резерва, римский военачальник решительно двинулся вслед за уходящими силами восставших.

На последнем этапе «догонялок», после которого войско Спартака благополучно вышло на морское побережье Лукании, произошло еще одно боевое столкновение между восставшими и следовавшими за ними римскими силами.

В один из моментов, нарочно или по ошибке, десятитысячное войско восставших, отделившись от основных сил, встало лагерем на местности. Как только Красс узнал эту новость, он незамедлительно решил воспользоваться «оплошностью» противника и сразиться с отделившейся группой восставших.

С подходом римлян к лагерю восставших спартаковцы приняли вызов и дали сражение Крассу. В завязавшейся схватке римляне ожидаемо брали верх над достаточно небольшими силами восставших, но в самый решающий момент битвы на поле боя прибыл Спартак с основными своими силами и заставил Красса отступить.

Спартак, одержав очередную победу над преследующими его римлянами перед крайним переходом, благополучно привел свои силы к южному побережью Италии.

Красс, раздраженный своим поражением и отступлением своих легионеров при виде Спартака, в очередной раз под-

вергнул свое войско децимации. Согласно брошенному жребию, из 8 римских легионов были отобраны 4 тыс. легионеров, которых по жестокой римской традиции сначала наказали розгами, а затем обезглавили на глазах всего войска.

После проведенной третьей децимации Красс силой заставил своих легионеров бояться собственного военачальника больше, чем победоносного врага в лице восставших рабов. Таков был римский метод укрепления дисциплины в армии, который в корне отличался от методов, используемых Спартак в своем войске в этот же период времени. Но об этом чуть позже.

Получив очередной удар, Красс направил отчетное письмо в Рим, в котором поведал неутешительные новости о силе восставших и их намерениях, а также призвал сенат вызвать из Фракии М. Лукулла, а из Испании – Гн. Помпея для борьбы со Спартак. В итоге римский сенат одобрил запрос Красса и вызвал М. Лукулла и Помпея в Италию, а самого Красса возвел в сан проконсула.

После того как восставшие прибыли во второй половине августа 72 года до н. э. на морское побережье Лукании наступала оперативная пауза в Четвертой фазе восстания, которую Спартак намеревался использовать для заключения договора с морскими пиратами и его реализации на практике.

В Лукании Спартак через своих доверенных лиц незамедлительно вошел в контакт с предводителем пиратской эскадры Гераклеоном. За определенную сумму спартаковцы и

предводитель морских пиратов заключили соглашение, согласно которому пираты должны были обеспечить морскую переправу сил восставших на северное побережье Сицилии, с тем чтобы превратить остров в некий «остров свободы» – новый опорный рубеж восстания.

Но здесь Спартака ждало сильное разочарование, которое заставило вождя восставших изменить свои планы, что в конечном итоге напрямую повлияло на ход развития событий в противостоянии Рима и восставших рабов и скорое завершение данной эпопеи.

Дело в том, что морские пираты были обязаны своему быстрому возрождению с началом третьей Митридатовой войны самому понтийскому царю Митридату VI и лидеру римских политических изгнанников Серторию. Гераклеон очень хорошо понимал, что со сходом с дистанции серторианцев и незавидным текущим положением понтийского царя, восстание Спартака было обречено, поэтому предводитель пиратской эскадры быстро забыл о своих обязательствах и стал руководствоваться в своих решениях лишь жадной получением чистой наживы, которая нужна была ему для содержания эскадры как независимому игроку.

Скорее всего, предвидя бесперспективность движения Спартака, Гераклеон решил пренебречь договоренностью с ним в пользу торга с реальными хозяевами положения в средиземноморье – римлянами.

С приходом Красса в Луканию предводитель морских пи-

ратов быстро раскрыл перед ним все карты восставших, после чего римский полководец перекупил Гераклеона и заключил с морскими пиратами свой договор, согласно которому пираты отказались от обязательств, данных Спартаку, и вместо этого взяли за переброску двух римских легионов на остров Сицилию.

Таким образом Красс с помощью не прямых действий впервые удачно перехватил оперативную инициативу у Спартака и купировал прорыв сил восставших в новый операционный район, который сулил им (восставшим) определенные выгоды и хорошие стартовые позиции для дальнейших действий.

Узнав о предательстве Гераклеона, Спартак вынужден был резко поменять свой план действий и перейти к новому курсу с поправкой на складывающуюся обстановку, причем уже не самую благоприятную для восставших.

Силы восставших оказывались в практически запертом положении на юге Италии, потеряв возможность оперирования на морских путях и находясь в условиях прибытия дополнительных римских сил на Итальянский театр военных действий из Испании и Фракии.

На фоне складывающейся неблагоприятной обстановки для восстания Спартаку нужно было срочно что-то предпринять, чтобы вывести свои силы из стратегического тупика. И Спартак принял решение, прибегнув к нестандартному действию, заключающемуся в построении собственного флота и

формировании нового базового для восстания рубежа с центром в приморском городе Фурии.

Город Фурии был крупным портовым городом юга Италии, через который осуществлялась торговля между Италией, Грецией и Малой Азией. Местное население в прошлом принимало участие в войнах на стороне Афин, морские корабли города входили в состав флота Спарты, во время Пунических войн жители Фурии выступали на стороне Ганнибала.

Окружающие земли выбранного Спартаком города отличались плодородностью земель, развитым сельским хозяйством, горная местность была богата лесами и серебряными рудниками. Все это позволяло восставшим создать для себя довольно устойчивую военную и продовольственную базу, что обеспечивало спартаковцам достаточный мобилизационный и временной ресурс для перехода в новую фазу восстания.

Итак, после того как не состоялись встреча и договоренности Спартака с морскими пиратами, спартаковцы перешли к новому – второму периоду в четвертой фазе, в котором приоритетными действиями восставших будут кинетическая активность малых групп с низкой интенсивностью ведения боевых действий и проведение подготовительных мероприятий по осуществлению крупной десантной операции – переброске сил и средств на остров Сицилию, но уже своими собственными силами.

Таким образом, силы восставших успешно вышли в район Фурии и сходу овладели городом. Разместив в захваченном городе гарнизон в один легион, Спартак энергично принялся осваивать окрестности Фурии, предварительно заняв окружающие высоты, разбив на них военные лагеря.

Восставшие быстро подготовили и доставили на морское побережье необходимое количество штабелей свежесрубленного леса. На городских верфях корабельные мастера восставших построили и успешно опробовали опытные образцы кораблей. Все было готово для начала построения нового флота, оставалось только выждать время, которое было необходимо для сушки леса.

В это самое время в стане восставших проявились старые проблемы иррегулярного войска, которые напрямую оказывали отрицательное влияние на внутреннюю дисциплину и боевую готовность спартаковцев в сложной для них ситуации.

За прошедшее время в кампании 72 года силы восставших значительно пополнились новыми людьми, которые усилили внутренние противоречия, что были связаны с увеличением числа любителей «золотой чаши» как среди командиров, так и рядовых бойцов, и их пагубного влияния на моральные устои в войске, а также на внешнюю социальную среду.

Появляющаяся тяга к чрезмерному обогащению у восставших порождала такие негативные явления, как:

– корпоративное внутрилегионное разделение на группи-

ровки, сколоченные на основе племенной принадлежности;

- использование чувства мести по отношению к римлянам для мародерства и грабежа;
- индивидуальное накопление предметов роскоши.

Все эти явления приводили к появлению социального неравенства в рядах восставших, что подрывало силу и сплоченность их войска. Также моральное разложение спартаковского войска подрывало доверие и авторитет к Спартаку и восстанию в целом у местного населения южного региона Италии (римлян и их союзников италиков), что являлось критическим для формирования благоприятной внутренней и внешней среды обитания восставших.

В отличие от своего римского оппонента, Спартак подходил к решению данных вопросов, проявляя гибкость и в комплексе контрмероприятий не прибегая к массовым казням на основе коллективной ответственности.

В первую очередь Спартак старался поддерживать высокий боевой дух в своем войске и соответствующие морально-этические нормы поведения воинов посредством укрепления своего авторитета и авторитета старших командиров, являвшихся его близкими соратниками из числа бывших гладиаторов, посредством примеров личного поведения как на поле боя, так и в быту. Особенно этому способствовали непрерывные победы армии Спартака над римскими полководцами.

Следующими по эффективности воздействия на умы

активных участников восстания были методы и способы непрямого действия, к которым прибегал вождь восставших для формирования атмосферы нетерпимости в войске к случаям проявления индивидуальной или коллективной трусости, малодушия и других воинских пороков. При себе Спартак содержал целый штат всевозможных певцов, сказителей и рассказчиков, и даже театральные труппы, которые в своих постановках, песнях, стихах и рассказах восхваляли подвиги героев и нещадно позорили проявления трусости и малодушия.

Таким образом в войске постоянно насаживался культ героизма и самопожертвования ради успеха общего дела.

Для укрепления морального духа и твердости убеждений рядовых бойцов и командиров Спартак старался использовать силу убеждения италийских и греческих философов, которые сочувственно относились к восставшим, а также жрецов разных верований, которые удовлетворяли духовные запросы различных народностей, входивших в его войско.

Самыми трудными по степени разрешения были задачи, связанные с военными призами, женщинами и их влиянием на внутреннюю дисциплину войска восставших и их боевой дух.

В первом случае бывшие рабы, получив свободу, после ратных дел стали стремиться окружать себя роскошью, ставя себя на место своих бывших хозяев, со всеми вытекающими из этого последствиями. Все добро, полученное в результате

грабежей и мародерства, повстанцы продавали всевозможным торговцам, что были неизменными спутниками армии, вступая с ними (торговцами) в личные контакты.

Кстати, теневой стороной частных торговых отношений была высокая вероятность военного шпионажа и утечки информации о внутреннем положении в стане восставших и их планах.

Также скорое накопление ценных предметов военной добычи постепенно превращало бывшего гладиатора или раба в нового «любителя золотой чаши». Естественно, боевой дух ценителя роскошного образа жизни оставлял желать лучшего. А что еще хуже для военной организации, построенной по принципу добровольности, было попадание командира подразделения любого уровня в зависимость от «золотой чаши», что вызывало сильный отрицательный эффект, когда алчность одного человека оказывала прямое влияние на весь военный коллектив, разлагая внутреннюю дисциплину вверенного такому командиру подразделения.

Параллельно усугублял проблему алчности женский вопрос. Разбогатевшие командиры повстанцев позволяли себе обзаводиться штатом наложниц, что опять-таки создавало устойчивые предпосылки к шпионажу в пользу противника, внутренних интриг, связанных с кровной обидой сожительниц из числа бывших рабынь, ранее деливших с ними (новыми свободными командирами восставших) все тяготы и лишения рабства, а также транслировало плохой личный

пример для подчиненных.

В конце концов после безуспешных упреков и уговоров в конце 72 года до н. э. Спартак был вынужден прибегнуть к практическим мерам воздействия в своем войске. В условиях военного положения лидер восставших реализовал схему централизованной продажи военной добычи и распределения части вырученных денег в виде жалования. Все золотые и серебряные предметы роскоши были запрещены к употреблению в пределах военного лагеря, дозволялся только внешний оборот дорогих предметов для закупки сырья и для изготовления оружия.

В решении женского вопроса Спартак заставил своих командиров отказаться от практики содержания штата наложниц и восстановил в правах бывших сожительниц. Такой шаг вождя привел к возврату и упрочению авторитета его командиров в глазах подчиненных, а также возымел положительный эффект в окружающей социальной среде, потому как сильно упал спрос на невольниц из числа римской и италийской аристократии, что способствовало повышению уровня доверия со стороны местных жителей к восставшим.

Таким образом все нововведения Спартака конца 72 года получили благоприятный эффект как внутри сил восставших, значительно укрепив внутреннюю дисциплину войска, так и в их (восставших) взаимоотношениях с италийскими торговцами, привлекая их выгодными сделками.

Исходя из внутренних армейских событий, в станах сто-

рон, участвующих в войне гладиаторов в Италии периода второй половины 72 года до н.э., четко прослеживаются две концептуально противоположные модели укрепления внутренней дисциплины и повышения боевого духа в войске.

С одной стороны, была римская модель, в которой римские военачальники придерживались концепции воздействия на свои силы через приоритет материальной составляющей, в практике которой было использование карательных мероприятий, в дополнение к ним накладывались мероприятия духовной составляющей. А с другой стороны, была концепция наведения порядка и укрепления боевого духа в спартаковском стиле, в основе которого лежал примат духовной составляющей над материальной частью.

Как видно, в подходах по минимизации последствий влияния на умы солдат отрицательных явлений как в бою, так и в повседневной жизни войска, выделяются материальная и духовная составляющие.

Имплементация практических действий, как-то личный пример поведения на поле боя и в быту, формирование устава или внутренних правил – законов, осуществление контроля за соблюдением законов в армейском коллективе, исполнение наказания и т.п., формируют материальную составляющую воздействия на сознание бойцов.

Духовная составляющая формируется из комплекса мероприятий, не имеющих прямого физического воздействия как на отдельную личность, так и на коллектив в целом, но

способных на подсознательном уровне сформировать определенную частную или коллективную модель поведения.

Для внедрения на практике информационно-пропагандистских способов убеждения и формирования необходимой модели поведения в бою и в быту Спартак использовались тематические театральные постановки, песни, стихи, сказания, философские лекции, проповеди, предсказания, при помощи которых происходило воздействие на целевую аудиторию.

В общем, как и в военном искусстве, для формирования «превосходства необходимой точки зрения в умах людей» использовалась стратегия прямых или непрямых действий.

Так, еще до нашей эры формировалась психолого-идеологическая плоскость общей системы противостояния восстание – контрвосстание, в которой (плоскости) объектами влияния, помимо своих солдат, было еще и войско противника, а также гражданское население внутри зоны конфликта и за его пределами, включая и правящие круги других стран.

О практических результатах эффективности двух моделей воздействия на собственные войска следует судить по итогам противостояния армий Рима и сил Спартака на полях сражений, где исход сражения в значительной степени зависел от дисциплины войска и боевого духа солдат. И в этой плоскости противостояния используемая Спартаком концепция с преобладанием влияния мероприятий духовной составляющей на своих подчиненных явно превосходи-

ла римскую концепцию, основанную на символизме фасций.

В военной организации Рима и спартаковцев дисциплина и исполнительность в войске держались на авторитете военачальника и его командиров, вот только сам авторитет римского военачальника и лидера восставших формировался совсем по-разному.

Если авторитет римского военачальника формировался и держался за счет насаждаемого страха среди подчиненных, боявшихся быть подвергнутыми показательным телесным наказаниям и смертной казни, отсюда и принятый в Риме ритуальный символ власти в виде перевязанного ремнем пучка прутьев и топора внутри – так называемые *фасции*, то авторитет в войске восставших, а именно в войске Спартака, был сформирован и держался, прежде всего, на профессиональных и морально-этических качествах, проявляемых вождем восставших и его соратниками в бою и в повседневной деятельности и подкрепляемых различными вариациями влияния на человеческое сознание – пропагандой, убеждениями и проповедями.

Но вернемся к прямым событиям в южной части Апеннинского полуострова. К концу августа 72 года с прибытием сил Красса в окрестности города Фурии в регионе была развязана так называемая малая война с ведением лимитированных по силам и времени боевых действий малой интенсивности.

Параллельно с подготовкой своих сил и средств к осу-

шествлению крупной десантной операции на остров Сицилия Спартак, не обращая внимания на прибывшего Красса, разослал по региону своих легатов с отрядами для проведения карательных мероприятий на территориях, оставшихся верными Риму, и выполнения за их счет продовольственной программы обеспечения восставших.

В ответ на действия партий восставших Красс был вынужден реагировать, высылая свои отряды для оказания помощи своим союзникам. В возникающих малых стычках со спартаковцами римляне терпели чувствительные поражения, и такое положение дел продолжалось вплоть до конца первой декады сентября.

К этому времени Спартак закончил приготовления к проведению десантной операции по переброске части своих сил на остров Сицилию, с тем чтобы через вовлечение населения острова в противостояние с Римом и последующего превращения острова в свой новый форпост придать восстанию новый физический смысл.

Таким образом для спартаковцев была поставлена осязаемая конечная цель восстания, с которой открывался новый – Сицилийский период Четвертой фазы восстания.

На только что построенные несколько десятков кораблей вместительностью по 50 человек каждый погрузились 2 тыс. отборных бойцов восставших, и корабли взяли курс на Сицилию, с тем чтобы сходу овладеть островной столицей – городом Сиракузы. План спартаковцев заключался в первоначальном

чальном захвате сицилийской столицы, освобождением заключенных и рабов, их вооружением и формированием из них новых повстанческих отрядов, чтобы затем начать экспансию вглубь острова и поднять на нем новую повстанческую волну по уже отработанной схеме. По всей видимости, этим 2 тыс. бойцов ставилась главная задача по подготовке нового операционного района для осуществления успешной переправки на остров Сицилию более крупных сил спартаковцев.

Пройдя около 440 километров, спартаковская флотилия успешно высадил десант в районе Сиракуз. Следует отметить, что появление морской флотилии восставших в районе города Сиракузы стало для легатов Красса, посланных ранее на Сицилию, полной неожиданностью. Римские легаты Л. Катилина и П. Автроний приняли район города Мессаны за наиболее вероятный участок прорыва сил Спартака в пределы острова. На данном направлении всего 3,5 километра морской поверхности отделяли сицилийский город Мессану от южной Италии.

Надо полагать, что в этот период войны очередной раз проявилось явное пренебрежение римлянами к осуществлению мероприятий разведки, благодаря чему Спартаку удалось скрыть от противника как постройку морской флотилии, так и отправку экспедиционных сил на восточное побережье острова Сицилии.

В свою очередь римские легаты, которым вверялась ор-

ганизация обороны острова по согласованию с Крассом, не располагая своевременной и достоверной информацией о возможностях своего противника, приняли ошибочное решение по сосредоточению своих сил в районе города Мессаны как в наиболее уязвимом месте для вторжения в пределы острова.

Но несмотря на упущения римлян в разведке, после высадки на берег десанта спартаковцы провели несколько безуспешных попыток по штурму Сиракуз, после чего командиры повстанцев вынуждены были отказаться от своих намерений. Провалу операции спартаковцев по захвату сицилийской столицы способствовало то, что два римских легата в последний момент приняли решение разделить свои силы, оставив основную их часть под командованием Катилины для защиты Пелорского мыса, а с остальной частью, ведомой Автронием, выдвинуться в направлении восточного побережья острова для защиты Сиракуз.

Не сумев с ходу овладеть городом, спартаковцы разделились на малые партии и рассеялись по окрестностям города, разоряя предместья Сиракуз и поднимая тысячи местных рабов на восстание.

Итак, несмотря на то, что экспедиционными силам Спартака не удалось с ходу овладеть Сиракузами, восставшим все-таки удалось проникнуть в Сицилию и поднять там волну нового восстания. Своими силами два римских легата не могли организовать успешное противодействие восстанию на тер-

ритории острова, но продолжали удерживать два главных направления по прорыву в Сицилию с пределов юга Италии. И здесь Катилина и Автроний решили применить нестандартный ход, купив за большие деньги пиратского адмирала Гераклеона. Получив крупное вознаграждение от римлян, Гераклеон выслал свою флотилию в район восточного побережья острова Сицилии для его патрулирования и охраны морских подходов к сицилийской столице.

Узнав о намерениях Гераклеона блокировать восточное побережье Сицилии, командир спартаковского десанта вовремя отослал свои суда назад в город Фурии вместе с отчетным письмом Спартаку, в котором сообщал о неудаче операции по захвату Сиракуз, успешных действиях в окрестностях города и начале экспансии вглубь острова. В конце письма был запрос на дополнительные силы для развития успешных действий восставших в Сицилии.

Одновременно с началом действий экспедиционных сил по высадке десанта на Сицилию Спартак приступил к операции по выманиванию Красса на поле боя в Фурийской операционной зоне, основные события которой развернулись в момент, когда морской десант восставших уже успешно высадился в районе Сиракуз.

И в этом случае римляне купились на очередную уловку восставших, которые комплексом обманных мероприятий выманили противника на бой.

Сначала были успешно распространены слухи об очеред-

ных разногласиях в стане восставших, которые и были доставлены Крассу его лазутчиками. Далее были проведены демонстрационные действия, в которых силы восставших количеством в 10 тыс. человек, отколовшись от главных сил, совершили марш и стали отдельным лагерем.

Римский военачальник расценил это действие как успешно складывающуюся для него благоприятную обстановку и под покровом ночи скрытно вывел свои силы из полевого лагеря и занял позиции у новой стоянки противника.

Как и положено, желавшие сражения с меньшими силами восставших римляне получили его. В самый разгар битвы, в тот момент, когда Красс уже предвкушал победу своих войск, на поле битвы прибыл сам Спартак с главными силами, и частное сражение немедленно превратилось в жестокую битву равных по количественной силе сторон. В конечном итоге под натиском спартаковцев Красс вывел свои силы из боя и занял оборонительные позиции в пределах полевого лагеря, после чего уже не решался отвечать Спартаку на вызовы к очередному сражению.

В этом положении Спартак получил известия от своего сицилийского отряда. На быстро созванном военном совете спартаковцами был принят новый план действий, после чего силы восставших незамедлительно снялись с позиций и приступили к выполнению мероприятий согласно новому плану. А Красс, наблюдая, как восставшие покидают район Фурии, самонадеянно объявил победу над Спартаком.

На военном совете Спартаком был утвержден план по переходу основных сил на Сицилийский театр военных действий, чтобы закрепить там начинания своих экспедиционных сил. Надо отметить, что в этот момент складывалась весьма неблагоприятная обстановка для проведения новой крупной операции по переправке основных сил на остров Сицилию.

Самое благоприятное место для прорыва на остров было надежно блокировано римскими легионами, занявшими линию обороны вдоль Пелорского мыса, восточное побережье Сицилии патрулировалось кораблями флотилии морских пиратов, перешедшими на сторону Рима, к тому же наступал сезон с неблагоприятными погодными условиями на море, которые не способствовали успешному плаванию.

Принимая во внимание складывающуюся обстановку для своих сил, спартаковскими командирами было принято решение невзирая на погодные условия совершить переброску своих сил на остров с преодолением морской преграды. Для этого Спартак разделил свои силы на две части, большая часть из которых выдвигалась к городу Регий, расположенному на южной оконечности Бруттия прямо напротив города Мессаны, а меньшая часть скрытно была направлена к мысу Геркулеса, откуда должна была осуществиться вторая десантная операция.

Таким образом Спартак намеревался отвлечь в район Пелорского мыса как большую часть наземных сил Рима на Си-

цилии, так и пиратскую флотилию, освобождая таким образом восточное побережье острова для успешного проведения новой десантной операции по переброске второй части своих сил в район Сиракуз при помощи своих высвободившихся кораблей.

Через пять дней марша основные силы восставших вышли на Регийский полуостров, где Спартак частью своих сил блокировал город Регий, в котором находился римский гарнизон, а основными силами стал лагерем на побережье и приступил к подготовке плавсредств для осуществления переправы на Сицилию.

Одновременно с началом подготовки повстанцев к переправе на Регийский полуостров прибыл со своими силами Красс и сразу принял решение начать незамедлительные работы по сооружению фортификационной линии от моря до моря на самом узком участке местности полуострова, с тем чтобы отрезать Спартак от внешнего мира. Так основные силы восставших оказались не в самом выгодном положении, заблокированные на ограниченном пространстве с моря и суши.

Спустя три дня восставшие закончили приготовление плавсредств и приступили к первым попыткам переправы. Но все попытки высадки десанта на берег Пелорского мыса оказались тщетными ввиду успешных контрмер римских когорт, державших оборону на побережье, и действий пиратской флотилии, корабли которой оставили прибрежную зо-

ну Сиракуз.

Но несмотря на неудачные действия основных сил восставших, удачно завершилась десантная операция второй части войск. Спартаковцам скрытно прибыли в район мыса Геркулеса, откуда бойцы на ждавших их кораблях благополучно добрались в район Сиракуз, где высадились на берег и двинулись вглубь острова.

Несмотря на неблагоприятные вести из Сицилии, Красс не отвлекаясь упорно продолжал возведение кордонной линии, к тому же Спартак позволял ему это делать, пока в дело не вмешалась природа.

Одним утром после ночной непогоды спартаковцы обнаружили свои плавсредства разбитыми в хлам.

Повстанцы приступили к постройке новых средств переправы, одновременно начав постоянно тревожить силы римлян в районе проводимых ими работ по возведению ограничительной фортификационной линии.

Однако, несмотря на противодействие восставших, уже к 30 сентября римляне завершили возведение линии Красса. Эта фортификационная линия включала стену длиной более 53 километров и высотой 4,5 метра и параллельно вырытый земляной ров шириной и глубиной в 4,5 метра. Таким образом Спартак полностью лишился свободы маневра, оказавшись запертым в южной оконечности Регийского полуострова. Теперь Красс намеревался взять основные силы восставших измором, считая капитуляцию Спартака в складываю-

щихся условиях неизбежной.

В заблокированном положении, не имея возможности переправиться на Сицилию, спартаковцы пробыли вплоть до 24 декабря. За этот период на стороне Рима произошли существенные изменения.

18 декабря в Рим со своей армией вернулся Помпей. Силы Помпея, состоявшие из 6 римских легионов, одного испанского легиона и 5 тыс. всадников, за 50 дней совершили марш длиной в 1500 километров, с восторгом были встречены гражданами и расквартированы в пригороде столицы.

Вернувшись домой в ранге победителя на хорошо удобренную почву, которую обеспечили ему присланные ранее его доверенные лица, и имея за собой внушительную военную силу, Помпей, одержавший внутривосточную победу над сторонниками Красса, был наделен полномочиями нового главнокомандующего в войне со Спартаксом.

О новом назначении в римских войсках и появлении в Риме армии, познавшей вкус победы над самим Серториумом, Спартак узнал практически одновременно с Крассом.

Получив новые известия из Рима, на военном совете Спартак принял решение по прорыву линии Красса и переходу в италийскую провинцию Калабрию с портовым городом Брундизий, через который спартаковские силы имели возможность переправиться в Малую Азию, на просторах которой они бы обрели новую степень безопасности при поддержке понтийского царя Митридата VI.

Принятое вождем восставших решение переводило восстание в Пятую фазу противостояния, промежуточной целью которой стал приморский город Брундизий, откуда открывалась прямая дорога на Малоазийский театр военных действий как конечную цель фазы в целом и где Спартак намеревался значительно усилить свои позиции и, по сути, спасти свое положение и восстания в целом.

Согласно принятому решению, Спартак опять разделил свои силы, отобрав 40 тыс. пехотинцев и 4 тыс. кавалеристов, с которыми он намеревался совершить прорыв и создать благоприятные условия для вывода основных сил восставших за пределы Регийского полуострова. В лагере у города Регий оставались 90 тыс. спартаковцев под началом Ганника.

Уже в ночь на 24 декабря 72 года до н. э. Спартак со своей ударной группой вышел из полевого лагеря и с ходу успешно форсировал линию Красса. Выйдя на оперативный простор, Спартак сразу взял курс на север.

В свою очередь Красс не стал особо препятствовать Спартаку в прорыве через выстроенную римлянами стену, хотя тактика действий по нанесению последовательных ударов войскам противника в момент форсирования ими фортификационной линии являлась бы самой логичной, эффективной и сулившей римлянам с достаточной степенью вероятности стратегический успех при сформированных ими же благоприятных условиях оперативно-тактической обстановки. Римский военачальник почему-то не воспользовался опы-

том римского полководца Луция Лукулла, который в кампании 73 года до н. э. на Малоазийском театре военных действий разбил понтийско-серторианские силы, атаковав их во время преодоления рек Эсеп и Граник.

Вместо активного противодействия прорывающимся силам Спартака Красс написал два письма: одно адресованное в сенат, а второе – во Фракию, причем второе письмо, в котором Красс просил Марка Теренция Варрона Лукулла срочно прибыть в Италию для оказания помощи в борьбе против Спартака, еще окажет решающее воздействие на ход войны гладиаторов.

Далее на военном совете Красс принял решение выдвинуться вслед уходящему Спартаку с намерением задержать продвижение восставших на север. По всей видимости, римский военачальник, не веря в свои силы, старался выиграть время для прибытия на театр военных действий дополнительных сил из Фракии.

Уйдя со своей линии, Красс полностью снял осаду над основными силами восставших, что позволило Ганнику выступить со своими силами вслед римскому войску, оставив десятитысячный гарнизон в лагере для дальнейшей осады города Регий и переправы на Сицилию. Избавившись от обоза и убив всех пленных римлян, восставшие, заполнив их телами выкопанный римлянами ров, успешно форсировали фортификационную линию и налегке устремились за преследовавшими Спартака римлянами. Теперь уже кавалерия Ган-

ника висела на хвосте у сил Красса, постоянно тревожа римлян во время их марша.

Кстати, тот факт, что спартаковцы в очередной раз перед походом с легкостью расставались со своим обозом, говорит о достаточной степени свободы действий, которая была обеспечена им посредством заранее созданной благоприятной средой по ходу движения войска, позволявшей войску Спартака получать все необходимое в контрольных точках на марше,

чего не скажешь о римских легионах. Римляне у себя в стране вынужденно таскали за собой весь армейский обоз, что делало их войско достаточно уязвимым в фазе вооруженного конфликта с высокой степенью интенсивности действий, в которой противник имел более высокую степень свободы маневра.

Также этот факт говорит о том, что римское войско оперировало в условиях достаточно агрессивной для себя внешней среды, которая не гарантировала им благоприятных условий для налаживания собственной сети всестороннего обеспечения войска.

Совершенно очевидно, что Спартак уделял особое внимание созданию некой узловой сети, роль узлов в которой исполняли населенные пункты, где население приняло сторону восставших или же просто лояльно-нейтрально относилось к движению сопротивления Риму, а режим безопасности в созданном восставшими очаге сопротивления обеспечивался

присутствием прямых участников восстания в гражданской среде посредством оставления на пройденных территориях военных гарнизонов.

Именно одним из таких узловых центров восставших оказался город Консенция, в окрестностях которого Спартак сделал первую крупную остановку после совершения пятидневного перехода и решил вызвать на бой шедшего за ним Красса в благоприятных для себя условиях.

Таким образом, уже в то время четко прослеживалась стратегия действий восставших на взятых под свой контроль италийских территориях, в которой немаловажная роль отводилась вопросу удержания за собой территории через контроль местного населения. Такая стратегия действий спартаковцев обеспечивала им существенное преимущество перед римлянами на Италийском театре военных действий и гарантировала успешное создание некой устойчивой ресурсной базы восстания, а также благоприятной среды обитания и оперирования для своих сил.

С успешным прорывом Спартака на север новый римский главнокомандующий, дав отдохнуть своим силам после долгого возвращения из Испании, поднял свою армию в римском лагере и выступил в новый поход на юг Италии.

С совершением прорыва Спартака за фортификационную линию, что полностью перекрывала южную часть Регийского полуострова, начинался период Пятой фазы противостояния войск восставших гладиаторов и Рима, в котором противо-

борствующие стороны уже не давали друг другу возможности взять паузу – фазу динамического равновесия и уйти на зимние квартиры, как это было до этого.

Начавшаяся Пятая фаза восстания уже в корне будет отличаться по характеру действий сторон конфликта от предыдущих фаз и их периодов.

В первую очередь под конец 72 года в действиях Спартака, почувствовавшего свою силу вследствие одержанных над Римом военных побед, наметилась некая шаблонность и предсказуемость, что позволяло Крассу находить и предпринимать эффективные контрмеры на тактические уловки вождя восставших.

Римский военачальник после ряда военных неудач не чувствовал уверенности в действиях своих воинов перед встречей с войском Спартака, и поэтому не считая, что у него достаточно сил и средств для вызова вождя восставших на генеральное сражение, принял тактику действий самих восставших, проявленную ими в начальный период Первой фазы восстания.

Красс, постоянно уклоняясь от боевого соприкосновения с равными или превосходящими силами Спартака, старался применять способы и методы стратегии непрямых действий, успешно используя фактор времени, выжидая благоприятного момента для начала решительных действий совместно с прибывшим на Итальянский театр военных действий римским подкреплением.

Еще одной отличительной чертой начинающейся фазы войны были действия кавалерии как на марше, так и на поле битвы, которая стала играть решающую роль в декабрьском противостоянии Спартака и Красса.

Итак, вырвавшись из блокады, сорокатысячная армия под командованием Спартака устремилась в северном направлении. За ней последовал Красс со своей армией в 140 тыс. человек. Как только силы римлян оставили периметр линии Красса, сняв таким образом блокаду южной части Регийского полуострова, вслед за Крассом вышли около 80 тыс. спартаковцев под руководством Ганника.

За пять дней марша Спартак, ведя за собой своего противника, прошел около 180 километров, после чего вождь восставших остановил свою армию и дал команду разбить полевой лагерь недалеко от города Консенции. По ходу движения армий расстояние между римлянами и армией Спартака постоянно увеличивалось, ввиду того что спартаковцы, предусмотрительно избавившись от своего обоза, шли налегке, а войско Красса тянуло за собой весь свой обоз, что сказывалось на их свободе передвижения.

На всем протяжении марша, пока пехота была занята переходом, кавалерия противоборствующих сторон была занята боевой активностью, всюю пользуясь преимуществом перед пехотинцами, используя свои маневренные и ударные качества. В этих догонялках конница Красса насаждала на арьергард Спартака, а кавалерия замыкавшего общее движе-

ние Ганника постоянно «висела» на плечах римлян, замедляя и без того медленное продвижение противника.

После пятидневного перехода Спартак, отведя свои силы с линии движения на Брундизий, решил вынудить Красса дать бой восставшим. Для этого Спартак действовал по устоявшемуся шаблону, очередной раз отделив десятитысячную армию от главных сил для выполнения ложного маневра, подкрепив данное действие распространением ложной информации о разногласиях среди командиров восставших через мнимых перебежчиков.

Но на этот раз римский полководец, принимая вызов, подошел к подготовке предстоящего сражения с большей осмотрительностью, чем он это делал ранее.

Первичная диспозиция, в которой оказались силы противоборствующих сторон, была следующая: Красс стал со своими силами непосредственно перед десятитысячной группировкой противника, слева операционный район был ограничен морем, на правом фланге от римского лагеря в 10 километрах стоял лагерь Спартака и с южной стороны операционная зона была ограничена группировкой Ганника.

Таким образом Красс, оказавшись со своими силами в оперативном окружении, принял решение атаковать меньшие силы противника, при этом позаботившись о правом фланге и тыле.

Итак, главное направление удара было выбрано, для этого Красс отобрал под свое руководство 15 тыс. легионеров, сре-

ди которых находился легион Цезаря. Против самого Спартака под руководством уже опытного легата Кв. Аррия были выставлены 40 тыс. римских воинов, задачей которых было обеспечение правого фланга. Для обеспечения своего тыла Красс выделил около 85 тыс. легионеров под руководством П. Консидия, оппонентом которого был Ганник с восьмидесятитысячной армией.

Оказавшись в довольно невыгодном для себя положении, Красс осознавал, что шансов выйти чистым победителем в грядущем сражении у него очень мало. Единственное, на что он мог надеяться, это ничья, а залогом этого была только агрессивно-наступательная тактика действий, и римский полководец с успехом этим воспользовался.

Как только Ганник подошел со своими силами вплотную к римскому тылу и приступил к сооружению полевого лагеря, Красс отдал команду к действию.

Первыми в большую битву вступили четыре римских легиона под руководством самого Красса и Цезаря и 85 тыс. легионеров под руководством П. Консидия. Лишь на правом фланге римлян Кв. Аррий оставался в выжидательной позиции, ожидая начала действий со стороны Спартака с его тридцатитысячной армией.

На исходе трехчасового яростного сражения на тыловой линии, где противостояли друг другу большие силы противоборствующих сторон, Ганник стал одолевать силы Консидия, который держался из последних сил и лишь собствен-

ным примером, появляясь в самых опасных местах своих боевых порядков, не допустил отступления своего войска.

Намного удачней для римлян обстояли дела на их фронтальной линии, где легионы под непосредственным руководством Красса брали верх над десятитысячной маневренной группой восставших. Позже в своем донесении в Рим Красс отчитается, что из 10 тыс. спартаковцев на поле боя полегли 6 тыс. и 900 человек попали в плен к римлянам.

Но стоило Спартаку вступить в бой и потеснить сорокатысячные силы Ария, как сразу же общая обстановка на поле боя начала меняться в пользу армии восставших, и главнокомандующему римскими силами пришлось срочно выводить свои войсковые группы из боя. Все три армейские группы римлян были успешно выведены из боя и нашли свое укрытие за периметром полевого лагеря.

Вовремя отведя свои силы с поля битвы, Красс не допустил ситуации, когда прямое вступление в битву Спартака могло бы сломить дух римских легионеров, которые были слишком неустойчивы в противостоянии с силами восставших, возглавляемыми самим Спартаком, еще не знавшим до этого времени поражений. Своевременное тактическое отступление Красса помогло ему не потерять полностью свои главные силы, сражавшиеся на правом фланге и в тылу, и сберечь общую позицию своих сил в операционной зоне.

Таким образом, несмотря на то что Спартаку удалось выманить силы Красса на генеральную битву, ему однако все-

таки не удалось разгромить римские силы, а обманные маневры, связанные с шаблонными действиями по выводу десятитысячной армии в самостоятельный район действий, на этот раз были успешно прочитаны и парированы римским полководцем, в результате чего эта армейская маневренная группа была разбита легионами Красса и Цезаря.

Другими словами, принесенные в жертву два легиона восставших, действиями которых Спартак намеревался заманить в тактическую ловушку своего контрапартнера, не помогли вождю восставших достичь конечной цели данной операции, в которой восставшие оказались лишь номинальными победителями, оставив за собой поле боя, но не разбив армию неприятеля.

Такой ничейный результат закончившегося сражения, в котором принимали участие все силы восставших, в свете чреды прошлых поражений римских полководцев можно трактовать как первую серьезную победу Рима над восставшими, которая пошатнула авторитет Спартака и давала надежду римским легионерам на успех в войне против гладиаторов.

После этого сражения римские легионеры почувствовали свою силу в противостоянии с восставшими, что позволяло римским полководцам более смело начинать действовать на поле боя, прибегая к различной тактике действий, ярко проявившимся в следующих двух сражениях.

В свою очередь Спартак, не сумевший до этого момен-

та своевременно перевести все свои военные победы над Римом в политические дивиденды, логически начал терять контроль над военной ситуацией.

Пришло время, когда военная удача стала переходить в руки римских полководцев, которые, просчитывая шаблонные действия своего противника, научились успешно их парировать в открытом сражении и в следующих сражениях успешно использовать преимущества высококомобильной конницы на поле боя в условиях военного паритета в силах.

Не сумев нанести поражение Крассу, Спартак опять решил разыграть партию с отделением части своих сил с той лишь разницей, что теперь он увеличивал номинальный вес отделяемого войска, доведя его по численности равной тридцатипятидесяти тысячному войску.

С приближением сил Помпея с северного направления к оперативному району боевых действий на расстояние уже менее 360 километров для Спартака настало время напрямую разыграть карту нового римского главнокомандующего, влиявшего на поведение Красса, который страстно желал быть единоличным победителем и не делить славу с другими римскими полководцами.

Утром 29 декабря 72 года до н. э. вверенный Ганнику и Касту тридцатипяти тысячный отряд пехотинцев при 2 тыс. конницы покинул основной полевой лагерь восставших и выдвинулся в северном направлении навстречу Помпею. Таким образом Спартак сокращал время для Красса, побуждая

его к активным действиям до момента встречи его с Помпеем, когда должен будет произойти ритуал смены главномандующего римских сил в Италии.

Параллельно в лагерь римлян была доставлена очередная порция дезинформации об очередном расколе в стане восставших, в котором группа сторонников Ганника и Каста стояла за выдвижение на силы Помпея, а другая группа, возглавляемая самим Спартаксом, отстаивала решение идти на Брундизий.

На практике основные силы восставших, возглавляемые своим вождем, остались в полевом лагере, хладнокровно дожидаясь ответных действий Красса.

Наконец римский полководец после дня раздумий и разведывательных действий под покровом наступившей ночи снял свою армию с лагеря и ушел вслед Ганнику и Касту по заранее намеченному пути, избегая встречи с дозорами восставших.

К 31 декабря Красс вышел в район Луканского озера, где стояла лагерем тридцатипяти тысячная армия восставших. Не теряя ни минуты, Красс распорядился разбить два полевых римских лагеря, первый из которых располагался напротив сил Ганника и Каста, а второй лагерь был разбит для обеспечения действий против сил Спартака, который, согласно донесениям римских разведчиков, уже выступил вслед Крассу.

Для атаки отколовшихся сил восставших Красс выделил

40 тыс. пехотинцев и 3 тыс. всадников под руководством Аррия. Сам Красс остановился с оставшимися силами во втором лагере для блокирования действий подходящей армии Спартака.

По окончании инженерных работ Аррий незамедлительно выстроил свои силы в боевой порядок напротив лагеря восставших и начал вызывать Ганника на бой. Ганник, приняв вызов, выстроил линию своих легионов так, что левый фланг упирался в прибрежную линию Луканского озера, а на правом фланге была распложена вся конница.

В начавшемся сражении в течение нескольких часов никак не мог определиться победитель. Благодаря грамотному использованию восставшими рельефа местности, Аррию никак не удавалось осуществить обход сил восставших, а основную нагрузку активных боевых действий несла кавалерия противоборствующих сторон, силы которой к исходу дня начали обоюдно выводиться из боя. Но в данный момент боя римляне обладали значительными резервами по отношению к тридцатипяти тысячной армии Ганника и Каста, и Красс решил воспользоваться этим, введя в бой дополнительный конный резерв. В результате удара свежих сил римлян дрогнула конница восставших, обеспечивавшая правый фланг своей пехоты. С отступлением конницы, которая оголила правый фланг, стали отступать и легионы восставших, которые уходили в район горы Каламация, что находилась в тылу боевой линии восставших.

Но на счастье Ганника и Каста, в район боевых действий пришел сам Спартак, силы которого с ходу атаковали основные силы Красса. В установившемся оперативном паритете Аррию пришлось отказаться от активных действий против сил Ганника и направить часть из них на выручку Крассу, который сошелся в жесткой схватке с легионами Спартака. За те несколько часов развернувшегося сражения до наступления темноты ни одна из сторон не одержала победу на поле боя, и с наступлением сумерек битва была обоюдно остановлена, а войска отведены на исходные позиции в ожидании следующего дня для возобновления битвы.

Главным итогом первого дня большого сражения как для восставших, так и для римлян стало известие о гибели Ганника, ближайшего соратника Спартака и блестящего полководца восставших, который погиб в рубке на правом фланге своего боевого порядка, сражаясь в рядах кавалерии.

Таким образом при относительном паритете потерь в живой силе сторона восставших понесла чувствительную моральную потерю, связанную с утратой одного из своих значимых полководцев, она оказала прямое воздействие на моральное состояние командного состава и рядовых бойцов армии восставших.

Наступившей ночью силы восставших были отведены полководцами в расположения своих полевых лагерей для отдыха и подготовки к предстоящей битве. В римском лагере этой ночью состоялся военный совет, на котором были при-

няты решения относительно ротации римского командования и плана действий в грядущем сражении, в котором (сражении) Красс уже видел себя победителем, уверенность в этом ему придавал исход эпизода его противостояния с армией Ганника и Каста.

Согласно принятому плану действий, Красс намеревался ввести в заблуждение Спартака, пытаясь заставить его поверить в то, что против него выступает сам римский командующий, в то время как Красс возглавит свои войска, выступающие против заметно потрепанной армии погибшего Ганника, а против Спартака выступит Аррий, который ночью не без разочарования возглавил римские легионы, до этого возглавляемые Крассом. Следовательно, римский полководец Аррий был лишен права на такую желанную победу над Ганником и Кастом и был вынужден сражаться против грозного Спартака без особой надежды снискать себе лавры победителя.

Перераспределив командное звено, Красс прибегнул к осуществлению еще одной тактической хитрости, выслав шеститысячную группировку под руководством Цезаря в район предполагаемого сражения для занятия там засадной позиции. Римский военачальник намеревался провести комбинацию с проведением притворного отступления в завязавшейся битве и удара в тыл армии гладиаторов, в то время как она нарушит свои боевые порядки, начав преследовать отступающего противника.

На рассвете 1 января 71 года до н. э. Каст, приняв под свое руководство армию погибшего Ганника, выслал из предделов малого лагеря спартаковцев разведывательные дозоры, которые еще до начала построения боевых порядков противоборствующих армий успешно обнаружили засадный отряд Цезаря.

Получив эту информацию, Каст незамедлительно выслал скрытыми путями один легион для проведения внезапной контратаки на засадный легион римлян.

Так было положено начало следующему крупному сражению между силами Спартака и Красса, в котором инициатива действий была сразу перехвачена Кастом. Теперь уже Цезарь, которому отводилась роль тактического загонщика, попал в ловушку, да еще и в тот момент, когда крупное сражение еще не началось.

Получив сообщение от Цезаря, Красс понял, что его план полностью провалился, и вынужденно начал играть вторым номером в начинающейся битве.

Римский командующий немедленно послал на подмогу Цезарю часть своих сил и приступил к выводу в боевые порядки своих легионов.

Для вызова на сражение главных сил армии восставших гладиаторов Красс выслал к полевым лагерям Спартака и Каста кавалерийские отряды, которые своими иницилирующими действиями побудили к действию полководцев армии восставших.

После того как спартаковские силы из двух лагерей были построены в боевые порядки, римская конница, сделав свое дело, заняла место на флангах, в то время как в дело уже вступали легионы, начиная самое большое сражение за все прошедшее время войны гладиаторов против Рима.

После двух часов генерального сражения ни одна из сторон не уступила другой в стойкости. Далее произошли закономерные события, исходя из потенциалов противостоящих армий. Армия под руководством Спартака начала теснить силы Аррия к его полевому лагерю, а Красс стал одолевать силы Каста, боевой порядок которых был восстановлен лишь храбрыми и решительными действиями самого Каста, проявленными им на поле боя.

Красс, чувствуя, что своими силами ему не одолеть своего противника, отдал распоряжение Аррию выделить ему (Крассу) свой резерв.

Несмотря на то, что сам Аррий находился в тяжелом положении, напрямую противостоя Спартаку, он выполнил приказ своего командующего, выслав ему свою отборную конницу, после чего римский полководец вынужденно совершил поступок, достойный стать примером для подражания, проявив все лучшие качества командира как военного лидера, воодушевив личным примером своих легионеров.

Аррий дал распоряжение вывести всех лошадей, включая и его собственного коня, в тыл своего боевого порядка и вместе со своими трибунами, взяв в руки щит, занял в нем свое

место.

Таким образом, отведя всех лошадей в тыл, Аррий всем показал, что ни он, ни его командиры спастись бегством с поля боя не собираются и будут сражаться до последнего наравне со своими рядовыми легионерами.

Это был достойный пример храбрости и чести военачальника, который до этого не был присущ римским полководцам в противостоянии с армией гладиаторов.

Прибывшая на поле противостояния армий Красса и Каста римская кавалерия полностью изменила рисунок боя на этом тактическом направлении.

Красс лично возглавил пятитысячную колонну римской кавалерии, которая, обойдя фланг армии Каста, развернулась в боевой порядок и ударила в тыл своему противнику. Несмотря на то, что Каст вовремя заметил угрозу и также лично возглавил свой двухтысячный конный резерв, ринувшись навстречу римской коннице, в развернувшемся кавалерийском сражении победу одержал Красс.

В итоге галло-германская конница была полностью разбита, а сам Каст в этой сече пал смертью храбрых. Благодаря действиям своей конницы легионы Каста успели отойти с поля боя и занять оборонительную позицию в пределах своего полевого лагеря.

А в это время на другом тактическом направлении силы Спартака оттеснили римлян к их лагерю, после чего вождь восставших отправил часть своей конницы в район, где ле-

гион восставших блокировал силы Цезаря, исключив скрытый римский резерв из тактического рисунка боя.

Узнав о тяжелом положении армии Аррия, Красс уже не мог себе позволить начать осаду оставшегося без своего полководца войска восставших в их лагере, с тем чтобы окончательно покончить с армией погибшего Каста, а вынужден был отвести свою армию в расположение своего лагеря, чтобы быть готовым к встрече с победившим на другом тактическом направлении Спартаксом.

В свою очередь конница Спартака атаковала и полностью разбила силы Цезаря, да так, что последний вернулся в ставку Красса только в сопровождении своих телохранителей и без вверенного ему войска. Единственное, чем поплатился Цезарь за потерю своей армии – объявлением выговора от Красса на виду у всех римских легатов, а также публичным посрамлением как проигравшего командира, в то время как всем был поставлен в пример другой римский полководец по имени Аррий, поступок которого навсегда запомнил будущий великий римский полководец, приняв действия Аррия в этом бою за эталон проявления воинской доблести.

В такой оперативно-тактической обстановке, сложившейся к исходу первого дня 71 года, командующие противоборствующими сторонами взяли паузу, отведя свои войска на ночной отдых.

Итог противостояния Спартака и Красса в генеральном сражении 1 января 71 года до н. э. не внушал особой радости

восставшим. Римская армия не была разбита в этом сражении, более того, потери сторон были сопоставимы, а значит, решающей битвы, после которой можно было бы спокойно рейдировать к Брундизию, не обращая внимания на подступающего в операционный район Помпея, так и не получилось.

В сражениях Спартак потерял некоторых своих соратников и выдающихся командиров, которым трудно было найти сразу замену. В свою очередь римские полководцы, как и рядовые легионеры, почувствовали уверенность в своих силах, что превращало армию Рима в серьезную военную машину, ничем не уступающую спартаковцам, которые, наоборот, пребывали в некой прострации и которым теперь требовалось время и место для восстановления своих сил – моральных и физических. Более того, с такими результатами крайне опасным для Спартака становилось приближение свежих сил Помпея, которые на тот момент находились всего лишь в 20 километрах от района боевых действий.

Но несмотря на очевидные первые успехи, римские полководцы также были поражены доблестью восставших, когда обнаружили, что из 12 300 тел, оставшихся лежать на поле боя, всего в двух случаях были отмечены раны в спину, все остальные погибли, сражаясь лицом к лицу с противником.

До полуночи в лагере Спартака проходил военный совет, по итогам которого был принят новый план действий. Оценив складывающуюся обстановку, было принято решение уводить все силы на восток от района сражения к Петелий-

ским горам. В первую очередь Спартаку нужно было выводить из-под удара уцелевшую армию Каста, из начальной численности которой в 37 тыс. человек уцелело не более 23 тыс. человек.

Для этого повстанцы разделили малую армию на партии и организовали их передвижение разными маршрутами, сходящимися в единой точке, таким образом максимально затрудняя преследование малых отрядов противником. После воссоединения всех сил восставших Спартак двинул легионы в восточном направлении в сторону обозначенной горной гряды.

В первые часы 2 января 71 года Красс, после того как узнал, что все силы восставших выступили в поход, снарядил два отряда для преследования Спартака. Каждый отряд состоял из двух легионов при двухтысячном конном отряде, командование которыми было поручено опытному Аррию и проявившему большое рвение в последнем сражении против Каста доблестному Скрофе. Сам же Красс, имея в своем распоряжении 80 тыс. человек пехотинцев и 5 тыс. всадников, принял решение идти в длинный фланговый обход войска восставших, вклиниваясь в пространство между колонной противника и армией, ведомой новым главнокомандующим римской армией в Италии. Так Красс не оставлял самонадежной надежды взять верх над Спартаксом, не желая делить славу с другими римскими полководцами.

Аррию и Скрофе ставилась задача нависать над арьергар-

дом сил Спартака и мелкими стычками максимально затруднять и задерживать марш восставших, не вступая в самостоятельное большое сражение.

Тем временем Спартак, войдя со своей армией в горы, начал действовать в лучших традициях иррегулярного воевания. Грамотно используя складки рельефа местности, восставшие предусмотрительно оставляли за собой малые партии легковооруженных бойцов, которые устраивали целую цепочку засад для своих преследователей.

Прямо с утра начались первые боевые столкновения, в которых спартаковцы нанесли чувствительные поражения отрядам Аррия и Скрофы. Уже к полудню два римских отряда преследования перестали физически существовать, а спартаковцам достались большие трофеи и около 3 тыс. пленных, в то время как сами римские полководцы чудом спаслись бегством.

Весть о полном крахе операции преследования спартаковцев двумя римскими отрядами, полученная Крассом с возвращением в ставку неудачливых Аррия и Скрофы, сильно расстроила его и заставила отказаться от дальнейших самостоятельных активных действий против сил Спартака.

Римские войска опять погрузились в уныние, а легионеры мучились бессильным гневом. В таком положении Крассу пришлось, смилив гордыню, обратиться за помощью к Марку Лукуллу, войска которого находились в Македонии, а также к Луцию Лукуллу, который на тот момент пребывал

со своими силами в Понте.

В письмах, посланных с гонцами, Красс просил римских полководцев поскорей прибыть в пределы Италии для начала совместной борьбы против непобедимого Спартака.

И, как окажется, послание второго письма к уже находящемуся в Фессалониках Марку Лукуллу, в котором Красс умолял римского полководца поскорей прибыть в Италию, окажется именно тем правильным решением, последствия которого станут решающими как для восстания гладиаторов в целом, так и для Вечного города. А своевременное прибытие сил Марка Лукулла в Брундизий коренным образом изменит весь ход войны гладиаторов, выведя Рим в ранг победителя.

Одновременно с Крассом в гонку преследования сил Спартака включился Помпей, силы которого к вечеру 1 января стали лагерем в 20 километрах от поля битвы, то есть в тот момент, когда Красс и Спартак заканчивали выяснять отношения между собой.

Так же, как и Красс, Помпей, получив известия о том, что силы восставших после полуночи взяли курс на восток, по тревоге поднял свои легионы и пустился ускоренным маршем в погоню за уходящим Спартаком.

Уже в полдень 2 января разведывательные дозоры обнаружили силы восставших численностью в один легион, о чем сразу доложили Помпею. Без колебаний главнокомандующий римскими силами выделил для прямого боя два своих

легиона при 5 тыс. конницы. Остальными пятью оставшимися легионами Помпей решил закордонить крупный отряд противника, создав таким образом тактически изолированную зону боевых действий, находящуюся под полным контролем римлян.

Обнаружив противника, легион восставших остановил свой марш и занял оборонительную позицию на ближайшем холме.

Обойдя противника справа и слева, взяв его таким образом в плотное внешнее кольцо, Помпей предложил восставшим сразу сдаться. Получив ожидаемый отказ, римский военачальник двинул на легион противника развернутые в боевой порядок два своих легиона, впереди которых шел пяти тысячный отряд конницы.

Первая атака, которую римляне осуществили силами кавалерии, была успешно отбита восставшими, после чего в дело вступала римская пехота.

Римские легионеры, тактическое построение которых напоминало подкову, одновременно атаковали противника с трех сторон, и уже через два часа кровопролитного сражения выбранная тактика ведения боевых действий принесла Помпею успех. Благодаря грамотному расположению своих сил, римлянам удалось не только нанести чистое военное поражение спартаковцам, но и, не оставив шансов для ретировки противника, полностью истребить вражеский легион, не оставив в живых ни одного человека на поле боя.

На этом этапе анализа действий восставших, принимая во внимание тот факт, что Спартак решил совершить наземный переход всеми своими силами из района города Регий к городу Брундизий, располагавшемуся на побережье Адриатического моря в южно-италийской провинции Калабрия, что открывало возможность силам восставших сменить театр военных действий, уместно задать вопрос:

«Почему вождь восставших, очевидно почувствовав возрастающую силу и стойкость римских легионов, вместо того чтобы форсированным маршем привести свои силы в конечную точку маршрута, постоянно искал встречи с главными силами противника по ходу своего движения?»

Этот вопрос тем более резонен, потому что полководец римского войска Красс в тот момент особо не стремился навязать главным силам противника большое сражение. В это же время Спартак, зная о приближении Помпея, по ходу своего движения прилагал значительные усилия по созданию оперативной обстановки, в которой римляне были бы вынуждены постоянно вступать в бой с уходящей армией восставших.

Казалось бы, курс действий по осуществлению прямого марша в район нового театра военных действий без отвлечения внимания на сопутствующие проблемы является самым логическим и правильным. Но эта логика действий верна, если производить оценку данного действия в рамках одной чисто военной плоскости, в которой действует конвенциональ-

ное армейское соединение или войсковая оперативно-тактическая группа, исповедующая стратегию и тактику конвенционального использования силы вне логики повстанческой – иррегулярной стратегии действий.

В природе такого явления, как восстание лежит протест одного или нескольких социальных классов населения конкретной географической местности, а это значит, что такое негосударственное явление, как восстание, держится исключительно за счет ресурсной базы региона (района), то есть функционирует и развивается в положительной динамике своего развития только до тех пор, пока восстание имеет поддержку значительной части регионального социума. Следовательно, наиболее эффективной и массовой эта поддержка может быть только в случае, если активная часть участников восстания обеспечит соответствующий режим безопасности для населения подконтрольной территории – зоны ответственности.

Исходя именно из понимания процессов внутренней природы восстания, становится понятной логика действий Спартака во время, как окажется, его последнего перехода от Регия к Брундизию.

Восставшие под руководством Спартака за все время своей активной деятельности в южных провинциях Италии создали некую сеть очагов сопротивления римской власти, в каждом из которых оставлялся гарнизон сил восставших. Таким образом восставшие гладиаторы формировали безопас-

ный ореол своего обитания, из недр которого они черпали свои силы.

Вождь восставших не мог выйти своими главными силами из природной колыбели антиримского восстания, предвзвительно не нанеся максимального урона силам противника, оперировавшим на южно-италийском театре военных действий, обеспечивая таким образом благоприятную среду обитания или безопасный режим существования своим сторонникам в Южной Италии на определенный период времени.

Спартаку перед выходом на новый театр военных действий с сопутствующей оттяжкой максимального количества сил и средств своего противника и переносом в его пределы активных боевых действий необходимо было произвести зачистку италийских провинций, обеспечивавших восставшим первичную ресурсную основу.

Хотя уже совсем скоро время покажет, что Спартаку в складывающейся обстановке лучше было бы объединить эти два курса действий, только сначала форсированным маршем достичь конечной точки – города Брундизий, с тем чтобы вовремя занять важный для себя новый операционный район и не допустить его занятия противником, а затем уже с пределов занятого плацдарма приступить к зачистке территории южной Италии, с тем чтобы уже после спокойно выйти в пределы Сицилии, Греции или Малой Азии – на новый театр военных действий.

Но это всего лишь одно из предположений, оправдывающее нелогичное поведение Спартака в критический для него момент. И это предположение также идет в разрез с той точкой зрения, согласно которой Спартак после выхода из игры серторианцев решил оставить территорию Апеннинского полуострова и выйти в пределы Сицилии или же Малой Азии, а в этой логике действий восстание в Италии нужно было сворачивать и переносить его потенциал к границам тогдашнего антагониста Рима – Понтийского царства.

А в реальности Спартак, скорее всего, не видел той угрозы, которую нес в себе находящийся во Фракии Марк Теренций Варрон Лукулл, морской десант которого так своевременно для Рима занял прибрежную полосу города Брундизий. Если бы у вождя восставших была достоверная информация о намерениях фракийской армии Марка Лукулла, то действия спартаковцев, наверное, были бы другими. Но случилось то, что случилось.

Последние боевые столкновения на марше несколько не повлияли на действия трех армий. Спартак без промедлений по-прежнему уводил свои силы дальше на восток, за ним же вдогонку следовали армии Красса и Помпея.

В сложившейся ситуации, имея у себя на хвосте уже две римских армии, одна из которых обладала свежими силами, вождь восставших задумал новую уловку для обмана своего противника. На заключительном участке марша, чтобы максимально обезопасить выход своих сил на новый рубеж и

успешно закрепиться там, Спартаку нужно было как максимум избавиться от своих преследователей или же как минимум просто задержать их, обеспечивая себя таким образом достаточным временным промежутком для успешного занятия портовых городов Брундизий и Тарент, чтобы успеть захватить там внушительные военные и торговые суда.

От успеха данного мероприятия напрямую зависело дальнейшее физическое существование восстания, благодаря появившейся возможности открытия новых театров военных действий в Сицилии, Греции или же Малой Азии. Это давало восставшим жизненно необходимый доступ к новым и свежим финансовым, материальным, политическим и человеческим ресурсам на внешнем радиусе Италийского театра военных действий.

Успешный выход за пределы Италии создавал благоприятные условия спартаковцам для обретения новой степени свободы действий и положительной динамики своего развития – нового физического смысла восстания, после того как Римом из игры были выведены серторианцы, Понтийское царство и морские пираты, которые до этого обеспечивали Спартаку всестороннюю внешнюю поддержку и, по всей видимости, формировали для него конечные политические цели.

Не теряя ни дня, уже 4 января Спартак умело подкинул ложную информацию в ставку Красса. Очередной вброс информации о том, что против вождя восставших был под-

нят бунт, из-за которого силы восставших вынужденно изменили свой план действий и повернули свой вектор движения в обратном направлении, с тем чтобы через Луканию и Самний организовать нападение на Рим. Данная операция по дезинформации своего противника была подкреплена кинетической активностью, в которой Спартак направил малые партии своего войска по назначенному маршруту для имитации действий на новом направлении, с тем чтобы римские военачальники окончательно уверовали в подброшенную им дезинформацию относительно дальнейших намерений Спартака.

Проглотив наживку, сначала Красс повернул свою армию вдогонку мнимой армии восставших, а затем и Помпей развернул свои силы и направил их в противоположном направлении от реального движения Спартака. Только на утро 5 января с прибытием разведчиков два римских полководца поняли, что стали жертвами обмана. Такая ошибка Красса и Помпея окончательно вывела их армии из игры, и теперь у них уже не было никакой возможности догнать уходящего на восток Спартака.

В свою очередь Спартак, не теряя темпа, неумолимо вел свою армию к побережью Адриатического моря, заблаговременно выслал вперед два крупных кавалерийских отряда, в задачи которых входил захват стратегически важных объектов в городах Брундизий и Тарент, чтобы не позволить кораблям, базировавшимся в портах, уйти в море.

Когда, казалось бы, для восставших все складывалось как нельзя успешно, и они вот-вот должны были занять желанные морские порты, удача изменила Спартаку и исход всего дела решили те самые письма, которые Красс отправил в том числе и Марку Лукуллу.

Шедшие впереди своей армии специальные кавалерийские отряды восставших на подходе к Брундизию захватили неких римских разведчиков, которые пробирались из города в ставку Красса. От них Спартак и узнал, что это были воины Марка Лукулла, армия которого 5 января 71 года до н. э. успешно высадилась в портах городов Брундизий и Тарент. Для восставших, главные силы которых были остановлены в 200 километрах от Брундизия, это было настоящей катастрофой.

Следует отметить, что после того, как Марк Лукулл к концу 72 года до н. э. успешно усмирил Фракию, он стал считаться третьим по значимости римским полководцем после Луция Лукулла и Гнея Помпея, а его армия к тому времени была прекрасно обучена и закалена в успешных действиях в войне во Фракии.

Таким образом те 40 тыс. легионеров и 3 тыс. всадников, вовремя появившиеся на Италийском театре военных действий и успешно занявшие стратегически важные для восставших два приморских города, становились для Спартака тем непреодолимым препятствием, из-за которого вождь восставших был вынужден отказаться от своих намерений и

принять новый план действий, но уже в благоприятной для Рима стратегической, оперативной и тактической обстановке.

Так была спасена репутация упустивших своего противника двух римских полководцев Красса и Помпея, которым предоставлялся шанс исправить свои ошибки и избавиться от неминуемо грядущего позора.

Застопорив ход своей армии, Спартак немедленно собрал военный совет, на котором было принято вынужденное решение: повернуть войско в обратном направлении и пойти на сближение с Крассом, выбрать поле боя и разбить в его окрестностях полевой лагерь, вынуждая тем самым Красса принять сражение, имея целью разбить его главные силы.

Послав распоряжения своим специальным кавалерийским отрядам на возвращение, вождь восставших развернул свою армию и повел ее прямо на Красса. Отдав новые распоряжения по армии, Спартак послал своих разведчиков в стан противника с личным письмом для Красса, в котором вождь восставших вызывал на бой своего давнишнего визави, указав ему место встречи.

Письмо Спартака было успешно доставлено Крассу его разведчиками в ранние часы 6 января, вместе с которым римляне узнали, что в Брундизии успешно высадились войска Марка Лукулла. От таких новостей Красс и его полководцы воспряли духом, а на военном совете единогласно было принято решение принять вызов Спартака и дать большой

бой армии восставших.

Перед выходом Красс воспользовался своим ораторским искусством и даром убеждения, произнеся большую и пламенную речь перед легионерами, побуждая их к решающему сражению, сумев найти подходящие слова для поднятия боевого духа и мотивации к победе над врагом, после чего римские легионы двинулись к условленному месту встречи с силами Спартака.

Первый визуальный контакт противоборствующих сторон произошел уже к полудню 6 января 71 года до н. э., когда передовая группа римлян в составе двух легионов и 6 тыс. конницы вышла в назначенный район боевых действий, где у восставших уже был разбит полевой лагерь. После установления визуального контакта командиры передовой римской группы под прикрытием развернутой во фронт кавалерии приступили к разбивке своего полевого лагеря вокруг вбитого в землю знамени Красса.

Увидев намерения римлян разбить лагерь, с тем чтобы укрепиться и отдохнуть перед решающей битвой после марша, Спартак решил воспользоваться своей полной готовностью к бою ввиду раннего прибытия на поле боя и разбития там своего лагеря и сходу атаковать передовые силы противника, не давая ему времени на отдых.

Для этого восставшие использовали часть своей конницы и легковооруженных пехотинцев, которые легко справились с первой задачей, опрокинув римскую конницу и завязав бой

с римской пехотой в том месте, где солдаты Красса пытались разбить свой полевой лагерь.

Так стала формироваться линия соприкосновения решающего сражения, по которой с марша стали выстраиваться в боевой порядок прибывавшие основные силы Красса.

Спартак, увидев, что оперативно-тактическая обстановка на поле боя стала складываться согласно его расчетам, сначала отдал приказ на отход своих сил, которые наметили сражение, а затем стал выводить свое войско из лагеря и выстраивать его в боевой порядок для генерального сражения.

В общей сложности главнокомандующие двух противостоящих армий выводили на поле боя все наличествующие у них силы. На момент выхода войск восставших из Регийского полуострова их общая численность составляла от 120 до 130 тыс. человек. В свою очередь командующий римскими войсками Марк Лициний Красс выводил из Регийской операционной зоны около 140 тыс. человек пехоты и кавалерии.

Таким образом, количество войск, которыми располагали Спартак и Красс на момент начала решающего сражения, надо определять с учетом прибытия и убытия живой силы за время перехода их сил из Регийского операционного района в новую операционную зону у города Брундизий и тех боевых столкновений, а также другой оперативной активности, которые сопровождали армии в их походе.

К последнему боевому построению войско Спартака насчитывало не более 100 тыс. человек, из которых 90 тыс.

были пехотинцами и, соответственно, 10 тыс. кавалерии. В это же время войско Марка Красса после крайней военной неудачи, связанной с преследованием уходящих сил восставших, насчитывало около 80 тыс. человек пехоты при пяти-тысячной кавалерии.

Непосредственно на поле боя перед началом решающего сражения Спартак и Красс провели перед выстроенными к бою воинами религиозные обряды и ритуальные жертвоприношения богам, после чего объехали свои войска по фронту, произнеся пламенные речи и вдохновив свои армии на битву.

Закончив с ритуалами, войска противоборствующих сторон по сигналам приступили к фронтальному сближению.

Первыми вступили в бой шедшие впереди тяжелой пехоты легковооруженные пехотинцы и кавалеристы римлян и спартаковцев. За полчаса боя передовая линия восставших опрокинула передовую линию римского войска. Легкая пехота и всадники римлян ретировались в тыл боевого порядка своего войска через интервалы между когортами, которые мерным шагом надвигались на противника. Отойдя в тыл линий тяжелой пехоты, отступившие римляне быстро перегруппировались и заняли боевые порядки на флангах общего строя.

В свою очередь передовая линия легковооруженных спартаковцев попала под вал тяжеловооруженной римской пехоты, legionеры которой, сомкнув ряды после ретировки сво-

их легких воинов, пошли в атаку. Ожидается легкие пехотинцы и кавалерия спартаковцев под натиском римлян уступили место на переднем крае тяжелым легионерам, проведя тот же самый маневр, что и их противник ранее, заняв места на флангах боевого порядка войска восставших.

Такой была первая часть активной фазы генерального сражения, после чего настало время для главных сил противостоящих сторон. Спартаковские и римские легионеры в сомкнутых линиях боевого порядка, перейдя на бег, стремительно стали приближаться друг к другу. На короткой дистанции пехотинцы сначала метнули друг в друга копья, после чего был начат фронтальный ближний бой, в котором легионеры яростно орудовали короткими мечами и щитами.

Далее в дело вступила кавалерия противостоящих сторон, обоюдно сорвавшись в бой со своих флангов. Так завязалась основная часть генерального сражения, активные действия в котором происходили по всему фронту линии боевых порядков, а общее количество войск, одновременно вступивших в бой, и та ярость, с которой воины сражались друг с другом, выводили сражение в ранг самого масштабного и ожесточенного за все время войны гладиаторов.

Через час кровопролитного боя силы Спартака стали брать верх над силами Красса, и римляне начали пятиться назад. Видя, как их войско стало поддаваться давлению восставших, римские полководцы Красс и Аррий, командовавшие флангами, вместе с Консидием, под чьим командовани-

ем находился центр римского войска, стали вводить в бой свои резервы. Спартак же расчетливо производил в боевых порядках замену истощенных воинов на свежих, не допуская ослабления натиска своих войск на линию противника и при этом сохраняя свободными свои резервы.

В таких условиях первой дрогнула кавалерия римлян, всадники которой, не выдержав интенсивности боя, обратились в бегство, обнажая фланги общего строя римлян. Из-за отступления своей конницы Красс и Аррий были вынуждены немедленно приступить к укреплению своих флангов, чтобы не допустить прорыва спартаковцев в тыл своих сил. Загибая свои фланги под жестким прессингом сил восставших, римские полководцы сумели выстроить свои войска в каре и занять оборонительные позиции.

В сложившейся ситуации Красс явно не мог рассчитывать на единоличную победу над Спартаком, и единственное, на что уповал римский военачальник в окружении – простоять до темноты и попытаться вывести свои силы с поля боя под покровом темноты. Но зная о настрое восставших и военном гении Спартака, от полного поражения войско Красса могло спасти только чудо, и оно произошло.

Спартак же к этому времени имел информацию, что на подходе к району боевых действий находилась конница Марка Лукулла, а за ней не замедлит подойти и кавалерия Помпея, поэтому ему срочно нужно было что-то предпринять, чтобы разбить Красса еще до подхода дополнительных рим-

ских сил. Для предупреждения внезапного появления дополнительных сил римлян на поле боя Спартак предусмотрительно выслал дозорные разъезды на дороги, с которых было наиболее вероятным появление конницы противника.

Вождь восставших после того, как римляне были взяты в плотное кольцо окружения, взял оперативную паузу, в ходе которой была произведена перегруппировка сил для осуществления штурма оборонительного каре римлян.

Выведя во фронт тяжелую кавалерию и оставив позади пехоту, Спартак решил атаковать плотный пехотный строй римлян, выстроенный в каре, именно конницей. Таким образом, приняв решение противопоставить своих всадников оборонительному строю тяжелой пехоты римлян, Спартак совершил критическую ошибку как полководец, которая стоила жизни не только ему самому, но и всему его войску.

По сигналу тяжеловооруженные всадники помчались на римлян, пытаясь пробить брешь в их боевом порядке копейным натиском. Ожидаемо, что всадники того времени не смогли опрокинуть боевой порядок римлян, которые благодаря плотному и глубокому построению своей тяжелой пехоты имели достаточную стойкость в обороне против неустойчивых всадников-копейщиков.

Безрезультатные атаки кавалерии восставших забрали у Спартака достаточное количество сил, а главное времени, которого и так было у него в обрез до ожидаемого подхода сил Помпея и Марка Лукулла. Таким образом опять фактор

времени показал свою значимость в сражении, жестоко наказав военачальника, который не учитывал его влияние как на ход событий в бою, так и на его исход в целом.

Видя, как его конница разбивается о стену римского боевого порядка, Спартак отвел конницу назад и дал команду к осуществлению классических осадных действий боевых порядков римлян, засевших в глухую оборону.

Здесь необходимо отметить, что, взяв войско Красса в плотное кольцо окружения, Спартак не оставил противнику шансов на отступление. В таких условиях римляне понимали, что пощады им в любом случае не будет, и единственный шанс выжить заключался в упорном сражении в обороне, уповании на пресловутый фактор времени и ожидании подхода дополнительных сил.

В свою очередь Спартак, не дав шанса римлянам на ретировку, терял такую хорошую возможность разбить их силы в тот момент, когда в начале отступления как при стихийном бегстве, так и при организованном отходе силы противника неминуемо расстроили бы свой боевой порядок, что значительно нарушило бы их стойкость и управление в бою.

Выведя на боевые позиции своих лучников вместе с боевыми машинами – баллистами, катапультами, скорпионами и онаграми, восставшие начали методично и интенсивно обрабатывать оборонительные позиции римлян тучами стрел и градом камней.

Редкие вылазки легкой пехоты римлян с легкостью купи-

ровались спартаковцами и не приводили к ослаблению осады. Положение римлян становилось все более отчаянным, а римские полководцы уже смирились с мыслью, что им придется мужественно пасть в бою вместе со своими воинами.

И вот именно в этот момент случилось то самое чудо, на которое уповает каждый, кто оказывается в безвыходном положении, когда все, что можно было сделать, было сделано, и оставалось только надеяться на силы извне и военную удачу. В ту самую отчаянную для войска Красса минуту в районе сражения появился шеститысячный отряд кавалерии, посланный на выручку Марком Лукуллом, и у осажденных римлян вновь появилась надежда на положительный для них исход сражения.

Так начиналась следующая часть генерального сражения, в которой Спартаку уже предстояло сражаться в условиях равновесия сил противоборствующих сторон, а исход битвы могла решить простая случайность.

Получив своевременный сигнал о подходе римской кавалерии, посланной Марком Лукуллом на подмогу Марку Крассу, Спартак снял конницу с правого фланга и направил отряд всадников вглубь своего тыла с целью блокирования конницы противника, вышедшей из города Брундизий. Параллельно с этим действием вождь восставших вывел на ударные позиции тяжелую пехоту и с новой силой атаковал внешнюю оболочку каре римского войска.

Именно в момент, когда возобновилась активная фаза

сражения, командующему римской конницей Л. Квинкцию удалось собрать в кучу ранее отступивших с поля боя всадников, построить их в боевой порядок и атаковать противника на его правом фланге, заставив восставших драться на два направления.

В положении динамического равновесия, когда было непонятно, чья сторона возьмет верх, сражение продолжалось еще пару часов, пока Спартак не увидел еще один сигнал от своих дозорных со стороны тыла римской армии. Как оказалось, это командующий кавалерийским корпусом А. Габиний вел в бой свой пятитысячный отряд римских всадников.

И опять вождю восставших удалось на время заблокировать прибывающие дополнительные силы римлян, вовремя выслав четырехтысячный резерв своих всадников для недопущения свежих сил противника на поле боя.

Сам же Спартак, понимая, что с приходом в район боевых действий дополнительных 11 тыс. свежих римских всадников для его сил наступает решающий момент, принял решение лично возглавить атаку своей кавалерии во фланг противника, обороной которого руководил Красс. Такой безрассудной атакой Спартак намеревался сокрушить одним навалом самого Красса, гибель которого могла бы решить исход всего сражения, однако все произошло ровно наоборот.

Поначалу решительными действиями своей конницы Спартаку удалось пробить брешь в плотном строю римской

пехоты, однако когорта личной охраны римского полководца яростно обороняла Красса, успешно отбивая навалы Спартака.

В этот решающий момент битвы, когда Красс и Спартак практически напрямую столкнулись друг с другом, ведомая Габинием конница опрокинула заградительный конный отряд спартаковцев, обратив его в бегство. Далее командир помпеянской кавалерии, не теряя темпа, нанес следующий удар в тыл ведомой Спартаком кавалерии, которая в тот момент уже начала продавливать правый фланг римлян.

С выходом пятитысячного кавалерийского корпуса А. Габиния на поле боя ярко проявилась еще одна и, как окажется, последняя критическая ошибка, совершенная Спартаком, которой успешно воспользовались римляне. Спартак не смог правильно расставить приоритеты в момент сражения, когда в условиях плотного окружения и деморализации основных сил Марка Красса гладиатор не оценил того влияния на ход событий в районе поля боя, которое окажет новоприбывшая высокоманевренная ударная сила противника, и той угрозы, которую несут с собой два римских кавалерийских корпуса.

В условиях, когда войско Красса было полностью лишено свободы действий, наиболее эффективным для Спартака было бы, продолжая осаду Красса, уделить больше внимания прибывшей кавалерии Помпея и Марка Лукулла, выделив большее количество сил и средств для гарантированной бло-

кировки их активности и не допуска свежих кавалерийских сил противника на поле боя. Далее вождь восставших получал все шансы, как максимум, покончить с Крассом или же, как минимум, оставить осадные действия и увести свои силы, не подставляя их и себя под чувствительное поражение, чтобы и в том, и в другом случае выиграть место и время для подготовки к следующим активным действиям.

В то самое время, когда на помощь Марку Крассу подошли свежие римские силы, в районе ведения боевых действий сложились условия, при которых для армии восставших наступал момент ухода от конвенциональной формы применения силы и перехода к нетрадиционным методам и способам в рамках стратегии и тактики действий малыми партиями.

С уходом в плоскость иррегулярного воевания спартаковцы могли бы получить возможность сохранить свою военную компоненту и далее успешно создать для себя новую благоприятную оперативно-тактическую среду, чтобы уже с новой позиции приступить к использованию гибридной или конвенциональной формы ведения военной кампании с дальнейшим формированием для себя благоприятной обстановки на стратегическом уровне (на внешнем радиусе).

Но, заиклившись на Крассе, вождь восставших допускает подход свежих сил противника на поле боя, в результате чего лихая атака помпеянцев закончилась ранением самого Спартака, который сзади получил удар копьем в бедро от од-

ного молодого римского аристократа по имени Феликс.

В момент, когда раненый Спартак, отказавшись отойти в тыл и демонстративно убив своего боевого коня, чтобы не иметь возможности выйти из боя, принял для себя решение сражаться до последнего, по сути, окончательно решил исход генеральной баталии.

Римские всадники по команде А. Габиния спешили и продолжили успешно наседать на группу Спартака в пешем строю. Раненный Спартак, оказавшись зажатым между Габинием и Крассом, уже не смог реорганизовать боевой порядок своего войска, более того, солдаты его левого фланга дрогнули и побежали, оставляя своего вождя на поле боя.

В этом фрагментарном боевом столкновении от руки того же Феликса и пал до этого непобедимый Спартак. А далее развернулось ожесточенное сражение за тело Спартака, вождя восставших, в угаре которого погибли практически все, кто начинал бой за это. В результате вновь прибывавшие воины быстро теряли место, где погиб знаменитый гладиатор, и его тело было потеряно из виду, а сама схватка перемещалась все дальше от места его гибели.

После того как левое крыло восставших было разбито, а вождь восставших мужественно погиб в бою на этом участке, оставшиеся командиры восставших организованно отвели свои войска в пределы полевого лагеря, где они планировали закрепиться. Но и здесь окрыленные успехом римляне сходу, атаковали лагерь восставших и после нескольких волн

штурма успешно взяли его, заставив армию восставших разбиться на мелкие партии и распылить свои силы в разных направлениях.

Римляне ликовали. К моменту начала решающего сражения между главными силами Спартака и римской армией под руководством Красса сложились достаточные условия, при которых одна ошибка, допущенная лидером восстания, сформировала недостающее необходимое условие для полного поражения восстания. И Спартак ее совершил, завершив таким образом цепочку необратимых для восставших событий, которые закономерно привели спартаковцев к общему поражению, несмотря на положительный баланс военных побед с их стороны.

Каковы же те условия, которые привели Спартака к поражению восстания после единственного военного поражения его армии?

Первое – это военное поражение коалиционных сил серторианцев и понтийцев, возглавляемых царем Митридатом VI, от руки римского консула Луция Лукулла на Малоазийском театре военных действий и последующего за этим вторжения римских сил в пределы Понта летом 73 года до н. э., что поставило крест на возвращении партии серторианцев с южного направления на хорошо подготовленную Спартаком почву в южной Италии.

Второе – это гибель Сертория в Испании в начале июля 72 года до н. э., в результате чего римская политическая партия

в изгнании, лидером которой был Серторий, полностью вышла из Большой Игры, что поставило Спартака в условия, когда ему пришлось вынужденно взять на себя всю полноту ответственности за осуществление как внутренней, так и внешней политики наравне с выполнением обязанностей главнокомандующего силами восставших.

Третье – Спартак так и не сформировал политическую основу своего движения даже после того, как с лета 72 года восстание осталось без внешней поддержки, что при успешном выполнении данного условия открывало бы ему дорогу на Рим, чтобы после его взятия можно было бы взять власть в республике в свои руки. Это должно было быть конечной целью восстания, ради которой стоило поднимать людей на борьбу, а не вести войну ради войны, не имея никаких конкретных целей и задач. Но даже в условиях ведения войны не ради каких-либо внятных политических целей, а ради чистой военной победы и физического уничтожения Римской империи, Спартак должен был бы, начиная со второй половины 72 года до н. э., определить главной своей целью так ненавистную восставшим столицу империи – Рим, с физическим разрушением которой пала бы и сама империя.

Четвертое – к началу 71 года до н. э., Спартак потерял всех своих ближайших соратников (Эномая, Крикса, Ганника, Каста), которые могли бы заменить вождя восстания при его гибели и принять знамя восстания в свои руки, с тем чтобы успешно продолжить борьбу с Римом.

Именно исходя из этих условий, сложившихся на момент начала решающей битвы против армии Рима, Спартак, заключавший в себе всю полноту военно-политической власти в одном лице, не имея себе равных в стане восставших, не имел права неоправданно рисковать своей жизнью в бою и допускать непоправимые ошибки во время самого сражения.

Спартак вовремя не предусмотрел угрозы всему движению сопротивления Риму, которую несет в себе гибель единственного вождя восставших. Вот почему опрометчивая гибель Спартака вследствие проявления им безмерной храбрости и политической недалекости привела сначала к военному поражению его главных сил, а затем и к общему поражению всего повстанческого движения в Италии, возглавляемого военными профессионалами – гладиаторами.

По завершению битвы, главным результатом которой стала гибель единственного лидера восставших, Красс, разделив свои силы на четыре армии, вверив их, помимо себя самого, самым выдающимся своим легатам Консидию, Аррию и Скрофе, отправился вдогонку уходившим в соседние горы остаткам сил восставших с целью полного их уничтожения. В преследовании уходящего противника впереди четырех армий шла конница Красса, которая благодаря своим качествам должна была быстро обнаружить отступающего противника и задержать его продвижение, с тем чтобы основные силы римлян точно были выведены на противника, а затем уже полностью его разбили, пользуясь своим превосход-

СТВОМ.

В результате силам Красса удалось вовремя по горячим следам настигнуть и разбить четыре крупных отряда отступающих спартаковцев. Более мелким отрядам восставших удалось оторваться от преследователей и рассеяться по югу Италии.

Далее специальные отряды Красса и присоединившиеся к этой акции силы Помпея в течение месяца зачищали территории южно-италийских провинций Кампании, Самниума, Апулии, Калабрии, Лукании, Бруттия от остатков войск спартаковцев и гарнизонов, которые не входили в войско, активно участвовавшего в прямом противостоянии с силами Красса, а удерживали за восстанием территории и обеспечивали режим безопасности для населения на подконтрольных восстанию территориях.

В результате проведенной широкомасштабной зачистки территории южной Италии два римских военачальника поразному повели себя с плененными участниками восстания и их сторонниками. Марк Красс ради утверждения своей репутации победителя восстания прибегнул к демонстративному акту устрашения, приказав распять все 6 тыс. плененных спартаковцев, расставив кресты с телами спартаковцев вдоль дороги от Капуи до Рима. В свою очередь Помпей дальновидно для себя и умиротворения общей внутрииталийской обстановки и понимания необходимости восстановления сильно нарушенной экономики в рабовладельческой

Римской Республике принял решение вернуть всех пленных участников восстания своим хозяевам.

Так была поставлена точка в активном противостоянии Рима с силами восставших, которое началось летом 74 года до н. э. побегом группы гладиаторов на Везувий, а завершилось в январе 71 года до н. э. гибелью вождя восставших в генеральном сражении.

Гибель единственного лидера восстания и военное поражение главных сил спартаковцев положило конец всей эпопее народного восстания под руководством гладиаторов, происходившего на фоне противостояния Рима с соплеменниками серторианской партии и понтийским царем Митридатом VI Евпатором.

Итог Большой Игры (практика и теория)

Чтобы правильно понять и оценить процессы противостояния сил восставших и армий Рима, их следует рассматривать, используя комплексный подход, одновременно с событиями, происходившими в Иберии и Малой Азии, как событиями единого действия, которые напрямую оказали друг на друга влияние, независимо от географической удаленности театров военных действий.

Восстание под руководством Спартака в Италии – это была «война гладиаторов», военных профессионалов, которые использовали кинетическую энергию римских рабов и настроение италиков. Поднятое восстание являлось прямым продолжением гражданского конфликта в Риме между популярными и оптиматами, в котором вождь и лидеры восстания, очевидно, действовали в орбите римской политической партии популярных, боровшихся за власть против партии римских оптиматов, намереваясь изменить политический строй и социальное устройство в республике.

В этой борьбе серторианцы обрели внешних союзников в лице царя Понта Митридата VI Евпатора и сообщества морских пиратов. Так образовалась стратегическая географическая полоса нестабильности: Испания – Италия – Малая Азия, внешней оболочкой для которой стала морская

среда. Именно в этой стратегической полосе и развернулись главные события противостояния между сулланским Римом и партией римских политических изгнанников, возглавляемой италийским аристократом Квинтом Серторием.

Какие же доводы и факты говорят в пользу того, что восстание рабов под руководством военных профессионалов в Италии 74–71 годов до н. э. было не стихийным, а имело прямую корреляцию с событиями, одновременно происходящими в Испании и Малой Азии, имевшими непосредственное отношение к римскому политическому противостоянию между партиями оптиматов и популяров?

Прошлое вождя восставших и его ближайших соратников было связано с их активным участием в войнах как на стороне царя Митридата VI Евпатора, который возглавил антиримское движение в Малой Азии, так и на стороне римской рабовладельческой демократии (популяров) в период борьбы Гая Мария против сил Луция Корнелия Суллы, представлявшего интересы оптиматов. В конце концов активная деятельность военных профессионалов была прервана в 82 году до н. э. с установлением в Риме диктатуры Корнелия Суллы, в результате чего будущие лидеры восстания в ранге военных трофеев были отданы в школу гладиаторов в городе Капуе.

Далее, выборов свободу в 76 году до н. э. благодаря своим профессиональным и лидерским качествам, Спартак, оставшись в школе гладиаторов в Капуе, вместе со своими спо-

движниками – гладиаторами Криксом, Эномаем и Ганником приступил к формированию группы заговора с целью поднятия восстания рабов против римских рабовладельцев на юге Италии.

С обретением свободы перед Спартаксом открылись двери многих знатных домов в южных провинциях республики, хозяева которых сочувствовали идеям партии римских популяров, что способствовало появлению первичных ячеек сторонников гладиаторов в Апулии, Лукании, Бруттии и в самом Риме.

После того как в конце 75 года до н. э. лидер римских популяров Квинт Серторий и понтийский царь Митридат VI Евпатор заключили между собой военно-политический союз против власти Рима, сформированной диктатурой Суллы, проявилась география театров военных действий, в пределах которой начнется противостояние с римскими силами. Но оставался один географический пробел, который мог бы физически связать два региона напряженности, и это был Апеннинский полуостров, после подключения которого в Большую Игру образовывалась полноценная полоса нестабильности для Рима по линии Испания – Италия – Малая Азия.

Как только все подготовительные мероприятия были закончены, созданная антиримская коалиция приступила к активным действиям против Суллы одновременно на всех трех направлениях. Так, весной 74 года до н. э. в прямое противостояние вступили Помпей и Серторий в Испании, а в Малой

Азии активизировались силы понтийско-серторианской коалиции. Вслед за Испанией и Малой Азией летом того же года Спартак со своей группой гладиаторов подключил к игре территорию Италии, что и обозначило прямую корреляцию действий по месту и времени сил антиримской коалиции по стратегической линии Иберия – Апеннинский полуостров – Малая Азия.

На момент начала иницирующей фазы восстания его активные участники под руководством Спартака получили необходимую поддержку и сочувствие со стороны плебса южных римских провинций, которая выражалась в простой моральной поддержке, саботаже активности властей, предоставлении руководству восставших необходимой информации.

Кстати, в пользу того, что Спартак готовил благоприятную почву не для себя, а для неких политических сил, говорит тот факт, что с началом фазы динамического равновесия римским претором П. Варинием был развязан скрытый террор против италиков, что и спровоцировало уже открытый террор против представителей римской знати и администрации юга Италии со стороны повстанцев. Такое положение в социальной среде юга Италии четко указывает на то, что после победы сил Спартака в кампании 73 года и до начала обобщенной террористической активности в восставшем регионе продолжали мирно сосуществовать все слои населения Италии, невзирая на их статус и политические приверженности.

Последние два факта, основанные на анализе социальной среды зоны восстания, однозначно свидетельствуют в пользу того, что Спартак действовал в общей схеме противостояния сил Сертория и сил сулланского сената на стороне опального римского сената в изгнании, представители которого намеревались вернуться в Рим и взять власть в свои руки никак не ценой разрушения самой республики и ее столицы.

Исторически ход событий на Апеннинском полуострове во время восстания рабов показывает, что Спартак постоянно уводил свои силы в сторону от Рима, не допуская возможности взятия и разрушения столицы республики.

Если это было стихийное восстание рабов против рабовладельцев и государственного строя в Италии, то почему Спартак на пике своего могущества и при широкой поддержке низших слоев населения республики в условиях сильной социальной нестабильности на Апеннинском полуострове не повел свою армию против Рима, в то время как наиболее боеспособные римские легионы были заняты на внешних театрах военных действий?

Трудно подобрать какой-либо логический ответ на данный вопрос, кроме как объяснить подобное поведение Спартак тем, что целью поднятого восстания было не прямое уничтожение Римской республики, а подготовка благоприятных условий и формирование дополнительной управляемой силовой компоненты для обеспечения запланированного возвращения военно-политической силы римских изгнан-

ников.

Еще одним доводом в пользу нестихийности восстания, является то, что после того как южное направление для возвращения серторианцев в пределы Италии было закрыто активной военно-политической деятельностью римского военачальника Л. Лукулла на Малоазийском театре военных действий, Спартак повел свои силы на север для начала совместных с Серторием действий в Иберийско-Галлийском регионе. К этому доводу можно добавить, что мысль о том, что Спартак повел свои силы на север с тем чтобы вывести их в пределы галльских и германских земель, где войско было бы распущено, явно несостоятельна. Во-первых, на юге Италии Спартак оставил часть своих сил под руководством Крикса для удержания ранее занятых территорий, что свидетельствует об актуальности и важности южных провинций для восставших и намерении вернуться в их пределы. Во-вторых, именно представители галльских и германских племен составляли основу войска Крикса, а это явно не вписывается в логику вывода части сил восставших на север Италии, чтобы их там распустить по домам.

И последнее, факт физического угасания самого восстания, спровоцированного безвекторностью своего политического развития после выхода из игры серторианцев, также является доводом в пользу утверждения о наличии взаимосвязи событий, происходивших одновременно в Испании, Италии и Малой Азии в 70-х годах до н. э.

После принятия теории о наличии корреляции между событиями в Испании, Италии, Малой Азии и общем для них пространстве Средиземного моря сразу становится понятной логика действий восставших в Италии и их оппонентов в фазах активного противостояния. Также определимой становится та степень влияния, которую оказывают друг на друга события, происходящие на разных театрах военных действий, что, собственно, и ставит все эти события в одну логическую цепочку одного общего действия.

Анализ и правильная оценка всех событий, связанных с восстанием под руководством Спартака, позволяет познать и объяснить все процессы внутри оболочки военного конфликта в Италии и на ее внешней орбите, происходящие по схеме восстание – противовосстание, после чего становится более понятной природа такого социального явления как восстание.

Итак, катастрофические поражения коалиционных сил, которые были созданы царем Митридатом и римлянами-серторианцами в 74–73 годах до н. э. на Малоазийском театре военных действий, крайне отрицательно повлияли на ход событий в самой Италии.

На момент начала активных мероприятий Спартак лишился главного – южного направления поддержки, которое должно было наделять его восстание политической составляющей, источником которой служила римо-серторианская партия при дворе царя Митридата. Сам вождь восставших

после провала серторианцев на Малоазийском театре военных действий не смог сформировать политическую платформу своего движения, которая могла бы стать неотъемлемой частью восстания и обеспечить достижение конечного результата восстания в целом.

Спартак был великолепным военным специалистом и обладал достаточным уровнем лидерских и профессиональных качеств для успешного начала практически с нулевого уровня и дальнейшего ведения чисто военной кампании, но совершенно не имел понятия о так необходимой восстанию политической активности и о том, что боевая – кинетическая активность восставших не должна выходить за рамки их политических интересов. Руководитель восстания, к несчастью для себя, не воспринимал примат политической составляющей восстания над военной составляющей, за что и поплатился в конечном итоге.

Ассиметричный ответ Вариния, к которому прибегнул римский полководец после того как не смог ничего противопоставить военной организации и искусству восставших в прямых действиях кампании 73 года, вынудил Спартака совершить собственную стратегическую ошибку, которая расколола лагерь серторианцев в Испании, что привело к уничтожению последней внешней опоры восстания военных профессионалов – гладиаторов.

В ответ на скрытую и точечную террористическую активность, начатую Варинием на юге Италии с целью провоциро-

вания восставших на, как минимум, симметричный ответ, а как максимум – асимметричный, причем в большую сторону, восставшие развернули прямой террор против гражданского населения, проживающего в охваченном восстанием регионе Италии. Поддавшись провокации, ответными действиями вождь восставших ввел в хаос беззакония подконтрольные территории, чем значительно сузил свою ресурсную базу и поставил в крайне затруднительное положение Сертория и его сторонников, находящихся как в изгнании, так и в пределах Италии.

Временные тактические успехи спартаковцев в конечном итоге привели восставших к стратегическому провалу. Своими ответными действиями Спартак направил военную мощь не против римских легионов, а против гражданского сектора, развернув войну против представителей социальных классов Римской Республики, не выказывающих сочувствия и поддержки восставшим.

Так в фазе динамического равновесия военной кампании в Италии, когда не велись активные боевые действия, стороны конфликта обоюдно перешли к стратегии и тактике непрямых действий в рамках формирующейся системы координат иррегулярного воевания. Именно в этот момент в так называемом цивилизованном мире была применена открытая форма терроризма, направленная против определенных социальных слоев населения Римской Республики, которые с этого момента становились третьей стороной кон-

фликта в формирующейся системе координат вооруженного противостояния по схеме восстание – противовосстание.

Вся скрытая и прямая террористическая активность каждой из сторон конфликта была направлена на то, чтобы повлиять определенным образом на политико-социальные процессы внутри территории конфликта и создать благоприятный климат перед началом следующей активной фазы противоборства между антиримскими силами и самим Римом.

Развернувшийся широкомасштабный социально-классовый террор на юге Италии привел к серьезным изменениям на внешней стороне оболочки восстания, которые в ответ оказали серьезное влияние на динамику развития событий внутри территории активного противоборства и отрицательно повлияли в первую очередь на самих восставших.

Неподконтрольный социально-классовый террор, направленный против граждан Рима, сильно потряс серторианцев в Испании, сначала внеся в их ряды раздор и смятение, а затем вынудив большую часть политикума серторианцев начать тайные переговоры с представителями сулланского сената с последующим отказом от идеи возвращения сил серторианцев в пределы Италии при поддержке внешних (понтийский царь) и внутрииталийских (восставшие) сил.

Следует напомнить, что сам Серторий погиб в результате заговора внутри серторианской партии. А это был второй после разгрома Малоазийской коалиции стратегический удар

по всему движению восставших в Италии, полностью лишивший спартаковцев их политической основы и, как следствие, потери логической конечной цели, вследствие чего восстание стало вестись ради восстания (война ради войны), что немедленно привело к его вырождению и затуханию. С такими исходными данными восстание как социальное явление быстро лишалось своего физического смысла, что резко сужало его социальную базу, являвшуюся ресурсной основой любого народного восстания.

Таким образом непрямыми действиями римские полководцы Л. Лукулл в Малой Азии и П. Вариний в Италии поставили восстание под руководством Спартака в заранее безвыходное положение через выведение за скобки общей системы восстания сил серторианцев, базировавшихся в пределах Испании.

В конечном итоге была полностью разрушена или дефрагментирована стратегическая связка Испания – Италия – Малая Азия, что на корню разрушило все планы Сертория и Митридата в борьбе против сулланского Рима.

После такого стратегического успеха Риму оставалось одерживать только тактические победы, выводя своих противников из игры по отдельности, имея в своем распоряжении достаточный временной и ресурсный задел для выполнения поставленных перед собой задач.

Если во всех предыдущих войнах цивилизованного мира происходили отдельные случаи проявления иррегулярных

подходов к ведению боевых действий, природа появления которых зависела от гения отдельного военачальника и той безысходности, в которой оказались его силы в рамках классики регулярного вооруженного противостояния, то есть вопреки военному превосходству противника, то в войне гладиаторов 74–71 годов до н. э. в Римской Республике четко проявился системный подход к осмысленному комплексному использованию стратегии действий восстания и контрвосстания, в которой отражались как общепринятая классическая форма вооруженного противостояния с высокой интенсивностью ведения боевых действий, так и малая форма ведения боевых действий с низкой интенсивностью, что и породило на свет гибридную форму ведения войны.

Анализ всего спектра методов и способов кинетической и некинетической активности сторон конфликта во время внутрииталийского противостояния 74–71 годов до н. э. четко указывает на их структурное разделение в зависимости от тактики и формы применения силы, арсенала инструментариев, таргетинговых групп и целевого назначения.

В свою очередь набор таких методов и способов укладывался в общую схему стратегии действий, присущей каждой из сторон конфликта, которая была направлена на достижение собственного результата, промежуточного и конечного порядка.

На фоне такого структурного разделения формировались особые плоскости, ограниченные собственными переменными

ми, но которые ввиду существования в рамках общей стратегии действий, когда все события происходили в корреляции по месту и времени, объединялись в сложную систему координат. В рамках данной стратегии и существует противостояние по схеме восстание – противовосстание, основными формами воевания в которой являются иррегулярная и гибридная формы вооруженной борьбы.

Так была сформирована сложная система координат иррегулярной или гибридной формы вооруженной борьбы, в которой выделились три основные плоскости: военная, политико-социальная и психолого-идеологическая.

Восстание под руководством Спартака или так называемая война гладиаторов является одним из ярких и убедительных примеров успешного применения информационно-пропагандистских приемов в психолого-идеологической плоскости, выстраиваемой комплексной системой координат по схеме восстание – контрвосстание наравне с успешной активностью спартаковцев в военной плоскости, а также недооценки и пренебрежения к достаточной политико-административной активности в третьей плоскости системы – политико-социальной, что и сыграло решающую отрицательную роль в развитии восстания в целом и конечном поражении после утраты его (восстания) политической основы.

Проявившиеся в этот исторический период основы формирования классической системы координат противостояния по схеме восстание – противовосстание четко указывают

на важность планирования и реализации мероприятий стратегии восстания или контрвосстания в этих трех плоскостях с постоянной и гибкой корреляцией действий в каждой из плоскостей по месту и времени.

Итак, как только в военный конфликт было втянуто местное население как активный или пассивный участник конфликта, то сразу же к чисто военной плоскости противостояния прибавилась политико-социальная плоскость, а у мероприятий психолого-идеологической плоскости открылось еще одно направление деятельности, связанное с оказанием прямого или косвенного воздействия на гражданский сегмент как на внутреннем, так и на внешнем радиусе.

Именно с деятельностью в этом новом для военного профессионала секторе у Спартака, как единственного вождя восстания, заключавшего в себе всю полноту власти и ответственности, отмечался слишком большой отрицательный перекос по отношению к успешной активности в военной и психолого-идеологической плоскостях наряду с недоработкой в политико-социальной плоскости.

Помимо внутреннего дисбаланса в фигуре, описывающей феномен восстания, заключенной в границах трехмерного пространства системы координат гибридной формы вооруженного противостояния, существовало явное несоответствие шкалы результативности деятельности восставших по формированию собственных ветвей государственной власти в сравнении с уже существующими показателями полити-

ко-административной системы Римской Республики.

За два с половиной года (лето 74 – начало 71 года до н. э.) войны гладиаторов по ряду уже известных нам причин восставшие так и не совершили качественного перехода на следующий уровень в политико-социальной плоскости.

В последний период восстания 72–71 годов в южном регионе Италии продолжал сохраняться очаговый характер присутствия власти восставших, что является характерным для начального периода восстания и несвойственным для фазы восстания, в которой восставшие уже достигли своего максимума в строительстве силовой компоненты и результативности в военной и психолого-идеологической плоскостях.

Уже после первой успешно завершённой для восставших фазы, в которой силы восставших одержали ряд решающих побед над силами Рима, а силовая компонента восстания совершила количественно-качественный переход на более высокий уровень военной организации, параллельные изменения в общей системе координат должны были произойти и в политико-социальной плоскости в пределах географии присутствия сил восставших.

Восстание как феномен с первыми своими военными победами должно было начать обзаводиться первичными признаками государственности, в первую очередь политико-административным центром или несколькими центрами, где происходил бы процесс формирования органов законодательной и исполнительной ветвей власти, и приступить к на-

лаживанию системы внутренних и внешних торгово-экономических отношений.

Если на первых порах отсутствие со стороны восставших активности в политико-административном поле списывалось на зависимость восстания от серторианской партии изгнанников в Испании и понтийского царя Митридата VI Евпатора, представители которых должны были занять данную нишу на этапе их возвращения в пределы республики, то после того как эти две военно-политические силы, в рамках активности которых и действовали восставшие, были выведены Римом из Большой Игры, вся полнота ответственности за отсутствие внятной и действенной политико-социальной активности полностью ложилась на лидера восставших – Спартака.

Грубое пренебрежение или непонимание важности воплощения мероприятий, направленных на становление своего государственного образования, в конечном итоге привело к закономерному поражению восстания в целом, несмотря на значительное превосходство силовой компоненты восставших над военной силой Римской империи.

Так в конце 70-х годов I века до н. э. во время военной эпопеи, проходившей сразу на трех театрах военных действий в пределах территории тогдашнего цивилизованного мира, римская военная школа, доказав свою эффективность как в противостоянии с войсками регулярной формации, так и против повстанческих сил иррегулярной формации, выве-

ла на пик своей эффективности классическую школу применения военной силы, главной опорой которой на поле боя была фронтальная линия тяжелой пехоты, начало которой (военной школы) было положено в Древней Греции.

Но победа Рима была достигнута не за счет тотального превосходства римского оружия над оружием иррегулярности или регулярности других государств, а в первую очередь благодаря устойчивости его политической системы, которая при правильно выбранной стратегии действий не позволила целому ряду военных поражений на полях сражений непосредственно в Италии привести республику к общему коллапсу. И этот вывод совсем скоро подтвердят события 53 года до н. э., когда римская военная машина будет полностью деклассирована другой малой силой, исповедующей совсем другую философию организации и применения силы, в районе древнего города Карры, что в северной Месопотамии.

Пока же на последнем этапе войны гладиаторов, которая являлась заключительным действием эпопеи понтийско-серторианского противостояния в Риме, римляне возвратились к схеме равнозначного применения двух родов войск (пехоты и кавалерии) на поле боя в комплексе.

Таким образом высококомобильным подразделениям кавалерии было возвращено то их значение, которое они заключали в себе в маневренном бою с быстро изменяющейся оперативно-тактической обстановкой во взаимодействии с пехотой как на поле боя, так и около его. Однако тактика

применения кавалерийских подразделений и их организация при ведении боевых действий так и не получила своего дальнейшего поступательного развития в римской военной школе, за что Рим очень скоро поплатится при встрече с парфянской конницей.

Следует особо подчеркнуть, что весь военный успех Рима на данном историческом отрезке так же, как и во время Пунических войн, в первую очередь был обеспечен за счет ведения боевых действий в общем русле правильно выбранной стратегии непрямых действий с присущей ей гибридной формой применения военной силы в рамках ведения военной кампании.

Следующее проявление комплексного и системного подхода к использованию гибридной формы ведения вооруженной борьбы по масштабности проявления гибридности, не уступающей войне гладиаторов, проявится через восемнадцать веков. Это произойдет во время всеевропейской войны, в которой «великая европейская армия», ведомая французскими пассионариями, разобьется о пассионарный всплеск населения Российской империи, основанный на чувстве патриотизма и ненависти к иноземным захватчикам, который (пассионарный всплеск) был успешно использован коллективным гением офицерского корпуса русской армии. Русские офицеры сумели направить вектор народно-освободительной кинетики на организацию малой войны, используя партизанские отряды в тылу противника в тесной корре-

ляции с действиями регулярной армии.

Такая форма ведения вооруженной борьбы позволила русским создать условия для Европейских коалиционных сил, при которых их главнокомандующий Наполеон будет вынужден отказаться от своих намерений, так и не добившись конечной политической цели в Русской кампании, и повернуть вектор движения своих сил в обратном направлении. В этой ретиреде под влиянием непрямых действий партизанских отрядов и прямых действий регулярной русской армии французский военно-политический гений вместе со своей «непобедимой» армией понесли такие потери в живой силе, которых они не знали ни в одной до этого проведенной военной кампании, после чего народно-революционная французская армия уже не сможет восстановить свой военный потенциал.

Но это произойдет в самом начале XIX века, а пока в ближайшей исторической перспективе нас ожидает переход от античной концепции ведения войны, основанной на пехотном строе как основе построения боевого порядка всех сил на поле боя, к новой концепции применения силы, в которой на первое место выйдет тактика высокоманевренного боя с использованием кинетики кавалерии.

Отправной точкой для начала данного эволюционного процесса в теории и практике развития военной мысли послужит сражение, случившееся в июне 53 года до н. э. по римскому календарю (в начале мая в современном летоис-

числении) при древнем городе Карры. В боевом столкновении римская армия, ведомая римским проконсулом в Сирии Марком Лицинием Крассом, будет полностью разбита малым парфянским войском под руководством полководца по имени Сурена, основу которого составляла конница, разделенная на тяжелую и легкую ее части.

С этого момента наступит переходный период в процессе смены концепций применения военной силы с выходом в свет новой военной школы, которая на несколько веков займет нишу общепринятой военной классики, после того как угаснет Античный мир и его наследие.

Завершится данный переходный период с началом быстрого распространения, начиная с IV века, с Востока и далее по всему мировому пространству такого изобретения как стремя. Появление стремени в седельной сбруе всадника наделяло оно высокой степенью устойчивости на скаку, что приводило к коренному изменению как индивидуальных средств поражения живой силы противника (сабли, лука), так и тактики применения конницы в военной кампании.

Но об этом чуть позже, а пока на очереди стоит событие, в котором римская военная школа, перенявшая все самое лучшее из Античной концепции ведения войны, будет деклассирована парфянской военной организацией, принявшей стратегию и тактику применения кавалерии, пришедшей с просторов Великой степи.

Это событие произойдет во время так называемых Ри-

мо-Парфянских войн I века до н. э., в которых Древний Рим оспаривал у Парфянского царства свое право на обладание Передней Азией.

Парфяне (новая концепция – «скифский выстрел»)

Первая Римско-Парфянская война

Военный конфликт Парфии и Рима начался в 54 году до н. э. с вторжения армии Древнего Рима, ведомой тогдашним наместником Рима в Сирии М. Крассом, в пределы Месопотамии, которая в то время являлась составной частью Парфии.

К весне 54 года до н. э. в район сирийского города Антиохия прибыли основные силы, вверенные Марку Крассу для сражения против Парфянского царства. Общая численность римской военной группировки в Сирии составляла около 50 тыс. человек, что соответствовало 9 полноценным легионам. Сразу после вступления в права сирийского наместника Красс приступил к осуществлению подготовительных мероприятий для основного вторжения в Парфию.

В 54 году римляне осуществили первый поход к пограничной полосе Парфянского царства в районе реки Евфрат. Целью данного похода было создание плацдарма на границе Парфии, с тем чтобы с его пределов, используя короткое плечо, начать уже основное вторжение.

Осуществив марш в восточном направлении, римляне успешно овладели городом Зевгма, после чего форсировали Евфрат и продолжили свое движение на восточном его берегу уже непосредственно в границах Парфянского царства. Все приграничные парфянские города сдавались римлянам

без сопротивления, а парфянские гарнизоны, уклоняясь от боя, отступали внутрь своего царства, вследствие чего Красс продвинулся далее на восток и занял линию городов Карры – Ихны – Никефорий, а основные силы римлян в том же году по круговой успешно вернулись в начальный пункт – город Антиохию.

В каждом занятом восточном городе Красс разместил свои гарнизоны – по 7 тыс. человек пехоты и по тысяче всадников. Таким образом римским наместником был успешно сформирован плацдарм непосредственно в районе будущего театра военных действий, который должен был обеспечить как минимум начальный успех активной фазе парфянской военной кампании по занятию Месопотамии.

После успеха в осуществлении предварительных мероприятий римлян в начинающемся военном конфликте на сторону Красса перешел армянский царь Артавазд II, который при личном визите в Сирию советовал Крассу воспользоваться территорией Армении для вторжения в пределы Парфии. В таких условиях сформированный римлянами плацдарм принимал бы функцию заградительной линии, которая надежно защищала бы Сирию от вторжения с восточного направления.

И здесь римский наместник в Сирии, еще не начав активной фазы основных боевых действий против Парфии, совершил главную стратегическую ошибку, которая будет стоить жизни как ему самому и его сыну, так и всему римскому вой-

ску. Марк Красс отказался от предложения армянского царя осуществить вторжение на территорию Месопотамии с северного направления, чем не замедлил успешно воспользоваться парфянский царь Ород II.

Дело в том, что линия вторжения, первоначально намеченная римским военачальником, имела крайне неблагоприятную внешнюю среду для римской армии. Территория была достаточно безлюдной, имела плоский рельеф местности и представляла собой безлесную и безводную пустыню, в которой наиболее благоприятные климатические условия для передвижения складывались в зимний период, в то время как летом создавался крайне неблагоприятный температурный режим для оперирования в этой местности.

В условиях отсутствия возможности быстрого преодоления расстояния с сопутствующим этому большим временем нахождения во враждебной для себя внешней среде передвижение колонн пехоты является затруднительным, поэтому-то у сверхманевренных конных отрядов имеется явное преимущество перед тяжеловооруженной пехотой в описанных выше условиях. К тому же равнинная местность представляет собой самую благоприятную среду для тактических изысков кавалерии и не дает никаких преимуществ пехотному строю в возможности пользоваться складками рельефа местности как природной фортификацией. В таких природных условиях, зайдя на достаточное удаление от ресурсных баз, неповоротливым пехотинцам приходится вести ресурс-

но-затратную круговую оборону при отражении кавалерийских атак с достаточно малой скоростью дальнейшего продвижения.

В свою очередь территория Древней Армении, которую царь Артавазд предлагал римлянам, обеспечивала максимальные благоприятные условия для армии Красса на начальном этапе военной кампании против парфян. Армения при заключении договора с римским наместником в Сирии становилась достаточной ресурсной базой для римского войска в походе против Парфии, а далее рельеф местности и климат территории Армении вдобавок к дружественной социальной среде окончательно сформировали бы благоприятные условия, которые бы по максимуму способствовали быстрому и безопасному передвижению римской пехоты. К тому же выставляемые армянским монархом 10 тыс. латных всадников и 3 тыс. пехотинцев в поддержку Крассу могли выполнять эффективные кордонные, разведывательные и другие вспомогательные функции для основных сил вторжения.

Немаловажно, что данное направление действий значительно укорачивало линию вторжения, имеющую агрессивную внешнюю среду, в пределы западной части Парфянского царства.

И вот, казалось бы, выбор наиболее эффективного направления вторжения при текущей оценке обстановки был достаточно очевиден, но Марк Красс не смог сделать выбор

в пользу плана вторжения в Парфию с северного направления с использованием территории Армении. Вместо этого римский военачальник остался верен своему первоначальному плану действий, предоставив право царю Артавазду самостоятельно поддержать римлян и начать параллельные активные действия против парфян на северном направлении силами своего тринадцатитысячного войска.

Совершив такую ошибку еще на этапе планирования грядущей фазы активных действий против сил парфян, Марк Красс собственноручно создал для своего противника стратегическое преимущество перед началом активных действий.

В свою очередь парфянский царь Ород II, пользуясь стратегическим промахом Красса и исходя из складывающейся обстановки в рамках Переднеазиатского театра военных действий, приступил к активным упреждающим действиям, чтобы навязать противнику свою волю.

Сначала парфянский царь с основными силами упреждительно вторгся в пределы Армении, чем сковал все силы армян и заблокировал опасное для своего царства направление, исключив северное приграничье из списка вероятных вариантов действий римской армии.

Далее еще до начала выдвижения римской армии зимой 54/53 годов до н. э., в то время, когда Красс еще только собирал свои войска с зимних квартир, парфяне приступили к активным действиям на западном направлении.

После осуществления разведывательных мероприятий ограниченные силы парфян принялись разрушать сформированный Крассом передовой плацдарм Карры – Ихны – Никефорий, с которого римляне намеревались осуществить вторжение в Парфию своими главными силами. В результате еще до того как римские легионы выступили в поход, парфянам удалось физически уничтожить многие отдаленные римские гарнизоны, тем самым нарушив целостность римского плацдарма, выстроенного с левой стороны Евфрата.

Те уцелевшие римские легионеры, которым удалось спастись и добраться в стан своих главных сил, стали распространять слухи о превосходстве парфянского войска не только в количественном соотношении, но и в отношении уровня военной организации и тактики действий. Распространение слухов о качестве парфянских сил сильно сказывалось на боевом духе римских легионов, которые, еще не имея опыта прямой встречи с новым противником на поле боя, уже стали испытывать морально-психологическую слабость перед войском парфян.

Итак, к весне 53 года до н. э. парфяне уже бросили серьезный вызов тогдашнему римскому наместнику в Сирии и члену первого древнеримского триумvirата Марку Лицинию Крассу, который в свете своего статуса и высокомерия принял вызов и пустился в прямую ответку, не заметив того, как начал играть по правилу парфян и совсем уже не первым номером.

По своему составу римские силы представляли собой классическую римскую армию, являвшуюся продуктом наивысшего развития античной военной школы. Эта армия включала в себя легионы тяжелых пехотинцев, которые составляли основу всей армии, в поддержку им – несколько тысяч легких пехотинцев и столько же кавалерии.

И если со структурой римской армии все более или менее понятно в свете канонов тогдашней военной классики, то организация парфянского войска представляет интерес прежде всего по своему структурному составу.

Структурное построение парфянского войска было крайне иррегулярно и «неприемлемо» прогрессивным с точки зрения канонов устоявшейся античной военной классики, как и те стратегия, тактика, методы и способы ведения вооруженной борьбы – боевых действий, которые и обеспечивались новой концепцией организации военной силы.

Как покажет время, это была самая передовая мысль, которая позволит активно действующим 10 тыс. парфянским всадникам полностью уничтожить сорокатысячную армию противника. На примере данной концепции применения силы уже в тот исторический период мог получить свое развитие процесс формирования новой военной школы, с формированием которой мог бы совершиться очередной исторический переход по спирали развития теории и практики военного искусства.

Но на развитие данного процесса окажет свое губительное

влияние банальное и старое как мир противоречие между ярким военным успехом полководца и монаршей властью, устои которой были сильно чувствительны к успеху и народной популярности военного лидера.

Кстати, данная проблематика не потеряла своей актуальности и в наше время. Чего стоит только история политического низложения четырехзвездного американского генерала Дэвида Петреуса в ноябре 2012 года, находившегося на тот момент на пике своей популярности в американском обществе.

После того как генералом Петреусом был спасен мировой престиж Америки как сверхдержавы во время SURGE-операций 2007 года в Иракской кампании, он стал стремительно набирать популярность, а вместе с тем и политический вес среди политикума Соединенных Штатов. Американская пресса в то время представляла его как главного кандидата на пост следующего президента США от партии республиканцев. А это сильно не устраивало тогдашнюю американскую элиту от партии демократов, находившуюся у власти во главе с 44-м президентом США Бараком Обамой, заступившим на пост в январе 2009 года.

Американские демократы решили расчистить политическую дорожку для второго срока первого чернокожего президента США и для последующего преемника лидера американских демократов – амбициозной Хиллари Клинтон, которая приняла решение стать следующим президентом Соеди-

ненных Штатов Америки от партии демократов. К тому же эта политическая сила, ведомая администрацией президента Обамы, уже начала свою игру на Ближнем Востоке, значительно отличавшуюся от дел республиканцев в этой части света.

Администрация 44-го президента США просто перечеркнула все успехи американских войск в Ираке, достигнутые во время SURGE-операций, и приступила к несвоевременному выводу подразделений американской армии из Ирака, тем самым обесценив людские и материальные жертвы, которые понесла американская сторона, их союзники и иракский народ. Финальные действия вывода американских сил из Ирака закончились в декабре 2011 года, что и обозначило официальное завершение Иракской кампании для войск США и запустило новый импульс детищу американских демократов – Арабской весне.

В эту схему совсем не вписывался генерал Петреус в качестве народного героя и главного проводника новой американской стратегии действий по умиротворению пылающего Ирака, с помощью которой (стратегии) была полностью исправлена военная обстановка в, казалось бы, уже полностью проигранной американцами Иракской кампании, начатой в марте 2003 года.

Но вернемся к событиям середины I века до н. э., разворачивающихся в этом же регионе.

В противовес римским силам парфяне выставили высо-

комобильную кавалерию, которая по своей структуре была разделена на две основные части. 80 % парфянской конницы составляли легкие всадники. Основным оружием в бою легкой парфянской кавалерии был лук, с помощью которого кавалерийская масса засыпала своего противника тучами стрел, осуществляя поражение живой силы противника с дистанции 150-200 метров в рамках некой площади на местности. Таким образом парфянская конница могла с безопасного расстояния и внезапно наносить удары на требуемом участке поля боя, после чего быстро и без потерь ретироваться, чтобы пополнить боевой запас в мобильном пункте снабжения и быть готовыми опять нанести свой смертоносный удар по противнику.

Вторую, значительно меньшую часть парфянского войска – около 20 % – составляли представители тяжеловооруженной кавалерии – катафрактары, всадники и кони которой (тяжелой кавалерии) были закованы в броню защитных панцирей – кольчуги. Боевой порядок катафрактариев представлял собой сомкнутый строй всадников-копейщиков, задачей которых была блокировка продвижения войск неприятеля, его кордонирование и нанесение мощного сконцентрированного удара в линию боевого порядка противника, чтобы пробить в ней брешь в свете развития достигнутого тактического успеха на поле боя.

Следует также выделить в войске парфяян ту часть, которая не принимала участия в активных боевых действиях, но

занималась боевым обеспечением непосредственно в операционном районе, оперативно пополняя запас стрел парфянским конным лучникам с использованием вьючных верблюдов. Такая оперативность боевого обеспечения средствами дистанционного поражения противника давала возможность парфянам непрерывно поражать живую силу противника, что обеспечивало высокую степень маневренности и позволяло прочно удерживать оперативную инициативу во время боя.

Между тем Марк Красс вводил свою армию в кампанию 53 года, имея отрицательный баланс в соотношении благоприятных и неблагоприятных условий, формирующих и характеризующих общую обстановку внутри театра военных действий для сторон конфликта, ключевые отрицательные моменты которой для римлян заключались в следующем:

- союзные войска армян были блокированы в пределах своего царства;
- передовые римские гарнизоны были уничтожены, что привело к утрате римлянами своего передового плацдарма на левом берегу реки Евфрат;
- римлянам предстояло действовать во враждебной для себя окружающей среде и на достаточном удалении от своих ресурсных баз;
- успешные непрямые действия парфян отрицательно повлияли на морально-психологическое состояние рядовых римских бойцов;

– римский военачальник в свете складывающейся неблагоприятной для себя и своей армии обстановки не стал менять плана действий при вторжении в Месопотамию.

Итак, весной 53 года до н. э. Марк Красс, поставив на марш 7 своих легионов при 4 тыс. всадников и 4 тыс. легких пехотинцев в восточном направлении, повторяя путь годичной давности, начал активную фазу прямого вторжения в пределы Парфянского царства. В мае римская армия общей численность в 40 тыс. человек успешно форсировала реку Евфрат в районе города Зевгма.

После вторжения армии на левый берег реки Евфрат римский военачальник выслал отряды разведки вглубь территории противника, в то время как основные силы римлян выдвинулись в юго-восточном направлении вдоль русла реки Евфрат, которая защищала войско римлян от флангового охвата и использовалась им как главный логистический объект. Движение под прикрытием реки было, скорее, выжидательным, чем наступательным, так как Красс ждал результатов разведки, чтобы на основе добытых данных о противнике принять решение о дальнейшем направлении поступательного движения внутрь территории противника.

Очень скоро римский военачальник получил сведения от нескольких разведывательных отрядов о том, что географическое пространство между рекой Евфрат и его левым притоком Белих (Баллис) безлюдно, но обнаружены признаки того, что противник вводил свои войска далее вглубь Месо-

потами. Добытая информация очень воодушевила римлян, которые опрометчиво стали полагать, что противник слишком слаб и боится прямой встречи с римскими легионами. По всей видимости, на подобный настрой римлян повлиял ход событий прошлого похода, во время которого парфяне без боя отступали и оставляли города римлянам.

На принятие окончательного решения римского военачальника о начале преследования якобы отступающего противника повлиял визит в ставку Красса правителя Эдессы по имени Абгар II. Именно этот местный авторитет и сыграл злую роль в судьбе всего римского войска в данной военной кампании.

Следует отметить, что Абгар II еще в 64 году до н. э. помог своими силами ближайшему соратнику Гнея Помпея, римскому легату Луцию Афранию в захвате территории Северной Месопотамии. Именно в той кампании Абгар и заслужил доверие у римлян, чем и воспользовался через десять лет, только весь доверительный потенциал был растрочен правителем Эдессы совсем не в пользу римского войска, ведомого триумвиром Крассом.

Намеренно или нет, но в 53 году Абгар II своими речами внушил римлянам, что им с высоты своего военного превосходства следует незамедлительно нагнать своего противника, силы которого слишком малы, и разбить его в сражении, пока парфянский царь Ород II не прибыл в Месопотамию со своими главными силами.

В конце концов Красс принял, как окажется, губительное для себя и своей армии решение о начале преследования противника и направил свою армию через пустынный участок местности к руслу реки Белих между городами Карры и Ихны.

В этом случае налицо проявилось небрежное отношение Марка Красса к организации всесторонней разведки, что не позволило римскому полководцу правильнее и точнее оценить обстановку и силы противника как внутри своей операционной зоны, так и на ее периферии, и их взаимное влияние друг на друга.

Оторвавшись от водной артерии, уходя вглубь пустыни по следам противника, римская армия быстро стала истощаться под жарким солнцем. Агрессивная внешняя среда уже начала свое губительное воздействие на войско Красса, основу которого составляла медленная и тяжелая пехота, а визуального контакта с силами противника так и не было, что сильно стало угнетать рядовых легионеров и их командиров.

В этот момент в стан римского войска подоспели послы армянского царя, через которых Артавазд оповещал Красса о вторжении главных парфянских сил, поэтому он не может выслать подмогу римлянам. С этим известием Артавазд советовал римскому военачальнику либо повернуть в сторону Армении и начать совместные действия против главных сил парфян, либо идти далее по намеченному маршруту с учетом рельефа местности, избегая удобных мест для действий

конницы.

Но и в этом случае Красс высокомерно пренебрег информацией и советами монарха Армении, не желая также слушать и возражения Кассия, продолжая полагаться в процессе принятия решения лишь на свое «авторитетное» мнение и на мощь своего войска.

Против главных римских сил парфянский царь Ород II направил всего лишь десятитысячный отряд под руководством молодого командира по имени Сурена. Элиту данного войска, задачей которому ставилось противодействие сорокатысячной армии вторжения, составляла личная дружина Сурена, представлявшая собой тысячу конных латников-копейщиков и чуть большее количество легковооруженных пехотинцев.

В общей структуре войска Сурена подразделялось на тяжеловооруженных латных всадников – катафрактарию, вооруженных копьями и мечами, и легковооруженных всадников, основным оружием которых был лук и стрелы. Для всестороннего обеспечения действий кавалерии на поле боя в распоряжении парфянского полководца имелась специально выделенная часть войска, что представляла собой мобильные отряды обеспечения, способные в любой момент оперативно снабдить своих конных лучников средствами поражения.

Для того чтобы такими малыми силами успешно противостоять превосходящим силам противника, командующим

десятитысячным войском должен быть военачальник с выдающимися военными способностями. Такой полководец должен был обладать такими знаниями и опытом в военной сфере, которые позволили бы ему разработать передовые для того времени стратегию и тактику действий своего войска и на их основе воплотить на практике мероприятия, которые способны были бы деклассировать римскую военную организацию, царившую в то время на полях сражений Древнего Мира.

Такой человек нашелся среди парфянских военачальников, которому царь Ород II доверил решить такую сложную военную задачу на таком важном для Парфии направлении, и это был Сурена Михран.

Вот как Плутарх характеризовал Сурена в своих работах: *«По богатству, знатности рода и славе занимал он второе после царя место, мужеством же и талантом превосходил всех своих современников среди парфян...»*

В ту пору ему не было еще и тридцати лет, а он заслужил уже величайшую славу своей рассудительностью и умом».

Парфянский царь Ород II был слишком обязан своему спахбеду (полководец), и этот факт еще сыграет свою злую роль как в судьбе Сурена, так и в судьбе самой Парфии.

В 54 году до н. э. Сурена Михран оказал Ороду II бесценную услугу в его борьбе за престолонаследие в Парфии. После того как брат Орода II, свергнутый ранее царь Парфии

Митридат III, захватил города Селевкию и Вавилон, парфянский спяхбед возглавил войско Орода II в битве за Селевкию и штурмом овладел городом.

После успешного штурма Селевкии Сурена решил изменить тактику и стратегию своих действий, проявив гибкость и непредсказуемость в своих действиях, и совершенно в другом стиле овладел следующим городом, бывшем до этого под контролем Митридата III. Древний город Вавилон был взят не прямым штурмом, а принужден к сдаче благодаря его успешно осуществленной блокаде.

После сдачи Вавилона парфянский царь Ород II на правах победителя казнил другого парфянского царя и своего брата Митридата III. Таким образом именно командующий парфянской армией Сурена Михран своими победами в 54 году до н. э. заново возвел на трон Парфянского царства Орода II.

Именно такой парфянский военачальник возглавил операцию по пресечению вторжения сорокатысячной армии противника, которая имела на то время превосходную военную организацию, сформированную по канонам античной военной школы.

Не располагая достаточными силами и средствами для успешного прямого противостояния с римскими легионами в открытом бою, Сурена отказался от открытого боевого столкновения с римлянами на начальном этапе их вторжения, желая сначала при помощи не прямых действий сформировать для войска противника неблагоприятную опера-

тивно-тактическую обстановку, максимально изнурить его и только после этого приступить к активным прямым действиям на выгодных для себя условиях.

Для этого парфянский полководец прибегнул к тактике формирования мнимой воронки, в которую постепенно втягивалась армия противника. По мере затягивания римлян внутрь оперативной воронки внешняя среда для них становилась все более агрессивной (летом температура в Междуречье достигала 38 градусов по Цельсию), при этом свобода действий римских легионов становилась все более ограниченной, что значительно сужало рамки вариаций тактики применения силы, а значит, сводило к нулю шансы на победу.

Исходя из решения своего полководца, парфянская конница без боя отступала все далее на восток, увлекая за собой сорокатысячное римское войско все далее вглубь пустыни северной Месопотамии. Действуя передовыми отрядами и не тратя сил и средств своего войска, Сурену удалось завлечь противника в пространство между двумя левыми притоками Евфрата под названиями Белих и Хабур, где парфянским полководцем было принято решение приступить к активным действиям против армии Красса.

Итак, после того как в мае (по Плутарху – 8 июня) 53 года до н. э. изнуренное длительным переходом римское войско вышло на левый берег реки Белих, оно было атаковано силами Сурена в 25-30 километрах южнее города Карры.

Боевая активность парфян началась еще до того, как римляне форсировали водную преграду, с уничтожения отряда римских разведчиков, который был сначала окружен, а затем подвергся полному уничтожению. Те немногие, которым удалось спастись бегством, принесли эту весть своему военачальнику, после чего Марк Красс отдал приказ на построение своих сил в боевой порядок. Свои фланги Красс отдал под командование квестору Гаю Кассию и своему сыну Публию Лицинию Крассу, сам же командующий римской армией расположился в центре боевого порядка.

Римское войско, построенное в глубокое каре с двойным фронтом, каждый из боков которого формировали 12 когорт при отряде конницы, не нарушая боевого строя форсировало реку Белих и продолжило движение далее на восток, пока не встретило передовые отряды парфянской конницы.

Как только римляне перешли линию реки Белих, достаточно углубившись внутрь враждебной для себя территории, Сурена решил перейти к активным действиям, но начаты они были с некинетической активности, направленной на дезориентацию противника и на подавление его моральной стойкости перед сражением.

Пять психологических ударов спахбеда Сурены при Каррах

При вхождении в визуальный контакт с римлянами парфянский спахбед не стал показывать все свои силы сразу, а выставил на передовую линию свои авангардные отряды, спрятав основные силы от противника. Более того, Сурена приказал своим воинам заслонить блеск своего вооружения плащами и кожами, чтобы противник не смог сразу оценить качество вооружения парфян.

Как только произошло сближение сил противников, Сурена подал знак своим войскам, и вся местность огласилась низким устрашающим звуком, издаваемым специальными бубновыми инструментами, в которые били парфянские воины. Производимый звук, напоминающий звериный рев при раскатах грома, быстро воздействовал на души бойцов, приводя их в замешательство перед сражением. Данное действие открыло череду так называемых психологических ударов, применяемых парфянами напрямую или опосредованно для понижения боевого духа римского войска.

После воздействия на органы слуха солдат противника парфяне приступили к визуальному воздействию на сознание римлян. С окончанием шумовой атаки парфянские всадники сорвали с себя покровы, скрывавшие их доспехи, и в один миг перед римским войском предстала блистающая на

солнце парфянская дружина. Римляне были поражены видом парфянских воинов, облаченных в доселе невиданные римлянами натертые до блеска железные шлемы и латы. Помимо самих воинов, в доспехи из железа и меди были убраны и их кони, и это был второй психологический удар по сознанию солдат противника после произведенной парфянами шумовой атаки.

Далее, не теряя темпа, Сурена решил ударить в каре противника своей тяжелой кавалерией. Именно тяжеловооруженные всадники-копейщики из личной дружины парфянского военачальника предприняли первую атаку римского каре, которая так же, как и кавалерийская атака Спартака на оборонительное каре римских войск, ведомых тем же М. Крассом в последней битве войны гладиаторов, не имела успеха.

Парфянские всадники-копейщики, наткнувшись на глубокое построение боевого порядка тяжелых пехотинцев противника, вынуждены были приступить к тактическому отступлению, не втягиваясь в боевое столкновение после неудачной атаки.

В этот период тяжелая кавалерия еще не имела той пробивной силы, которую она получит с появлением такой седельной принадлежности как стремя. Именно стремя, изобретенное в IV веке н. э. кочевниками, станет обеспечивать достаточную уравновешенную устойчивость всаднику в момент его копейной атаки и последующего мечевого – сабель-

ного боя. В свою очередь с приобретением новых боевых качеств изменится и тактика применения тяжелой и легкой кавалерии.

После массового освоения стремени всадники тяжелой кавалерии благодаря приобретенной большей пробивной способности получили возможность опрокидывать строй легкой кавалерии или же пробивать брешь в плотном пехотном строю, после чего можно было приступать к оперированию мечом для развития своего успеха.

Легкие кавалеристы при использовании стремени значительно увеличивают точность и дальность выстрела из лука, что повышало их оперативность и эффективность на поле боя как при дистанционном поражении врага, так и в ближнем бою.

В дальнейшем значительно повысит боевую способность всадника в ближнем бою его перевооружение на новое рубяще-режущие холодное оружие с искривленным клинком под названием сабля, которая получит свое массовое распространение у тюркских народов вслед за стремением с VII века нашей эры. С переходом на саблю, как на основной вид оружия ближнего боя, всадник получал преимущество перед всадником, вооруженным громоздким мечом, благодаря боевым качествам нового клинка, придававшего всаднику большую степень свободы действий при оперировании более легкой и маневренной саблей.

А пока такие революционные изменения в вооружении

кавалерии еще не произошли, события у города Карры продолжались в следующем порядке.

Тактическое отступление тяжелой кавалерии парфян после первого удара не было неосмысленным. Во время своей ретировки парфянские конные латники стали охватывать римское каре, беря его в тактическое окружение, таким образом существенно ограничивая свободу действий римлян на выбранном парфянами участке местности.

Одновременно с отступлением первой парфянской волны Красс решил ввести в дело самую мобильную часть своей пехоты – легковооруженных пехотинцев. Но в момент выдвижения римской легкой пехоты Сурена привел в действие легкую конницу, которая под прикрытием латных всадников незамедлительно контратаковала вышедшую за линию своего каре римскую пехоту тучами выпущенных из парфянских луков стрел.

Своевременная лучная атака заставила римскую пехоту незамедлительно отступить, ища спасения под прикрытием строя своей тяжелой пехоты. Но и здесь римлян ожидал сюрприз. Дело в том, что выпущенные из тугих парфянских луков стрелы имели достаточную пробивную способность и наносили чувствительный ущерб живой силе противника, пробивая все имеющиеся на вооружении римской армии защитные средства как мягкие, так и жесткие. А одновременно пущенные из луков парфянскими отрядами стрелы с безопасного для парфянских всадников расстояния превращала их

луки и стрелы в оружие массового поражения того времени.

Пробивная сила стрел парфянских луков на практике доказала превосходство парфянского оружия над римским, и это был третий психологический удар по сознанию римлян.

После неудачной попытки использования легкой пехоты римский военачальник пустил в бой свою тяжелую пехоту в надежде на то, что у парфян наконец закончатся стрелы и парфянский спяхбед сменит тактику и решит перейти от дистанционного боя к прямому боевому столкновению, в котором римские легионеры имели бы все шансы победить парфян. Но стрелы у парфянских лучников не заканчивались, а сами всадники постоянно уклонялись от прямого боевого контакта, не прекращая при этом методично наносить огневое поражение римлянам.

Парфяне, благодаря высококомобильным боевым качествам своих всадников-лучников, эффективно использовали так называемую тактику кочующих батарей. Роль батарей в то время играли лучные отряды, которые, несмотря на постоянное передвижение на поле боя, не прекращали вести эффективное огневое поражение боевых порядков противника. Такая тактика действий являлась настолько прогрессивной, что не потеряла своей актуальности и в XXI веке.

В таких условиях римские войска оказались не только в тактическом окружении, но вдобавок еще и в огневом мешке, для которого основой было первичное тактическое окружение.

Любая попытка Красса атаковать парфян и навязать им открытое боевое столкновение, выгодное для римской армии, вязла в использованной парфянами тактике мобильной активной обороны, в которой парфянская кавалерия, не принимая прямого боя, отступала в рассыпном строю, при этом не прекращая выпускать стрелы в сторону противника.

Таким образом, даже при тактическом отступлении парфянские всадники не прекращали поражать своего противника и заставляли его отказываться от своих намерений, не давая ему шанса достигнуть желаемого результата.

Парфяне так же, как и скифские воины, проявили большое искусство в использовании тактики так называемого скифского выстрела, которую можно смело назвать и тактикой парфянского выстрела. Плутарх писал в своих сочинениях:

«... нет ничего разумнее, как, спасаясь, защищаться и тем снимать с себя позор бегства».

И это была достаточно точная характеристика, данная тактике скифского/парфянского выстрела.

Изображение скифского или парфянского всадника, выпускающего стрелу в обратном его движению направлении, по праву может стать символической эмблемой иррегулярной или гибридной формы применения военной силы, заключающей в себе природу возникновения и физику применения таких явлений в истории военного искусства, как асимметрия, иррегулярность и не прямые действия.

Подобная тактика действий парфянской конницы, против которой римляне не могли ничего противопоставить, явилась четвертым психологическим ударом по сознанию римских командиров и рядовых воинов во время сражения при Каррах.

Далее, удерживая римское каре в условиях тактического окружения, парфянские всадники стали методично расстреливать статическую цель из луков, поражая римлян одновременными массовыми выстрелами и производя эффект площадного поражения цели. При этом парфянские лучники использовали очень эффективный прием использования лучных отрядов, благодаря которому обеспечивалось бесперебойное поражение противника массовыми выстрелами из луков.

Как только лучные отряды израсходовали свой боезапас, происходила смена стрелковых команд, и уже новые отряды приступали к дистанционному поражению живой силы противника, а отряды с пустыми горитами отходили в тыл, где и пополняли свой боезапас стрел в специальных пунктах боевого обеспечения, после чего возвращались на линию открытия огня для следующей смены.

Такой тактический прием снабжения парфянских лучников стрелами, обеспечивающий бесперебойное дистанционное поражение противника во время боя, помимо прямого воздействия на живую силу противника еще имел и вторичное, психологическое влияние на находящихся под непре-

рывным огнем римлян, что сильно понижало их боевой настрой, и это был уже пятый психологический удар по римскому войску.

Совокупность всех новшеств в стратегии и тактике применения военной силы, а также в организации войска по новому типу, используемой парфянским полководцем по имени Сурена против военной школы армии Древнего Рима, произвела общее глубокое деморализующие воздействие как на командный состав римского войска, ведомого Марком Крассом, так и на рядовых солдат.

Потерпев неудачу в первых двух попытках улучшить свое положение на поле боя, Марк Красс вынужден был приступить к более активным действиям и большими тактически единицами, пока парфяне не замкнули кольцо окружения.

Для нового маневра римский полководец выделил в распоряжение своего сына Публия крупный отряд, в состав которого входили 8 когорт тяжелой пехоты, усиленных отрядом римских лучников в 500 человек, и кавалерийским отрядом в 1300 всадников. В задачи выделенной Публию маневренной группы вменялось осуществление обходного маневра с тем, чтобы с фланга атаковать силы парфян и еще раз попытаться навязать открытое сражение на выгодном для себя направлении.

Но, как оказалось, у парфянского спахбеда были совсем другие планы на это сражение. Парфянское войско, проявив

достаточную гибкость как в атаке, так и в обороне, до нужного момента избегало прямого соприкосновения с римским отрядом и своим мнимым отступлением увело тактическую группу противника в выбранном направлении на достаточно удаленное расстояние от основных сил римлян.

Как только римская маневренная группа начала свое движение, парфянские войска снялись с линии окружения и обернулись в бегство. Младший Красс, почувствовав слабость противника, немедленно пустил свои силы на преследование отступающих парфян.

В погоне за убегающим противником Публий Красс сразу расстроил боевой порядок своей тактической группы, увлекая за собой всю кавалерию, за которой в походном порядке следовала пехота, и это при том, что скорость маневра римского пехотного строя, который составлял основу римского войска, значительно уступала скорости реакции парфянской кавалерии, которая в свою очередь была основной ударной силой войска Сурена.

Парфяне своим мнимым отступлением внушили своему противнику чувство мнимого превосходства и побудили его действовать согласно своему замыслу действий.

В результате такого тактического приема младший Красс вместе со своими командирами ровно в тот момент, когда он удалился от сил своего отца на достаточное расстояние, был озадачен внезапным разворотом отступающих парфян и их резким переходом от отступления к наступлению.

После того как отступающая группа парфян развернулась на 180 градусов, к месту остановки преследования стали организованно прибывать все парфянские силы, переключив все свое внимание на отколовшуюся группу римского войска.

Оказавшись в меньшинстве, римляне еще надеялись, что парфяне, видя свое численное превосходство, начнут открытое боевое столкновение, в котором у римской тактической группы были все шансы как минимум продержаться до подхода своих главных сил. Данный ход развития событий сыграл бы на руку римлянам, потому как в общем плане парфяне были бы втянуты в тот вид сражения, в котором римская военная машина имела значительное превосходство над парфянским войском. Но Сурена продолжал неуклонно следовать выбранной стратегии и тактике действий своего войска, не позволяя кому-либо или чему-либо заставить его сойти с выбранного курса действий. Блокированием дальнейшего продвижения сил тактической группы Публия Красса парфянский полководец сначала осуществил дезориентацию сил противника на выбранном участке местности, а затем приступил к дистанционному поражению сил римлян.

В соответствии с тактикой применения кавалерии латные парфянские всадники осуществили блокировку римской группы, построив свои боевые порядки по периметру и сформировав таким образом внешний радиус тактического окружения римлян. Так был искусно сформирован тактиче-

ский котел для крупной маневренной группы римского войска.

Легкая же кавалерия парфян приступила к активным действиям, пустившись вскачь по внутреннему радиусу, создавая внутри кольца непроглядное огромное облако песчаной взвеси. Сразу после того, как римляне оказались в условиях сильно ограниченной видимости, исключавшей возможность правильной ориентации на местности, парфянские конные лучники приступили к массированному обстрелу крупной статической мишени. Тактический котел, в который попал крупный римский отряд, был успешно осуществлен парфянами.

Положение римских легионеров было настолько плачевным, что они не смогли найти в себе ни моральных, ни физических сил, чтобы откликнуться на призыв Красса младшего пойти в атаку на парфянскую конницу. Римскому полководцу удалось лишь повести в атаку свою конницу, но она ожидаемо была смята парфянскими катафрактариями.

В этой атаке римская кавалерия, представлявшая собой легковооруженных галльских всадников, сначала потеряла всех своих лошадей, после чего спешенные всадники были вынуждены вступить в рукопашный бой, который также не принес им успеха. Римская конница была достаточно легко смята более мощными катафрактариями, имевшими более высокую степень личной защиты, вследствие чего их строй имел более высокую степень устойчивости на поле боя. Рим-

ские всадники были вынуждены в пешем порядке отступить к линии своей тяжелой пехоты, уводя с собой раненого Публия Красса.

После неудачной контратаки конницей, римский отряд всей своей массой ретировался на один из холмов, где и занял круговую оборону, ошетинив свой периметр сомкнутыми щитами и выставленными копьями. Круговая оборона на господствующей высоте, наверное, имела бы смысл в условиях противостояния пехотных отрядов или же равнозначного потенциала средств дистанционного поражения, но никак не в случае со значительным превосходством противника в общей маневренности своих сил по количественному и качественному показателям своих луков и стрел. Парфянские всадники были способны вести эффективный летальный огонь с дистанции, недоступной для контрдействий обороняющейся стороны.

Итак, заняв оборонительную позицию на открытом участке местности без возможности осуществления быстрого и скрытного маневра, римляне стали отличной мишенью для парфянских лучников с нескончаемым запасом стрел. В сложившейся безвыходной обстановке, не имея возможности внешней деблокировки своих сил, группа Красса младшего была обречена на полное истребление и бесславный конец.

Как видно, парфянский полководец использовал мощь тяжелой кавалерии для остановки продвижения противника с последующей его фиксацией на участке местности, после че-

го под прикрытием катафрактариев задействовала свой огневой потенциал более мобильная легкая кавалерия парфян.

После того как была уничтожена значительная часть живой силы римлян, вследствие чего ослабла их устойчивость в обороне, в дело вступили парфянские катафрактары, которые своей копейной атакой завершили разгром римской маневренной группы.

Надо сказать, что римские командиры не видели для себя возможности бегства с поля боя, вместо этого они предпочли смерть вместе со своими легионами.

Из всего римского отряда только 500 воинов были взяты в плен парфянами, все римские командиры совершили акт самоубийства, а молодой Красс был заколот своим рабом по собственному же приказу. Таков был незавидный для римлян промежуточный итог в битве при Каррах.

В то время как погибал его сын со своим отрядом, Красс старший безучастно и в неведении ожидал итогов вылазки, заняв круговую оборону на возвышенности. Красс опрометчиво не удосужился организовать взаимодействие с отрядом сына, более того, он даже не попытался оттянуть частичное внимание и силы своего противника на себя, не предприняв самых минимальных демонстрационных действий, за что в конечном итоге и поплатился.

В свою очередь Сурена, успешно расправившись с римским отрядом, не теряя темпа привел свое войско к расположению главных сил Красса, неся на копье голову сына рим-

ского военачальника для всеобщего обозрения.

Известие о полном поражении группы войск вместе с командирами, подтвержденное выставленными на показ головами Публия Красса и его товарищей, стало очередным психологическим ударом для римского войска и Красса старшего, что сразу же отразилось на уровне их боевой стойкости.

Красс старший еще попытался ободрить свое войско, произнес пламенную речь, но она не возымела никакого положительного эффекта на римских легионеров. По окончании своей речи римский военачальник дал приказ своему войску издать боевой клич, но слабость и неровность произнесенного свидетельствовали об унынии, царящем в рядах его легионеров.

Очень скоро римляне опять позволили взять себя в тактическое окружение. Парфянские катафрактари, оцетинившись своими длинными копьями, стеснили римский боевой порядок на ограниченном пространстве, после чего на легионеров посыпались непрерывные залпы стрел, выпускаемых лучниками легкой кавалерии. Римляне опять понесли большие потери в живой силе, оказавшись в статусе большой статической мишени. Те немногие попытки римских воинов, не желавших безучастно погибать от стрел противника, вырваться из окружения не имели для них успеха. Как пешие, так и конные группы римлян сразу же нарывались на тяжелых конных латников, которые своими копьями с железными наконечниками наносили непоправимый ущерб римским

воинам, иногда пронзая одним ударом сразу двух римских легионеров.

В таком русле бой проходил до самого вечера, и только наступление темноты помешало парфянам завершить разгром войск Красса, из-за чего Сурена отдал приказ прекратить атаки и отвел свои войска на ночлег для отдыха, даровав Крассу ночь для оплакивания своего сына Публия.

С наступлением ночи римский лагерь охватила настоящая паника от безысходности положения, в котором оказалось все римское войско. Получив время для передышки, Красс не смог организовать ни перегруппировку своих сил, ни погребение убитых, ни уход за ранеными. Римское войско считало своего полководца виновником неудачи, а сам Красс безучастно лежал, закутавшись в плащ. Войско было предоставлено само себе, в таких условиях каждый думал только о себе, не заботясь о раненых и умирающих, да и об общем деле в целом.

Легаты Октавий и Кассий, видя безнадежное психологическое состояние своего начальника, собрали военный совет, на котором единогласно было принято решение как можно быстрее покинуть позиции и спастись бегством.

Под покровом ночи римляне предприняли нескоординированное и в большей степени самопроизвольное отступление, во время которого ими был совершен довольно постыдный поступок. Покидая свой полевой лагерь без сигналов и в полной тишине, римляне оставляли в нем своих ране-

ных товарищей. В результате начавшегося тихого отступления римский лагерь охватила еще большая неразбериха и паника, оставляемые раненые римские солдаты подняли шум, из-за которого приведенные в движение войска поддались общей панике, посчитав, что на лагерь напали парфяне, что и определило сумбурное отступление римлян.

Наиболее «успешным» в бегстве и оставлении своего командира на поле боя был некий римский командир по имени Эгнатий, который той ночью вместе со своим кавалерийским отрядом численностью в 300 человек засветился у города Карры и предупредил начальника небольшого римского гарнизона по имени Копоний о крупной битве между Крассом и парфянами. Благодаря этому извещению Копоний со своим вооруженным отрядом вовремя выдвинулся навстречу отступающему Крассу, и после встречи со своим начальником успешно вывел уцелевшие силы римлян в Карры, чем спас их от возможности быть настигнутыми и разбитыми еще на марше. Сам же Эгнатий со своим отрядом, не задерживаясь в Каррах и спасаясь, ускакал в направлении города Зевгма, чем обесчестил себя и свой отряд, заработав худшую историческую славу.

Утром, когда парфянские воины захватили лагерь своего противника, они убили около 4 тыс. оставшихся в лагере римлян.

После занятия лагеря противника Сурена пустил армию всадников по следу отступающих римлян. Во время пресле-

дования парфяне полностью уничтожили 4 когорты римлян вместе с их легатом Варгунтеем, которые, оторвавшись от своих основных сил, не зная местности, сбились с дороги, за что и были покараны.

Блуждающие римские когорты были быстро обнаружены и настигнуты всадниками противника, пехотинцы заняли оборонительную позицию на одном из холмов и приняли бой.

В том бою римские легионеры проявили лучшие боевые качества, мужественно и храбро сражаясь в условиях, когда их поражение было предрешено преимуществом, которым обладали парфянские всадники, имея возможность дистанционного поражения своего противника.

Парфяне полностью уничтожили все 4 римские когорты, уцелеть удалось лишь 20 легионерам, которые, орудуя своими мечами, сумели прорваться за линию парфянского кордона, проложив своей смелостью и военной удачей дорогу к спасению.

Парфянские воины были немало изумлены храбростью и боевой выучкой группы легионеров, по достоинству оценив своего противника и продемонстрировав достойный пример великодушия и уважения к нему. Не преследуя выживших римлян, парфянские всадники позволили двадцатке храбрых спокойно уйти в город Карры.

Вот уж действительно верно изречение: *«Безумство храбрых – вот мудрость жизни! Безумству храбрых поем мы*

песню!».

Самому Марку Крассу вместе с Кассием удалось успешно вывести из-под удара около 7 тыс. человек и укрыться за стенами крепости Карры, это составляло чуть более 17 % от первоначальной численности его армии вторжения.

На следующий день Сурена обложил город, где укрылись уцелевшие римляне, своими силами и потребовал от жителей города выдать ему Красса и Кассия, закованными в кандалы. В сложившейся обстановке римские командиры приняли решение втайне от местного населения покинуть пределы крепости. В проводники Красс выбрал местного человека по имени Андромах, естественно, посвятив его в свои планы оставления города.

Учитывая опыт предыдущих противостояний и зная слабость парфян в действиях в темное время суток, Красс принял решение выдвинуться ночью, чтобы, исключая возможность первоначального преследования, выиграть для своих сил время и достичь той местности, в складках которой римляне бы получили преимущество перед конницей противника. Может быть, этот план побега римлян сработал бы, если бы не Андромах, помогающий парфянам.

Местный проводник известил парфян о намерениях римлян и, чтобы нивелировать преимущество ночного выхода римлян перед дневной активностью парфянской конницы, Андромах хитро повел римлян, намеренно блуждая по дорогам, в болотистую пересеченную местность.

Во время ночных плутаний в стане римлян произошел раскол, многие заподозрили злую намеренность действий Андромаха, однако Красс проявлял доверие к своему проводнику. В конце концов Кассий и Октавий решили отказаться от дальнейшего следования за хитрым проводником и увели свои отряды согласно своему замыслу.

Кассий сначала развернулся с 500 всадниками в обратном направлении и успешно вернулся в Карры, после чего не теряя времени увел свою группу в Сирию.

Еще около 5 тыс. римлян под руководством Октавия до рассвета были выведены надежными проводниками в гористую местность, называемую Синнаками, в которой римский пехотный строй сразу же получал преимущества перед кавалерией противника и, следовательно, оказывался в безопасности.

Хуже всего обстояли дела у группы самого Красса, который слепо следовал за не внушающим доверия проводником. Четыре римские когорты и небольшое количество всадников встретили день в той местности, куда их намеренно завел Андромах. Красс попытался исправить положение, выведя свои силы на дорогу, ведущую к Синнакам, чтобы там соединиться с группой Октавия, но в 12 стадиях от места встречи группа Красса была вынуждена занять оборонительную позицию на ближайшем холме, так как их нагнала конница парфян.

В свою очередь Октавий, видя бедственное положение

своего старшего командира, выдвинулся со своими силами на помощь Крассу. Октавий вовремя подоспел, сначала отбросив парфян от холма, а затем взяв своего начальника в плотное защитное кольцо.

Сурена, увидев намерения римлян стоять до последнего, а также достаточную усталость своих воинов, которым так же, как и римлянам требовалась передышка, решил прибегнуть к хитрости.

Кроме всего прочего, на принятие этого решения повлияла и близость римской позиции к горному району, куда римляне успешно вышли бы под покровом ночи, предварительно выстояв в дневном противостоянии. И здесь римлянам сопутствовала бы военная удача, потому как Сурена отчетливо видел, что его войско уже не обладает тем напором и желанием вступить в следующий бой. А выпустив Красса в горную местность, Сурена не смог бы достичь конечного успеха в своей кампании, так как в горах конница не имела бы того решающего преимущества перед пехотой, да и силы и средства парфян были уже достаточно истощены. Вот поэтому парфянский спяхбед решил использовать не прямые действия, отодвинув кинетику на второй план.

Сначала Сурена через отпущенных пленных удачно подсунил римлянам нужную информацию о том, что он не видит смысла в прямом противостоянии, а желал бы договориться с римским наместником в Сирии. Далее парфяне прекратили какую-либо боевую активность и отвели свои силы, после

чего Сурена в сопровождении своих начальников прибыл к холму и предложил Крассу обсудить условия перемирия.

Красс воспринял слова Сурены с достаточной степенью недоверия, но под сильным давлением своих воинов римский военачальник был вынужден вступить в прямые переговоры с парфянами. Надо сказать, что римляне проявили крайнюю невыдержанность и неосторожность, так как у них были все шансы, протянув время до исхода дня и под покровом ночи выйти в горы и сохранить свое лицо, проиграв эту кампанию, но не допустив полного поражения своих сил.

Марк Красс спускался с холма для переговоров со следующими словами:

«Октавий и Петроний, и вы все, сколько вас здесь есть, римские военачальники! Вы видите, что я вынужден идти, и сами хорошо понимаете, каков позор и насилие мне приходится терпеть. Но если вы спасетесь, скажите всем, что Красс погиб, обманутый врагами, а не преданный своими согражданами».

Красс хорошо понимал свою участь и своей последней речью великодушно избавлял своих командиров и воинов от того позора, который на них свалился бы за то, что именно их глупое давление на своего командира привело к его бесславной гибели.

Во время переговоров между Крассом и Суреной внезапно произошла потасовка между делегациями сторон конфликта, в которой и был убит Марк Лициний Красс, член

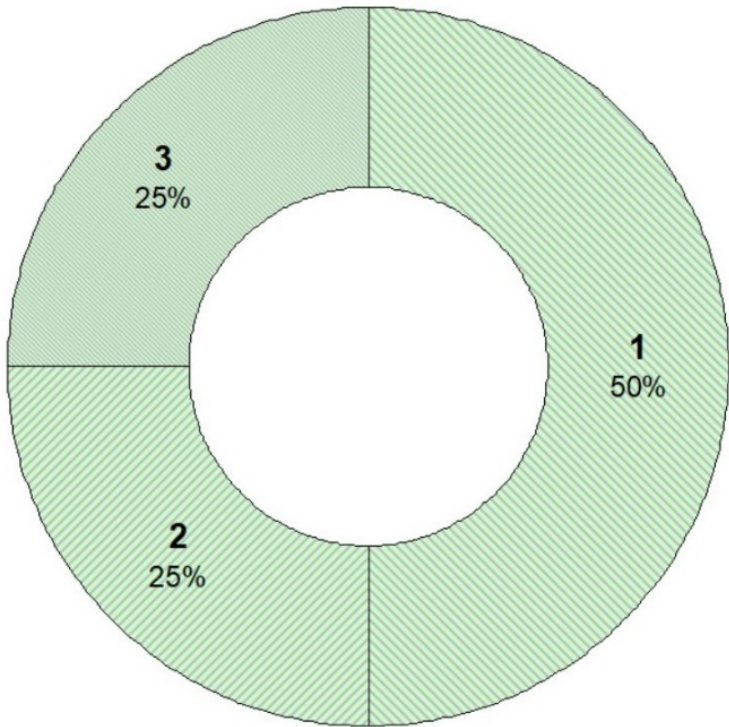
первого римского триумvirата и наместник Рима в Сирии.

После гибели Красса какой-то части оставшегося римского войска удалось избежать участи быть убитыми или взятыми в плен. В общей сложности в пределы Сирии удалось выйти в разное время чуть более 10 тыс. римских легионеров.

Таков был печальный итог военной кампании по вторжению римской армии в Месопотамию под руководством Марка Красса. В общем итоге потери римлян составили около 30 тыс. человек, из которых к безвозвратным относятся 20 тыс. и 10 тыс. считались пленными.

Парфянскому царю Ороду II в качестве военных трофеев достались также и предметы гордости римской армии – легионные штандарты.

Информационная графика. Результат битвы под Каррами для сорокатысячной римской армии по численному показателю.

1. 20 тыс. человек погибших в бою;
2. 10 тыс. человек попавших в плен;
3. 10 тыс. человек спасшихся.

Однако, несмотря на первичное сокрушительное военное поражение Рима в войне против Парфии, парфянским царям

так и не удалось закрепить свои позиции в военно-политическом отношении. Из-за внутренних противоречий и нестабильности парфянский царь собственноручно понизил боевую способность своей армии, лишив ее талантливого полководца, который с успехом опробовал на практике новую стратегию и тактику ведения вооруженной борьбы и одержал целый ряд военных побед.

После блестящей победы своего войска над римлянами в первой Римско-Парфянской войне царь Ород II, обеспокоенный славой и популярностью своего военачальника и, по всей видимости, памятуя о потенциале своего спяхбеда как личности, способной возвести на царский трон престолонаследника, приказал убить Сурена, что и было исполнено в 52 году до н. э.

После убийства знаменитого и популярного Сурена Михрана на службе у парфянских царей так и не нашлось ему достойной замены, чтобы поставить быструю точку в Римско-Парфянском конфликте, который затянулся более чем на две сотни лет и закончился падением Парфии уже в 220 году н. э.

В очередном военном конфликте, в котором Рим противостоял Парфянскому царству, так же как и в предыдущих крупных войнах, римляне одержали общую победу не благодаря своему превосходству над противником в чисто военном искусстве на поле боя, а благодаря государственному потенциалу и устойчивости центральной власти при успеш-

но проводимой подрывной деятельности в стане врага и его внутреннем разложении.

Итак, подытожим. В сражении при Каррах римская армия потерпела одно из самых сокрушительных военных поражений в своей истории, потеряв практически все свое войско вместе с военачальником, который на то время являлся участником Первого римского триумvirата. Но самым страшным и постыдным событием для Рима была потеря легионных аквил в виде орла, являвшихся сакральным знаком легионов древнеримской армии. Орел считался символом господства на поле боя и победы над врагом. В римской армии утрата аквилы в бою считалась постыдным для легионеров событием и приводила к бесчестию всего легиона, после чего тот подлежал расформированию, поэтому римские легионеры и командиры предпочитали умереть в бою, чем жить в бесчестии.

Для империи с достаточной степенью устойчивости государственной власти и внушительной ресурсной основой людские и материальные потери на одном из театров военных действий, в котором происходящие события были не связаны с другими стратегическими направлениями активности Римской империи, были ничто по сравнению с репутационными потерями, что были связаны с бесчестием целой римской армии.

Вот поэтому-то Риму во что бы то ни стало нужно было восстановить свою репутацию сверхдержавы через возвра-

щение своих воинских реликвий. А для этого у римлян было несколько вариантов: воспользоваться своим военным потенциалом или использовать дипломатическую активность. Но наиболее эффективная опция, с помощью которой данная проблема решалась в пользу Рима, находилась в области пересечения первых двух вариантов.

Долгие годы Рим прилагал усилия, чтобы вернуть утраченных в сражении при Каррах легионных орлов. Лишь в 20 году до н. э., благодаря дипломатическим усилиям и военному давлению Рима на Парфию, римский военачальник Тиберий, в последствии ставший вторым римским императором, известным как Тиберий Юлий Цезарь Август, вернет в Рим потерянные Марком Крассом легионные аквилы вместе с оставшимися в живых пленными римскими легионерами.

В первой Римско-Парфянской войне случилось историческое поражение римской военной школы, по результатам которого голова самого Марка Красса как адепта античной военной школы вместе с римскими знаменами и орлами достались парфянскому царю как трофеи.

В чем же секрет успеха парфян, силы которых значительно уступали противнику как по численному показателю, так и в военно-политическом авторитете на просторах Эллинистического Мира?

Противостояние Рима и Парфии 54–53 годов до н. э. явилось ярким примером комплексного использования иррегулярности на всех направлениях активности парфян в воен-

ной кампании по отражению экспансии Рима, в среде которой (иррегулярности) структура организации войска, его вооружение, методы и способы ведения боевых действий существовали в единой системе и работали для решения задач по достижению общей цели военной кампании.

Войско Сурены проявило новаторство военной мысли сразу на всех направлениях общей системы построения и применения армии, которые легли в основу новой формы применения военной силы. Выработанная парфянами новая форма ведения боевых действий, в свою очередь, легла в основу стратегии проведения военной кампании в целом, что и явилось залогом успешности асимметричного ответа парфян превосходящим силам римской военной машины.

Как известно, всадники кочевых племен были великолепными наездниками, они отличались большой степенью кавалерийской выучки и умением оперировать оружием на скаку от оседлых народов как в индивидуальном порядке, так и в составе групп.

Степные всадники очень хорошо ориентировались на местности, имели практику дальних групповых переходов, с выполнением всего спектра логистического обеспечения. Тот стиль охоты, выгона скота и его охраны вырабатывал у кочевников необходимые навыки воинов, которые и обеспечивали им превосходство над противником в маневренном бою, рейдовых операциях, в ведении глубокой и ближней разведки как географической местности, так и потенциала

своего противника – соседа.

В условиях бескрайних просторов степного ореола обитания пастухам, охотникам и воинам требовались высокие маневренные и скоростные качества, например, тот, кто раньше обнаружил, быстрее настиг или скрылся, смог поразить свою добычу с дальней дистанции, тот и победитель.

Для поражения своей добычи с дальнего расстояния скифу или сармату требовалось такое метательное оружие, которое бы обеспечивало достаточную убойную силу при стрельбе с дальних дистанций и в движении, то есть на скаку. И такой тип оружия появился у кочевников, сделанный на основе усовершенствования уже долгое время известного тогда человечеству простого лука и стрел к нему.

Казалось, сама природа приняла бурное участие в появлении у кочевых народов нового типа лука, концепция изготовления и применения которого на протяжении истории развития человечества не получала своего революционного изменения.

Новый лук был составного типа, более сложный в изготовлении, сделан из различных материалов, плотно соединенных друг с другом. Такая компоновка обеспечивало наибольшую эффективность, прочность, и живучесть новому сложному луку, перед его классически сделанным родителем. При равном с деревянным луком натяжении составной лук имел на 30 % большую энергию, а значит, и большую пробивную силу стрелы – стрелы композитного лука летели

дальше и били сильнее.

При новой технологии изготовления лука это метательное оружие получало свое главное достоинство перед прежней конструкцией: при меньшем габаритном размере лук был мощнее других аналогов.

Снижение габаритных характеристик комплексного лука при обретении больших убойных качеств выпущенной стрелы делало его более удобным в использовании не только в пешем строю, но, что особенно важно, и в движении, позволяя всадникам успешно и искусно применять лук на скаку, не слезая с лошади, или же с движущейся повозки.

Индивидуальное или коллективное использование такого лука обеспечивало всаднику-лучнику возможность производить маневр огнем выпущенных стрел с комфортного для себя расстояния. Быстрая смена позиции позволяла всадникам наносить огневое поражение противнику с новых и неожиданных направлений, что также обеспечивало относительно безопасный режим боевой работы для конного лучника, способного также вести огонь на поражение как при наступлении, так и при отступлении. А это коренным образом повлияло на стратегию и тактику применения силы.

Тактика так называемого скифского или парфянского выстрела, зародившаяся на основе индивидуальных качеств всадника-лучника, повлекла за собой появление прогрессивной стратегии и тактики коллективного использования войска нового типа.

Так на просторах Великой Степи зародилась новая концепция применения военной силы, в основе которой были скорость маневра, возросшая огневая мощь всадников-лучников, активная деятельность которых на поле боя обеспечивалась кинетической мощью строя катафрактариев, появившихся в Скифии во II–I веках до н. э.

По закономерным историческим процессам сначала при взаимопроникновении культур скифских и сарматских племен, совместно проживавших на степных просторах, произошло зарождение самобытного военного искусства, в основе которого лежали принципы применения кавалерии, как основной военной силы, а уже после от них данная военная концепция перекочевала к парфянам, где и получила свое дальнейшее развитие в противовес царившей в то время в границах цивилизованного мира античной военной школы.

Именно тот задел в искусстве применения военной силы, созданный кочевыми народами и наследственно перешедший к парфянам, позволил последним выработать новую комплексную стратегию и тактику действий кавалерии на поле боя, что в последствии и обеспечило превосходство парфян над римлянами в противостоянии 54–53 годов до н. э., несмотря на отрицательный баланс в соотношении номинальной военной мощи сторон конфликта в классическом ее понимании.

Как только в середине II века до н. э. парфянская военная школа стала на ресурсную основу империи Селевкидов, яв-

лявшейся эллинистической монархией, она получила мощный толчок в своем развитии, что и позволило одному из племен скифской группы сформировать целое Парфянское царство и значительно расширить ореол своего влияния на востоке, сумев подчинить себе практически всю территорию империи Селевкидов.

Новаторство парфян в создании нового войска состояло в том, что они смогли вывести скифо-сарматскую военную школу на более высокий уровень, заключив в системное взаимоподчинение принципы организации войска, его вооружения и ведения боевых действий.

Организация парфянского войска

У парфян произошла оптимизация структуры их войска, что и позволило им успешно применить новый тип войска со значительно меньшим количественным показателем, но с большим коэффициентом полезного действия: другими словами численность войска была меньше, а его эффективность – больше.

Парфянская кавалерия была поделена на два подрода: легкую и тяжелую, что придавало полководцу большую степень свободы в использовании конницы, большее число вариантов тактических приемов и схем боевого применения. В свою очередь подобные организационные изменения требовали от военачальника и его командиров наличия большего уровня профессиональной подготовки для всесторонней организации войска данного типа во время активной фазы его применения – с более высокими требованиями к временным и маневренным показателями, чем в войске, в основе которого была пехота.

Для организации обеспечения ударных подразделений в парфянской армии были созданы специальные мобильные подразделения, которые выполняли логистические функции как на марше, так и непосредственно в бою. Благодаря введению в схему боя такого рода вспомогательных подразделений, парфянские отряды конных лучников получали воз-

возможность вести непрерывное поражение своего противника
коллективными залпами с организацией огневого маневра.

Вооружение парфянского войска

Бойцы каждого из двух подродов парфянской кавалерии на основе разделения по тактическим функциям имели основное оружие боя.

У легкой кавалерии основным оружием являлся тугий сложносоставленный лук, имевший удобный габаритный типоразмер, который придавал выпущенной стреле большую дальность полета и большую пробивную силу, чем у простого деревянного лука, что и обеспечивало пробитие любого известного на то время защитного снаряжения противника.

Предназначение легких кавалеристов заключалось в дистанционном поражении живой силы противника с тем, чтобы максимально истощить и дезорганизовать войско противника перед решающим ударом тяжелой кавалерии.

В свою очередь латные всадники – катафрактары были вооружены длинными пиками и мечами, имевшими большую длину, чем обычный меч пехотинца того времени, и предназначенные для орудования в конном строю или индивидуально с седла. Латы такого всадника покрывали практически все его тело, имел свою защиту и конь всадника. Парфянские латы имели значительно большую степень персональной защиты всадника и боевого коня по сравнению с доспехами легкого всадника и даже пехотинца римской армии.

На вооружении мобильных отрядов обеспечения парфян состояли верблюды с корзинами, набитыми нескончаемым запасом стрел к лукам парфянских всадников. Таким образом для конных лучников обеспечивались условия гарантированного восполнения их боевого запаса прямо на поле боя с осуществлением своевременной пересменки огневых групп на линии открытия огня.

Благодаря образованию таких небоевых отрядов в парфянском войске гарантировалась непрерывность процесса обеспечения боевых подразделений, а вместе с этим и непрерывность огневого поражения живой силы противника в динамике сражения.

Стоит также отметить тот факт, что на вооружении парфянского войска находились специальные ударные инструменты, звуком которых парфяне психологически угнетали своего противника, вводя его в смятение через воздействие на органы слуха.

Практика применения военной силы парфянским войском

Явные различия в организации военной силы и вооружения между парфянской и римской армиями очевидным образом сформировали и кардинальные различия в принципах организации и ведения боевых действий.

Исходя из практики и теории применения военной силы, в Парфянском царстве и Римской империи ранее были сформированы соответствующие военные школы, adeпты которых придерживались общих ценностей системы, в рамках которой и существовали армии двух древних государств.

В битве при Каррах и в предшествующий ей подготовительный период молодая военная школа парфянской армии на практике доказала свое превосходство над римской, которая, в свою очередь, была построена на фундаменте военного искусства древних греков, устои которого (античного военного искусства) царили ни один век.

Парфяне, прежде всего, в своих активных действиях опирались на внезапность и скорость маневра, которые были обеспечены двумя под родами кавалерии. Молодой парфянский полководец успешно использовал тактические характеристики легких всадников-лучников и катафрактариев, найдя оптимальные схемы их применения в едином замысле ведения боевых действий в условиях благоприятной географии.

ческой среды для применения конницы.

При тактическом дроблении сил противника Сурена, благодаря большей мобильности своего войска, легко определял новую точку приложения силы, после чего основная часть его войска переключалась на уничтожение выбранной части войска противника, опережая его в действиях и постоянно удерживая общую инициативу боя в своих руках. Пехотное войско римлян совершенно не успевало за парфянской конницей даже в случаях, когда начальная инициатива в маневре находилась в их (римлян) руках.

На фоне безуспешных попыток Марка Красса разделять свое войско на тактические единицы для их действия в маневре, Сурена успешно применял тактику действий рассыпного строя, используя конные отряды как отдельные тактические единицы в рамках единого замысла боя, сумев обеспечить своему войску высокую степень организации взаимодействия на поле боя.

Такой характер действий и гибкий порядок боевого построения парфянской кавалерии в сражении под Каррами можно определить как тактический сетецентризм и, соответственно, именно эту временную точку в истории развития мирового военного искусства следует отнести к этапу зарождения принципов сетецентризма на тактическом уровне.

Наряду с прогрессивной кинетической активностью парфян параллельно шло применение некинетических мероприятий, проведение которых было направлено на пониже-

ние психологической устойчивости войска римлян и истощение его сил, что формировало благоприятную психологическую обстановку как перед активной фазой противостояния сил противников, так и при ее начале и непосредственно в бою.

Также к некинетической активности парфян следует отнести намеренную дезинформацию римлян и изменение направления и скорости вектора движения римского войска различными способами, чтобы завлечь его в нужный район географической местности и в нужное время.

Жесткая корреляция действий парфян в рамках кинетической и некинетической активности по месту и времени на внутреннем и внешнем радиусе театра военных действий обеспечивала их войску преимущества во всех плоскостях противостояния, что и формировало общую благоприятную обстановку для ведения боевых действий и военной кампании в целом на разных уровнях зоны конфликта.

Перед прямой встречей с римским войском Сурена в первую очередь стремился создать выгодную окружающую обстановку как в операционном районе, так и на поле боя. Парфяне умело завлекали своего противника именно в том направлении и в то место, которое, прежде всего, было выгодно им и где римляне существенно теряли в эффективности применения своих сил перед парфянами.

На начальном этапе вторжения армии Красса вглубь Месопотамии парфяне при помощи дезинформации, ложных

демонстрационных действий, скрывает свои истинные намерения и количественно-качественных показателей своего войска сначала внушили римскому полководцу чувство существенного превосходства своих сил перед противником, а затем втянули римскую армию именно в то место, где легионеры теряли свое преимущество перед парфянской конницей из-за географических и климатических особенностей района боевых действий.

Парфянский полководец использовал кинетику армии своего противника, преднамеренно поддаваясь на нужном направлении с тем, чтобы направить вектор движения римской пехоты по пути с большей агрессивной внешней средой.

Далее тактика притворного отступления была успешно применена парфянами уже на поле боя – тактическом уровне, когда во время сражения от своих главных сил была уведена тактическая группа под руководством Красса младшего, после чего крупный римский отряд и был уничтожен.

Благодаря своей не прямой активности, парфяне успешно решали задачи на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях в целях обеспечения своей прямой активности.

Сначала Сурина выводил своего противника в операционный район, где сила социального и природного сопротивления активности легионов была критической для римлян, а затем, предварительно поставив своего противника в заведомо неудобное и невыгодное для него положение на мест-

ности, парфянское войско успешно пользовало свое преимущество в вооружении и тактике применения силы на поле боя.

Таким манером парфянский полководец шаг за шагом сводил шансы римлян на положительный исход начатой ими кампании к нулю. Преднамеренно поддаваясь на нужных направлениях, молодой парфянский военачальник обратил большую силу начальной кинетики войска Красса против его же самого, превратив при помощи искусно созданной благоприятной обстановки в операционном районе и соответствующей ей тактики действий кавалерии силу римской армии в ее же слабость, что и позволило десятитысячному войску парфян полностью разбить сорокатысячную армию римлян.

Самобытный подход парфян к формированию армейского организма позволил им развить собственную теорию и практику применения силы на поле боя, что и определило выход парфянской военной школы за рамки античной школы военного искусства.

Парфянский полководец Сурена сумел придать выработанной кочевниками на просторах степи тактике ведения боевых действий новый импульс своего развития, что позволило ему сформировать свою армию на новых принципах.

Новые тактика и стратегия ведения вооруженной борьбы в совокупности с отличным от римского принципом построения армии позволили парфянскому войску успешно противостоять превосходящим силам противника, имевше-

го до этого исторического момента более богатый и успешный опыт ведения военных кампаний.

Успешно воплощая на практике все мероприятия стратегии своих действий, Сурена добился того, что войско Марка Красса было искусно выведено из зоны комфорта – собственной системы координат ведения боевых действий и втянуто в область парфянской системы вооруженного противостояния уже с агрессивной для римлян внешней средой. В рамках своей системы парфяне получили превосходство в применении кавалерии над пехотным строем римского войска при прямом и непрямом воздействии на своего противника.

Вследствие несистемного, с точки зрения античной военной классики, подхода к решению военных задач с использованием соответствующей кинетической и некинетической активности у парфян с середины III века до н. э. происходил природный процесс формирования собственной системы координат применения и организации военной силы.

Вместе со становлением Сурены Михрана как успешно парфянского спяхбеда произошла фиксация наивысшего уровня развития военной школы Парфянского царства, в основе которой существовала комплексная система применения боевой конницы как основной силы на поле боя, в пространство которой и была втянута римская армия в кампании 54–53 годов до н. э.

Очевидным является то, что парфяне, так же как и рим-

ляне в своих прошлых войнах, использовали как плоскость прямого воздействия на живую силу своего противника, так и плоскость или плоскости непрямого воздействия, а корреляция действий между этими плоскостями в рамках единого замысла боевых действий и достижения общего конечного результата военной кампании объединила эти плоскости в общую систему координат.

Система координат кочевой военной школы являлась иррегулярной для того времени, то есть по отношению к античной военной школе, но успешность действий парфянского войска гарантировала устойчивое поступательное развитие новой системы военных ценностей.

Поле действия, в котором кинетические мероприятия имеют приоритет перед некинетическими действиями, является плоскость, отражающая непосредственно боевую активность войск и являющаяся чисто военным измерением. Именно в рамках *военной плоскости* происходит противостояние стратегий и тактик действий противоборствующих сторон на поле боя, определяется превосходство их вооружения и принципов построения войска.

К военной плоскости принадлежат прямые и не прямые (кинетические – некинетические) действия военного характера с преобладанием первых в активной фазе противостояния. Для не прямой военной активности характерны фазы как предшествующие началу прямого противостояния, так и промежуточные фазы – так называемые фазы динамическо-

го равновесия.

Сферу деятельности, отображающую чистую некинетическую активность сторон конфликта, исходя из анализа действий как римлян, так и парфян, можно разделить на два основных сегмента, которые заключают в себе мероприятия непрямого воздействия на все стороны конфликта.

В своей классике в военном конфликте имеются две стороны конфликта, но так называемая война гладиаторов четко показала наличие еще одного, третьего игрока конфликта. В обычном состоянии третий игрок характеризуется как пассивная сторона конфликта, и имя этому игроку – народ или местное население. Но при наступлении определенных условий представители местного населения начинают играть слишком важную роль в конфликте двух противоборствующих сторон.

Именно факт наличия третьей стороны конфликта и определил необходимость наличия системной работы каждой из активно борющихся сторон конфликта, направленной на привлечение местного населения на свою сторону, или как минимум постараться сделать его нейтральным по отношению к себе.

Естественно, что наличие системной работы подразумевает образование и некоего «поля боя», в рамках которого будет происходить противостояние за то, чтобы расположить местное население к себе, которое полностью или какая-то его (населения) часть начнет оказывать поддержку в актив-

ном или пассивном виде.

Так к военной плоскости при формировании общей системы военного конфликта, протекающего по правилам определенной формы, добавилась *политико-социальная плоскость*, что, естественно, выводило военный конфликт в ранг военного искусства с более сложной конфигурацией кинетических и некинетических действий в рамках формирующегося многоплоскостного противостояния.

Кстати, тот факт, что на момент окончания активной фазы противостояния Рима и Парфии в 53 году до н. э. парфянский царь вместе с монархом Великой Армении уже заключили новый союз, свидетельствует в пользу того, что парфяне проявляли достаточную гибкость в своей политике по отношению к своим непрямым врагам – союзникам римлян в регионе, предпочитая превращать их в своих союзников.

На основании еще одной практики действий вооруженного противостояния Рима и Парфии в 53 году до н. э. формировалась третья плоскость активности противоборствующих сторон. Основным объектом таргетинга в данной плоскости была духовная составляющая как войска противника, так и собственных сил, разделяющаяся на индивидуальную и коллективную ее части.

В соответствии с физическим смыслом третьей плоскости противостояния происходит и ее название – *психолого-идеологическая плоскость*.

Наполнение данной плоскости в рамках Римско-парфян-

ского противостояния происходило в первую очередь за счет некинетической активности парфянского войска, которое было наиболее активно и успешно по отношению к римской стороне на этой стезе.

Уже тогда парфяне при помощи непрямых действий активно воздействовали на своего противника как в индивидуальном порядке в лице командующего римской армией Марка Красса, так и на войско в целом, то есть коллективную составляющую морально-психологического таргетинга. И если полководцу Крассу парфяне внушали чувство собственного превосходства, что побуждало его принимать решения, не соответствующие объективности, то в коллективном порядке парфяне всячески понижали уровень морально-психологической устойчивости римских легионеров.

Итак, добавление третьей плоскости противостояния завершило процесс формирования единой системы одной из форм вооруженной борьбы.

Практика ведения военной кампании в военной плоскости, политико-социальной плоскости и психолого-идеологическом измерении становилась сложной и требовала активности на разных направлениях с жесткой корреляцией действий по месту и времени, чтобы в конце прийти к единому результату.

В такой системе на различных этапах или фазах военного конфликта происходят события с различной приоритетностью активности кинетического или некинетического по-

рядка.

Реальность работы в рамках трехплоскостной системы координат вооруженного противостояния требовала от полководца и его соратников-командиров выхода из реальности общепринятой классики военного искусства в решении военных задач. А для этого требовался новый тип военачальника и командира, умевшего нестандартно мыслить и комплексно подходить к решению профильных задач, не рассматривая путь к победе только лишь с чисто военной точки зрения.

Именно таким военачальником и оказался Сурена Михран, имевший выдающиеся полководческие способности, которые обеспечивали ему военные победы над значительно превосходящими силами противника, не доводя при этом свое войско до критического уровня морального, физического и ресурсного истощения.

Кстати, тот факт, что убийство спяхбеда Сурены после его блестящих военных успехов 54–53 годов до н. э. по приказу парфянского царя сразу же привело к упадку теории и практики прогрессивно развивавшейся парфянской военной школы, выделяет еще одну немаловажную область в исследовании *иррегулярной и гибридной форм вооруженной борьбы*.

После того как парфянское войско лишилось своего победоносного военачальника, как и в истории восстания под руководством Спартака, начались необратимые процессы, при-

ведшие к общей деградации парфянской военной школы, вследствие чего парфяне уже не имели успеха в дальнейшем противостоянии с Римом.

Значительная уязвимость коллективной боевой единицы, организованной и действующей по законам иррегулярной военной школы, от профессионализма и морально-волевых качеств своего военного лидера четко указывает на необходимость исследования *роли и места военного лидера в системе координат иррегулярной – гибридной форм ведения вооруженной борьбы.*

За свой недолгий, но крайне успешный период боевой активности парфянское войско под руководством Сурены стало обретать первые признаки системности по части применения военной силы, в которой приоритетным был иррегулярный подход к организации войска и ведения им боевых действий. Но этого было мало для полного становления новой военной школы, входившей в фазу конфронтации с устоявшейся военной классикой, форма, методы и способы ведения боевых действий которой стояли на вооружении армий большинства стран Древнего Мира, главным апологетом которой была Римская империя.

Чтобы новая военная мысль заняла свое законное место в истории развития военного искусства, должна была произойти преемственность во времени по части развития теории и практики новой концепции применения силы и целый ряд последовательных побед на полях сражений, с помощью

которых была бы деклассирована старая военная школа.

За тот небольшой период, в рамках которого Сурена проявил свой полководческий гений, появились первые признаки системности применения силы в неконвенциональной манере в вооруженном противостоянии с конвенциональностью римских легионов, в основе которой лежала отличная от античной степная концепция организации и построения войска.

Для каждого исторического действия Сурена предлагал своему противнику новую стратегию действий с соответствующим ей набором методов и способов ведения боевых действий.

В кампании 54 года до н. э. за престолонаследие в Парфянском царстве, в которой полководец возглавил войско Орода II, в наступательной манере победил сначала в битве за Селевкию, а потом принудил Вавилон к капитуляции.

В последующей кампании 54–53 годов до н. э. по отражению агрессии Рима парфянский спяхбед в условиях асимметрии успешно применил тактику активной и гибкой обороны с последующим переходом к контр наступательным действиям как на тактическом, так и на оперативном уровнях противостояния.

Появляющаяся первичная системность построения и применения военной силы парфян еще не ограничивалась собственными (внутренними) сдерживающими факторами развития военной мысли в виде незыблемых сводов правил, по-

тому как новая концепция применения силы находилась вне рамок тогдашней канонической военной школы и вступила в активную фазу противостояния с доминирующей тогда римской военной машиной.

Именно большая степень свободы в теории и практике организации и применения силы способствовали импровизации при нащупывании лучшей стратегии и тактики действий при построении собственной системы координат и игры на своем поле.

В практике боевого применения парфянская концепция ведения вооруженной борьбы оказалась на порядок выше античной школы по своей эффективности даже в условиях значительного превосходства римлян в силах и средствах. Дальнейшему поступательному развитию новой формы вооруженной борьбы помешало лишь убийство Сурены Михрана, который, по всей видимости, являлся единственным сведущим военачальником среди парфянской военной элиты. Это и задержало эволюцию развития новой концепции применения силы в исторической перспективе, в основе которой лежали прогрессивные на то время скорость маневра и огневая мощь кинетических мероприятий в корреляции с действиями некинетической направленности.

После сражения при Каррах противостояние Рима и Парфии происходило с переменным успехом, но такой блестящей победы, которую одержал Сурена над римским войском в 53 году до н. э., ни один военачальник ни одной из сторон

конфликта больше не одерживал.

Выяснение отношений между двумя империями закончилось в 20-е годы III века уже нашей эры с распадом Парфянского царства.

В большей степени Парфия перестала существовать как государство не в результате прямой внешней агрессии, а вследствие внутригосударственного политического кризиса. К этому времени Парфия была уже сильно истощена внешними конфликтами и, в первую очередь, внутренней междоусобицей. Несмотря на то, что в период 216–226 годов н. э. парфяне полностью выдавили Рим из Армении и Месопотамии, в пределах самой Парфии на фоне нескончаемых династических распрей шел параллельный процесс внутреннего распада государства.

Таким образом, ценой, которую заплатил последний парфянский царь за победу над Римом, было полное внутреннее истощение Парфии и огромные военные потери.

В период активного противостояния парфян и римлян на внешнем радиусе Парфянского царства под гнетом сопутствующих войне возросших материальных и человеческих потерь стала методично разъедать коррозия внутри собственного государства, которая была связана с усиливающимися внутренними разногласиями.

Под воздействием центробежных сил парфянам не удалось удержать под контролем население шести своих провинций (Маргианы, Сакастана, Гиркании, Элимаиды, Парса,

Харакены) и города Хатра, которые обрели практически полную независимость. Более того, в Парсе развилось мощное антипарфянское повстанческое движение под руководством Ардашира из династии Сасанидов, войско которого в апреле 227 года в битве при Хормиздагане разбило силы последнего парфянского царя Артабана V.

Очевидно, что Парфия по сравнению с Римом не обладала достаточной степенью устойчивости законодательной и исполнительной власти, для которой была бы характерна преемственность в процессе передачи властных полномочий и проведении внутренней и внешней политики в ходе исторических событий. Внутренние проблемы Парфии в первой половине III века н. э. не позволили ей воспользоваться плодами военной победы над Римом на Ближневосточном театре военных действий и, что более обидно для самих парфян, пережить Римскую империю.

Очевидно, что Рим обладал более устойчивой политической системой с большей эффективностью в использовании человеческих и материальных ресурсов при воплощении мероприятий внешней и внутренней политики, хотя и не всегда римская военная школа имела превосходство над своим противником, как это было во времена Пунических войн, восстания Спартака – войны гладиаторов, Римско-Парфянских войн. Это и позволяло Риму долгий исторический период оставаться на плаву, несмотря на крупные военные поражения, которые получала римская армия во всех серьез-

ных военных кампаниях. Следовательно, любая окончательная военная победа и последующий успех в период закрепления результата военных побед напрямую зависят от состояния внутривосточной системы – политической и экономической стабильности в собственном государстве в tandem с правильно выбранной стратегией действий конкретной военной кампании.

Противостояние Красса и Сулены определяется как локальный конфликт, ограниченный в географическом пространстве, во времени и в ресурсных силах. Первый конфликт Рима с Парфией, который произошел в период с весны 54 по лето 53 года до н. э. можно охарактеризовать как военный конфликт низкой интенсивности. Пиковые значения боевой активности противоборствующих сторон отмечены всего на трех участках общей временной оси протяженности первой Римско-Парфянской войны.

Первые кинетические всплески являлись некими качествами последовательных действий противников в период их подготовки к активной фазе противостояния и были связаны с иницирующей (начальной) активностью римского войска весной–летом 54 года до н. э. по формированию передового плацдарма непосредственно в районе будущего театра боевых действий, а затем с ответными действиями парфян зимой 54–53 годов до н. э., которые приняли незамедлительные контрмеры по разрушению передовой базовой линии, сформированной римлянами.

Следующий мощный всплеск боевой активности был уже обоюдным с максимальной концентрацией сил и средств и произошел в начале июня (9 мая в современном летоисчислении) 53 года до н. э. в конкретном районе боевых действий и с крайне коротким периодом существования.

Именно третий всплеск и явился определяющим для выявления военного победителя через одномоментный полный разгром сил стороны конфликта с более мощным ресурсным потенциалом. И это могло случиться в том числе и благодаря предшествующей кинетической и некинетической активности противоборствующих сторон в рамках более продолжительного периода по формированию благоприятных для себя и неблагоприятных для противника условий на внешнем и внутреннем радиусах района боевых действий/операционной зоны, в планировании и проведении которых более искусной была сторона с меньшим ресурсом как человеческих сил, так и материальных средств.

Именно в момент наивысшего боевого напряжения сил и средств армий Красса и Сурены, то есть на поле боя, стала доминировать кинетическая активность войск в рамках военной плоскости по отношению к активности в других двух плоскостях общей системы координат. Определяющим фактором для военной победы являлась разность военных потенциалов римлян и парфян и их соответствие тем условиям, в которых происходило открытое противостояние двух армий.

Конечно же, рядом с этим фактором находится неподдающаяся никакому просчету военная удача, хотя большая ее (удачи) часть зависит именно от эффективности проведенных предварительных мероприятий по созданию благоприятных для своих сил стратегических, оперативных и тактических условий.

Так что здесь напрямую чувствуется справедливость одной из мудростей самураев, записанной в собрании комментариев по практическому и духовному руководству японского воина, известного под названием Хагакурэ – «Сокрытое в листе», написанного в начале XVIII века самураем Ямамото Цунэтомо (Дзете Дзинъэмон Ямамото), которая гласит:

«Потом – это сейчас».

С целью проведения сравнительного анализа разности военных потенциалов римского и парфянского войска с последующим определением степени превосходства одной стороны конфликта над другой необходимо сначала оценить военный потенциал каждой из сторон в рамках единого временного отрезка и по единой выборке показателей.

Оптимизированный набор общих показателей оценки военного потенциала будет иметь следующий вид:

- показатель военно-технического уровня;
- показатель уровня пассионарности – силы боевого духа;
- показатель уровня военной подготовки.

Показатели эти комплексные и включают в себе несколько составляющих, на основе которых выводятся интегриро-

ванные оценки каждого из трех уровней, с разной степенью своего влияния участвующих в процессе формирования общей оценки военного потенциала войска.

Первый показатель отображает уровень оснащённости армии индивидуальными и коллективными средствами защиты, поражения и обеспечения и их соответствие выбранной концепции ведения вооруженной борьбы.

Далее идет показатель, отвечающий за оценку мотивационной составляющей командного состава и воинов с учетом предыдущей и текущей динамики событий.

Показатель состояния военной подготовки включает в себе оценку военной мысли и военной выучки, которые находятся в тесной корреляции и в соответствии друг с другом.

Таким образом, вырисовалась определенная приоритетная область анализа военного потенциала, а для наглядности и оптимизации сравнительного процесса диагностику состояния двух армий следует провести в рамках единой системной таблицы, в которой распределение характеристик будет указано согласно линиям выбранных показателей.

Таблица оценки и сравнения военных потенциалов парфянского и римского войск на момент их прямого противостояния в битве при Каррах в 53 году до н. э.

Показатели

Римское войско под командованием М. Красса

Парфянское войско под командованием Сурена

1. Военно-технический уровень.

Соответствие вооружения и снаряжения своей военной школе по количественно-качественному показателю. Вооружение уступает противнику в условиях дистанционного боя.

Соответствие вооружения и снаряжения своей военной школе по количественно-качественному показателю. Преимущество в вооружении для дистанционного поражения противника.

2. Уровень пассионарности (сила боевого духа).

На момент битвы у римских военачальников и воинов отмечалась отрицательная динамика изменения уровня силы боевого духа.

На момент битвы парфянские военачальники и воины имели высокую мотивационную составляющую с положительной динамикой изменения уровня силы боевого духа.

3. Уровень военной подготовки.

Несоответствие теории и практики в организации и применении силы при проведении военной кампании в целом и ведении боевых действий субъектам и объектам пространственной системы зоны конфликта.

Соответствие теории и практики в организации и применении силы при проведении военной кампании в целом и ведении боевых действий субъектам и объектам простран-

ственной системы зоны конфликта.

Общий итог:

Что можно отметить по первой позиции? Сразу бросается в глаза, что в армиях каждой из сторон конфликта снаряжение (амуниция) и вооружение заточены под ту организацию боевого порядка и характер ведения боевых действий, которые были приняты в римском и парфянском войсках согласно присущей им концепции ведения вооруженной борьбы. Соответственно, в римской армии амуниция, коллективное и индивидуальное вооружение отвечали требованиям концепции использования пехотного строя как основной силы на поле боя, на которую (силу) возлагалась ответственность за нанесение решающего удара. Согласно же парфянской концепции ведения военной кампании и применения силы на поле боя развитие образцов и видов средств защиты, обеспечения и поражения было направлено на придание созданным под родам кавалерии максимальной эффективности как на поле боя, так и в рейдах (переходах) с высокой степенью маневра боевыми единицами и огнем.

На вооружении у парфянских воинов-всадников появилось оружие с высокими характеристиками, которое обеспечивало им высокую степень надежности, удобство применения, скорострельность и достаточную убойную силу при работе с более дальних дистанций, чем рабочие дистанции

классических луков того времени. Но эффективность данного вида оружия напрямую зависела от стратегии и тактики, применяемой войском, в рамках которых смогли бы раскрыться превосходные тактико-технические характеристики нового типа лука.

По результатам боевой активности Рима и Парфии в истории их экспансии в границах Древнего Мира видно, что боевые машины каждой из империй были лучшими в противостояниях со своими противниками, но каждая в своем сегменте.

Римская концепция организации и применения армии была лучшей в системе координат античной школы ведения вооруженной борьбы. В свою очередь парфянское войско являлось военной силой нового типа и доказывало свою состоятельность как в противостоянии с кочевыми народами, так и при столкновениях с силами государства Селевкидов, которое являлось адептом эллинистического военного искусства, доставшегося им с развалом империи Александра Македонского.

И вот наступил неминуемый момент, когда интересы двух супердержав того времени пересеклись и вылились в прямое противостояние, в котором сошлись две различные концепции как построения армии, так и ее использования в бою. Следовательно, определяющими факторами в процессе выявления превосходства военного потенциала любой из сторон данного военного конфликта будут две следующие по-

зиции в таблице.

В 54 году на момент начала первой Римско-Парфянской войны и в парфянском стане, и в стане римской армии был высок уровень силы боевого духа на всех уровнях военной иерархии.

Главнокомандующий римской армией М. Красс был одним из трех первых в Риме как член Первого римского триумvirата. Он имел достаточный авторитет военно-политического лидера Рима, у которого в багаже жизненного опыта имелась успешная военная деятельность во время гражданской войны в Древнем Риме 83–82 годов до н. э. на стороне Суллы и победа над самим Спартаксом во время войны гладиаторов. В результате римские легионеры чувствовали за собой незримую силу великих военных свершений прошлых поколений, что придавало им дополнительные силы и мотивацию к следующим великим свершениям во имя славы Рима.

В свою очередь военный лидер парфян на момент начала активных действий армии М. Красса в Месопотамии также находился на пике своей военной славы. В 54 году до н. э., возглавив силы Орода II, парфянский спяхбед Сурена одержал ряд блестящих военных побед над силами Митридата III во внутренней войне за престолонаследие, благодаря чему Ород II восстановил свои права на трон Парфянского царства. Парфянские воины в составе войска нового типа не имели себе равных в своем ореоле обитания – от Месо-

потами до Древней Индии, покорив целый ряд эллинистических государств, образовавшихся после распада империи Александра Великого.

Таким образом, новое парфянское войско было морально и физически готово к встрече со своим главным военно-политическим противником в полосе соприкосновения двух империй в борьбе за доминирование в регионе.

Но с началом прямого противостояния между Римом и Парфией в 54 году ситуация, связанная с боевым духом в военном стане противников, стала развиваться в противоположных направлениях. Разность морально-психологического потенциала войск напрямую зависела от успешности выбранных тактики и стратегии действий.

Парфяне заметно стали переигрывать М. Красса уже с самого начала, в результате чего римское войско начало быстро терять уровень боевой устойчивости как в подготовительный период, так на этапе начала активных боевых действий 53 года до н. э.

В свою очередь парфянское войско, благодаря военному гению своего полководца, чувствовало себя достаточно уверенно как в кинетических, так и в некинетических акциях и как минимум сохраняло стабильный уровень морально-психологического состояния командиров и рядовых бойцов.

Таким образом, на протяжении первой Римско-Парфянской войны сохранялось положение стабильного дисбаланса относительно морально-психологического состояния войск

– уровня мотивировки, в котором положительный баланс коллективного уровня «воли к победе» принадлежал парфянам.

Однако на стороне Рима были военный профессионализм и генетическая память победителей младших командиров и рядовых легионеров – чего стоит только пример военной стойкости и боевой выучки «двадцати храбрых», благодаря чему малым частям римского войска удалось выйти в пределы Сирии после разгрома своей армии под Каррами.

Настало время оценить главный фактор в определении военного потенциала, от состояния которого напрямую зависела динамика изменения морально-психологической составляющей в индивидуальном порядке и на коллективном уровне, а также эффективность применения индивидуальных и коллективных образцов снаряжения и вооружения.

Без прогрессивной теории военной школы, подтвержденной полнотой и качеством практического исполнения мероприятий выбранной концепции применения силы, невозможно одержать как чисто военную победу, так и обеспечить достижение конечных военно-политических целей всей военной кампании.

Итак, в 54 году до н. э. в районе Северной Месопотамии, где пересеклись интересы Древнего Рима и Парфянского царства, пробили час скрестить мечи силам двух мировых гегемонов – двум различным военным системам.

К этому времени Рим уже имел богатый исторический

опыт в покорении стран и территорий, сформированную развитую военную организацию и концепцию применения силы, не имевшие себе равных в условиях общепринятой в границах тогдашнего цивилизованного мира системы координат ведения вооруженной борьбы.

В свою очередь молодое Парфянское царство опиралось на собственный опыт организации и применения силы, отличный от античной военной мысли, но с достаточной степенью пассионарности, начав свой путь к установлению своей власти и завоеванию жизненного пространства в первой половине III века до н. э.

Парфянская военная сила сумела покорить все государства эллинистического мира в своем регионе через практическое деклассирование армий, исповедовавших школу военного искусства, доставшуюся им в наследство от империи Александра Македонского, и достигла пика своего могущества к началу I века до н. э.

Одержав военные победы над странами от Месопотамии до границ Индии, парфянские воины на деле доказали превосходство собственной концепции построения войска и ведения вооруженной борьбы, основанной на кочевой военной культуре. Но это были не самые сильные и продвинутые представители античной военной школы, первенство же в этом сегменте по праву завоевала Римская военная школа, сумевшая эволюционировать рожденную греками концепцию организации и применения военной силы и вывести

теорию и практику ее применения на Олимп военного искусства тогдашнего мира.

Таким образом первая Римско-Парфянская война явилась ареной, на которой в смертельной схватке сошлись две военные силы, сумевшие до этого времени на деле доказать эффективность собственных форм и методов ведения борьбы за лидерство, каждая в своем ореоле обитания, для того чтобы уже в очном противостоянии выявить безоговорочно-го военного победителя.

Тем самым в противостоянии Рима и Парфии должно было произойти или закрепление позиций римской концепции ведения вооруженной борьбы, или же появление новой концепции построения и применения силы, рожденной на просторах Великой Степи, способной потеснить на Олимпе военной культуры античную регулярность.

Другими словами, общепринятому и устоявшемуся военному классицизму, апологетом которого являлся Древний Рим, был брошен решающий вызов военной иррегулярностью, рожденной в степной зоне и доведенной до максимума эффективности на обширных просторах образовавшегося Парфянского царства.

Перед началом активной фазы войны стороны конфликта имели равные возможности в проведении необходимых для них подготовительных мероприятий в районах выбранного ими общего театра боевых действий, но парфяне и римляне по-разному воспользовались первой фазой конфликта, про-

ведя данные мероприятия с разной степенью эффективности и результативности.

В общей сложности предварительная фаза первой Римско-Парфянской войны осталась за парфянами. Парфянам удалось самое главное – искусно направить вектор вторжения римлян в нужном парфянам направлении.

Парфянский царь Ород II и его военачальники исключили для римлян северо-восточное направление действий в границах тогдашней Армении для осуществления выгодного вторжения вглубь Месопотамии вдоль русла реки Евфрат, которая могла стать для римских сил главной снабженческой магистралью. К тому же данное направление действий было крайне выгодным для римлян как апологетов античной концепции военного искусства с точки зрения эффективности применения римских легионов в благоприятных для них внешних условиях как во время передвижения, так и в момент прямого боевого столкновения.

Территория Древней Армении характеризовалась как гористая и сильно пересеченная местность, которая являлась крайне враждебной внешней средой для парфянской конницы и крайне выгодной для действий римских легионов.

В таких географических и климатических условиях преимущество парфянского оружия и конницы было бы нивелировано благоприятной внешней средой по отношению к римской армии, в которой главную силу представляла легионная пехота. К тому же армянский царь Артавазд II на

тот момент был готов предоставить всестороннюю поддержку римской армии на территории своих земель.

На армянском направлении действий Марк Красс с позиции высокомерия лишил свои силы дополнительной после Сирии опорной базы с открывающегося с ее пределов крайне выгодного и безопасного направления выхода вглубь желанной для римлян территории Месопотамии вдоль линии водной артерии.

А далее парфянские силы успели выдавить римские гарнизоны с передовых позиций и разрушить сформированную римлянами базовую опорную линию Карры – Ихны – Никефорий, с пределов которой М. Красс намеревался начать экспансию своих сил вглубь Месопотамии на неплохих для себя условиях, имея у себя за спиной в границах доступности зону безопасности и логистического обеспечения для своих сил.

Таким образом парфяне сумели лишиться своего противника всех его преимуществ как в области применения силы, так и в области формирования благоприятной среды будущего театра боевых действий еще до начала активной фазы войны.

Парфяне одержали победу над силами Рима в стратегическом плане, не позволив римскому полководцу М. Крассу вести военную кампанию с позиций заранее спланированной стратегии действий.

Был момент, когда для Марка Красса настало самое время взять оперативную паузу, проявить гибкость в принятии ре-

шения, заново произвести оценку ситуации и спланировать новую стратегию действий военной кампании. Но римский полководец после провала на стратегическом уровне упорно продолжил совершать чреду критических ошибок, заводя свои силы в оперативно-тактическую смертельную ловушку.

Итак, подведя промежуточные итоги первой Римско-Парфянской войны, следует отметить, что на стратегическом уровне парфяне уверенно переиграли Марка Красса, вынудив его действовать в русле своей стратегии действий.

Успешно, без преодоления какого-либо сопротивления римская армия вошла в оперативный район, где М. Красс намеревался сразиться с парфянским войском под командованием Сурены. Но и на этом уровне римский полководец позволил себя втянуть в агрессивную внешнюю среду, производя вторжение в пределы Месопотамии не по комфортному направлению вдоль русла Евфрата, а углубляясь далее в пустынную местность, преследуя мнимо отступающее парфянское войско.

Выйдя на левый берег Евфрата, Марк Красс повел свою армию в юго-восточном направлении вдоль русла реки. Для парфян наступал решающий момент, в котором им для дальнейших успешных действий против значительно превосходящих сил противника во что бы то ни стало нужно было отвести римлян от береговой линии Евфрата.

Параллельно начатому движению всей армии римский полководец выслал разведывательные отряды в восточном

направлении для выявления сил своего противника и оценки характера его действий. В ответ Сурена, не допуская визуального контакта своих главных сил с передовыми отрядами римлян, предпринял мнимое отступление вглубь пустынной местности, оставляя римским разведчикам лишь свои следы и направление отступления.

Полученные сведения разведчиков об отступлении парфян обрадовали М. Красса, вдобавок к этому дезинформация и лесть местного правителя Эдессы вообще воодушевили римского военачальника и спровоцировали его, купившись на уловку Сурены, направить свои силы за «отступающими» вглубь пустыни парфянами.

Так демонстрационные действия и дезинформация помогли спихбеду Сурене изменить замысел действий Марка Красса и направить вектор движения сил противника в необходимом парфянам направлении. При этом Сурена ничем не выдал своему противнику ни количественно-качественных показателей своего войска, не своих реальных намерений, избегая на этом этапе любого визуального и тем более прямого контакта с римлянами.

Напротив, он продолжил играть злую шутку с М. Крассом, используя психологический фактор, оказывавший решающее воздействие на процесс принятия решения римским военачальником. Марк Красс по-прежнему чувствовал собственное превосходство над своим противником, позволяя себе опрометчиво пренебрегать правилами безопасного

передвижения войска, организации тылового обеспечения и выбора места сражения. В общем, режим самосохранения у римского главнокомандующего не был включен.

По факту вторжения оперативная инициатива должна была принадлежать римлянам, но уходя по следам противника вглубь территории с сильной агрессивной средой для римской пехоты, Красс шаг за шагом собственноручно передавал инициативу в руки своему противнику.

Согласно боевой психологии стороны нападения, римляне как инициаторы активных действий сами должны были навязывать свою волю противнику, который в ответных действиях на начальном этапе активной фазы военного конфликта должен был пытаться преградить путь армии вторжения. Естественно, исходя из логического хода событий, парфяне должны были встретиться с войском римлян где-то на пути их движения, то есть право выбора удобного места сражения должно было принадлежать стороне конфликта, играющей «белыми фигурами».

Но вместо этого, увлекшись псевдопогоней, высокомерный Марк Красс уводил свою армию все дальше вглубь направления, предлагаемого ему Суреной, и постепенно передал оперативную инициативу в руки своему визави.

Как результат, Красс не смог достичь промежуточной цели кампании еще и на оперативном уровне и выводил свое войско в прямое противостояние на тактическом уровне так же, как и перед этим, с невыгодных для него позиций про-

должая действовать в рамках замысла действий своего противника.

Первый визуальный контакт между силами римлян и парфян произошел лишь тогда, когда М. Красс довольно далеко завел свою армию вглубь пустынной местности и подальше от района логистического обеспечения. Инициатором этого действия был не римский полководец, а Сурена, который таким образом начал активные действия по перехвату оперативной инициативы.

Первыми непрямыми действиями в момент прямого контакта парфяне оказали ошеломляющее моральное воздействие на истощенных легионеров Красса, посеяв сильное смятение в рядах римской армии перед началом решающего сражения.

Так была начата «игра» между М. Крассом и Суреной на тактическом уровне противостояния двух сил, в которой римляне играли вторым номером несмотря на то, что являлись стороной вторжения.

После психологической обработки противника парфяне сразу перешли к прямой активности и произвели попытку сходу атаковать оборонительное каре римлян при помощи строя катафрактариев.

Потерпев первичную логическую неудачу, парфяне, не теряя темпа действий, перешли к другой тактике, успешное воплощение которой свидетельствовало в пользу того, что такой ход событий был явно просчитан парфянским полковод-

цем и что парфянское войско было хорошо подготовлено к быстрому переходу от одной тактики действий к другой.

Не сумев пробить глубоко эшелонированное римское каре атакой тяжелой кавалерии, парфяне осуществили ретировку, параллельно охватывая войско противника по периметру. В результате парфяне очень быстро произвели кордонирование сил противника, заблокировав его дальнейшее продвижение. Как только римляне были лишены свободы маневра, оказавшись в положении статического объекта, парфянским полководцем в дело были введены отряды легковооруженных конных лучников, которые стали непрерывно засыпать римлян тучами стрел.

В этот момент и проявилось преимущество парфянского оружия над римскими образцами. Сила парфянских луков была такова, что позволяла лучникам дистанционно поражать своего противника, не входя при этом в зону поражения оружием римлян, а пробивная сила парфянских стрел гарантированно пробивала все виды индивидуальной защиты римского legionera, нанося большой урон живой силе.

Все попытки римлян контратаковать вылазками легкой пехоты находили быстрый отклик и немедленно парировались парфянами ввиду большой мобильности кавалерийских отрядов и возможности быстрого маневра легких всадников поражать непрерывно выпускаемыми стрелами из луков.

Одновременно с превосходством парфянского вооружения наглядно было продемонстрировано преимущество пар-

фян в организации сражения и тактики применения силы на поле боя.

В динамике развития сражения Марк Красс все надеялся, что у парфянской конницы иссякнет запас стрел и он пустит в ход свой козырь в лице тяжелых легионеров, чтобы навязать парфянам прямой бой на выгодных им (римлянам) условиях. Но парфянские стрелы все никак не заканчивались, и прямой бой Сурена не принимал, продолжая использовать гибкие действия отрядов конных лучников, работающих на недоступной для римских средств поражения дистанции.

Непрерывность огневого поражения противника была обеспечена высокой степенью организации парфянами тактической логистики. Превосходство в этой компоненте добавило дополнительный вес на чаше весов в пользу победы парфянской военной школы над римской. Римляне ничего не могли противопоставить парфянским выстрелам из луков ни по части своих средств поражения противника, ни по части индивидуальных и коллективных средств защиты, ни по части контрдействий на тактическом уровне.

Как видно, Сурена в первой фазе сражения блокировал движение и взял войско Красса в тактическое окружение. В следующей боевой фазе, используя тактику «кочующих батарей» – мобильных отрядов конных лучников, парфянский спяхбед начал методично выводить из строя живую силу противника с параллельным удерживанием римского каре в статическом состоянии, организовав таким образом «огне-

вой мешок» своему визави.

После череды неудачных попыток проведения мелких вылазок за пределы своего каре Марк Красс решил прибегнуть к решающему маневру крупной тактической группой своего войска. Но и здесь Сурена попросту переиграл и Красса-старшего, и младшего, которому было поручено возглавить маневренную группу римлян, продолжая придерживаться выбранной стратегии и тактики действий.

Своим мнимым отступлением парфяне опять увлекли за собой 8 римских когорт, усиленных пятьюстами лучниками и легкой кавалерией в 1300 всадников, далеко оторвав их от своих основных сил, что привело к искусственной фрагментации сил противника. Такой ход событий был явно в пользу парфян как стороны противоборства со значительно меньшим количественным показателем. В условиях утраты возможности взаимодействия со своим отцом отряд Красса-младшего был полностью уничтожен парфянами в несколько тактических приемов.

Сначала «отступающие» силы парфян резко развернулись на 180 градусов и остановили преследовавших их римлян. Далее уже сами преследующие были окружены на местности массой парфянской конницы, прибывшей к месту локального боя.

Попытка легкой кавалерии римлян контратаковать была встречена парфянскими катафрактариями, в результате чего легкая кавалерия предсказуемо была легко смята тяжелово-

оруженными всадниками. А далее, оказавшись в роли статической мишени, римляне подверглись массированному обстрелу из парфянских луков с дистанции и после того, как силы легионеров были значительно истощены, парфяне прибегли к заключительному действию, завершив разгром противника решающей атакой катафрактариев.

Завершив уничтожение части фрагментированного войска римлян, Сурена, не теряя темпа своих действий в сражении, быстро вернулся к основным силам Марка Красса, восстановил кольцо окружения при помощи тяжеловооруженных всадников и продолжил методично расстреливать римлян выстрелами из луков многочисленной легкой конницы. В такой манере сражение происходило вплоть до темного времени суток, с наступлением которого парфяне отвели свои силы на ночлег, а римляне получили время для передышки.

Ввиду того, что характер ведения прямых боевых действий парфян опирался на дистанционное поражение живой силы противника, то и ночь для них была не самым лучшим временем для ведения боевой активности, в то время как для римлян, исповедовавших тактику ближнего боя в пехотной атаке, ночь была спасением как для скрытного отступления и маневрирования, так и для возможности провести внезапную и стремительную атаку пехотным строем на незрячую и распряженную конницу парфян, неприспособленную к ближнему бою с хорошо организованной римской пехотой.

Именно в эту ночь римляне предприняли неорганизованное отступление, постыдно бросив своих раненых легионеров на поле брани, в ходе которого парфяне в пару заходов завершили уничтожение разрозненных остатков римской армии. Так и завершилась активная фаза противостояния первой Римско-Парфянской войны, в которой нашел свою смерть вместе со своей армией участник Первого римского триумvirата, наместник Рима в Сирии Марк Лициний Красс.

В отличие от римлян, пытавшихся на начальной фазе вторжения преследовать мнимо отступающего противника пехотными колоннами в общем походном строю, парфянское войско по своей природе было приспособлено для преследования отступающих разрозненных групп римских пехотинцев. Парфянская кавалерия уверенно себя чувствовала, действуя отдельными маневренными группами как в оборонительном, так и наступательном бою, умело используя свое преимущество в скорости маневра, в эффективности использования своего вооружения и банального знания географии местности.

Для римлян, наверное, единственным спасением была бы ночная атака на парфянский лагерь после дневного сражения. В ночной атаке римляне имели бы все шансы успешно нанести внезапный и быстрый удар по парфянским силам в момент, когда кавалерия не была готова к оказанию сопротивления, а пешие римские легионеры получили бы возмож-

ность сражения в выгодных для себя (пехоты) условиях.

При таком развитии событий римляне получили бы необходимую возможность перехватить инициативу и нанести силам парфян значительный урон, чтобы они без быстрого восполнения понесенных утрат в живой силе отказались бы от своих дальнейших намерений.

Относительно небольшие силы Сурены были слишком чувствительны к потерям в живой силе, особенно в возможных потерях тысячи отборных парфянских катафрактариев, без которых невозможна была бы эффективная деятельность многотысячных легких всадников.

Но на практике случилось то, что случилось. По всей видимости, римские военачальники во главе с Марком Крассом были достаточно деморализованы, чтобы просчитать ход событий, связанный с возможностью проведения ночной атаки на лагерь противника, и всю губительность отступления в складывающихся условиях.

В первом столкновении Рима и Парфии в полной мере проявилось преимущество парфянской военной школы над римской военной классикой по третьему показателю области определения разности военного потенциала как во время прямого боевого столкновения на поле брани, так и во время этапа преследования отступающей пехоты в условиях быстро меняющейся обстановки на марше.

Именно здесь наиболее ярко была определена важность фактора внешней среды для войска как в рамках поля боя,

так и в пределах операционного района в целом. Очевидно, что для каждой концепции применения военной силы имеется целый набор условий окружающей среды, из которых складывается общая оперативно-тактическая обстановка, когда военная сила обретает чистое преимущество, равные условия или же слабость по отношению к военной организации противника.

Преимущество парфянской военной школы было обеспечено выгодными (благоприятными) внешними условиям в операционном районе, при которых римская пехота не могла проявить в полной мере свои лучшие качества в противостоянии с парфянской кавалерией.

Именно этот факт показывает непонимание римскими военачальниками степени влияния фактора окружающей среды на ход противостояния или на успешность практики воплощения методов и способов выбранной формы вооруженной борьбы, а значит, и их теоретическую неподготовленность (некомпетентность) к планированию использования своих сил в предстоящей военной кампании.

В отличие от римлян, парфяне, а именно их спяхбед Сурена, хорошо понимали значимость внешней среды для успешности ведения боевых действий своим войском, основу которого составляла кавалерия, что и было зафиксировано хроникой событиями первой Римско-Парфянской войны.

Именно тщательная предварительная подготовка «поля боя» стала залогом успешных действий парфянской кавале-

рии и победы парфянского оружия над римским.

Помимо соответствия организационно-штатной структуры парфянского войска, стратегии и тактики его применения условиям окружающей среды текущего военного конфликта, очевидным также является максимальное соответствие профессиональной подготовки парфянского спахбеда Сурены уровню индивидуальной и коллективной подготовки своего войска, чего нельзя сказать о ситуации в стане римлян.

Данное соответствие в парфянском войске позволило ему (войску) добиться максимально высокой эффективности в исполнении мероприятий, выбранной военным лидером стратегии и тактике действий как на уровне рядовых бойцов, так и на уровне командного состава парфянского войска.

Тесная корреляция уровня военной мысли и практики исполнения задуманного выходит в данном случае на первые позиции, из соответствия которых и складывается превосходная степень общего уровня военной подготовки стороны конфликта, что становится определяющим в процессе диагностики военного потенциала.

В рамках первого Римско-Парфянского конфликта в полной мере обозначилась ситуация, в которой низкий уровень военной мысли римских военачальников нивелировал уровень профессиональной подготовки их легионеров. Римская военная мысль явно не соответствовала физике процессов текущего военного конфликта, потому и сложилась ситуа-

ция, в которой на низкий уровень военной мысли накладывался соответствующий уровень практики действий, что и приводило к общей деградации римского войска по показателю военной подготовки.

Несмотря на то, что римские легионеры были достаточно профессионально подготовлены для ведения боевых действий в рамках собственной системы координат ведения вооруженной борьбы, это им никак не помогло в ситуации, когда римляне были искусно перетянуты в систему координат, соответствующую парфянской концепции применения силы.

В сложившейся обстановке римские легионеры, даже если бы они могли на «5» с десятью плюсами на практике следовать выбранной их командиром стратегии и тактике действий, это им никак не помогло бы против практики правильно выбранной стратегии и тактики действий парфянским полководцем. Преимущество рано или поздно было бы на стороне парфянских сил, даже если на их стороне проявился бы небольшой перекосяк в соотношении военная мысль – практика действий в пользу теории.

Другими словами, как бы тяжело и трудно ни проходил процесс воплощения мероприятий в рамках правильно выбранной стратегии и тактики действий, успех в противостоянии с противником, выбравшим неподходящую стратегию и тактику действий в сложившейся обстановке в районе боевых действий, все равно им будет обеспечен, несмотря на

возможную растянутость временного показателя, который будет являться для них лишь фактором риска.

Как римская организация и концепция применения силы, так и парфянская были лучшими в границах тогдашнего цивилизованного мира, но каждая в своей системе координат на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях.

Отсюда слишком явным является вывод, что в будущих военных конфликтах наиболее успешным и эффективным в практике действий с оптимальным использованием материальных и человеческих ресурсов/сил будет именно тот военный организм, который впитает в себя все известные концепции организации и применения военной силы.

С таким подходом к теории и практике формирования собственной военной школы можно в определенный момент предъявить необходимые козыри, чтобы получить все преимущества над своим прямым или потенциальным противником.

Возможность использовать всю номенклатуру военного инструментария различных форм вооруженной борьбы как максимум позволит добиваться победы над противником, исповедующим однобокую военную школу или же как минимум иметь равные стартовые позиции в противостоянии с подобной культурой построения и применения военной силы.

Теория (гибридность, иррегулярность, асимметрия)

Исходя из анализа событий первой Римско-Парфянской войны, в которой явно столкнулись два наивысших апологета различных концепций применения военной силы, насущным становится вопрос, связанный с принципом гибридности в формировании и применении военной силы.

Именно армия, сформированная на принципах гибридности в организации и применении военной силы, со всем набором военно-технических средств, имеющихся на вооружении в соответствии с практикой применения методов и способов ведения боевых действий при различных формах ведения вооруженной борьбы, имеет все шансы своевременно и адекватно находить эффективный отклик на любую военную угрозу своему государству или союзникам.

На основе анализа прошлых и текущих войн открывается необходимая опция диагностики будущего театра военных действий, активных и пассивных участников потенциального военного конфликта, формы ведения вооруженной борьбы, методов и способов боевых действий, организационно-штатной структуры боевых подразделений и их систем вооружения. Далее процесс теоретического и практического военного познания происходит через моделирование и симуляцию конфликтных ситуаций, прогнозирование будущего

го или будущих военных конфликтов с определением характера возможных действий вероятного противника.

Таким образом, профессионально проведенные анализ, моделирование и прогнозирование всех составляющих прошлых и потенциальных военных конфликтов позволяют выработать необходимый набор духовного и материального инструментария в теории и практике различных концепций организации и применения военной силы.

Анализ всей практики кинетического и некинетического порядка действий парфянских сил во главе с Суреной на стратегическом и оперативно-тактическом уровнях позволяет сделать вывод о том, что парфянский военачальник был достаточно просвещенным в вопросах организации римского войска и характере ведения боевых действий римской пехоты.

Знание тактических и технических характеристик своих сил и сил противника, понимание физики процессов, происходящих в области известных концепций применения силы позволило парфянскому полководцу определить благоприятные и неблагоприятные условия для ведения боевых действий обеими сторонами конфликта.

После теоретического приведения в соответствие тактики действий парфянской кавалерии и характеристики поля боя Суреной была определена преемственность в проведении кинетических и некинетических мероприятий, то есть точки приложения силы и очередность давления на них, что

и определило цельную стратегию и тактику действий при отражении вторжения римлян. В свою очередь М. Красс не смог правильно оценить ни свои силы, ни силы противника, а также обстановку, в которой предстояло сражаться его легионерам.

В общем, результат противостояния Рима и Парфии в 54–53 годах до н. э. достаточно закономерен.

В практике своих действий Сурена полностью ушел в иррегулярность относительно классики античной военной школы, духовным и материальным апологетом которой являлся его (Сурены) прямой противник в лице Марка Красса с его легионами.

В свете принятой иррегулярности Сурена комплексно подошел к решению сложной задачи по отражению вторжения значительно превосходящих сил противника. Сорокатысячным римским силам парфянский спяхбед противопоставил прямую и непрямую активность своего десяти тысячного войска сразу по всем трем плоскостям иррегулярности или гибридности в жесткой корреляции друг с другом.

Ситуация, в которой небольшой численности парфянской кавалерии предстояло сразиться со значительно превосходящими силами хорошо вооруженной римской пехоты, естественно породила соответствующую размеру парфянских сил малую форму ведения вооруженной борьбы. Основная ставка в использовании такой формы делалась на понятие *«не числом, а знанием и умением»*, на точность и соразмер-

ность использования силы.

Тот реальный успех парфян в военной кампании 54–53 годов до н. э. определил новаторство малой формы вооруженной борьбы и вывел ее в свет, подняв на соответствующий уровень мирового военного искусства вровень с тогдашней классикой.

Малая форма как ведущая концепция применения силы всегда будет стоять вне классики регулярного военного искусства. Возможен вариант, когда лишь отдельные методы и способы ведения боевых действий из арсенала малой формы могут быть взяты на вооружение регулярного войска, но в рамках общепринятой концепции организации и применения военной силы набор такого инструментария не будет играть ведущей роли.

Значит, такие явления, как иррегулярность и малая форма ведения вооруженной борьбы тождественно равны и по своей сути принадлежат единому полю логики применения военной силы.

В противодействии крупным силам Марка Красса Сурина успешно использовал основной принцип иррегулярности (малой формы): *«меньшим побороть большее»*. Таким образом парфянский полководец успешно, эффективно и асимметрично ответил Риму в военной кампании 54–53 годов до н. э. и обнародовал такое понятие, как асимметричный ответ.

Асимметрия – родная сестра иррегулярности!

Почему эти понятия имеют такие родственные связи, совершенно очевидно в контексте противостояния двух различных концепций построения и применения военной силы во время первой Римско-Парфянской войны.

По своей природе военный асимметричный ответ подразумевает одно или несколько точечных акций (ударов), операций, проводимых малыми силами – партиями по отношению к активно действующей военной группировке противника. Понятно, что малые группы не могут исповедовать методы и способы ведения боевых действий из арсенала крупных войсковых группировок, поэтому для них в историческом процессе по принципу соразмерности выкристаллизовывались собственная теория и практика применения силы – малая форма вооруженной борьбы.

В идеале прямая и непрямая активность малой формы должна опираться на более крупные конвенциональные силы, которые не принимают активного участия в бою, акции, операции, а занимаются всесторонним обеспечением асимметричного ответа. На следующих этапах/фазах военного конфликта при условии общей незавершенности боевых действий, но успешного достижения промежуточных целей, малая форма должна или сама эволюционировать, или же подготовить благоприятную обстановку для вступления в действие крупных конвенциональных сил для нанесения противнику решающего удара.

Ввиду того, что малая форма неспособна добиться пол-

ного физического уничтожения конвенциональных сил и средств противника, ее главной целью является изменение тактической, оперативной, стратегической обстановки в свою пользу (создание благоприятных условий для следующего шага), вследствие чего будет создана ситуация, в которой противник как максимум будет принужден полностью или частично, в долгосрочной перспективе или на короткий период времени отказаться от своих намерений или же как минимум силы противника будут вынуждены действовать в логике совсем не своей концепции проведения военной кампании.

Именно это удалось осуществить парфянскому спяхбеду Сурене в последней войне, из которой он вышел победителем.

На стратегическом уровне парфяне сделали все, чтобы римляне приняли именно то стратегическое направление своих действий, внутренняя среда которого больше подходила парфянской концепции применения силы, а не римской. Это и позволило малым и высокомобильным силам парфян успешно действовать против всей римской армады в условиях открытой местности, на которой римскому пешему легионеру трудно было укрыться от внезапных и стремительных действий парфянских конников.

Более того, парфяне успешно перестраховались на случай, если Марк Красс решил бы сменить стратегическое направления вторжения в Месопотамию, заблаговременно за-

няв своими основными силами территорию Древней Армении, исключив таким образом северное направление вторжения для римлян.

В условиях сложного географического рельефа Армении, заранее завладев ее ресурсной базой, парфянское войско получило превосходные стартовые позиции в действиях против римских легионов на данном направлении. Для римской пехоты сильно пересеченная местность Армении также была благоприятной, если бы римляне поменяли направление главного удара, но здесь была создана оперативно-тактическая ситуация, в которой Красс мог играть лишь вторым номером.

В результате еще до начала фазы активного противостояния римский полководец Марк Красс потерпел поражение на стратегическом уровне, которое он и его армия еще не могли ощутить физически, но которое он, как римский главнокомандующий и стратег, должен был бы ощутить на подсознательном уровне, опираясь на свой жизненный опыт и на теоретические знания в военном деле, чтобы далее на оперативном и тактическом уровнях не ощутить всю горечь физического поражения.

На оперативном уровне Сурена также переиграл своего визави, не допустив ситуации, в которой римские легионы продвигались бы вдоль русла реки Евфрат, получая от реки защиту и обеспечение для своей пехоты. Вместо этого парфянский спахбед искусно вывел все римские легионы в пу-

стынную местность, подальше от зоны комфорта для жизнедеятельности и оперирования римских сил.

Еще до того, как римские силы достигли поля боя и установили визуальный и физический контакты со своим противником, под тяжестью действия агрессивной внешней среды римская армия стала сильно терять как в физических силах, так и в морально-психологической устойчивости своих рядовых воинов и их командиров.

В сложившейся обстановке римляне были лишены возможности восполнять свои физические и морально-психологические потери из-за отсутствия на новой местности ресурсной базы и условий для возведения фортификационного объекта для своих сил. Для того чтобы отыграть обратно и постараться исправить свои ошибки, Крассу нужно было вернуть свою армию на исходные позиции, то есть отказаться от своих намерений, но на данном этапе римлянами была достигнута точка невозврата, координата которой уже находилась в красной зоне для сил Красса.

В результате перед непосредственным сражением на поле боя парфяне получили все преимущества для действий своих сил еще и на оперативно-тактическом уровне вслед за стратегическим успехом.

На тактическом уровне, после того как римлянами были совершены ключевые ошибки на стратегическом и оперативном уровнях, Сурена на практике доказал свое превосходство над М. Крассом как в своих личных познаниях в во-

енном искусстве, так и в уровне коллективной выучки парфянского войска в целом, что были основаны на собственных представлениях о концепции организации и применения военной силы, лежащих вне логики римской военной мысли.

Парфянская кавалерия, разделенная на легких и тяжелых всадников, вчистую переиграла римские легионы, в основе тактики действий которых (легионеров) лежала кинетика натиска пехотного строя. На открытом участке местности маневренная сила кавалерии полностью сковала действия римской пехоты, благодаря высокой устойчивости тяжеловооруженных парфянских катафрактариев и быстроты маневра легкой кавалерии, которая массовыми выстрелами из луков с безопасной для себя дистанции выводила из боя большое количество живой силы римлян.

Параллельно тактическими приемами парфяне фрагментировали крупные силы римлян и полностью уничтожали их по частям, используя преимущество в скорости маневра, что в свою очередь обеспечило эффективное использование их средств поражения.

В конечном итоге меньшие силы парфян полностью уничтожили римскую армию, силы которой имели значительное численное превосходство в границах операционной зоны противостояния.

Таким образом, парфянский полководец на практике доказал эффективность коррелированных асимметричных

действий на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях при наличии прогрессивной военной школы и соответствующей ей подготовке войска.

Само собой разумеется, что асимметричный ответ парфян с использованием малых кинетических групп не мог быть успешным, если бы стратегия и тактика их действий проходили по правилам концепции конвенционального использования силы римской военной школы, масса которой в разы превосходила численность кавалерийской группы парфян.

Чтобы быть эффективной, малой силе следует перевести противостояние в плоскость иррегулярной или гибридной формы ведения вооруженной борьбы, что с успехом и осуществил парфянский полководец Сурена Михран в противостоянии с войском Марка Красса в 54–53 годах до н. э.

Именно в условиях иррегулярности теория и практика применения силы на основе конвенциональной (регулярной) формы максимально нивелировалась перед кинетической и некинетической активностью парфянского войска.

Поэтому-то асимметричный ответ предполагает быть эффективным только лишь в условиях иррегулярной или гибридной системы координат вооруженного противостояния, а следовательно, между такими понятиями, как асимметрия и иррегулярность (гибридность) можно поставить знак тождественного равенства.

Смена на военном олимпе (новая классика и внут-

ренный конфликт)

Сражение под Каррами четко обозначило временную точку, с которой спираль развития истории мирового военного искусства вошла в некий переходный период, где произойдет смена концепции организации и применения военной силы, а сама мнимая историческая спираль завершит очередной виток и на пьедестал классики военного искусства будет вознесена новая военная школа.

Классическая военная школа, получившая свое начало с рождением древнегреческой цивилизации, продолжателем которой при подходе к нулевой отметке нашей эры была военная организация Рима, готовилась к вступлению в некую переходную фазу, для того чтобы вскоре на целое тысячелетие уйти в тень новой военной конвенциональности.

Так за 47 лет до начала нашей эры на просторах Северо-Западной Месопотамии, произошла очередная яркая констатация того, что нет ничего постоянного в этом мире, когда парфянский полководец по имени Сурена своей военной победой над римскими легионами Марка Красса смело приоткрыл дверь, за которой находилась новая историческая эпоха, когда будет властвовать следующая концепция военного искусства.

С первым безоговорочным поражением античной концепции применения силы от совершенно отличной военной школы, зародившейся на просторах Великой Степи, начался процесс, в котором на смену пехотному строю, много веков

являвшегося главной ударной силой на поле боя, приходила кавалерия, чья теория и практика организации и применения уже претерпела сильные изменения, вследствие чего именно кавалерия стала примерять на себя роль решающей военной силы как в сражении, так и в военной кампании в целом.

Дело в том, что военная школа древнего Рима была заточена под античную военную концепцию организации и применения силы и проявляла свое превосходство над противником только в противостоянии в рамках общепринятой системы координат вооруженной борьбы или же над противником, имевшим значительно более низкий уровень военной организации.

Но стоило появиться сопернику, концепция военной организации которого вместе с теорией и практикой применения силы на поле боя не вписывались в рамки общепринятой военной конвенциональности и имела более «длинную руку» при большей степени свободы, чем «рука» римского пехотинца, как все преимущества античной военной школы в новых условиях быстро нивелировались.

Новая кавалерия, организованная по канонам промышленной и военной культуры кочевников, успешно и эффективно действовала не только непосредственно на поле боя, но и на подготовительном этапе военной кампании, истощая силы противника перед генеральным сражением, а также завершая разгром противника на заключительном этапе фазы

активного противостояния.

Также новая конница позволяла успешно воздействовать на противника при отступлении, что значительно расширило список оперативно-тактических приемов, внося такие понятия, как мобильная оборона, тактическое отступление с последующим контрударом или наступлением.

На то время парфянская кавалерия, поделенная на два подрода, являлась идеальным инструментом для проведения кинетической и некинетической активности в стратегии и тактике непрямых действий в рамках иррегулярной или гибридной формы вооруженной борьбы.

Парфянская легкая и тяжелая кавалерия во взаимодействии друг с другом уже имела целый набор прорывных на то время тактико-технических характеристик, которые наделяли парфянских всадников сверхспособностями, но при условии полного их подчинения соответствующей теории и практике применения военной силы.

Но этого было еще недостаточно, чтобы зафиксировать те концептуальные изменения в теории и практике применения силы в мировом военном искусстве, которые начали свое восхождение на вершину военной классики после победы парфянской кавалерии над римскими легионами в 53 году до н. э.

Новой военной школе еще понадобится появление дополнительного изобретения в системе снаряжения воина-всадника, которое придаст практике использования кавалерий-

ской силы большую эффективность действиям всадника.

Приобретенное новшество позволит увеличить отдельную тактическую боевую мощь всадника через придание ему большей устойчивости (сопротивляемости) и увеличение его маневренных качеств на поле боя.

Процесс очередной смены главенствующей концепции организации и применения силы в исторической перспективе развития мирового военного искусства войдет в свою завершающую стадию в IV веке уже н. э., когда в кочевой среде появится такой элемент седельной принадлежности, как стремя.

Стремя значительно усилило тактические характеристики всадника, придав ему устойчивость и большую степень свободы действий в маневре и оперировании своим оружием.

С момента появления стремени на степных просторах этот элемент конской сбруи быстро получил свое распространение с востока на запад. Обретенные новые тактические характеристики всадника значительно акцентировали стратегию и тактику применения кавалерии на поле боя, придав ей еще большую эффективность как в индивидуальном порядке, так и во время коллективного боя или же рейдовых операций.

Процесс распространения стремени по миру полностью совпал по времени и месту с таким историческим явлением, как Великое переселение народов. Этническое перемещение с востока на запад, происходившее в IV–VII веках нашей

эры, полностью изменило положение дел в Западной Римской империи, пределы которой к V веку уже были плотно заселены самими римлянами и кельтскими племенами, прошедшими процесс романизации.

Сопутствующие миграционным процессам культурные, языковые и религиозные конфликты в конечном итоге привели сначала к ослаблению римских позиций в Европе и усилению пришлых германских племен (остготов, вестготов), а затем и падению Западной Римской империи в 476 году.

Конечно же, следует упомянуть и такой кочевой народ, как гунны, чей пассионарный всплеск, собственно, и привел к такому мощному миграционному явлению, как Великое переселение народов, вследствие которого полностью изменилась вся карта Евразийского континента.

Во второй половине IV века гунны, до этого согнавшие с насиженных мест германские племена, уже оказались в пределах восточной Европы, а во времена правителя гуннов Аттилы, властвовавшего в период 434–453 годов, гуннские племена контролировали обширную территорию от Волги и Кавказа до Рейна. Но несмотря на то, что сами гунны явились причиной начала серьезных миграционных процессов, со смертью Аттилы вся пассионарная сила гуннов быстро сошла на нет, а сами гунны не сумели сохранить свою государственность и культурно-этническую идентичность и очень быстро растворились в других пришлых племенах, оставив в развивающихся культурах новых европейских народов опре-

деленный след.

Таким образом, великие миграционные движения IV–VII веков, происходившие на просторах евразийского материка, заложили основу в процесс образования новых средневековых государств Европы, основателями которых, в первую очередь, были германские племена (франки, готы) и славянские народы.

Освободившееся, после заката Западной Римской цивилизации, географическое и военно-политическое пространство быстро было занято молодыми европейскими народами и племенами, которые стали формировать новые европейские государственные образования, породив таким образом исторический период раннего Средневековья в Европе.

Раннее Средневековье или как еще его наименовали «Темные века» характеризовалось общим упадком всей культуры на европейском континенте, что естественно отразилось и на военном деле, правда, совсем в другой степени. В этот исторический период именно военное дело становилось важнейшим из искусств, от которого напрямую зависела жизнь людей, принадлежавших к разным сословиям, будь то местное население, потерявшее свое государство, или члены различных пришлых племен, вступивших в борьбу за новое жизненное пространство – формирование нового государства.

Уже в V веке на европейском континенте после схождения в небытие Западной Римской империи и последующим обра-

зованием новых государственных образований начала формироваться новая система правоотношений в обществе под названием «феодализм».

Именно в эпоху феодализма, характеризовавшуюся высокой степенью политической децентрализации – феодальной раздробленностью, завершится исторический процесс смены военной концепции, основанной на применении пехотного строя, на концепцию применения отрядов всадников, которые стали решать основные задачи на поле боя и в военно-политическом деле в целом.

Другими словами, новая эпоха обзавелась собственной концепцией организации и применения военной силы, которая на следующие несколько веков станет конвенциональной в границах европейского континента.

Итак, новая концепция, как видно, окончательно утвердилась с завершением миграционных процессов и сопутствующим очень быстрым распространением стремени как на просторах своего природного места рождения – Великой Степи, так и в пределах Европы.

Как оказалось, на процесс дальнейшей эволюции военной школы, основанной на теории и практике применения кавалерийских сил, оказали сильное влияние география местности и образ жизни народов, заселявших Евразийский континент.

На жизнедеятельность целых народов и их культуру оказывали прямое влияние география местности и соответству-

ющие климатические условия ореола их обитания. Сформированный в соответствии с условиями окружающей среды образ жизнедеятельности общности и определил его принадлежность к соответствующей этнокультурной группе.

В то время различались две основные этнокультурные группы населения континента: оседлая и кочевая. Но со временем в географических местах, где происходило соприкосновение двух культур, зародилась третья группа населения, чей образ жизни станет полукочевым.

Именно в ореолах обитания номадистов и оседлого люда после завершения процесса переселения народов во второй половине I тысячелетия нашей эры получили свое развитие разные направления одной концепции применения военной силы.

После принятия новой военной классики у оседлых народов Европы военная школа пошла по пути банального увеличения мощи всадников и их построения в плотный боевой порядок перед сражением. Тактические характеристики сомкнутого строя исключали известную степень свободы маневра как на поле боя, так и при оперативном маневрировании, что придавало такому войску большую силу инерции в сражении.

Степная же военная культура продолжила опираться на акцентированное разделение своей силы в соответствии с различными тактическими задачами, выполнение которых возлагалось на легкую и тяжелую кавалерию, действующую

в свете собственной концепции применения силы.

В рамках философии кочевой концепции применения силы прямому боевому столкновению всегда должны предшествовать разноуровневая разведка субъектов и объектов будущего театра военных действий и мероприятия, направленные на максимальное истощение сил и средств противника с подавлением его воли к сопротивлению.

Географическое пространство Европы характеризовалось сложным рельефом местности, густой заселенностью по сравнению со степной и лесостепной зонами и, соответственно, с меньшими расстояниями между населенными пунктами – центрами социальной жизни новых европейцев.

При таких внешних условиях и феодализации социумов оседлых народов Европы формировалось собственное понимание развития военного искусства, в котором базовым элементом являлся тяжеловооруженный всадник – рыцарь при вспомогательной роли собственных оруженосцев – пехотинцев. В соответствии с этим шла эволюция организации средневекового войска рыцарей, их вооружения, доспехов и снаряжения критериями, для развития которых были необходимы мощь, защищенность, сила инерции рыцарей на поле боя. И естественно, что границы боевого применения рыцарского войска определялись ограниченностью пространства на месте сражения и краткосрочной перспективой ведения активных боевых действий с малым плечом маневра.

У кочевых же народов в силу специфики географии мест-

ности их проживания ни пехота, ни тяжелая кавалерия не прижились как сила, которая самостоятельно решала бы главные задачи во время ведения боевых действий.

Открытое пространство, кочевой образ жизни, скотоводство, индивидуальная и комплексная охотничья деятельность формировали у кочевника те качества, которые позволяли кочевому войску проявлять превосходные качества в проведении военных кампаний и ведении боевых действий. Кочевое войско было сверхмобильным, неприхотливым, лучше других ориентировалось на местности и проводило разведку будущего театра военных действий, что обеспечивало способность в кратчайшие, для того времени сроки преодолевать большие расстояния с сохранением боевого потенциала. Каждый кочевник был великолепным наездником и метким стрелком из лука, кочевники были крайне сильны в коллективных действиях и отличались большой слаженностью и управляемостью в динамике событий.

Благодаря этому, именно в кочевой среде получило свое широкое развитие таких образцов вооружения и снаряжения, как стремя, комплексный лук и сабля, а соответствующие средства защиты обеспечивали воину удовлетворительный уровень личной безопасности с сохранением в достаточной степени его свободы действий – в общем, всего того, что работало на эффективное исполнение методов и способов ведения боевых действий согласно канонам кочевой военной культуры.

По истечению нескольких веков в период развитого феодализма в Европе, где войско всадников–рыцарей являлось определяющей силой на поле боя, а на просторах Великой Степи выделится превосходная военная сила одного из народа – войска, две школы одной концепции сойдутся в смертельном противостоянии, которое и определит победителя.

В тот исторический момент степное войско монголов, основанное великим Чингисханом, являлось самым ярким и эффективным апологетом теории и практики кочевой концепции организации и применения силы. Именно монгольское войско в первой половине XIII века выступило инициатором боевой проверки западноевропейской военной школы в рамках ее же географического пространства.

Против монголов выступили объединенные войска различных феодальных государств, религиозных орденов и княжеств оседлой зоны Европы, которые исповедовали, соответственно, теорию и практику применения рыцарских дружин.

Если провести историческую аналогию с событиями противостояния Рима и Парфии в районе Северо-Западной Месопотамии середины I века до н. э., то опять произошла ситуация, в которой войско, исповедующее определенную концепцию ведения боевых действий входило в агрессивную для себя внешнюю среду, в которой ей предстояло сразиться с силами, для которых, и география местности, и социально-демографическая карта региона, были родными, что со-

здавало крайне благоприятные условия для оперирования у местного воинства.

Итак, все основные сражения данного противостояния произойдут во время так называемого Великого Западного или как его еще называют Кыпчакского похода монгол, длившегося с 1236 по 1242 годы.

Поход войск Монгольской империи под руководством чингизида Батыя (Бату), сына Джучи, и знаменитого монгольского военачальника Субэдэя (Субутая) по сути можно назвать широкомасштабной рейдовой операцией, в которой монголы через Кыпчакские земли осуществили вторжение в Восточную и Центральную Европу с обязательным возвращением сил в природный ореол своего обитания.

Монголы (Великий западный поход)

В 1235 году после успешно проведенной Цзиньской кампании на созванном курултае монголами было принято решение о Великом походе, который должен был решить половецкий вопрос, поэтому этот поход еще называют Кыпчакским. Главной побуждающей силой для действия монгол на западном направлении были их давние кровники – половцы, которые в динамике событий по мере своего бегства дойдут до внутренних земель Западной Европы, найдя прибежище у венгерского короля Белы IV, и таким образом приведут за собой монгольские войска практически в сердце Европы.

Главная роль в этом военно-политическом предприятии была возложена на Батыя как прямого наследника этих земель согласно воле великого Чингисхана. Виднейший монгольский военачальник и соратник Чингисхана Субэдэй-багатур был назначен в ближайшие помощники главнокомандующему и был, скорее, наставником для чингизидов и умом военной кампании, отвечая за общее оперативное планирование и управление войсками, определяя главные точки приложения силы и задавая стратегические и оперативные направления векторам движения монгольских войск.

Из чингизидов своему двоюродному брату оказали пря-

мую поддержку царевичи Гуяк (сын Угэдея), Мункэ (сын Тулуя), Байдар и Кадан (сыновья Чагатая).

С этого момента у монголов началась всесторонняя подготовка к предстоящему мероприятию. Помимо прямой подготовки военной силы, которая будет задействована в новой кампании, Субэдэй организовал стратегическую разведку будущего театра военных действий. Используя тесные связи с венецианцами, монголы вступили в отношения с различными общественно-политическими группами Европы.

В итоге монголы оказались хорошо информированными о продолжавшихся феодальных распрях между князьями древней Руси, а также о противостоянии между приверженцами партий Гвельфов и Гибеллинов в Западной Европе, что и позволило Бату-хану и Субэдэю сначала грамотно спланировать, а затем успешно провести Великий западный рейд, умело играя на внутренних политических противоречиях в Европе.

Непосредственную разведку своего противника монгольские военачальники проводили через отдельный род офицеров генерального штаба, которые именовались юртаджи. Профильным родом деятельности этих офицеров была разведка, которую они вели через разведчиков, игравших роль торговцев в составе богато снаряженных торговых караванов. Именно юртаджи, проводя регулярную разведку, обеспечивали монгольской армии успех во многих военных кампаниях и сражениях.

Первая фаза (завоевание нового жизненного пространства)

После подготовительного периода, закончившегося смотром войск, весной 1236 года Бату-хан привел свою армию в движение. К июню месяцу монгольское войско вышло к Волге, откуда монголы, разделив свои силы, приступили к активным мероприятиям.

Одна часть монгольского войска под руководством Субэдэя отделилась от основных сил и последовала в земли Волжско-Камских булгар, с которыми монголы имели давние счёты.

Параллельно с действиями Субэдэя в Булгарии основные силы монголов под руководством Бату-хана вторглись во владения половцев, бургасов, мордвы и черкесов.

В результате начальной деятельности к 1237 году монголы достигли успеха на двух направлениях кампании 1236 года и покорили географическое пространство от Каспийского до Азовского морей. Таким образом монголы успешно сформировали первичный оперативный плацдарм для последующих действий, обеспечив себе надёжный тыл.

Так был пройден начальный период первой фазы западного похода монголов, в котором армия Батыя решила первичные задачи, после чего монголам следовало закрепить достигнутый промежуточный результат через оформление

некой карантинной зоны вокруг Половецких степей.

Почти весь 1237 год монгольская армия провела в степях, восстанавливая свои силы в благоприятной для кочевой армии природной зоне, после чего с началом зимы этого же года Батый начал следующую волну активных действий первой фазы своей кампании.

Главной задачей следующего этапа активных действий был определен поход монгол в пределы северной Руси и покорение разрозненных княжеств северо-восточной Руси, что должно было обеспечить безопасность как для Половецкой степной зоны со стороны северного фланга, так и для будущего операционного района на Галицко-Волынском направлении через исключение возможности вмешательства русских князей в западную кампанию монгол.

Выступая в зимний поход, Батый в очередной раз продемонстрировал преимущество монголов перед другими народами проведением всесторонней разведки будущего театра военных действий и правильной оценкой географии и климата местности. Добываемые данные о противнике и местности позволяли монголам эффективно планировать и проводить военные кампании с оптимальным использованием своих сил и средств, с минимизацией агрессивного влияния окружающей среды на войско и на ход событий.

Природная зона проживания оседлого населения Древней Руси, а конкретно северо-восточной ее части, и так была враждебной для кочевой армии, поэтому наиболее целесо-

образным для монгольской армии было проведение военной кампании в таких же неблагоприятных климатических условиях и для русских сил. Именно в зимний период природная среда наиболее благоприятна для вторжения, чем для статички оборонительных действий.

Устойчивая морозная погода обеспечивала войскам вторжения удобные транспортные линии, образованные замерзшими руслами рек, к тому же практически все русские населенные пункты были расположены на берегах этих рек, которые были для них главными транспортными артериями в летний и зимний периоды.

Помимо удобства зимней дороги, земля была покрыта снежным покровом, который обладал хорошими демаскирующими качествами, так как вскрывал любое скрытое передвижение, что было слишком чувствительным для войска, которое не обладало хорошими скоростными и мобильными качествами, а, соответственно, и оперативной инициативой. К тому же мороз исключал долгое скрытное пребывание боевых отрядов на необорудованных позициях, что сильно затрудняло организацию засад. Таким же проблематичным было проведение земляных работ для фортификационного усиления или восстановления фортов – населенных пунктов.

Итак, Батый, правильно выбрав время года, успешно осуществил рейд по землям северо-восточной Руси и с окончанием зимы 1238 года, не дожидаясь большой оттепели, повернул свои силы в южном направлении и вернулся в Поло-

вещкие степи.

На территории Подонья в период с весны 1238 по зиму 1239 года монгольская армия восстанавливала свои силы и средства и готовилась к дальнейшим действиям в следующей, второй фазе западной военной кампании.

После военной зачистки территорий, протянувшихся с востока на запад от Аральского и до Азовского морей и с севера на юг от линии Новгород – верховье Волги и до предгорий Большого Кавказа (Предкавказье), жизненное пространство которых становились для монгольского войска неким базовым плацдармом для следующего действия, Батый приготовился к рейдовой операции в западном направлении через южные земли Руси, чтобы в Европе скрестить оружие с коалиционными силами западноевропейского образца на их же территории.

Таким образом в период с 1236 по 1238 год монголы полностью создали себе благоприятные условия для дальнейшей экспансии на запад. За два года активной боевой деятельности монголы сформировали для своих войск внешнюю зону безопасности с северо-восточного направления, исключая таким образом удар в спину во время боевой активности на просторах центральной Европы.

Завоеванное жизненное пространство становилось для Батыя новой ресурсной базой, с которой он восполнял людские и материальные потери, что обеспечивало армии Бату-хана благоприятные условия для успешного ведения во-

енной кампании в далеком отрыве от основного ореола обитания монголов.

Именно в этом завоеванном географическом пространстве, которое по своим характеристикам было наиболее подходящим для жизнедеятельности кочевников, чингизид Батый после завершения всего цикла западного похода образует так называемый Улус Джучи (государственное образование более известное в дальнейшем под названием Золотая Орда), исполнив таким образом волю своего деда – великого Чингисхана, который определил западные для монголов земли своим наследникам.

Вторая фаза (покорение Европейской военной школы)

Новая монгольская армия пришла в движение зимой 39–40 годов XIII века, вступая во вторую фазу западной кампании. В этом большом походе их ждала сначала встреча с войсками юго-восточных княжеств Руси и далее – с силами рыцарей-феодалов Западной Европы, чье военное искусство было на то время неоспоримым как в пределах самой Европы, так и на просторах Малой Азии и территории Леванта.

После покорения Черниговского княжества монголы вышли на линию Днепра, напрямую изготавившись к осаде Киева. Уже осенью 1240 года монголы после осады взяли штурмом город Киев, который являлся неким замком на воротах перед Европой, и завладели территорией Галицкого и Волынского княжеств.

В то время все три южнорусских княжества (Киевское, Галицкое, Волынское) находились под властью князей Даниила и Василька Романовичей, унаследовавших земли Руси от своего отца, великого князя Романа Мстиславовича, одного из сильнейших князей Древней Руси.

Следует особо подчеркнуть, что во время нашествия монголов в пределы Южной Руси все три княжества были оставлены своими князьями. Таким образом в самый ответственный момент, когда нужно было организовывать и возглавить

вооруженное сопротивление силам вторжения, эти два великокняжеских наследника постыдно бросили свой народ и свои земли, предпочтя спасти собственные жизни.

Естественно, что обезглавленный народ трех южнорусских княжеств не мог организовать грамотное и системное сопротивление армии вторжения. Вся боевая активность дружин и народного ополчения была ограничена лишь организацией очагового сопротивления, которое успешно подавляло хорошо организованное монгольское войско.

Одной из самых героических страниц борьбы народа южнорусских княжеств, наряду с упорным сопротивлением Северо-Восточной Руси в 1237 году, была народная оборона Киева под руководством тысяцкого по имени Дмитрий (Дмитр), длившаяся с 5 сентября по 19 ноября 1240 года. За воинскую доблесть, проявленную киевским тысяцким при обороне стольного града, хан Батый сохранил жизнь Дмитрию, плененному и тяжело раненому, *«мужества ради его»*, а вот судьба самого Киева и его жителей была незавидной.

В это же время, когда монгольская армия достигла рубежа Киева, в пределы Польши Батыем были высланы два передовых отряда для проведения разведывательных рейдов, один из которых дошел до Люблина, а второй – до Кракова, и в 1240 году успешно вернулись в стан своих главных сил под Киевом.

Как видно, проводя активные боевые действия основными силами, монгольские военачальники не забывали о под-

готовке следующего потенциального «поля боя», организовав активные разведывательные мероприятия на достаточном удалении от реального театра боевых действий.

Монгольские военачальники хорошо понимали, что перед тем как вторгнуться в пределы Венгрии, как конечной цели Кыпчакского похода, монголы должны были покорить южнорусские земли, в которых правил давний их знакомый еще по сражению на Калке князь Даниил Галицкий.

Зная князя Даниила, давние связи с Польшей и правильно оценив угрозы для венгерского вектора движения монгольской армии, которые несли находившиеся в пределах Польши Черниговский и Галицко-Волынский князья со своими дружинами, Батый-хан и Субэдэй-багатур понимали, что им для дальнейших успешных действий нужно было обеспечить своим главным силам правый фланг.

Полученная оперативная информация после двух проведенных разведывательных рейдовых операций в пределах Польши помогла монгольским полководцам правильно спланировать дальнейшую активную фазу Западной кампании.

Польское направление для войска Батыя в кульминационной фазе кампании было наиболее опасным, с него объединенные силы европейских княжеств могли нанести сокрушительный удар во фланг наступающим монголам. Поэтому-то правый фланг для монгольских сил требовал большего внимания и большей военной группировки по сравнению с левым флангом.

Таким образом, перед решающим действием военная школа монголов в очередной раз продемонстрировала, что ее военачальники хорошо чувствовали стратегическую обстановку и взаимное влияние оказываемыми изменениями в тактической, оперативной и стратегической обстановке. Это чувство позволяло военачальникам кочевой армии на контрольных точках своевременно производить корректировку общего плана действий и принимать правильное решение на следующие периоды активных действий, что было крайне важным для военной силы, которая исповедует высокоскоростные маневренные действия на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях и предпочитает более уверенно себя чувствовать в динамике, чем в статике.

После взятия Киева войска хана Батыя очень быстро прошли оставленные князьями земли Галича и Волыни, выйдя к линии Карпатских гор, являвшихся природным рубежом, за которым открывалась прямая дорога в Центральную Европу.

Далее, взяв непродолжительную паузу для перегруппировки своих сил, в ставке Батыя был принят план вторжения в Центральную Европу, и уже в январе 1241 года монголы перешли к активным действиям на данном направлении.

В это же время, после того как Батый-хан поссорился с царевичами Гуюком и Бури (внук Чагатая), из-за чего чингизиды Гуюк, Мунке и Бури ушли в Монголию, уведя за собой свои войска, армия, подчиненная Батью, значительно уменьшились количественно.

Таким образом, перед кульминационным действием Западной кампании монгольская армия сильно потеряла в своем потенциале, а Батый и его военачальник Субэдэй теперь могли полагаться только на свои силы и оставшимися при ставке Батыя войсками чингизидов Байдара и Кадана.

Вследствие произошедших значительных изменений в составе монгольских сил степные военачальники на ходу были вынуждены провести реорганизационные мероприятия в своей армии и пополнить свои силы за счет покоренных ранее народов.

Исходя из сложившейся ситуации, первыми лицами монгольской армии был принят план вторжения в пределы Центральной Европы, согласно которому силы монголов разделялись на три группы, которые должны были начать скоординированное вторжение сразу с трех направлений.

В соответствии с конечной целью Западной кампании за главное направление своих действий монголы определили Венгрию, на чьей территории нашли приют кровники монголов – половецкий хан Котян и 40 тыс. его соплеменников под патронатом венгерского короля Белы IV.

Фланговые северное и южное направления должны были обеспечивать действия основных сил, после чего как минимум два вектора к определенному времени должны были сойтись в конечной точке приложения силы, с тем чтобы сразиться с армией короля Белы IV и его союзниками и овладеть его столицей.

В начале 1241 года, после того как монгольские силы были перегруппированы и выведены на исходные рубежи, монгольские полководцы привели в движение свои корпуса. Главные силы монголов, возглавляемые самим Батый-ханом, устремились в Венгрию через Карпатский горный хребет.

Уже в начале марта 1241 года (12 марта в Будапешт прибыл гонец с известием о том, что монголы вышли за линию Карпат), Батый успешно форсировал горную преграду через известный перевал Русские ворота (Верецкий перевал), где ему пытались преградить путь небольшие венгерские силы. Сняв недостаточно сильные венгерские отряды, которыми руководил венгерский паладин Дионисий, корпус Батые вышел на Венгерскую равнину и продолжил путь на столичный Пешт (Будапешт), за стенами которого укрывался король Бела. По пути, не встречая особого сопротивления, Батый покорял один за другим местные города.

Наверное, не нужно особо доказывать, что именно во время прохождения главных монгольских сил через Карпаты король Бела упустил единственный момент, когда он со своими союзниками мог бы нанести как минимум крайне чувствительные потери своему врагу, а как максимум уничтожить его основные силы. Кочевая армия монголов, как известно, не приспособлена к действиям в ограниченном пространстве, будучи не в состоянии проявить свои лучшие маневренные качества в условиях сильно пересеченной местности. Вынужденно растянутая конница без возможности

осуществления маневра и перегруппировки сил была слишком уязвима перед европейским войском, привыкшем действовать сомкнутыми строями, опираясь на высокую боевую устойчивость в неманевренном бою. Но король Венгрии и его военачальники не смогли воспользоваться теми преимуществами, которые они получали от географии местности в комплексе с методами и способами ведения боевых действий, которые исповедовали рыцари в соответствии с Европейской концепцией организации и применения силы, чем, по сути, и решили свою судьбу.

В общем, невежественные феодалы Европы, не учитывая боевого опыта как недавнего прошлого, так военно-исторического наследия прошлых исторических эпох, сами отдали зону комфорта эффективной деятельности своих сил и полностью ушли в зону комфорта для сил своего противника.

После прямого вторжения монгольских войск в пределы Центральной Европы на общем фоне блестяще исполняемой ширококомасштабной и фазированной кавалерийской рейдовой операции произойдут наиболее значимые, с точки зрения истории военного искусства, сражения под Легницей и на реке Сайо (Шайо), в которых и определится превосходство одной из военных школ над другой на оперативном и тактическом уровнях.

Итак, успешно завершив Карпатский переход, главные силы монголов очень скоро прошли расстояние от Карпат до столицы венгерского королевства, попутно без особого тру-

да покорив местные города.

Уже 16 марта передовые отряды монгольского войска вышли к Пешту, в окрестностях которого Король Бела IV собирал войско венгров и силы своих союзников – кроатов, австрийцев, французов и других рыцарей феодальной Европы.

Подойдя к Пешту, Батый-хан расположил свои войска лагерем в паре десятков километров от столицы королевства, отвлекая на себя главные силы венгров, параллельно грабя окрестности и не допуская прибытия дополнительных сил союзников к королю Беле. Эти же правила игры были приняты и венгерским королем, который вежливо, на правах хозяина остерегался тревожить Батыя, и это несмотря на внушительные силы и средства своей армии.

Согласно общему плану, параллельно с началом активности главных монгольских сил выступили в поход отряды правого и левого флангов, из которых отряду именно правого фланга предстояло решить сложную задачу по обеспечению действий своих главных сил. От эффективности действий отряда северного вектора и от быстроты и точности противоположного флангового вектора вторжения зависел общий успех решающей фазы Западного – Кыпчакского похода армии Батыя.

Фланговый отряд царевича Кадана, за которым присматривал сам Субэдэй, без особых усилий прошел территорию Молдавии и Трансильвании, после чего успешно вышел к столице Венгерского королевства, где и соединился с цен-

тральной группой хана Батыея в начале апреля месяца. По всей видимости, главной задачей отряда левого фланга монголов было проведение отвлекающих действий на Трансильванском направлении, с тем чтобы сначала завуалировать конечную точку приложения главных сил Батыея, плюс параллельно перестраховаться и исключить любую возможность агрессивного противодействия с южного направления. Еще одной попутной задачей для Кадана и Субэдэя при движении в Венгрию было проведение разведки местности на предмет использования южного направления в качестве основного пути выхода монгольских сил из Европейского театра военных действий.

Именно после прихода войск под руководством Кадана и Субэдэя в главную операционную зону, где должно было произойти кульминационное действие всего Великого западного похода, хан Батый приступил к активным действиям против армии венгерского короля Белы IV.

Фланговому отряду под руководством царевича Байдара предстояло изрядно потрудиться в Польше, Силезии и Моравии, чтобы обезопасить силы на главном направлении действий в Венгрии со стороны опасного северного направления, по исполнению чего Байдар сможет присоединиться к своим главным силам.

Обходным маневром группа Байдара обогнула Карпаты с севера и успешно вторглась в пределы Польши. По пути следования северная группа монгольской армии сначала поко-

рила территорию южной Польши, для чего ей понадобилась операция в два этапа.

Вторжение пошло через город Люблин, после чего Байдар повел свой корпус к городу Сандомир, который и был успешно взят монголами в начале февраля 1241 года. Далее, не теряя темпа, монголы устремились к городку Скальбмеж, находящемуся чуть севернее Кракова.

Встретившись у Скальбмежа с войсками польских князей, монгольское войско ожидаемо не приняло бой на условиях своего противника, а прибегло к классике кочевой военной школы – тактическому приему «скифский выстрел», осуществив маневр по развороту на 180 градусов и начав притворно убегать.

Тактическое отступление монголов привело к тому, что польские войска, нисколько не сомневаясь в своих силах и улыбнувшейся им удаче, так увлеклись преследованием своего противника, что через некоторое время сами оказались в роли затравленного зверя.

Притворное отступление монголов привело к тому, что догоняющие их польские силы расстроили свои боевые порядки, растянувшись в походной колонне преследования. Таким образом польские рыцари самостоятельно втянулись в тактическую зону комфорта кочевого войска, чего, собственно говоря, и добивался монгольский царевич Байдар.

Отступали монголы ровно до польского населенного пункта Турск, в окрестностях которого монгольские войска

резко развернулись и контратаковали своих преследователей. В начавшемся 13 февраля 1241 года сражении у селения Турск монгольская конница, с разворота атаковав своих преследователей, опрокинула тяжело бронированных малопольских рыцарей, нанеся польскому войску большие потери в живой силе.

На участке Скальбеж – Турск Байдар на практике применил тактическую формулу: мое сосредоточение – сосредоточение противника – мое рассредоточение – рассредоточение противника – мое сосредоточение и удар по рассредоточенному противнику = моя победа.

Положительная динамика развития хода событий в оперативной активности войска северного крыла монгольских сил на данном участке, в результате которой монголы в самые кратчайшие сроки полностью разбили силы противника в решающем контрударе, стала ярким практическим подтверждением теоретического положения вышеупомянутой тактической схемы военного искусства.

Непрямыми действиями своих сил – первым маневром – монгольский царевич сначала оторвал войско противника от намеченного им (противником) поля боя, не дав таким образом полякам шанса навязать монголам правильный бой, что полностью разбило замыслы противника. После того как польские силы нарушили свой боевой порядок, войско Байдара совершило еще один маневр, после чего силам противника был нанесен решающий удар, успех которого был

обеспечен сформированной монголами новой тактической обстановкой на своих условиях, переведя противостояние в собственную тактическую зону комфорта.

Монголы, успешно маневрируя в операционном районе, вынудили противника совершить ошибку, сформировав для него крайне неблагоприятные условия для сражения и сумев достичь эффекта неожиданности в момент решающей контратаки на рассредоточенные силы противника, благодаря чему царевич Байдар нанес сокрушительное поражение своему врагу с минимальными потерями со своей стороны.

Таким образом вывод очевиден: успешная (эффективная) кинетическая и некинетическая активность сил на стратегическом и оперативном уровнях как минимум приведет к уменьшению потерь и ресурсных затрат своей стороны в открытом сражении на тактическом уровне, а как максимум приведет к победе, исключая боевую активность на тактическом уровне, то есть сложившаяся обстановка заставит противника отказаться от своих намерений (подавить у противника волю к победе).

После того как монголы нанесли сокрушительное поражение польским рыцарям у Турска, царевич Байдар повел свой корпус обратно к Сандомиру вдоль русла реки Вислы, где монголы взяли оперативную паузу. Так закончился первый – февральский этап – вторжения правого крыла монгольской армии в пределы Польши в 1241 году.

Перепланировав свои действия и перегруппировав свои

силы, царевич Байдар в марте 1241 года начал второй этап дальнейшего продвижения вглубь Польши.

Следующей промежуточной точкой на карте Польши монголами был выбран город Краков, на который Байдар повел в наступление свой корпус.

Для захвата Кракова монгольский царевич предусмотрительно разделил свое войско на две части, из которых первая, большая часть, пошла в прямое наступление на Краков, а вторая тактическая группа обеспечивала действия главных сил, прикрывая их с северного направления. Маневренная группа монголов осуществила северный крюк на участке Сандомир – Краков в направлении к городу Ленчица, прикрывая таким образом правый фланг вектора движения главного отряда Байдара, в то время как безопасность левого фланга для монголов была обеспечена руслом реки Вислы.

По ходу своего движения отряд под руководством Байдара 18 марта разбил поляков у селения Хмельник, а уже 21–22 марта монголы взяли город Краков, в окрестностях которого и соединились две тактические группы правого крыла монгольской армии.

Таким образом в Краковской операции марта 1241 года монголами была разыграна классическая оперативно-тактическая схема, которая являлась малой копией схемы действий всей монгольской армии, действовавшей на Западно-европейском театре военных действий – стратегический уровень.

Падение Кракова ознаменовало завершение покорения южно-польских территорий, после чего начинался следующий этап для корпуса Байдара, целью которого была территория Силезии, где сконцентрировал свои силы польский король Генрих II Набожный (Благочестивый), князь Кракова, Силезии и Великой Польши.

Первого апреля 1241 года царевич Байдар двинул свое войско от Кракова к реке Одер, с тем чтобы вдоль ее русла подняться вверх до следующей промежуточной точки своего похода – городу Вроцлаву.

На пути к Вроцлаву монгольское войско в очередной раз нанесло поражение полякам у населенного пункта Ополе, откуда польские войска отступили к Вроцлаву. У Вроцлава король Генрих собирал рыцарей из числа польской знати и лучших – ополченцев из числа крестьян и холопов, силезского воинства и объединенного отряда иностранных рыцарей, в число которых входили как немецкие рыцари тевтонского ордена, так и рыцари – тамплиеры из Франции.

Несмотря на то, что у Вроцлава была собрана европейская сила, Генрих Благочестивый не стал встречать там своего противника, возложив обязанность обороны города на местных жителей – горожан, и увел свою армию к Легнице, откуда намеревался объединиться с войском чешского короля Вацлава I.

В свою очередь монголы, подойдя к польскому Вроцлаву и не теряя темпа своего продвижения, устремились к городу

Легнице, в окрестностях которого польский король расположил силы союзной армии полевым лагерем в приготовлениях к генеральному сражению.

На этот раз монгольский царевич Байдар решил принять бой и сразиться с армией короля Генриха II в открытом поле до того, как войско польского короля объединится с войском своих союзников – чехов. Сражение между войском европейской коалиции и корпусом кочевников произойдет 9 апреля 1241 года и станет известным как битва при Легнице.

В том сражении войско Генриха Благочестивого представляло собой коалиционную группировку рыцарей-феодалов Европы, общая численность которой варьировалась от 40 до 60 тыс. человек. В свою очередь монгольский корпус вторжения в Польшу включал в себя три тумена и, естественно, его численность не превосходила 30 тыс. человек. В некоторых источниках численность рейдового корпуса Байдара оценивается в 10 тыс., а войско польского короля Генриха II – в 20–30 тыс. человек, что по своим пропорциям (1÷2) вписывается в общую логику численной оценки противоборствующих сторон в битве при Легнице, только в меньшем масштабе.

По численным показателям противоборствующих сторон в битве при Легнице ситуация была явно не в пользу корпуса царевича Байдара. Находящийся в автономном рейде в агрессивной для себя среде, корпус правого крыла монголов явно уступал силам, собранным польским королем Генрихом Набожным, к тому же сорокатысячное войско чеш-

ского короля Вацлава I находилось на расстоянии однодневного перехода от Легницкого Поля (Доброе Поле), поэтому монгольскому царевичу нужно было во что бы то ни стало атаковать войско польского короля и решить исход битвы в свою пользу, не затягивая сражение на несколько дней, еще до того, как чешский король будет иметь возможность привести свои силы к Легнице.

Таким образом еще до того, как польский князь Генрих II смог бы соединиться с силами своего чешского соседа Вацлава I, монгольский царевич Байдар, имея достоверные разведывательные сведения о месте нахождения сил противника и его намерениях, правильно оценил обстановку и решился на сражение в открытом поле, после того как догнал европейское войско в окрестностях Легницы.

Битва при Легнице была начата 9 апреля 1241 года, и, как это принято, первая фаза сражения представляла собой обоюдную огневую подготовку, в которой противоборствующие стороны обменялись дистанционными залпами выстрелов из луков.

Но в первой фазе сражения монголы действовали изобретательней, а их огневые – лучные отряды были более мобильны и эффективны, что и позволило монголам повести сражение по своему сценарию и начать следующую фазу боя с выгодных стартовых позиций и с перехватом инициативы.

Монголы дезориентировали противника при помощи созданной дымовой завесы на поле боя, что позволило их всад-

никам-лучникам скрывать свои маневры и выход на рубежи открытия огня. Таким образом непосредственно на поле боя в фазе завязки сражения была обеспечена внезапность и эффективность действий лучников кочевого войска.

Складывающаяся динамика событий боя вынудила польского короля и его рыцарей первыми ввести в дело главные силы и атаковать своего неприятеля, начав таким образом вторую фазу сражения под Легницей. Из-за поставленной монголами дымовой завесы рыцари не смогли вовремя оценить обстановку на поле боя и правильно прочесть боевое построение противника, поэтому первыми натиск главных сил рыцарского войска приняла на себя легкая кавалерия монголов, которая благодаря своей гибкости быстро и намеренно поддавалась давлению, заставляя инерцию рыцарского боевого порядка работать на благо монгольского замысла ведения боя.

Легкая кавалерия монголов представляла собой авангард боевого порядка и была наиболее приспособлена к такой тактической уловке, как мнимое отступление, с тем чтобы завлечь главные силы противника в преследование отступающих, что неминуемо привело к нарушению стройного боевого порядка рыцарей и их вытягиванию в преследовании, в то время как главные силы монгольского войска находились на исходной позиции в сосредоточении и были готовы расчетливо ударить по несвоевременно открывшемуся противнику.

Именно этот момент, когда главные силы рыцарского войска, сначала вклинились в монгольский авангард, а затем увлеклись его преследованием, тяжелой кавалерии монголов было обеспечено необходимое время и место, чтобы своевременно перегруппироваться и ударить открывшегося противника в его слабое место – во фланги.

Тактическая схема, примененная монголами в битве при Легнице, была подобна тактике действий монгольского экспедиционного корпуса под руководством знаменитых монгольских военачальников Джэбэ-нойона и Субэдэй-багатура в сражении против русско-половецкого войска на реке Калке в 1223 году, в котором монголы нанесли сокрушительное поражение превосходящим силам своего противника. И теперь также, как и 18 лет назад на Калке, в результате прекрасно подготовленной и осуществленной фланговой атаки главными силами в расстроенные ряды противника царевич Байдар разгромил коалиционные европейские силы под руководством польского короля при минимальных своих потерях в живой силе. В этом сражении вместе со своим войском нашел свою смерть и сам Генрих II Благочестивый.

Помимо нестандартного подхода по дезориентации своего противника на начальной стадии битвы при помощи искусственно созданной дымовой завесы в пределах поля боя, монголы прибегли к психологическому воздействию на сознание польских воинов в момент контратаки своей тяжелой кавалерией, всадники которой выкрикивали заученную

на польском языке фразу: «*Спасайся, спасайся!*», что привело польское войско в определенное замешательство в момент атаки на их боевой порядок.

С этого исторического момента Великая Польша и Силезия, которые ранее были объединены в единое государство, на время лишились военной силы, их земли были разграблены, что в ближайшие годы сильно затрудняло проведение каких-либо мобилизационных мероприятий из-за приоритетной необходимости восстановления людских и материальных ресурсов на разграбленных землях.

Некогда единое государство, собранное польским королем Генрихом II Благочестивым, было поделено на удельные княжества, что лишало Польшу статуса крупной военно-политической силы в Европе и затягивало процесс восстановления ее земель.

Европейские рыцари, входившие в состав войска польского короля являлись военной элитой Европейского континента того времени, которые несмотря на проявленную шаблонность тактики действий монгольского войска в бою в свете как недавних военных кампаний, проводимых войском Чингисхана, так и военных конфликтов исторического прошлого (военно-историческое наследие греков, римлян и парфян), так и не смогли подобрать тактический ключик для успешного противостояния кочевой концепции (форме и методам) ведения боевых действий.

В свою очередь в стратегии и тактике действий кочевого

войска четко прослеживается преимущество по отношению к наследию теории и практики применения силы парфянским войском, чье военное искусство получило дальнейшую положительную динамику развития в армии Чингисхана с учетом всех эволюционных изменений как в изготовлении вооружения и снаряжения воинов, так и в организации войска в целом.

В результате победы Байдара в сражении при Легнице 9 апреля 1241 года польские силы и немецкий Тевтонский орден были физически выведены из строя, а чешский король Вацлав I со своим сорокатысячным (!) войском был вынужден ретироваться и отказаться от дальнейших действий против вторгшихся монголов.

Таким образом царевич Байдар со своим корпусом к 9 апреля полностью решил возложенную на него главную задачу при выполнении автономного рейда на своем фланге и обеспечил безопасность с севера для основных сил хана Батыя, действующим в Венгрии – главном направлении всей военной кампании.

После победы под Легницей Байдар увел свой корпус в южном направлении и остановил его у населенного пункта Отмухув, где монгольское войско было сгруппировано и получило первичный отдых, откуда далее кочевало к Рацибужу (Ратибор).

В общей сложности, взятая Байдаром оперативная пауза, в течение которой его корпус восстанавливал силы после вы-

игранного сражения, продлилась около двух недель. Успешный выход корпуса правого фланга монголов к Ратибору завершил «Силезскую петлю», после чего Польша была окончательно выведена из игры, а северное оперативное направление перестало нести угрозу для безопасного режима оперирования главных сил монгольской армии в Венгрии.

Уже во второй половине апреля, получив приказ от Батыея, царевич Байдар повел свой отдохнувший корпус от Ратибора на воссоединение с главными силами монголов через Моравию в Венгрию.

Идя через Моравию, монголы не предпринимали никаких мероприятий, направленных на крупные и долгосрочные боевые столкновения и осаду городов, чтобы в назначенные сроки выйти в пределы Венгрии, проходя моравские земли облавой. На выполнение данной задачи корпус Байдара потратил чуть больше месяца, и уже в начале июня 1241 года часть сил прибыли в Венгрию, оставляя при этом присутствие монгольских сил в Словакии, истощая ее территорию вплоть до декабря 1241 года.

В свою очередь на главном оперативном направлении в Венгрии уже через два дня после событий у Легницы, то есть практически одновременно, произошла кульминация противостояния венгерско-хорватской армии и основных сил монголов в окрестностях Пешта.

Закончившееся битвой на реке Сайо (Шайо), оно являлось кульминационным действием всего Великого Западного

– Кыпчакского похода армии монгольского хана Батыя при поддержке других чингизидов.

Само сражение на реке Сайо между силами венгерского короля Белы IV в союзе с хорватским герцогом Коломаном (Кальман) с одной стороны и армией монгольского хана Батыя с другой стороны произошло 11 апреля 1241 года, хотя ему предшествовала шестидневная подготовительная фаза, в которой противоборствующие стороны начали активные оперативные мероприятия.

В результате энергичных действий венгерского короля, направленных на сбор коалиционных сил для отражения нашествия монголов к началу апреля в Пеште появилось шестидесятитысячное войско. Собственно венгерское войско не превышало 30 тыс., вторую половину европейских коалиционных сил представляло войско герцога Коломана плюс отряды евро-рыцарей других стран и военно-религиозных орденов феодальной Европы.

Против европейских сил в окрестностях Пешта к этому времени в распоряжении хана Батыя находились уже все его силы, кроме корпуса Байдара, включая корпус южного крыла во главе с молодым царевичем Каданом при опытном полководце Субэдэе, пришедшем в Венгрию через Молдавию и Трансильванию.

Итак, укрывавшиеся за стенами Пешта крупные силы европейцев представляли собой слишком грозную силу в оборонительных действиях. Несмотря на то, что монгольская

армия уже имела богатый и успешный опыт взятия штурмом различных укрепленных городов, осада такого города, как Пешт с гарнизоном более 60 тыс. воинов грозила монголам великими материальными и человеческими ресурсными затратами с соответствующими временными издержками. В связи с тем, что силы хана Батыя оперировали на слишком большом удалении от основного ореола обитания кочевого народа и, соответственно, от основной ресурсной базы для своих сил, даже с учетом сформированных ресурсных районов в половецких степях монгольская армия была слишком чувствительна к потерям как в живой силе, так и в материальном отношении, а поэтому Батый и его полководцы не могли себе позволить боевые действия, которые могли бы привести к критическому уровню потерь в их армии.

Для того чтобы выполнить главную задачу всего Западного похода и при этом сохранить боеспособность своих сил, монгольские военачальники прибегли к своей излюбленной военной хитрости – тактическому отступлению, с тем чтобы искусно вывести войско евро-рыцарей из их комфортной зоны (оборонительных действий под прикрытием фортификационных сооружений Пешта) в поле, подальше от городских стен (оторвать рыцарей от их оборонительно-фортификационного района), где географические характеристики были наиболее подходящими для кочевников, чем для европейских рыцарей.

В данной ситуации, в отличие от кочевников, дорогосто-

ящее войско рыцарей европейских феодалов было слишком зависимо от собственных обозов и от цепочки (сети) замков или городов, что выполняли роль пунктов всестороннего обеспечения и за стенами которых в безопасном режиме рыцари могли восстановить свои силы для дальнейших действий, и слишком чувствительно к длительным переходам в боевом режиме, которые забирали у евро-рыцарей много сил, значительно урезая их (рыцарей) боевые возможности непосредственно на поле боя.

Итак, в первые дни апреля 1241 года Батый приступил к действиям, которые начинали первый этап активной фазы решающей операции, целью которой было уничтожение засевших в Пеште коалиционных сил под руководством венгерского короля Белы IV.

После стояния под Пештом монгольские силы неожиданно для европейцев, не предприняв никаких действий по осаде столицы венгерского государства, тихо свернули свои полевые лагеря-стоянки и приступили к тому, что в понимании европейцев называлось отступлением, а для кочевников было всего лишь тактическим отступлением, предварявшим следующий этап задуманной ими операции.

Естественно, что военачальники коалиционных сил, видя отступление сил противника, воодушевились и вывели все свои силы для преследования отступающих. Однако все было не так просто, и монголы, как наследники и приверженцы кочевой военной школы, военному гению которых поко-

рилась уже значительная часть Евразийского континента, не были бы истинными чингизидами, если бы не задумали очередной оперативно-тактический шедевр.

Сознательно отступая, монгольские военачальники избрали очень грамотную тактику действий, главной целью которой было недопущение возможности визуального контакта противника с главными силами отступающих в маневре и полное сокрытие истинного намерения задуманного. В этом кочевой армии помогали высокие скоростные и маневренные качества ее воинов и тактических подразделений в целом, а также тактика действий монгольского арьергарда, легкие кавалерийские группы которого даже при отступлении держали инициативу в действиях, неожиданно появляясь и исчезая перед своими преследователями, заставляя евро-рыцарей менять темп движения своих войск в преследовании, выигрывая тем самым время для безопасного маневрирования своих главных сил, а также ведя непрерывную разведку, держа на контроле состав войск преследователей и направление их действий.

Кроме всего прочего, такая тактика действий отступающих создавала условия, при которых преследователи армии кочевников действовали вслепую, не имея возможности из-за плохих скоростных и маневренных характеристик своего воинства проводить разведывательные рейды малыми группами на всю глубину операционной зоны, а также планировать и осуществлять обходные маневры для фланговых

атак на боевые порядки войска противника, находящегося на марше.

Ровно шесть дней Батый уводил своих преследователей подальше от стен Пешта, пока в ночь на седьмой день, после того как венгры и их союзники стали полевым лагерем на равнинной местности, окруженной холмами, имея по фронту русло реки Сайо, им не было принято решение на переход к следующему этапу активной фазы операции. Именно в этот момент, когда европейское войско опрометчиво заняло невыгодную для себя полевою позицию на местности, монгольские военачальники приняли решение с разворота на 180 градусов контратаковать своих преследователей, которые уже сами превращались в объект облавы.

Если принять во внимание тот факт, что войско монголов было природным продолжателем теории и практики применения силы Парфянской военной школы, то в практике действий кочевого войска образца XIII века, помимо уже освоенных стремени и сабли, появился новый изыск в практике применения войска, который был связан с освоением темного времени суток при выполнении активных кинетических и некинетических мероприятий, направленных на создание благоприятных тактических условий как на поле боя, так и в районе ведения боевых действий в целом.

В эту ночь монголы частью своих сил опрокинули передовой отряд венгров, выставленный на противоположном от расположения основного полевого лагеря берегу реки Сайо,

вынудив венгров отойти через мост к основным своим силам, а сами переправили все свои силы через реку в другом, неожиданном для противника месте, после чего успешно заняли пустующие главенствующие высоты вокруг лагеря европейских сил, расположив на них отряды лучников и расчеты камнеметных машин.

Для того чтобы ввести в заблуждение самоуверенных европейских рыцарей, преследовавших до этого момента уходящих монголов, и при условии минимального противодействия успешно подготовить себе поле боя к предстоящему сражению, Батый осознанно или неосознанно воспользовался логикой одного из правил почтенного учителя Суня:

«По этой причине по утрам духом бодрь, днем вяль, вечером помышляют о возвращении домой. Поэтому тот, кто умеет вести войну, избегает противника, когда его дух бодр, и ударяет на него, когда его дух вял, или когда он помышляет о возвращении; это и есть управление духом».

Ночным нападением на передовое охранение коалиционных сил европейцев монгольские военачальники искусно указали ложное главное направление выдвижения своих сил, что позволило монгольским отрядам спокойно занять главенствующие высоты вокруг лагеря противника, пока он (противник) концентрировал все свое внимание на фронтальном направлении участка мостовой переправы, не ожидая «некомфортного» и скорого форсирования водной преграды на неподготовленных участках и последовавших за

этим фланговых охватов полевого лагеря европейцев монгольскими силами.

Пока евро-войско находилось в состоянии «вечернего помышления о возвращении домой», силы их противника под руководством Батыя умело воспользовались фактором ночи, что позволило монголам успешно провести уязвимую для них операцию по переправе через реку и оформлению выгодной расстановки сил в намеченном районе боевых действий.

В свою очередь венгерский король упустил, как и в марте 1241 года в Карпатах, возможность для осуществления атаки на расстроенные ряды своего противника в момент преодоления его (противника) силами природной преграды. За свое военное невежество и нерешимость король Бела IV, хорватский герцог Коломан и другие европейские рыцари-феодалы очень скоро поплатились, потеряв большую часть своего войска и лишившись собственных жизней.

В результате ночной активности Батый-хан еще до рассвета взял в тактические клещи все войско своего противника, плотно освоив два фланга вокруг лагеря европейских сил и заблокировав мост, являвшийся единственным порталом через реку Сайо по фронту. В оформленной тактической ловушке монголы намеренно оставили евро-рыцарям свободный участок местности в их тылу.

И в этом случае опытные монгольские полководцы использовали положения философии войны, о которых в из-

вестном древнекитайском трактате было написано так:

«когда противнику что-либо дают, он обязательно берет;

выгодой заставляют его двигаться, а встречают его неожиданностью;

если войско противника идет домой, не останавливай его;

если окружаешь войско противника, оставь открытой одну сторону;

если он находится в безвыходном положении, не нажимай на него».

Таким образом, оставляя своему противнику единственный выход из ловушки, монгольские военачальники заранее позаботились о развитии хода событий будущего сражения, понижая силу сопротивления европейского войска через предоставление ему выбора – или погибнуть, или же воспользоваться оставленным путем к отступлению.

Параллельно подобная уловка обеспечивала монголам благоприятные условия для вступления в следующий, завершающий период сражения, который связан с крайне предсказуемым предстоящим преследованием дезорганизованного войска противника и полного уничтожения его сил по частям.

С восходом солнца союзники с изумлением обнаружили себя в окруженном состоянии, после чего предприняли две попытки деблокирующих ударов с предела своего полевого лагеря.

Первая вылазка была отражена монголами дистанционным огнем лучников и камнеметных машин, что заставило рыцарей ретироваться за линию своих полевых фортификационных сооружений.

Во второй попытке вылазки отряда рыцарей монголы прибегли к другой тактике действий, применив свою излюбленную хитрость: мнимо отступая перед фронтом отряда рыцарей, заманили его в резко пересеченную местность подальше от их главных сил, после чего блокировали его на участке местности, ограничив евро-рыцарей в свободе маневра, и далее с успехом уничтожили весь отряд противника.

После проведенной затравки монголы приступили к следующему этапу сражения, в котором их главной задачей было максимально измотать силы своего противника, лишить его воли к сопротивлению и заставить его пойти на прорыв из тактической ловушки в намеченном участке местности.

Для этого монгольские силы, пользуясь удобным расположением отрядов лучников и команд метательных машин, занимавших позиции на холмах, расположенных вокруг лагеря противника, начали дистанционный массовый обстрел рыцарского войска. Армия европейских рыцарей, неся значительные потери, не имея возможности прямого боевого столкновения с силами своего противника на выгодных для себя условиях и видя безысходность своего положения, потянулась к отступлению в обратном направлении через подготовленный монголами проход.

Таким образом монгольские военачальники, не предприняв прямой атаки всем своим войском на превосходящие силы противника, находящиеся в обороне, вынудили европейцев совершить свою главную ошибку.

В предсказуемом отступлении по одному направлению армия рыцарей вытянулась в колонну, что позволило монголам, заранее подготовившись к подобному развитию событий, своевременно начать двойное – параллельное преследование колонны отступающих рыцарей.

Шесть дней длилось теперь уже обратное преследование монголами отступающего противника, вот только к несчастью для внушительной армии евро-рыцарей монгольская кавалерия была рождена для ведения подобных боевых действий.

В течение всего времени преследования монголы устойчиво контролировали оба фланга и тыл отступающих и постоянно поддерживали визуальный контакт со своим противником, что позволяло монгольской кавалерии захватывать и уничтожать всех отставших, легко фрагментировать отступающие силы противника и уничтожать их по частям.

В результате за все дни преследования союзная армия европейцев была полностью уничтожена, а армия Батыя пришла обратно к венгерской столице Пешту, которая после уничтожения главных европейских сил и бегства венгерского короля была захвачена и разграблена.

Батый со своим войском достиг своей конечной цели в

Кыпчакском походе: Венгрия была покорена, а все европейские силы, которые могли бы представлять угрозу монголам на Европейском театре военных действий, были полностью выведены из строя. Тем самым вся современная евро-школа теории и практики организации и применения военной силы была деклассирована кочевым военным искусством, ранее принятым Великим Чингисханом.

Проиграв сражение Батый-хану, венгерский король Бела IV с остатками своего войска, спасаясь бегством, покидал пределы Венгрии, а его союзник, хорватский герцог Коломан, после полученного ранения в бою очень скоро скончался. Спасаясь, венгерский король сначала нашел приют в столице Хорватии – городе Загребе, где пробыл до января 1242 года.

С победой монголов в сражении на реке Сайо и взятием венгерской столицы Пешт их основная оперативная активность утратила интенсивность в кинетических действиях. Монгольские войска занялись воеванием оставшихся городов и разграблением покоренных земель как самого Венгерского королевства, так и земель около оною.

Во время взятой длительной оперативной паузы, что было естественным после достижения конечной военной цели всего похода, до декабря 1241 года военные лидеры монгольских сил участвовали в европейской военно-политической игре, пользуясь имеющимися глубокими разногласиями, и с интересом наблюдали за противостоянием между сторон-

никами императора Римской империи Фридриха II и европейским политическим течением гвельфов, что представляло интересы римского папы Григория IX.

Итак, активная фаза европейской военной кампании 1241 года была проведена за каких-то 4–5 месяцев, во время которых были закончены все ключевые операции, связанные с форсированием естественной природной преграды в виде Карпатских гор и выходом трех оперативных групп на оперативные просторы, после чего монгольские корпуса успешно нанесли крупные поражения двум коалиционным армиям европейского континента, возглавляемым королями Польши и Венгрии.

Все другие армии европейских государств были выведены из игры непрямой активностью монголов: кому-то хватило простой демонстрации силы, как это было с крупной армией чешского короля, а с кем-то были успешно достигнуты военно-политические договоренности.

Результаты всех прямых противостояний европейской кампании 1241 года между силами хана Батыея и армиями центрально-европейских государств очень четко показали отсталость европейской военной школы и неграмотность, помноженную на высокомерие ее военачальников, перед высокомобильными подразделениями кочевой армии, возглавляемыми учениками и последователями великого Чингисхана.

Достигнув конечной военной цели западной кампании и

сформировав благоприятные условия для своих сил на стратегическом и оперативном уровнях, Батый-хан остановил всю активность по дальнейшему вторжению вглубь Европы, ограничившись лишь активностью одного корпуса по преследованию убегающего венгерского короля Белы IV.

Для пресечения деятельности сбежавшего короля Венгрии Батый в январе 1242 года выделил отряд царевича Кадана, а сам расположился на зимовку с основными своими силами в удобных венгерских степях, которые являлись хорошей кормовой базой для кочевой армии, параллельно покоря оставшиеся без защиты венгерские города.

Получив новую задачу, царевич Кадан очень скоро, пройдя Славонию и Хорватию, привел свой корпус к Загребу, где до этого укрывался и вел свою политическую активность венгерский король. Но к приходу монголов Бела успел покинуть Загреб и бежал далее к побережью Адриатического моря.

В свою очередь монгольские силы преследования после взятия Загреба устремились по следам Белы IV к морскому побережью, где монголы сначала осадили, а потом овладели крепостью Клисс. Но и в этом случае венгерскому королю удалось избежать встречи с монгольским царевичем Каданом.

Далее из соседней с Клиссом крепости Трогир король Бела ретировался в Сплит, откуда на корабле вышел в море, где укрывался подальше от материка на островах Кралевац

и Рабе.

Во время венгерской зимовки 1241–1242 годов на плодородных землях Среднедунайской низменности или Паннонской равнины Батый собрал воедино все свои силы, участвовавшие в Кыпчакском походе. Здесь же его настигло печальное известие о смерти в декабре 1241 года Великого хана Монгольской империи Угедея, после чего на созванном военном совете было принято решение о завершении Западной военной кампании и уходе из Европы.

В результате уже в начале весны 1242 года Батый повел свою армию к устью Дуная, район которого должен был стать плацдармом, от которого монгольские силы начнут свое возвращение в ореол своего обитания.

В момент, когда Кадан получил весть о смерти императора Угедея и приказ вернуться в ставку, его корпус находился в операционном районе треугольника хорватских крепостей Трогир – Клисс – Сплит. Отсюда царевич Кадан повел свои силы на соединение с главными монгольскими силами, параллельно отправив отряд в южном направлении вдоль Адриатического побережья. Этот отряд по ходу своего движения взял боснийско-сербские города Свач, Дриваст, Рагозу (Дубровник) и Каттаро в прибрежной полосе, после чего также устремился через Болгарию к устью Дуная на соединение с главными силами.

Третья фаза (возвращение в новый улус)

В результате всей оперативной активности конца 1241 – начала 1242 годов армия Батый-хана собралась в районе устья реки Дунай, откуда после реорганизации сил и средств и войскового смотра Батый двинул свою армию на Волгу кратчайшим путем через Северное Причерноморье, Приазовье и далее по прямой от устья Дона к Волге.

Уходя из Европы, на крайнем военном совете, собранном у устья Дуная, монгольскими военачальниками было принято решение оставить полководца-чингизида по имени Ногай с частью сил в пределах молдавских и болгарских земель.

В этом географическом пространстве, чьи природные характеристики подходили для ведения кочевого образа жизни, Ногаю предстояло сформировать удельное княжество, которое, с одной стороны, являлось неким заградительным барьером перед юго-западными границами нового улуса – жизненного пространства кочевников, а с другой стороны, представляло собой передовой плацдарм, что вклинивался в юго-восточное подбрюшье Центральной Европы.

Придя на Нижнюю Волгу, ставшей центром новообразованного улуса Джучи, хан Батый основал там свою столицу Сарай-Бату, под контролем которой оказалась почти вся территория Дешт-и-Кыпчак (Половецкая/Кыпчакская степь).

Возвращение армии хана Батыя в пределы географического сердца Половецкой степи было заключительной фазой кампании по покорению западных земель, а установление нового средневекового государства в Евразии, получившего в дальнейшем название Золотая Орда, явилось логическим и главным политическим завершением всей Западной кампании монголов.

Так была завершена одна из самых масштабных рейдовых операций в мировой истории войн, положительный исход которой позволил силам инициатора на выходе успешно создать собственное государство и сформировать некие буферные зоны, которые обеспечили новому монгольскому улусу в долгосрочной перспективе безопасные и комфортные условия дальнейшего существования.

Итоги Великого рейда

При анализе динамики событий и развития активности монгольского войска на западном стратегическом направлении в рамках 1235–1242 годов видно, что Западный поход монголов имел четкую структурированную форму, в которой каждой фазе и внутренним периодам соответствовали собственные цели и задачи разной степени важности, которые в конечном итоге привели Батый-хана к его заветной цели, завещанной еще Великим Чингисханом.

Фазы и периоды Великого Западного (Кыпчакского) похода

Фазы и периоды	Временной отрезок	Поставленные и выполненные цели и задачи
I-я фаза	1235 г. – конец 1239 г.	Завоевание жизненного пространства для Западного улуса монгол; формирование северо-восточного внешнего пояса безопасности; наказание кровников.
1-й период	1235 г. – весна 1236 г.	мобилизация собственных сил и средств; выход в район ТВД.
2-й период	июнь – декабрь 1236 г.	покорение Кыпчакской степи и близких прилегающих земель (степное пространство от Каспийского до Азовского морей).
3-й период	1237 г.	оперативная пауза; формирование новой ресурсной базы; восстановление и накопление сил в Кыпчакских степях; подготовка к следующему периоду активных действий.
4-й период	декабрь 1237 г. – конец марта 1238 г.	покорение Северо-Восточной Руси; формирование пояса безопасности; закрепление результата фазы, наказание кровников (1223 г.).
5-й период	весна 1238 г. – конец 1239 г.	оперативная пауза; формирование новой ресурсной базы; восстановление и накопление сил в Кыпчакских степях; подготовка к следующей активной фазе.
II-я фаза	зима 1239-1240 г. – весна 1242 г.	Устранение источников вероятной опасности через уничтожение сил кровников и покорение их союзников на Западном направлении (Венгрия, Польша); проведение чистой рейдовой операции без закрепления на пройденных территориях.
1-й период	зима 1239-1240 г. – конец 1240 г.	покорение Юго-Восточной Руси; выход на Карпатскую линию.
2-й период	конец 1240 г. – январь 1241 г.	оперативная пауза; формирование оперативного плацдарма. перегруппировка сил и средств.
3-й период	январь 1241 г. – апрель 1241 г.	период активных действий фазы покорения Венгрии и Польши; уничтожение польских и венгерских сил.
4-й период	апрель 1241 г. – весна 1242 г.	закрепление результата европейского рейда; перегруппировка сил и средств; подготовка к возвращению в ореол своего обитания; выход в оперативный район общего сбора перед обратным маршем.
III-я фаза	1242 г.	Возвращение на Волгу.

Интересным является то, что формально основная цель всей кампании была достигнута уже в первой фазе, а вся пе-

риодическая активность монгольских сил в следующей фазе была направлена на придание устойчивости достигнутому результату и на обеспечение внутренних и внешних благоприятных условий для удержания результата.

Таким образом основная масса достигнутых промежуточных целей не вела к достижению главной цели, а вела к закреплению достигнутого ранее результата – фиксации победы.

Данная схема достижения главной выгоды является своеобразной ввиду отсутствия линейного поступательного хода ее действий от меньшего к большему, в результате чего сначала была достигнута главная цель военной кампании, имевшая высшую степень приоритетности, а основные промежуточные и конечная цели с более низкой степенью приоритетности достигались в следующей, второй фазе.

Физический смысл такого порядка проведения военной кампании заключался в том, что выгодой, которую должны были извлечь монголы от своего похода, являлось построение нового государственного образования, да еще и на новом географическом пространстве, то есть война должна была обеспечить конечный политико-административный результат, ради чего, собственно, и проводятся кинетические и некинетические мероприятия в комплексе.

Игра на долгосрочную перспективу заставляла чингизидов ставить соответствующие цели и задачи своей военной кампании, не ограничиваясь краткосрочными выгодами, по-

тому монгольские военачальники просчитывали ситуацию на несколько шагов вперед, проявляя лучшие качества стратегического мышления.

Для того чтобы построить новый улус, монголам было необходимо отвоевать новое жизненное пространство, а для того, чтобы его успешно выстроить и обеспечить условия его дальнейшего процветания, то есть освоения новых земель, этого было еще недостаточно.

При выполнении необходимого условия силы Батый-хана нанесли поражение войску половецкого хана Котяна и взяли под контроль территорию Кыпчакской степи. После того как задача завоевания ореола обитания в границах от Аральского и до Азовского морей (необходимое условие) была успешно решена Батый-ханом за один 1236 год, наступала более длительная фаза, в рамках которой нужно было выполнить все условия, чтобы образованное государство состоялось.

После 1236 года вся активность монгольских завоевателей была направлена на устранение внешних угроз в лице кыпчаков, русских князей, а также венгров, давших приют отступившим кыпчакам, и поляков, на землях которых укрылись галицко-волынские и черниговский князья, с целью исключения или минимизации рисков возможности реванша со стороны кыпчаков и их прошлых и настоящих союзников.

Эта активность была тем более важна ввиду того, что давний кровник монголов – половецкий хан Котян, которому

принадлежала степь от Аральского и до Азовского морей, и 40 тыс. его соплеменников успешно ускользнули от Батый-хана и ушли в Европу. Таким образом Батю необходимо было, не теряя темпа, исключить возможность восстановления сил и реванша со стороны половцев, нашедших приют и союзников в Европе.

Итак, после того как русские князья вступились за половцев в 1223 году, а польский и венгерский короли – за хана Котяна и князей юго-восточной Руси в 1237–1240 годах, монгольские царевичи, отбившие степь у половцев, уже воспринимали всех перечисленных князей и королей не как возможных союзников, а как своих данников.

Усугубило участь русских и европейских земель банальное невежество их князей в вопросах ведения внешней политики, по приказам которых были убиты все монгольских послы-парламентеры как в 1223, так и в 1240 году.

Умерщвление посла, согласно Великой Ясы Чингисхана, было у монголов смертным грехом – *«за убийство посла – ответит смертью все племя убийцы»*, за что и пострадало простое население.

Подобное положение дел и обусловило неизбежность столкновения кочевой армии под руководством хана Батя с дружинами русских князей и войсками коалиционных сил европейских феодалов, представлявших военную школу оседлых народов, на европейских просторах.

В противоборстве двух военно-политических систем,

произошедшем в 1241 году, и определился окончательный победитель, военная школа которого взяла «пальму первенства» и взошла на вершину военного Олимпа.

В чем же была исключительность кочевой военной школы, благодаря которой монголы покорили большую часть Евразийского континента, и в чем концепция организации и применения силы евро-рыцарей уступила концепции, принятой в войске Чингисхана?

Чтобы наглядно провести оценку потенциалов двух военных культур, столкнувшихся в рамках военного конфликта (войны), и для их последующего сравнения, следует заключить военные характеристики противоборствующих сторон в единое оценочное поле с одним набором оценочных показателей.

Единая оценочная таблица, включившая в себя три основных комплексных показателя, полностью характеризующих силу каждой из противоборствующих сторон, имеет следующий вид.

Таблица оценки и сравнения военных потенциалов монгольского войска и войска евро-рыцарей на момент их прямого противостояния в 1241 году

Показатели	Монгольские силы	Европейские силы
1. Военно-технический уровень.	Соответствие вооружения и снаряжения своей военной школе.	Соответствие вооружения и снаряжения своей военной школе.
2. Уровень пассионарности – сила боевого духа.	Пассионарный всплеск на основе этногенеза народов Степи.	Пассионарный всплеск на основе религиозной идеи в Европе.
3. Уровень военной подготовки.	Соответствие, теории и практики проведения военной кампании и ведения боевых действий, субъектам и объектам пространственной системы ТВД. Вся активность монгольских сил на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях, была в полной корреляции по месту и времени, и в едином замысле. Приоритетность не прямых действий на всех трех уровнях по отношению к прямому противостоянию на поле боя.	Несоответствие, теории и практики проведения военной кампании и ведения боевых действий, субъектам и объектам пространственной системы ТВД. Отсутствие единой и частной стратегии действий европейских сил, дисбаланс действий на оперативном и тактическом уровнях. Кинетическая активность на тактическом уровне была в приоритете по отношению к кинетической и некинетической активности на стратегическом и оперативном уровнях.

По первому показателю (военно-технический показатель) количественно-качественные характеристики всего того, что находилось на вооружении войск, были в относительном паритете.

У кочевников эволюция развития вооружения и доспехов была направлена в первую очередь на обеспечение индивидуальной и коллективной свободы действий во время прове-

дения боевой активности при сохранении достаточной безопасности для воинов и их боевым коням.

Образцы индивидуального оружия кочевников, в первую очередь сабля и лук, обеспечивали воинам более высокую степень свободы (маневренности) перед индивидуальным оружием европейских рыцарей как при оперировании в индивидуальном бою, так и при коллективном маневрировании тактическими единицами и огнем (залпами из луков отрядами конных лучников).

У оседлого войска военно-техническая сторона проходила в своем развитии по пути придания максимальной степени защиты и мощи всаднику в ущерб индивидуальной и коллективной мобильности, способности вести продолжительные боевые действия и преодолевать большие расстояния без временной потери боевой способности.

В общем, у каждой из сторон наличествовал передовой для того времени набор индивидуальных и коллективных средств вооружения и снаряжения, соответствовавший собственному пониманию организации и применения военной силы. П

оэтому решающими показателями в определении военного превосходства одной стороны над другой будут следующие два показателя.

Определение разности уровней пассионарности (силы боевого духа) также не вносит определенности, потому как и та, и другая стороны противостояния находились в границах

полосы стабильности пассионарного подъема. И если в Европе данный уровень обеспечивался религиозным фанатизмом (идеями) на фоне различных Крестовых походов, то устойчивый мотивационный уровень монгольского войска держался за счет процесса сложения этнической общности племен степи.

Таким образом в сложившихся условиях определяющий фактор превосходства одной военной силы над другой будет находиться в плоскости эффективности применения на практике соответствующих форм, методов и способов ведения вооруженной борьбы – уровень военной подготовки.

Данный показатель является комплексным и определяется следующей внутренней составляющей:

- качество военной мысли;
- уровень выучки.

В свою очередь качество военной мысли включает в себя оценку теории организации военной силы и теории ее практического применения.

Общая оценка уровня выучки складывается из оценок индивидуальной и коллективной выучки командного и рядового составов.

В этом противостоянии обе стороны исповедовали концепцию применения конницы как основной силы на поле боя, и это, пожалуй, единственное, что объединяло эти две силы.

Основные отличия монгольского и европейского войск

лежали в плоскости организации, а также теории и практики применения конницы. К

очевое войско имело более сложную структуру, включавшую в себя тяжелую и легкую кавалерию.

Тяжеловооруженные монгольские всадники хоть и представляли собой элиту войска, но были не самой ее многочисленной частью. По своим маневренным показателям конные латники значительно уступали легким кавалеристам, но на поле боя являлись силой стабилизации и решающего удара.

Под прикрытием стройных шеренг тяжеловооруженной кавалерии действовали мобильные отряды легкой кавалерии, основной задачей которой было подготавливать благоприятные условия для решающих действий своих старших братьев.

В свою очередь легкая кавалерия подразделялась по своему функционалу еще на три группы:

- подразделения разведки;
- подразделения конных лучников;
- подразделения обеспечения.

Именно с помощью легкой кавалерии монгольские военачальники успешно вели разведку местности и сил противника, а также формировали нужную им (военачальникам) оперативно-тактическую обстановку как на поле боя, так и в районе ведения боевых действий в целом.

Всадники-лучники в монгольской армии так же, как и в парфянской армии середины I века до н. э., представляли

собой самую массовую ее часть, выполнявшую роль высоко-мобильных тактических групп, способных с помощью своих луков в маневре и дистанционно поражать живую силу противника, чего совсем не могли себе позволить пешие лучники европейского войска.

Имеющиеся в монгольской армии подразделения обеспечения не были столь боеспособны как первые два рода легкой кавалерии, но были также сверхмобильны, как и все войско монголов, позволяя ему (войску) оперировать без оглядки на медлительность частей обеспечения.

Европейская школа военного искусства образца XIII века не могла похвастаться структурной гибкостью своего войска, что сильно ограничивало его (войска) свободу действий и негативно отображалось на вариациях оперативно-тактических приемов и оперативности.

В таких условиях войско рыцарей не могло позволить себе ни организацию всесторонней разведки будущего ТВД, ни провидение рейдовых операций на стратегическую и оперативную глубину, ни организацию своевременного и дистанционного поражения живой силы противника в выбранной точке приложения силы и в соответствии с изменяющейся обстановкой во время боя.

Для обеспечения боевой активности рыцарей в войске европейского образца имелись совсем немобильные пешие воины, действовавшие в интересах своих рыцарей на марше, на привале и в бою, и, естественно, пешие воины никак не мог-

ли повлиять на формирование нужной рыцарям оператив-но-тактической обстановки в соперничестве с легкой конницей противника.

Действия войска европейских феодалов стесняли их громоздкие и неповоротливые обозы, от которых дорогостоящие евро-рыцари были слишком зависимы на марше и при оперировании вдали от замков – пунктов безопасности и обеспечения.

Таким образом по своей организационной структуре евро-войско сильно уступало структуре монгольского войска, что уже с нулевой точки создавало хороший задел кочевникам в возможности применения своей силы с превосходных позиций по отношению к своему противнику.

Итак, с позиций уже рассмотренного, мы имеем общую картину состояния сил противоборствующих сторон по части военно-технического оснащения войск, коллективного и индивидуального мотивационного уровня к ведению боевых действий, а также организационно-штатной составляющей военной силы.

Однако есть еще нечто важное, что придает войску его главную силу и возвышает военную силу в ранг безоговорочного лидера на полях сражений, а военачальнику, сумевшему грамотно организовать и применить военную силу, позволит примерить лавровый венок победителя и занять свое место на историческом пантеоне славы военного Олимпа.

Чтобы поставить окончательную точку в процессе оценки

военного потенциала и понять, чем же была обеспечена победа сил Батый-хана над коалиционными войсками Европы, необходимо уделить внимание двум оставшимся составляющим, определяющим уровень практического применения военной силы и уровень выучки (эффективности практического применения силы), которые вместе с оценкой качества организации военной силы полностью сформируют понимание уровня военной подготовки – третьего показателя таблицы оценки и сравнения военных потенциалов.

Первые два показателя вместе с характеристикой организации военной силы определяют статическую мощь армии, но, как известно, победа на полях сражений достигается маневром, а не безучастной статикой и инерцией.

Вооружение и снаряжение – это всего лишь культурно оформленные куски металла, кожи и ткани. Организационно-штатная структура войска – это всего лишь статическое оформление живой силы.

Но для того, чтобы завоевать победу, необходимо организовать и привести в движение все материальные вещи, причем так, чтобы форма, методы и способы применения живой силы и сподручных материально-технических средств были на порядок эффективнее, чем это сумеет сделать твой противник.

Итак, начнем.

В отличие от своего противника евро-рыцари не использовали в своих активных действиях стратегическую и опера-

тивную глубину театра военных действий, а предпочитали решать все свои задачи действиями сомкнутого строя тяжелооруженных всадников – рыцарей на поле боя (тактическом уровне) при поддержке пеших лучников. К тому же тяжелая конница при пешем обслуживающем персонале была слишком неприспособлена к длительным и скоростным переходам, преодолению больших расстояний с сохранением достаточного уровня боевого потенциала при выходе в конечную точку.

В своей концепции применения силы европейцы полагались на выяснение отношений в рамках прямолинейных действий решающего (генерального) сражения с максимальной концентрацией энергии в границах единого тактического поля, по результатам которого (сражения) проигравшая сторона, по их понятиям, должна была полностью капитулировать, а победившая сторона, соответственно, принять капитуляцию.

В соответствии с принятой концепцией ведения войны в европейских армиях происходило оформление структуры войска и его внешнего облика, в котором упор делался на увеличение номинальной мощи каждого из всадников, которые после коллективного удара выполняли роль отдельной тактической единицы на поле брани.

Такая упрощенная схема применения силы не подразумевала маневренных изысков на оперативном уровне, направленных на исключение ситуации как с непропорциональным

использованием силы в конкретной точке ее приложения, так и с возможностью неоправданных потерь в живой силе и материальных средств в одной кровопролитной баталии.

В условиях предпочтения действий на коротких дистанциях тактического поля с применением нехитрой грубой силы, цена победы в основном оказывалась слишком высокой, после которой сторона, вышедшая из сражения победителем, как правило, лишалась своего военного потенциала. А это уже слишком большая угроза, ведь если военная кампания получит свое продолжение, потому что противник не использовал в сражении всю свою силу, а только лишь ее часть, или же в конфликт вступит еще одна сторона, тогда победившая сторона рискует лишиться всех своих завоеванных выгод.

В свою очередь монгольские полководцы при воплощении собственной концепции применения силы слишком хорошо чувствовали географическое и социальное пространство всего театра военных действий, понимали значение приоритетности действий на пути достижения главной цели войны.

Монгольские силы в операции с легкостью и быстро делились на тактические группы и успешно оперировали врозь, но в рамках единого замысла боевых действий или военной кампании с четкой корреляцией своих действий по месту и времени.

Действуя децентрализованно в географическом простран-

стве, монгольское войско своими маневрами легко вводило в заблуждение противника, при этом контролировало «поле боя», пользуясь своей большей свободой действий, достигая эффекта внезапности при одновременном соединении части или всех своих сил в выбранной точке приложения силы для оказания воздействия на своего противника.

Для достижения главной цели военной кампании монгольские военачальники совсем не полагались на прямолинейность открытого генерального сражения, а предпочитали в лучшем случае ставить мат своему противнику, не доводя дело до ожидаемого массового побоища или, на худой конец, подводить войско своего противника к сражению в заведомо проигрышной для него обстановке, что делало шансы противника на победу практически равными нулю.

Благодаря кочевому образу жизнедеятельности и гибкости структуры своего войска, монгольские командиры успешно освоили все уровни театра военных действий – стратегический, оперативный и тактический, полагаясь в своих действиях на своевременность и точность выполнения поставленных задач, а также на глубину маневра как боевыми подразделениями, так и огнем.

Монголы с успехом переводили свою активность с тактического на оперативное пространство и обратно в зависимости от складывающейся обстановки без потери общего темпа и снижения боеспособности в операции-сражении.

Эффективность кинетических действий обеспечивалась в

монгольской армии проведением многоуровневой разведки сил и средств своего прямого противника и социально-географической картой театра военных действий при поддержке некинетической активности войска.

В своих действиях монгольские командиры были хитрее и гибче, чем их европейские визави. В этой кампании их командиры проявили самые лучшие качества в управлении своим войском и реализации плана военной кампании, а их подразделения показали высочайший уровень индивидуальной и коллективной подготовки (выучки) при выполнении приказов. Это и позволяло монгольским военачальникам разделять свои силы и успешно действовать на различных уровнях театра военных действий как децентрализованно, так и объединенно в интересах достижения разноуровневых целей Западной кампании.

Боевой порядок монгольского войска, в отличие от рыцарского, в динамике его применения независимо от уровня оперирования был более гибким, что позволяло монголам более быстро и эффективно находить отклик на «внешний раздражитель».

Таким образом, благодаря соответствию структурной организации силы концепции применения этой же силы, монгольские всадники могли успешно формировать зону собственного комфорта и легко выводить противника из его зоны комфорта, обеспечивая себе крайне выгодные и благоприятные условия для проведения сражения и военной кам-

пании в целом.

В противостоянии кочевой и оседлой концепций применения силы времен Великого западного похода чингизидов статика и инерция массы была побеждена скоростью и осмысленным маневром.

В этом контексте крайне интересно было бы рассмотреть разность подходов к организации и проведению дальних автономных походов-рейдов как в монгольской армии, так и в европейских войсках, которые были ярко проявлены во время завоевательных походов Чингисхана и его наследников в XII–XIII веках и серии религиозных походов европейцев в Палестину в XI–XIII веках, более известных как Крестовые походы. Но по своей глубине и значимости раскрытие данной темы достойно отдельного и более скрупулезного рассмотрения.

Кажется, что Чингисхан и его ближайшие сподвижники в свое время раскрыли секрет войны, которая (война) представляла собой систему с N -ным количеством плоскостей, в рамках которых происходило применение взаимосвязанных насильственных и ненасильственных (прямых и непрямых, кинетических и некинетических) средств борьбы, при помощи которых противнику навязывалась своя воля на тактическом, оперативном и стратегическом уровнях, вследствие чего и достигалась главная стратегическая политико-экономическая цель.

Познание философии войны с накоплением боевого опы-

та и его передачей последующим поколениям позволяло сначала самому Чингисхану, а затем и следующему поколению чингизидов проводить эффективное планирование структурированных боевых действий и военной кампании в целом.

Поэтому когда на грамотное планирование военной кампании, операции и сражения, опирающегося на основы передовой военной мысли, накладывалась высокая степень выучки и исполнительного мастерства, индивидуального и коллективного порядка, то такая схема применения военной силы становилась непобедимой.

Культура исполнения приказов и задуманного в монгольском войске была на порядок выше, чем уровень этого же показателя в европейских войсках, что, собственно говоря, и доказал ход второй фазы западной военной кампании и ее результаты.

Что же такое было у монгольской армии Чингисхана, чего не было в войсках их противников, и что вырабатывало у степных командиров такую модель поведения и управления, которая вынуждала их воинов выполнять все поставленные перед ними задачи беспрекословно и с высокой степенью мотивации?

Сначала личный пример Темучина (Тэмуджин) как полевого командира стал основой для формирования устного свода правил – кодекса поведения воина-кочевника, благодаря которому вокруг личности Темучина группировались люди вольной Степи. Далее после того, как великому мон-

гольскому воину удалось объединить разрозненные племена, на всеобщем монгольском курултае был принят свод правил для чингизидов под названием Великая Яса – закон великой власти. Вот что в первую очередь стало фундаментом воинской дисциплины и твердости духа монгольской армии.

Процесс выработки законодательной базы для народа-войска проходил параллельно с процессом личностного становления Темучина как военно-политического лидера всего монгольского народа, потому его провозглашение великим ханом всех монгольских и тюркских племен Степи и принятие Великой Ясы произошло одновременно на общем племенном историческом съезде – курултае в 1206 году.

С обретением Ясы армия, как и народ в целом, получала уже письменно закрепленные правила войны и мира, преступления и наказания, которые, помимо регуляции гражданских взаимоотношений, прописывали правила организации военного дела и ведения войны, похвальные доблести и запреты.

Кстати, кочевые силы были непобедимы ровно до того момента, пока наследники чингизидов как хранители закона не только на словах подтверждали, но и на деле придерживались уложений Ясы. Но как только наследники Великого хана всех монголов и по совместительству правители своих улусов стали отходить от уложения Чингисхана, вся их власть стала растворяться во внутренних распрях и поглощаться экспансией других народов.

Это открывает еще одну опцию для познания военного искусства, вернее, того, что дополняет методику изучения различных концепций и форм организации и применения военной силы.

В этом случае процесс познания идет через изучение фактора личности военного лидера в организации военного дела и его влияния на внутренние и внешние процессы многоплоскостной системы координат такого явления, как война.

Военный лидер (лев и олени, олень и львы)

В иррегулярности, в отличие от регулярной армейской структуры, значение личности военного лидера имеет большую актуальность ввиду того, что процесс организации военной силы находится в начальной фазе и сопряжен с зависимостью от прямых личностных доверительных взаимоотношений между «полевым командиром» и бойцами сколачиваемого отряда, формирующихся на основе признания авторитета лидера, чьи профессиональные и морально-этические качества позволяют ему возвыситься над другими.

Если посмотреть на эту проблему с позиций военной философии Сунь-цзы, соответствующие статьи которой нашли свое отображение в его трактате «Искусство войны», то монгольские военачальники из числа современников Чингисхана и следующих двух поколений чингизидов обладали всем необходимым набором личных качеств и знаний законов войны.

Степные стратеги и командиры были личностями с более высокими морально-волевыми качествами, которые культивировались во всем монгольском войске, они лучше читали социально-географическую карту театра военных действий, лучше знали психологию противника, как и когда применять военную силу. Благодаря этим личностным качествам монгольским военачальникам указанного периода достаточно легко удавалось управлять не только своими силами, но и действиями противника.

При помощи кинетической и некинетической активности на всех уровнях степные князья и багатуры не только умело разрушали замыслы своего противника, но и заставляли его (противника) действовать в русле собственного замысла ведения боя и операции в целом.

Монгольские полководцы всегда планировали и проводили свои мероприятия (прямые и непрямые действия) на тактическом, оперативном и стратегическом уровнях в тесной корреляции друг с другом и в привязке к месту и времени в интересах достижения главной цели кампании.

Военачальники евро-войск по какой-то причине не использовали стратегическое и оперативное поле для своей активности, что свидетельствует об их серьезной некомпетентности в военном деле. А при таком подходе к военному делу невозможно было эффективно проводить кампанию, полагаясь только на возможный успех в рамках тактического поля, в то время как противник успешно освоил два других

высших уровня, что позволяло ему (противнику) добиваться результатов на стратегическом и оперативном уровнях, избегая при этом прямого боевого соприкосновения на тактическом уровне в невыгодных для себя условиях.

Умело используя стратегическое и оперативное поле, монгольские военачальники легко меняли тактическую обстановку в свою пользу, благодаря чему их войско с минимальными затратами добивалось победы в локальном и генеральном сражениях.

Исходя из вышесказанного, можно констатировать, что в то время в военной организации евро-образца напрочь отсутствовала прослойка стратегов, которые с высоты своих познаний в военном искусстве могли бы выработать жизнеспособную концепцию организации и применения военной силы или же как минимум применить наличествующую военную силу с наибольшим коэффициентом полезного действия из возможного в противостоянии с кочевой военной культурой.

В монгольских войсках, в отличие от европейской военной школы, пошли дальше, чем простое нахождение военной силы под руководством одного главнокомандующего, и стали успешно применять управленческие схемы – командные спайки, в которых при энергичном и не особо опытном полководце всегда состоял более взвешенный и умудренный боевым опытом полководец-наставник.

Такая схема оказалась очень эффективной, в которой без-

удержная инициатива и желание сражаться уравнивались сдержанностью и уверенностью военного опыта. Другими словами, опытный теоретик усиливался напором исполнительной инициативы и наоборот.

Ведь очевидно, что не всегда талантливый теоретик является эффективным практиком (исполнителем), а блестящий строевой командир может грамотно выработать концепцию применения силы. Поэтому имеет смысл заключать эти две ипостаси в одну спайку, в которой теоретик и планер-стратег осуществляли бы общее стратегическое руководство войной и следили бы за тем, чтобы практика не выходила за рамки логики принятой концепции ведения военной кампании, а командующий войском отвечал бы за практическое исполнения задуманного на «поле боя» в широком смысле этого понятия.

Вот почему при такой управленческой схеме и стратег, и командующий являются взаимозависимыми основными фигурами в армии, работа которых направлена на достижение главной цели кампании и от взаимопонимания которых зависит судьба не только их армии, но и государства в целом.

Таким образом, конечный результат противостояния экспедиционного корпуса монголов и коалиционных сил Европы при условии паритета по уровню пассионарности сторон конфликта и военно-технической оснащенности их войск определялся в соперничестве полководцев в рамках эффективности применения ими теории и практики собственной

концепции применения силы. В этом случае чингизиды на голову оказались выше своих европейских визави и в теоретических познаниях военного искусства, и в планировании и практическом исполнении задуманного.

Полный успех монгольской военной культуры в период их западных завоеваний в 1241 году был обеспечен соответствием превосходного уровня их военной мысли и успешной практики ее применения на фоне пассионарного всплеска этноса – народа и надлежащего качества вооружения и снаряжения войска.

В период пассионарного всплеска монголов в конце XII и первой половине XIII века их войско покорило столько больших и малых народов, взяв под контроль значительную географическую территорию Евразии, разбив армии, на вооружении которых были различные теории и практики ведения боевых действий, что войско, организованное Чингисханом, по праву можно считать эталонной военной силой своего времени.

Чингисхан заложил и развил такие передовые основы организации армейского организма и практики ведения военных кампаний, что вехи монгольского военного искусства являются актуальными и по сей день, находя свое применение в концепциях современных армий.

Чингисхан и его сподвижники познали войну как великое дело – искусство, в основе которого, согласно учению Сунь-цзы, лежат такие пять явлений, как Путь, Небо, Земля, Пол-

ководец и Закон.

До того как стать великим ханом, Темучин очень четко для себя усвоил значение, которое имеет для правителя–полководца и его будущих побед достижение единства мысли между правителем и народом, полководцем и его войском еще до наступления войны. Поэтому ему и удалось в короткие сроки собрать вокруг себя так называемых «людей длинной воли», которые и стали для него верными соратниками и первичной военной силой – ядром, вокруг которого и происходило объединение разрозненных племен кочевников.

Естественно, что процесс аккумуляирования сил и средств рождающегося народа-войска происходил благодаря личным профессиональным и морально-этическим качествам военного лидера и его умению правильно награждать и наказывать – оценивать своих подчиненных и побежденных врагов.

Поднятая Темучином пассионарная волна в Степи в процессе объединения народа обеспечивала новому войску высокий уровень мотивации как среди простых воинов, так и среди их командиров. В свою очередь мотивационный фактор напрямую влиял на своевременность и правильность выполнения правил и приказов в войске, а также на организацию и эффективность процесса обучения солдат и офицеров. Это и обеспечивало первичную коллективную силу степного войска.

Во время первых военных походов новый лидер степных народов смог грамотно оценить степень влияния различных факторов внешней среды – оболочки поля боя или тетра военных действий, которое они (факторы) оказывали на ход ведения боя и военной кампании в целом, и преимущества, что получал полководец, который мог умело считать и пользоваться постоянными и переменными величинами природных явлений, рельефа местности и политико-социальной карты театра военных действий.

Успешное познание Чингисханом всей природы войны как явления со своими законами и правилами завершило процесс формирования его как талантливого полководца своего времени. Военный гений великого хана и его сподвижников помогал избегать поражений, вместо которых одерживались блестящие военные победы, шансы на которые при таком подходе к военному делу возрастали в разы еще до начала сражений.

Чингисхан и его сподвижники научились применять военную силу соразмерно с той выгодой, которую они намеревались получить по завершении сражения или кампании. В монгольском войске никогда не допускалась ситуация, когда победа достигалась посредством критического уровня материальных и человеческих потерь как на оперативно-тактическом уровне, так и на стратегическом.

Вот и в Кыпчакском походе главной – стратегической выгодой для монголов было образование Западного улуса на

подходящем жизненном пространстве с параллельным формированием по периметру нового государственного образования так называемого пояса безопасности. А все остальное, связанное с наказанием кровников, покорением городов, боевыми столкновениями с войсками различных княжеств, лежащих на пути продвижения монголов к своей главной цели, являлось всего лишь цепочкой промежуточных целей и задач на оперативном и тактическом уровнях, которые не требовали обязательного и немедленного решения большинства из них любой ценой, что оставляло монгольским военачальникам пространство и время для осуществления маневра в процессе достижения главной цели (выгоды) кампании.

Монголы очень хорошо чувствовали фактор времени, увеличение длины которого затягивало и саму победу, вследствие чего

«... оружие притупляется и острия обламываются; если долго осаждают крепость – силы подрываются».

Поэтому монгольские военачальники не тратили время, силы и средства на осаду крепостей в Европе, если они не являлись критическими точками приложения силы, всегда придерживаясь правила выполнения вариаций промежуточных задач, выводящих их к главной цели по оптимальному пути.

Так «людьми длинной воли» в Степи была сформирована мощь нового народа-войска, военно-политическим лидером которого был Темучин. Благодаря военному гению он при-

вел своих людей к великой Монгольской империи, обретая титул великого хана по имени Чингиз.

В период с 1184 и по 1205 годы Темучин благодаря своей активности сумел подчинить своей власти все монгольские племена, а закономерным завершением процесса объединения кочевых племен стал общий монгольский курултай, собранный у истоков реки Онон весной 1206 года, на котором Темучин был провозглашен великим ханом всех племен, получив имя Чингиз.

На этом же курултае была принята Великая Яса – закон великой власти. Так разрозненные монгольские племена были преобразованы в единое централизованное государство – Монгольскую империю.

В уложении Чингисхана (Яса) были прописаны государственные механизмы управления общественным строем созданной Монгольской империи. Но главное место в своде законов занимали уложения об организации военного дела у монгольского народа-войска. Именно прописанные принципы, но не частности, организации и применения военной силы стали основой обретения правителем и полководцем Пути, познания Неба, Земли, Закона войны и становления личности Полководца.

Принятая монгольским народом Великая Яса стала для него (народа) залогом его безопасности, процветания и мощи, а все приемники великого Чингисхана подтверждали законность Ясы. И пока народ-войско и его правители придер-

живалось установленных Чингисханом правил в организации и применении своего войска, он (народ) был непобедим, а империя оставалась великой!

Военно-политический гений первого великого хана Монгольской империи состоял не только в его личном познании всей полноты духовной стороны военного искусства и реализации ее канонов с соответствующими стратегией и тактикой ведения войны на практике, но, самое главное, в создании им (Чингисханом) условий внутри армейского организма, в рамках которых происходил процесс аккумуляции военных знаний и передача боевого опыта следующему поколению воинов и командиров, то есть создание полноценной школы военного искусства с эффективным кадровым отбором.

Комплексный подход к организации военного дела и работа на перспективу – вот что отличало Чингисхана не только от его оппонентов из числа современников, но и от отдельных ярких проявлений полководческого гения в войнах и военных конфликтах на протяжении еще долгих столетий в мировой истории.

Успех Великого западного похода монголов 1236–1242 годов, совершенного спустя десять лет после смерти Великого хана, является ярким примером проявления преемственности в теории и практике применения военной силы – связи между поколениями как самих чингизидов, так и между старой и новой генерациями монгольских командиров и ря-

ДОВЫХ ВОИНОВ.

Конечный результат противостояния кочевой армии монголов и коалиционных сил Европы в 41 году XIII века четко зафиксировал в мировой истории ущербность военной мысли, царившей тогда в умах европейских феодалов и королей.

Суровый урок, который преподнесли монголы-кочевники европейцам, не всеми будет усвоен. Наибольшую выгоду из боевого опыта монголов вынесет народ Древней Руси, который, как это ни странно, не только понес наибольший урон от нашествия кочевников, но и смог извлечь из поражения большую выгоду в долгосрочной перспективе.

Народу Древней Руси, благодаря военно-политическим связям с монголами, удалось сохранить свою культурно-религиозную идентичность и развить свое собственное военное искусство, что позволило разрозненным русским феодальным княжествам сначала возродиться в новом централизованном русском государстве, а потом и вовсе вывести себя в ранг империи.

Благодаря историческим процессам XIV века произойдет взаимопроникновение культур в границах географической полосы соприкосновения оседлого и кочевого народов, в результате чего в русской среде юго-восточной Руси произойдет ассимиляция части тюркского населения. И, естественно, что кочевая культура внесет свои коррективы в жизнь славян, особенно это будет заметно в организации уклада жизни в лесостепной зоне и в военном деле.

В дальнейшем вследствие изменений, произошедших в Западном монгольском улусе, в приграничье южнорусских земель зародится новый субэтнос – вольное казачество, основой организации которого станет православное христианство.

Из-за того, что наследники Чингисхана забыли его заветы, Монгольская империя очень быстро распалась сначала на отдельные улусы, которые потеряли связь друг с другом, а затем вследствие того, что наследники Чингисхана пренебрегли незыблемыми правилами во внутренней политике в отношении религиозного вопроса, с исторической сцены сошли и сами монгольские улусы.

В нашем случае, благодаря культурно-религиозным изменениям в Западном улусе, уже во второй половине XIV века тюркское православное население было вынуждено прижаться к западной приграничной полосе, где проживал славянский православный народ Руси. Именно на стыке Древней Руси и Великой Степи появилось такое этническое явление, как казачество, которое ввиду сложной военно-политической обстановки приграничья стало представлять собой новый народ-войско, в котором, помимо общекультурного слияния, нашла свое отражение и эволюция в военном деле.

Рожденный субэтнос как губка впитал в себя все самое лучшее из европейской и степной военных школ, благодаря чему здесь на протяжении нескольких веков, будет происходить аккумуляция нестандартности и асимметричности

в военном искусстве. А вольный образ жизни нового субэтноса и агрессивная внешняя среда пограничья позволили казакам не только сохранить накопленный опыт иррегулярной организации и применения военной силы, но и передать своим потомкам (наследникам) все самое лучшее из собственной военной школы, основанной на асимметричном и нестандартном подходе в теории и практике ведения военной кампании и боевых действий.

Таким образом Древняя Русь, с точки зрения обретения в военной культуре, оказалась в выигрышном положении по сравнению со всеми своими соседями. В ореоле обитания русского люда теория и практика применения военной силы развивалась сразу по двум направлениям.

В границах централизованного Московского государства, нового центра возрождения Руси, военная машина жила в рамках общепринятой концепции, а в так называемых вольницах военное дело развивалось по собственным законам под влиянием внешних агрессивных факторов социальной и экономической модели жизнедеятельности населения свободного региона.

Эти две военные системы часто враждовали между собой во время народных волнений, но в общей динамике развития возрожденного централизованного государства регулярная государственность и иррегулярная вольница научились существовать во взаимодействии друг с другом, когда взаимные вызовы принуждали к объединению государственной

и иррегулярной силы единого православного народа для решения конкретных военно-политических задач при охране и обороне приграничья и освоении новых земель.

В историческую эпоху собирания русских земель, а затем и освоения новых территорий, сложились необходимые и достаточные условия, в которых естественно (не системно) формировалась и сохранялась на протяжении длительного времени гибридность в организации и применении военной силы.

Однако первые записи в пользу системного и комплексного подхода к гибридной организации военного дела стали появляться в русской военной школе лишь в период осмысления опыта войны 1812 года героями той войны.

Именно во время отражения агрессии коалиционной армии Европы, ведомой Наполеоном, русские военачальники успешно применили комплексную схему применения военной силы, организованной по образцу регулярной – классической военной школы и по образцу иррегулярного воинства.

Инициатива такого подхода к военному делу исходила от отдельных командиров – офицеров русской армии из низших эшелонов военной иерархии, благодаря активности которых главнокомандующий русской армией М. И. Кутузов решился на судьбоносные изменения в стратегии и тактике ведения военной кампании 1812 года.

Тогда русская военная школа проявила достаточную гиб-

кость в процессе управления своими силами, что позволило русской армии очистить свою территорию и полностью уничтожить армию Наполеона.

В момент наивысшей опасности, нависшей над государством, высшее военное руководство взяло на себя ответственность и своевременно внесло соответствующие коррективы в концепцию организации военной силы, стратегию и тактику ведения всей кампании и боевых действий по ходу войны, которую, по европейским канонам, выигрывал Наполеон.

Но этой теме будет уделено большее внимание во второй части данного исследования после анализа цепочки знаковых военно-исторических событий, отделявших XIII век от XIX века. А пока вернемся к событиям на европейском театре военных действий первой половины XIII века, когда монгольская военная сила и коалиционные силы европейцев вошли в открытое противостояние друг с другом.

Следует особо отметить, что к моменту вторжения экспедиционного корпуса Батый-хана на западной стороне было все, чтобы организовать успешное отражение внешней агрессии. Это и знакомая география местности, и войско западного образца, и войско степного – кочевого типа в лице половецких переселенцев, и находящаяся на высоком уровне мотивационная составляющая европейцев, градус которой был подогрет и удерживался на протяжении долгого времени благодаря религиозному фанатизму, царившему тогда

в европейском католическом обществе.

Всеми этими плюсами могли бы более рачительно воспользоваться европейские военно-политические элиты и организовать достойное сопротивление разделенным монгольским силам, в комплексе используя преимущества рыцарского и степного войска, действуя в едином замысле военной кампании в целом и локальных сражений по отдельности в границах Европейского театра военных действий.

Но в среде тогдашних европейских элит так и не нашлось, наверное, самого главного – личности или группы лиц, чьи профессиональные и морально-волевые качества позволили бы организовать эффективную оборону своих земель, то есть умело воспользоваться всем тем, что было у них под рукой на момент вторжения монгольских войск в пределы Европы.

Среди всех европейских князей и рыцарей первой половины XIII века не нашлось полководца, чей военно-политический гений мог бы сравниться с уровнем профессиональной подготовки полководцев прошлого, как, например, греческого стратега Мильтиада, греческого полководца и историка Ксенофонта, фиванского полководца Эпаминонда, царя Македонии и выдающегося полководца Александра Македонского, карфагенского полководца Ганнибала, римского консула и военачальника Л. Лукулла, руководителя восстания гладиаторов и рабов в Италии фракийца Спартака, парфянского спяхбеда Сурены, не говоря уже о профессиональ-

ном соответствии евро-рыцарей монгольским военачальникам чингизидовой военной школы.

В общем, по итогам противостояния Европы и Великой Степи периода 1240–1241 годов можно констатировать комплексную отсталость западноевропейской военной школы от военного искусства кочевой армии, основанной великим Чингисханом.

Все принципы, заложенные им и его сподвижниками в концепцию организации и применения военной силы в первой половине XIII века, будут на деле доказывать свою актуальность в будущих военных конфликтах и в XX, и в XXI веках.

Во второй половине XIII века в Западноевропейских государствах феодальная модель организации и применения войска приготовилась уступить свои права новой – старой концепции. Катализатором для этого процесса стали политико-экономические изменения в жизни народов, населявших Европу, смена политических элит, появлению которых способствовала смена экономической модели в социуме.

Таким образом, мы зафиксировали позиции в мире военного искусства позднего средневековья и подошли к границам XIV века, во временных границах которого произошел ренессанс Античной военной школы в Западной Европе.

Продолжение следует.

29.05.2019 г.